ДМИТРИЙ РОГОЗИН

ЯСТРЕБЫ МИРА

ДНЕВНИК РУССКОГО ПОСЛА

АНФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известный политик, посол России в НАТО Дмитрий Рогозин делится своими оценками людей и событий, которые формировали новейшую историю постсоветской России и в которых принимал участие сам автор. Он открывает читателю тайны политических противостояний, призывает заглянуть в глаза двух страшных чеченских войн, вооруженных конфликтов в Приднестровье, Боснии и Южной Осетии, терактов и захватов заложников, рассуждает об отношениях России и Запада.

Книга адресована политикам, историкам, дипломатам, экспертам, профессиональным военным и будет интересна широкому кругу читателей.

- Дмитрий Рогозин
  - Вместо предисловия
  - Повесть временных лет
  - Накануне
  - Дворянское гнездо
  - Мои университеты
  - Мертвые души
  - Преступление и наказание
  - Бесы
  - Упырь
  - Униженные и оскорбленные
  - Севастопольские рассказы
  - Обманщик-газетчик и легковерный читатель
  - Помпадуры и помпадурши
  - Повесть о том, как один мужик двух генералов кормил
  - Воскресение
  - Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем
  - Медведь на воеводстве
  - Хаджи-Мурат
  - Кавказский пленник
  - Враги
  - Бедные люди
  - Каменный гость
  - Записки из мертвого дома
  - ТАРАС БУЛЬБА
  - Мой ласковый и нежный зверь
  - Игрок
  - Герой нашего времени

- Война и мир
- Медный всадник
- Отцы и дети
- Идиот
- Дуэль
- Пир во время чумы
- Ревизор
- На холмах Грузии…
- Горе от ума
- Эпилог
- Об авторе

Дмитрий Рогозин
Ястребы мира. Дневник русского посла

Вместо предисловия

Спустя полтора года после моего приезда в Брюссель в качестве постоянного представителя России при НАТО я решил ответить на многочисленные просьбы моих новых русских и европейских друзей и поделиться впечатлениями о новой работе. В итоге получилась эта книга. Я описал в ней людей и события, которые формировали новейшую историю постсоветской России — от трагического распада Советского Союза до войны на Южном Кавказе. Я описал то, что считаю важным и без чего невозможно понять недавнее прошлое и увидеть скорое будущее величайшей мировой державы. По крайней мере я предоставляю читателям редкую возможность взглянуть на русскую историю русскими глазами. Книга получилась правдивой и в чем-то даже злой. Не скрою, будучи непосредственным участником описанных в книге событий, я даю свои субъективные оценки поведения конкретных политиков современной российской и европейской эпохи. Кому-то эти оценки покажутся излишне эмоциональными, кому-то — и вовсе неполиткорректными. Заранее прошу прощения. Это все наша дурная русская привычка: негодяя называть негодяем, а героя — героем.

Я дал книге имя «Ястребы мира». Действительно, почему-то принято считать, что делом мира могут заниматься только «голуби» — прожженные циники, изображающие из себя «миротворцев». Но, наблюдая за «пернатыми в политике», я обнаружил, что как раз «голуби», а вовсе не «ястребы» приносят несчастье народам и миру.

В наше жестокое и опасное время делом мира должны заняться «ястребы» — люди высокого полета, с твердыми принципами, гражданскими взглядами, жесткой волей и неиссякаемой энергией. Только тогда наши дети смогут спать спокойно, ибо ястреб ястребу глаз не выклюет.

Я искренне надеюсь, что благодаря этой книге читатель будет сопереживать новой русской драме, откроет для себя тайны расстрела российского парламента в 1993 году, заглянет в глаза двух страшных чеченских войн, вооруженных конфликтов в Приднестровье, Боснии и Южной Осетии, а также теракта против бесланских детей и их родителей.

Совпадения названий глав этой книги с выдающимися произведениями отечественной литературы не случайны. Те, кто воспитан на русской классике и интересуется собственной историей, не могут не обнаружить сходства событий и портретов, знакомых нам и по жизни, и по литературе.

Эта книга о добре и зле, творимом людьми. О самопожертвовании и героизме простых людей и непростой судьбе России, прокладывающей себе дорогу сквозь непролазные чащи мировых интриг. Эта книга о наших больших ошибках и первых маленьких победах. И это история моей жизни, которая так драматично связана с жизнью моего народа и моей страны. Здесь каждое слово — правда. Пусть все узнают то, что знаю я.

Я открываю вам Россию — ту единственную, которую люблю.

Повесть временных лет (1985–2009)

1985

Март— после смерти генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и двух сменивших его престарелых наследников новым советским руководителем становится Михаил Горбачев. Он объявляет о начале перестройки — реформ советской системы. Как оказалось, начав эти реформы, Горбачев не представлял себе их цели и последствий. Масштаб его личности не соответствовал масштабу начатых им преобразований, что привело к стихийному развалу Советского Союза.

1990

Июнь— парламент России принимает Декларацию о государственном суверенитете, дающую правовое основание для распада СССР.

1991

Март— Михаил Горбачев проводит всесоюзный референдум за сохранение «обновленного СССР». Однако процесс развала союзного государства выходит из-под контроля Кремля. Повсюду идут локальные столкновения армии и милиции с активистами сепаратистских движений.

Июнь— жители России в составе СССР впервые избирают своего президента. Им становится карьерный коммунистический функционер Борис Ельцин.

Август— группа высокопоставленных советских функционеров объявляет о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и временно отстраняет от власти Горбачева, заблокировав его на государственной даче в крымском Форосе. В Москву вводится тяжелая военная техника. Противники хунты собираются вокруг здания российского парламента. В итоге трехдневного противостояния путчисты сдаются и заявляют о своем поражении. Горбачев, проявивший

себя как безвольный и недееспособный руководитель, дискредитирован. Ельцин — на пике своей популярности.

Сентябрь— государственный переворот на юге России — в Чечне. Исламисты захватывают власть.

Сентябрь— начало армяно-азербайджанского вооруженного противостояния на Южном Кавказе за принадлежность азербайджанской провинции Нагорный Карабах, заселенной преимущественно армянами.

Декабрь— руководители России, Украины и Белоруссии заявляют о выходе из состава СССР, денонсации договора о его образовании и образовании Содружества независимых государств.

1992

Апрель— ультранационалистическое руководство Молдавии требует аншлюса с Румынией. Левобережная Молдавия в знак протеста объявляет об образовании Приднестровской молдавской республики. Войска и полицейский спецназ официального Кишинева при поддержке румынских волонтеров атакуют города Приднестровья. Начинается трехмесячная гражданская война, завершившаяся разгромом молдавско-румынских воинских и полицейских частей. Окончательное поражение планам румыно-молдавской вооруженной группировки наносит 14-я российская армия под командованием генерала Александра Лебедя. Приднестровье заявляет о своей государственной независимости.

Июль-август— неонацистское грузинское руководство во главе со Звиадом Гамсахурдиа бросает отряды головорезов, состоявшие из выпущенных из тюрем уголовников, на усмирение Южной Осетии и Абхазии, отказавшихся присоединяться к суверенной Грузии. Несмотря на численное превосходство, хорошо вооруженные грузинские отряды терпят поражение. Гражданская война сопровождается потоками беженцев.

1993

Март— в России инициируется объединение самодеятельных организаций русских общин и союзов русских переселенцев в Конгресс русских общин.

Апрель— резкое обострение борьбы за власть между парламентом России и президентом Ельциным.

Сентябрь-октябрь— Ельцин объявляет о роспуске

парламента. В свою очередь Конституционный суд России заявляет о незаконности его указа, а парламент отрешает Ельцина от власти. Противостояние постепенно выливается в уличные стачки, столкновения и расстрел 3 октября митингующих сторонников парламента у здания телецентра «Останкино». В Москву вводятся войска. По приказу Ельцина очаги сопротивления в парламенте подавляются артиллерийским обстрелом его здания из танковых орудий. На улицах Москвы сотни убитых и раненых.

1994

Ноябрь— начало первой войны в Чечне.

Декабрь— штурм Грозного в новогоднюю ночь. Гибель Майкопской мотострелковой бригады Вооруженных сил РФ.

1995

Июль— бандитский рейд боевиков Басаева на ставропольский город Буденновск, захват заложников в родильном доме и городской больнице.

Сентябрь— генерал Александр Лебедь участвует в парламентских выборах по спискам Конгресса русских общин.

1996

Июнь— занявший третье место на выборах президента России генерал Лебедь принимает предложение Бориса Ельцина возглавить Совет безопасности России.

Август-сентябрь— завершение первой чеченской войны. Федеральные силы покидают республику. В Грозном утверждается криминально-исламистский режим.

1998

Июнь— Государственная дума создает Комиссию по импичменту Ельцина. Ему предъявлено обвинение по пяти пунктам, в том числе по измене Родине и преступной халатности, приведшей к войне в Чечне. В результате проведенной администрацией президента работы Госдуме не хватило всего

нескольких голосов для начала процедуры отрешения Ельцина от власти.

Август— финансовый коллапс в России, руководство страны объявляет дефолт. Председателем правительства России назначен авторитетный в стране и мире политик Евгений Примаков.

1999

Апрель-май— агрессия НАТО против Югославии. Россия в знак протеста разрывает на три года отношения с Североатлантическим альянсом. Премьер Примаков прерывает свой официальный визит в США, разворачивает над Атлантикой правительственный самолет и возвращается в Москву.

Июнь— 200 российских десантников совершают ночной марш-бросок из Боснии в Косово и, опередив передовые силы НАТО, занимают аэропорт Приштины.

Август— несколько тысяч исламских боевиков, в том числе наемники из арабских стран, атакуют северокавказскую республику Дагестан. Премьер-министром России назначается мало кому известный Владимир Путин, директор ФСБ. Террористы подрывают жилые дома в Москве и ряде городов России — сотни погибших мирных жителей. Начало второй чеченской войны, в которой исламисты терпят полное поражение. На сторону федеральных сил переходит часть бывших боевиков, в том числе муфтий Чечни Ахмад Кадыров, которого вскоре избирают президентом республики.

Декабрь— добровольная отставка Бориса Ельцина.

2000

Март— президентом России избирается Владимир Путин.

Апрель— российская парламентская делегация в Совете Европы отбивает атаки радикально настроенных европейских депутатов — политических сторонников кавказских исламистов и в знак протеста против ущемления ее прав покидает зал заседаний.

Август— гибель атомной подводной лодки «Курск», по некоторым версиям — в результате столкновения с иностранной подлодкой. Погибают 118 моряков.

2002

Май— примирение России и Североатлантического альянса, осознавших необходимость сотрудничества. Подписание Римской декларации о создании Совета Россия-НАТО.

Октябрь— захват чеченскими террористами в заложники нескольких сотен зрителей мюзикла «Норд-Ост» в Москве. Освобождение заложников силами спецназа.

Часть заложников погибает в результате применения усыпляющего газа.

Ноябрь—Россия и Европейский союз договариваются о порядке транзита российских граждан из Калининградской области через территорию Литвы и внесении соответствующих поправок в Шенгенское соглашение.

2003

Декабрь— сенсацией парламентских выборов в России становится неожиданный успех новой политической силы — блока «Родина». В Думе впервые сформирована патриотическая альтернатива партии власти.

2004

Март—Владимир Путин избирается президентом России на второй срок.

Август—чеченские террористки-смертницы синхронно уничтожают в воздухе два пассажирских самолета. Погибает около 90 пассажиров.

Сентябрь— группа террористов захватывает школу в осетинском городе Беслан. В заложниках — более тысячи детей и их родителей. Погибает более 350 человек.

Декабрь— победа «оранжевых» в Киеве. Президентом Украины становится ультранационалист Виктор Ющенко, активно поддержанный Западом в пику России. Фактически это политический раскол украинской политической элиты и общества. Начало политического и энергетического кризиса между Москвой и Киевом.

Запад активно разыгрывает карту «евроатлантического будущего» Грузии и Украины.

2005

Август— президент Владимир Путин выдвигает четыре национальных проекта, направленных на укрепление социальной политики в России. Ответственным за их реализацию назначен глава его администрации, а чуть позже — первый вице-премьер Дмитрий Медве-! дев. Вскоре он будет официально объявлен преемником и кандидатом на выборах президента России от существующей власти.

Декабрь— скандальное снятие с выборов в московский парламент фаворита избирательной гонки — партии «Родина».

2006

Апрель— несмотря на разгром партии «Родина», президент поддерживает идеи разработанной ею программы «Сбережение народа», направленной на разрешение комплекса демографических проблем России. Владимир Путин называет ее «главным национальным проектом».

2008

Февраль— Кремль выразил категорическое несогласие с решением ведомых США стран провозгласить независимость Косово, несмотря на протесты Сербии.

Март— президентом России избран Дмитрий Медведев.

Май—новый глава государства представляет Думе кандидатуру Владимира Путина для утверждения его председателем правительства России. Формируется политическая система с двумя центрами власти.

Август— президент Грузии Михаил Саакашвили отдает своим вооруженным силам тайный приказ напасть на блокпосты российских миротворцев в Южной Осетии и подвергает в ночь с 7 на 8 августа спящую столицу этой республики артиллерийскому и ракетному обстрелу. Спустя два часа после начала военных действий Кремль принимает решение оказать жителям Южной Осетии, в большинстве своем гражданам России, военную помощь и вызволить оставшихся в живых миротворцев. Североатлантический альянс предпочитает не вмешиваться напрямую в вооруженный конфликт, но обвиняет Россию в «непропорциональном применении силы». В ответ Москва приостанавливает политическое и военное сотрудничество с НАТО и признает независимость Абхазии и Южной Осетии.

2009

Апрель— юбилейный саммит НАТО в Страсбурге принимает решение восстановить контакты с Россией без всяких предварительных условий.

Август— НАТО оказывает помощь России в поиске захваченного пиратами сухогруза «Арктик-Си» с российским экипажем на борту. Благодаря информации, полученной от Штаба Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, российский сторожевой корабль «Ладный» перехватывает угнанное судно в нескольких сотнях миль от западного берега Африки.

Сентябрь— новый генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен высказывается за выстраивание с Россией стратегических партнерских отношений.

Октябрь— обнародован доклад Комиссии ЕС о причинах и виновниках конфликта в августе 2008 года. Грузия названа агрессором и нарушителем международного права. НАТО предпочла «не заметить» выводы Комиссии ЕС.

Накануне

Политикой я стал интересоваться еще в юности. Мой отец — Олег Константинович Рогозин, генерал-лейтенант, доктор технических наук и профессор, до выхода в отставку занимал высокие должности в Министерстве обороны СССР. Будучи заместителем начальника Службы вооружения, в 1980-е годы он практически руководил всей оборонной наукой страны и привил мне интерес к военным делам.

Наш дом был вечно полон интереснейшими людьми — генеральными конструкторами ведущих фирм, крупными учеными и военачальниками. Как правило, мама накрывала стол на кухне или в гостиной, и я становился невольным слушателем увлекательных бесед отца с гостями.

Говорили не только о военных делах: программе вооружений, новейших разработках систем оружия (в эти моменты отец отправлял меня под благовидным предлогом куда-нибудь сходить и что-нибудь принести), но и о ситуации в стране, которая становилась все тревожнее.

Отец и его коллеги откровенно недолюбливали партийных демагогов и высших руководителей КПСС, которые с 70-х годов один за другим впадали в маразм. Я чувствовал, что между кадровыми военными и учеными, с одной стороны, и партийным руководством Вооруженными силами СССР — с другой, постоянно тлел конфликт, порожденный диаметрально противоположными подходами к обеспечению безопасности страны.

Дряхлеющие рептилии Политбюро настаивали на достижении «стратегического паритета» между Советским Союзом и США, который понимался ими как математическое равенство «мускулов»: танков, пушек и особенно стратегических ядерных сил, развернутых двумя сверхдержавами друг против друга.

Отец и его друзья-ученые считали иначе. С их точки зрения, безопасность страны вовсе не требовала равного количества смертельного железа, на изобретение и производство которого были брошены лучшие силы науки и промышленности СССР. В конечном счете именно гонка вооружений — бессмысленная, поставленная на поток «штамповка» гор оружия, причем морально устаревшего и пригодного разве что для ведения грандиозных танковых сражений образца Второй мировой войны, истощила экономику, создала дефицит самых необходимых товаров, деморализовала советское общество и привела политический строй и советскую государственность к летальному

исходу.

Возможно, кремлевские старцы и уже немолодые руководители военного ведомства, многие из которых застали последнюю войну и прошли сквозь ее огненные годы, не могли избавиться от так называемого «сталинского синдрома». Вооруженные силы и военная промышленность Советского Союза в первые месяцы гитлеровской агрессии 1941 года оказались не готовы отразить натиск немецкой армии именно из-за стратегических просчетов политического руководства страны. Тогда ставка делалась не на формирование тяжелых танковых и моторизованных бригад, которые могли бы сдержать наступление вермахта, а на легкие танки и даже конницу! Такое, кстати, часто бывает: старое военное руководство все время готовится к прошлой войне. «Обжегшись на молоке», Политбюро «дуло на воду», требуя от промышленности и в целом всей советской экономики все большей милитаризации.

Мой отец и его товарищи думали по-другому, жестко отстаивая свою позицию. Суть ее сводилась к следующему: вместо доктрины «стратегического паритета», разоряющего страну и ее граждан, следовало немедленно перейти к стратегии сдерживания.

Такая стратегия предполагает возможность ответных действий, способных нанести противнику ущерб, заведомо превосходящий «выигрыш», ожидаемый агрессором от развязанной им войны. Объясняя мне, еще школьнику, смысл этой стратегии, отец говорил: «Представь себе двух бойцов. Один из них, самый крупный и мощный, вооружен пулеметом. Другой держит в руке всего лишь пистолет. Но фокус в том, что и пулемет, и пистолет нацелены точно в сердце противника и, более того, механически связаны друг с другом своими спусковыми крючками. Выстрелит один — автоматически выстрелит и другой. Погибнут оба. И неважно, что громила погибнет от прямого попадания одной пули, а его противник получит в сердце всю очередь пулемета. Погибнут оба».

В качестве доказательства своей правоты отец часто приводил пример Карибского кризиса. Тогда Советский Союз примерно в 17 раз уступал Америке в количестве ядерных ракет и атомных бомб, тем не менее этого соотношения было более чем достаточно, чтобы удержать Вашингтон от развязывания термоядерной агрессии и мировой катастрофы.

Вашингтонские ястребы понимали: да, США могут многократно уничтожить весь Советский Союз, сжечь дотла всю Евразию, но способность врага нанести ответный удар, риск «возмездия из могилы», который приведет к уничтожению 20–25

крупнейших американских городов, — это та цена, которую американцы заплатить были не готовы.

Собственно, в этом и суть «стратегии сдерживания», в основе которой лежит принцип «оборонительной достаточности». Это означает, что миролюбивое государство не нуждается в излишках оружия — такого оружия должно быть ровно столько и оно должно быть по качеству таким, чтобы в случае агрессии нанести любому обидчику неприемлемый для него ущерб. Если агрессору об этом заранее будет известно, то, рискуя получить сдачу, в драку он уже не полезет. Для обеспечения надежной безопасности «стратегический паритет» не нужен. Достаточно иметь в кармане холодный кастет, чтобы остудить врага.

Сейчас уже очевидна безусловная правота такой позиции. Если бы эти идеи были тогда реализованы, то, уверен, большое государство не распалось бы, а гражданская наука и индустрия, пользуясь наработками высокотехнологичной оборонной промышленности, наладили бы выпуск современной и конкурентоспособной продукции в самых разных отраслях.

Возможно, читатели, воспитанные в западной традиции, воспримут мои переживания с иронией. Ведь граждане стран Запада в своем большинстве восприняли исчезновение государства под названием СССР с чувством глубокого облегчения. Да, мы слишком долго жили в противостоянии, нагородили кучу мифов друг о друге и в конечном счете в эти мифы поверили. На Западе боялись Советского Союза, верили в возможность вторжения Красной армии, следили за «бесстрашной борьбой» советских диссидентов с КГБ, но… для меня Советский Союз был страной, где я родился, получил воспитание и образование. Для таких, как я, молодых советских парней и девушек всегда существовала альтернатива. Она состояла в избавлении от присущих коммунизму идиотизмов, всеобщей подозрительности и зашоренности при сохранении большой многонациональной страны.

Развал страны, в которой мы жили, для меня и всего моего поколения — это трагедия, ответственность за которую несут высокопоставленные коммунистические демагоги. Именно они, а не народы выиграли от разрушения большой страны. Именно они сумели использовать свои властные полномочия для того, чтобы быстро прибрать себе всю бывшую советскую государственную собственность. Именно из этих воров и предателей, а также их детей и внуков сформировался позорящий мою Родину класс олигархов, удивляющий Европу и Америку своей расточительностью и дурным воспитанием. Ведь деньги, которые легко достались, легко и уходят.

Мою большую страну можно было спасти. Но судьба СССР сложилась иначе. И материальный фактор — сложности экономического положения Советского Союза — оказался вовсе не на первом месте в развале державы.

СССР убили не пустые прилавки магазинов, не козни агентов 007, не бессмысленные инсценировки диссидентов, боровшихся не за правду, а за право стать известными политэмигрантами на Западе, и даже не тупая фальшь советской пропаганды. Несмотря на все проблемы в организации военного дела, наши Вооруженные силы разгромили бы любого неприятеля, если бы он покусился на суверенитет советского государства.

Войну проиграли не командиры, а политические демагоги и проходимцы. Нация была предана руководством КПСС, коммунистическими бонзами, построившими «коммунизм» лично для себя и презиравшими свой народ и его наивную веру в «светлое будущее». Многие из них, желая сохранить свою власть, лично возглавили шовинистические сепаратистские движения и спровоцировали потрясения конца 1980-х — начала 1990-х годов, приведшие к распаду государственности.

Моральное разложение руководства КПСС привело к выдвижению на первые роли Михаила Горбачева и других «архитекторов перестройки», которые выгодно отличались от предыдущего поколения вождей умением самостоятельно перемещаться. Бессмысленное щебетание нового генсека, не способного управлять столь сложным государством в кризисное время, было зловещей приметой надвигавшихся бурь.

Глядя на Горбачева, я осознал, насколько велика роль личности в истории. Сильный, полный решимости, ответственный национальный лидер, несмотря на остроту проблем, поразивших национальную политику и экономику СССР, без сомнения справился бы с угрозой развала Союза. Лидер тем и отличается от высокопоставленного баламута, волей случая вынесенного на политический Олимп, что он точно знает, чего он желает добиться, и последовательно идет к поставленной цели, используя все необходимые средства для ее достижения.

Любопытно, что в последнее время недоброжелатели нового американского президента Барака Обамы часто сравнивают его именно с Михаилом Горбачевым. Они вспоминают, что после либеральных реформ Горбачева в 1991 году Советский Союз развалился, и ждут, что политика Обамы приведет США к краху. То есть получается, что Горби любят на Западе именно за то, за что его критикуют, а некоторые и ненавидят в России.

Интересен на сей счет распространенный Белым домом комментарий некоего анонимного источника, который,

полемизируя с тезисом, что, мол, «Америке нужна своя собственная перестройка», заметил: «Если речь идет о необходимой модернизации отдельных элементов политики США, то такая постановка вопроса актуальна. Если же речь идет о том, что президент Обама начнет реформы, не зная, чем они закончатся и к чему приведут, то такое сравнение с Горбачевым неуместно». Ну вот вам и ответ, что на самом деле думают о Горбачеве те, кто организует ему пышные приемы на Западе.

Я отчетливо помню череду роскошных, парадных похорон Брежнева, Андропова, Суслова, Пельше. Однажды, году в 84-м, я увидел в программе «Время» задыхающегося от какой-то легочной болезни нового генсека Черненко, с трудом читавшего по трясущейся в его руках бумажке какую-то безликую речь. Какая тоска, безнадега охватила всю мою душу! Неужели эти невзрачности будут сменять друг друга вечно, а их похороны станут главной достопримечательностью моей страны?

И вдруг я увидел новое, свежее лицо. Он улыбался, дышал ровно, пытался шутить. В 1985 году, придя к власти, Горбачев располагал всеми необходимыми рычагами для обновления и укрепления страны. В его распоряжении находились армия и КГБ. На них он всегда мог опереться, если бы решился изъять из руководства КПСС воров и предателей страны.

Под его началом находились современные производственные кадры и академическая научная школа с мировой репутацией. Они были способны принять и поддержать призыв к разумной конверсии оборонно-промышленного комплекса и военной науки. Модернизация гражданской промышленности на основе научных изобретений и технологий оборонки позволила бы в кратчайшие сроки снять социально-экономическую напряженность в стране и глухое недовольство в народе по поводу пустых прилавков.

Призыв талантливой и патриотически настроенной молодежи в структуры правящей партии и правительства обеспечил бы лояльность нового поколения граждан заявленным целям развития нации. В случае мятежа старой номенклатуры лидер мог бы напрямую обратиться к нации за поддержкой. И она была бы оказана мгновенно и повсеместно.

И самое главное. Взамен исчерпавшим свой потенциал лозунгам построения коммунизма, в идею которого на тот момент мало кто уже верил, надо было предложить новую доктрину, сформированную на основе идеологии национальных интересов и демократических свобод. Нужно было решительно отказаться от так называемой ленинской национальной политики, предполагавшей право нации на самоопределение вплоть до отделения, и создать, наконец, единый в политическом

и гражданском смысле народ.

В СССР только у русских не было такого права. Территория Советской России то и дело использовалась для наделения землей очередных «братских народов», от имени которых выступала шовинистически настроенная коммунистическая бюрократия. В печальном 1954 году обильно политый русской кровью Крымский полуостров был великодушно «подарен» политическим клоуном и самодуром Никитой Хрущевым Украинской советской социалистической республике — своей «исторической родине». При этом жителей Крыма, да и всей России, коммунистические вожди, естественно, спросить «забыли».

В малых формах изъятие земли у русского народа происходило и внутри самой РСФСР. Например, территория расположенного на Северном Кавказе Ставропольского края, без какого бы то ни было согласия местного русского населения и коренных казаков, неоднократно урезалась в пользу кавказских народов. Кизлярский район вошел в состав Дагестана, Моздокский — в состав Северной Осетии, а Наурский и Шелковской были подарены Чечено-Ингушетии.

Крайние националисты среди коммунистических бюрократов встречались повсеместно, особенно в верхних слоях советской номенклатуры. Ярые антикоммунисты, циники и лицемеры использовали свое членство в правящей партии для своего карьерного возвышения.

Что же касается простых русских людей, то они, наоборот, надеялись на партию власти как на защитницу своих прав в борьбе с национал-сепаратистами. Однако руководство партии состояло либо из безвольных руководителей типа того же «Михал Сергеича», либо из откровенных предателей и хамелеонов, либо из самих национал-сепаратистов, решивших использовать правящую партию для уничтожения союзной государственности и захвата власти на местах. Да и сама организация власти прогнила до основания и не демонстрировала даже намека на способность к реформированию.

Если бы тогда на месте Горбачева стоял национальный лидер иного масштаба, он бы увидел эти тревожные симптомы внутрипартийной гангрены. Наилучшим способом уберечь страну от кровавого распада и формирования на ее осколках примитивных феодальных ханств было бы точечное хирургическое вмешательство для ампутации зараженных тканей. Органам госбезопасности были известны коммерческие грешки партийных боссов. Возможно, они не идут ни в какое сравнение с размахом сегодняшней коррупции, но прегрешений

высокопоставленных казнокрадов перед законом было достаточно, чтобы наказать «партийных вырожденцев» показательно жестко.

Пример бурно развивающегося националистического Китая наглядно демонстрирует, что непримиримая позиция правящей партии и общества к преступности в собственных рядах и даже среди высшего партийного руководства оказывает благоприятное воздействие на укрепление партийной дисциплины, государственное единство и темпы экономического роста.

Ничего этого не было сделано. Противоречивая и слабая натура Горбачева лишь потакала росту центробежных сил. Начались волнения в Нагорном Карабахе, затем вспышки насилия в Грузии, Прибалтике, Узбекистане, далее — везде. Характерно, что первыми жертвами озверевших сепаратистов становились русские мирные жители. Например, внутритаджикской резне между «вовчиками» и «юрчиками» предшествовали массовые расправы в Душанбе и других городах над русским населением. В середине февраля 1990 года исламисты буквально растерзали полторы тысячи русских в Душанбе. Женщин под грохот автоматных очередей и гогот насильников заставляли раздеваться и бегать по кругу на площади железнодорожного вокзала.

Эти леденящие кровь истории, о которых упрямо молчало российское телевидение «во избежание разжигания межнациональной розни», вы и сейчас можете услышать от чудом оставшихся в живых русских беженцев, которые вот уже почти 20 лет пытаются найти кров, гражданство, сочувствие и поддержку у российских бюрократов. Бесполезно. Этим господам и тогда было наплевать на геноцид русского народа, брошенного на произвол судьбы Горбачевым и коммунистами, наплевать и сейчас.

На самом деле все межнациональные проблемы, громко заявившие о себе при первом же ослаблении советского режима, тлели десятилетиями, если не дольше. И напряжение между армянами и азербайджанцами в вопросе принадлежности Нагорного Карабаха, и абхазо-грузинская ненависть, и проблема воссоединения осетинского народа имели свою историю, намного более продолжительную, чем история самого Советского Союза.

Эти конфликты носили скрытый характер. Любая попытка «раскачать лодку» немедленно пресекалась по партийной линии с помощью необходимого репрессивного аппарата КГБ СССР. Когда же эти два стержня — КПСС и Комитет госбезопасности — были выдернуты из плоти межнациональных отношений, все рухнуло на давно уже тлеющие угли взаимной вражды.

Единственной силой, которая своей мощью и авторитетом могла выступить против разгрома союзного государства, был

русский народ.

Да, его элита была либо расстреляна, либо рассеяна в эмиграции в Гражданскую войну 1918–1920 гг.

Да, пришедшее ей на смену молодое поколение сильных и смелых советских юношей и девушек полегло на полях Второй мировой войны. С той войны молодых людей 1923 года рождения вернулось всего три процента!

Да, современным русским людям также отказывали в праве гордиться своей нацией. Как сейчас помню, как наша классная учительница объясняла нам перед встречей с французскими сверстниками, что нельзя называть себя русскими, если спросят, надо говорить, что мы — советские*(nous sommes sovietiques)*.

Тем не менее только русские могли выступить организованно в защиту единого государства. Именно поэтому факты атаки на мирных русских жителей в Закавказье, Прибалтике и Средней Азии тщательно скрывались Кремлем (точно так в свое время Ленин, раскручивая антигосударственные настроения в России во время Первой мировой войны, требовал от пролетарской прессы наложить запрет на всякие публикации о немецких зверствах против русских военнопленных). Горбачев, а затем и сменивший его в Кремле Борис Ельцин справедливо полагали, что правда о катастрофе тысяч вырезанных русских семей может разбудить гнев нации и призвать ее к ответному действию.

Истинный национальный лидер сумел бы опереться на активную моральную поддержку народа. В конце 1980-х годов русские более-менее равномерно проживали на всей территории Советской империи, а значит — могли коллективно выступить в защиту государственного единства.

Решительные меры сильного национального лидера были бы поддержаны массой нерусских народов, желавших сохранить то лучшее, что было в советском строе. Об этом свидетельствуют результаты мартовского 1991 года общенационального референдума в поддержку сохранения СССР, который, несмотря на лукавство горбачевской формулировки, вынесенной на обсуждение, был поддержан абсолютным большинством граждан страны.

…Но национальный лидер, народный вождь, способный взять на себя всю полноту власти в этот критический момент жизни нации и государства, не появился. Господь оставил нас один на один с маразмирующим Политбюро и его болтливым генсеком. И если раньше в русской истории «декабристы будили Герцена», то сейчас все складывалось намного драматичнее: разложение советской власти «разбудило Вия» — антиобщественную и антигосударственную нечисть. Если бы я был сценаристом

фильмов ужасов, я так бы описал ситуацию 90-х годов: «На востоке кровавыми лучами забрезжил политический восход Бориса Ельцина. Казалось, еще немного, массивная дверь Верховного Совета распахнется, и в зал войдет Князь Тьмы. "Поднимите мне веки!" — хрипит царь вурдалаков, и все вампиры, визжа, отталкивая друг друга, прыгают на истерзанную Россию».

Система отбора советских партийных кадров могла выплевывать на самый верх государственной власти только таких серых личностей, как Михаил Горбачев, которого, безусловно, уважают на Западе за развал СССР, но именно за это презирают и даже ненавидят на Родине. Если все же попытаться быть немного справедливым к Горбачеву, то надо сказать, что он не был плохим человеком. Главная его слабость — это слабость (прошу прощения за игру слов). Размах его личности просто не соответствовал размаху преобразований, которые он начал, а потому революция съела своего отца. Совсем другое дело — Ельцин. Своенравный и харизматичныи деспот знал, что творил. Он продал и предал Россию.

Дворянское гнездо

В 1981 году я стоял перед выбором: стать профессиональным спортсменом и поступить в Московский авиационный институт (МАИ), где была классная гандбольная команда (гандболом я занимался профессионально), или сдать документы в Московский государственный университет (МГУ). В пользу МАИ меня склонял отец. Он полагал, что авиационный институт, где еще преподавал мой дед Константин Павлович Рогозин, даст мне не только правильное инженерное образование, но и стартовую площадку для блестящей военной карьеры.

Отец всю жизнь посвятил авиации. Окончив с отличием Оренбургское военное авиационное училище имени прославленного русского летчика Валерия Чкалова, он познакомился с моей мамой — Тамарой Васильевной Прокофьевой, выпускницей местного мединститута. Там, на Южном Урале, в 1953 году родилась моя старшая сестра Татьяна. Семья переехала в Москву. Сначала жили в старом московском квартале на Тишинке, потом получили квартиру на окраине столицы — в одной из московских новостроек — Тушино.

Когда-то мои дед и бабушка жили рядом со Смоленской площадью, где сейчас находится знаменитое высотное здание российского МИДа. Однако в 1941 году бомба, сброшенная с немецкого бомбардировщика, разрушила их дом.

В 13 лет отец сбежал на фронт. Служил юнгой на вспомогательных судах Днепровской флотилии. С тяжелым воспалением легких его доставили домой, но поскольку жить в Москве было негде, семья эвакуировалась в Сибирь — на Алтай. Дед Константин (другой мой дед, Василий, трагически погиб еще в 1935 году, оставив мою маму сиротой в пятилетнем возрасте) с первых дней войны вплоть до 1944 года служил главным инженером на линкоре «Марат». Именно этот прославленный корабль Балтийского флота, подвергаясь постоянным налетам вражеской авиации, своим огнем сдерживал натиск германской армии на блокадный Ленинград.

На военной службе в нашей семье состояли многие поколения моих предков. Прапрадед (дед моей бабки — матери отца) Николай Антонович Миткевич-Жолток окончил 3-е военное Александровское училище, затем Александровскую военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге. Кавалер орденов святых Владимира, Станислава, Анны, а также ордена Белого Орла. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов и Первой мировой войне. В 1908 году назначен полицеймейстером

Московской городской полиции, а в 1912 году произведен в генерал-майоры. Летом 1916 года, вернувшись на армейскую службу, принял деятельное участие в разработке плана знаменитого Брусиловского прорыва.

Большевистский переворот 1917 года мой прапрадед не принял. Он продолжил службу в Штабе Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина, став, таким образом, активным участником Белого движения. К сожалению, узнать подробности его судьбы после 1919 года я не смог.

Там же на Кавказе служил и его кузен, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, — Вячеслав Куприянович Миткевич-Жолток, тоже генерал-майор и (до 1903 года) начальник Штаба Терского казачьего войска.

Сын Николая Антоновича — Борис Николаевич, мой прадед, накануне Первой мировой войны окончил Гатчинскую школу военных летчиков. За храбрость был награжден офицерскими Георгиевскими крестами. После Гражданской войны прадед решил Россию не покидать. Красная армия нуждалась в профессионалах, и Бориса Николаевича пригласили служить «военным специалистом». Летчиком он был, как говорится, от Бога. В армии его сразу оценили по достоинству. Известно, что в конце 30-х годов НКВД плотно занимался его «шпионской деятельностью», но после того, как он получил инфаркт и демобилизовался, от него отстали.

Что касается династии Рогозиных, чью фамилию я ношу по мужской линии, то родом они из-под города Ростова Великого. Сейчас их родовое село Гари находится в Ильинском районе Ивановской области.

Рогозины — потомственные кузнецы-богатыри. Жили зажиточно. Когда большевики пришли к власти, мой дед Константин Павлович со своим отцом и его братьями благоразумно решили покинуть малую родину и переехать в Москву, где проще было укрыться от пристального взгляда комиссаров.

Были в нашем роду знаменитые люди, например боярин Василий Рогозин. Отличился он в русской истории тем, что был верным соратником почитаемого на Руси князя Дмитрия Пожарского, возглавившего вместе с гражданином Мининым народное ополчение за освобождение Москвы от польской интервенции в начале XVII века. Также историки упоминают чугуевского воеводу, боярина Герасима Рогозина и его сына Федора, принимавших активное участие в освобождении Восточной Украины во второй половине XVII века от литовских

оккупантов.

Так что в моем роду были вполне достойные люди.

Мои университеты

Как это ни забавно, но именно я, даже еще не родившись, коренным образом повлиял на карьеру отца. Он мечтал о небе и хотел стать летчиком-испытателем, но мама, будучи беременна мной, категорически этому воспротивилась, и отец был вынужден отступить. Он с отличием окончил Высшую военную авиационную инженерную академию имени Жуковского и с головой ушел в военную науку и разработку новейших систем вооружений.

В семье никто не сомневался, что я продолжу военно-инженерную династию, но уже в старших классах я почувствовал интерес к другому делу — политике и международным отношениям. В 10 классе я вызвался читать перед занятиями всем старшеклассникам и учителям «политинформацию».

Для ее подготовки я выискивал интересные материалы из дипломатических книг, мемуаров полководцев и государственных деятелей и даже с помощью «Радио Свобода» и «Голоса Америки», волны которых я ловил с помощью массивной домашней радиолы.

Выступая перед сверстниками и учителями, я осваивал науку публичного выступления, изобретал приемы аргументации своей позиции перед большой аудиторией, совершенствовал устную речь и учился великому искусству владения Словом.

Только теперь я могу себе представить, что думали обо всем происходящем присматривавшие за мной старые коммунисты — директор нашей французской школы Юлий Михайлович Цейтлин и завуч Иосиф Ефимович Рейзис. В конце концов, наслушавшись моей «политинформации», директор поставил мне в выпускном аттестате по обществоведению «хорошо», хотя в классном журнале по этому предмету у меня всегда стояли одни отличные оценки. За какие вольности в изложении материала наш Цейтлин срезал мне один балл, ума не приложу. Но на выпускном вечере директор проводил меня еще более странной фразой: «Рогозин, а ведь ты не марксист!»

Я не знал, чем это мне может грозить, но почему-то именно после разговора с директором школы решил поступать в Московский государственный университет, и не куда-нибудь, а на международное отделение факультета журналистики. В то время это был настоящий «рассадник вольнодумства».

Отец долго и безуспешно пытался меня отговорить. Он откровенно недолюбливал партийных номенклатурщиков и советских пропагандистов, чьи дети и составляли основную массу студентов элитного «международного отделения» журфака.

Документы принимали только у юношей. Считалось, что не может быть такой профессии — «журналистка-международница». Ведь для жены дипломата, журналиста или легального сотрудника КГБ работу за границей можно было подыскать: учительницей в школе, дежурной в библиотеке или врачом, например. Но что делать, если за границу командируют советскую женщину с мужем в придачу? Куда его-то девать? Как правило, такие мужья оставались на Родине, а КГБ начинало слежку за его удачливой супругой, «как бы чего не вышло с ее моральным обликом». В общем, девиц к нам на отделение брали разве что только по очень большому блату.

Поскольку я был сыном военного, поступить мне так просто не дали. «Срезали» на сочинении, сказав, что, мол, «не раскрыл тему». Что значит «раскрыть тему», знали только те, кто имел монопольное право зачислять на учебу детей «белой кости». Сын военнослужащего в эту элитную когорту, очевидно, не входил. Все остальные экзамены были устные, и сдал я их на отлично, но заветных полбалла мне для поступления не хватало, так как средняя оценка по школьному аттестату у меня была 4,5.

Выручила спортивная кафедра. Кто-то, к сожалению, сейчас уж не помню, подсказал мне обратиться туда, предъявив книжку мастера спорта СССР. На журфак спортсменов брали охотно. Во-первых, честь факультета на студенческих соревнованиях надо защищать, а во-вторых, по окончании можно было податься в спортивные комментаторы. Меня такая перспектива не прельщала, но поступить-то надо бьио! В общем, в сомнительном качестве «тупого спортсмена», не способного, «как все нормальные люди», сдать экзамены, я был зачислен на вечернее отделение факультета журналистики МГУ «с правом посещения дневного отделения».

Увидев мои душевные страдания, отец помог мне устроиться в Редакционно-издательскии отдел Института атомной энергии имени Курчатова и получить справку, что я «где-то работаю», необходимую для представления в деканат. На «птичьих правах» я стал посещать занятия вместе с «испанской группой» международного отделения.

По окончании спецшколы я неплохо изъяснялся по-французски и даже выиграл городской конкурс стихотворного перевода (в то время я увлекался поэзией Поля Верлена). Поэтому я твердо решил выучить именно испанский. Я знал, что в чужом для моей семьи мире международной журналистики мне никто помогать не будет. Как говорится в известной шутке: «Талантам надо помогать. Бездари пробьются сами». Так и я понимал, что пробиваться мне придется самому, а потому нужно владеть теми

иностранными языками и знаниями, с которыми у меня будет больше маневра и меньше влиятельных конкурентов с крутыми папашами. Расчет, как показала моя дальнейшая жизнь, оказался верен.

На третьем курсе я стал факультативно посещать занятия по итальянскому языку, плюс нам добавили в качестве обязательного предмета изучение языка одной из социалистических стран. Я выбрал чешский, хотя правильнее было бы взять сербский. Ровно через десять лет, объезжая в качестве журналиста воюющую Боснию и Сербскую Краину, а затем Македонию и Косово, я многократно жалел о том, что не говорю на языке моих балканских братьев. Впрочем, на войне язык учится быстрее, и уже скоро я перестал испытывать малейшие затруднения в общении с местным населением. Но об этом чуть позже.

После третьего курса обучения факультет журналистики направил своих студентов на практику по стране. Это было мое первое знакомство с Россией. Я попросился в Новосибирск — столицу Западной Сибири, крупнейший научный и промышленный центр за горами Урала. И не пожалел о своем выборе. Как раз в то лето 1983 года новосибирские строители метрополитена перекрывали широкую красивую сибирскую реку Обь метромостом. Мост надвигался с одного берега — постепенно, буквально по паре сантиметров в час. Наверное, только сидящие на берегу неспешные, беззаботные рыбаки могли отметить, как каждый день строители осваивали по метру воздушное пространство над рекой.

Во время практики со мной произошел забавный случай (хотя тогда он мне забавным не казался вовсе). Я искал интересные сюжеты для утренних теленовостей и решил провести ночь вместе с пожарным расчетом. К моей радости и к несчастью погорельцев, мы получили срочный вызов — горело мужское общежитие авиационного завода. Более страшного и завораживающего зрелища я не видел никогда — на фоне кровавого рассвета стояли обгоревшие остовы полностью разрушенного здания. Горячий воздух вперемешку с пеплом образовал душное марево. В общем, картина из голливудского триллера о конце жизни на Земле.

Тогда новосибирская студия новостей использовала в работе французские кинокамеры — о видео (ТЖК — телевизионных журналистских комплектах) уже слышали, но в глаза новой техники еще никто не видел. Поэтому для того, чтобы снять сюжет, нужно было строго экономить на кинопленке (для такого рода работы нам выщавали катушки с 30 метрами дефицитной пленки). Переснять неудачный материал такая технология

возможности не давала. Но тогда я об этом и не думал.

Передо мной стоял вспотевший от борьбы с огнем усатый майор-пожарный. Он был крайне взволнован масштабами воспламенения, но весь собрался, чтобы прокомментировать мне под камеру случившееся несчастье. По ходу интервью я даже не заметил, как этот мой майор грязно выругался с использованием слова «мать». Грубая, нецензурная брань настолько соответствовала случившейся катастрофе, что я счел ненормативную лексику моего собеседника вполне естественной. Я даже этого не заметил и не понял, что он выругался!

Отсняв материал, я с оператором и звукорежиссером что есть мочи понесся на микроавтобусе по ночному Новосибирску — в телецентр. Там пленку извлекли из камеры и отнесли в срочную проявку. Звук, в том числе и голос майора, записанный на аудиопленку, также начали монтировать и синхронизировать на монтажном столе с кинорядом. Никто — ни монтажер, ни выпускающий редактор, — прослушав и просмотрев сюжет, не заметил неладного! В девять утра я, еще не остыв от ночного пожара, расположился на стуле в кабинете руководителя моей практики — главного редактора информационной программы. С замиранием сердца я ждал появления на экране телевизора моего первого «взрослого материала».

…Когда усатый майор закончил свою эмоциональную речь, я был готов провалиться сквозь землю. Главред смотрел на меня, как командир партизанского отряда смотрит на разоблаченного предателя. Не прошло и полминуты, как в кабинете зазвонил телефон. Редактор слабеющей рукой поднял трубку. По разговору я понял, что звонит первый секретарь новосибирского областного комитета коммунистической партии — «шишка номер один» во всей Западной Сибири. Видимо, он тоже просмотрел утренние новости и уже несется к нам, чтобы устроить расправу.

Я сразу сообразил, что в лучшем случае мне светит отчисление из университета, а руководителю моей журналистской практики — строгий партийный выговор. Взяв себя в руки, я рискнул предложить главному редактору попытаться вместе выкарабкаться из этого, скажем так, щекотливого положения. Но главред меня не слышал и только жалобно причитал: «Все пропало! Нам конец!»

Выход был найден. Я предложил срочно найти в студии человека с похожим на майора голосом, записать какую угодно (неважно!) пристойную фразу со словом «мать», вклеить эту фразу в аудиопленку, чтобы синхронизировать ее с артикуляцией пожарного на кинопленке. Плюс сверху наложить всякие шумы (они есть в фонотеке каждой крупной киностудии), чтобы не

чувствовался разрыв в голосе интервьюируемого майора. Так и сделали.

Вся студия в момент превратилась в кишащий муравейник, все сразу забегали, и уже через двадцать минут на монтажном столе мы склеивали наш незадачливый сюжет с придуманной впопыхах фразой «чья-то мать погорела». При чем здесь «чья-то мать» на месте сгоревшего мужского общежития? Это было неважно. Важно было успеть до приезда сановника в телецентр, и мы успели!

Вскоре через окно мы услышали визг тормозов и хлопанье дверью машины. В студию ворвался грозный партийный босс, который сам время от времени отпускал грязные матерные выражения в адрес попадавшихся на его пути журналистов. Когда же он добрался до меня, то посмотрел глазами люцифера и пообещал «пожарить меня без масла». Мы же предварительно договорились делать крайне удивленные лица, будто до сих пор не понимаем причину гнева «большого руководителя». Главред с крайне раздосадованным видом предложил партийному боссу просмотреть вышедший в эфир сюжет еще раз, для того чтобы уяснить, что же ему конкретно в нем не понравилось. Первый секретарь недовольно плюхнулся в кресло и мрачно уставился в монитор.

«Чья-то мать погорела!» — проговорил не своим голосом майор. «Не понял! А ну-ка перемотайте пленку еще раз назад!» — воскликнул старый коммунист. Мы подчинились его требованию и еще раз показали только что состряпанную нами подделку. Босс встал и, пробубнив себе что-то под нос, быстрым шагом покинул помещение. «Слава богу!» — выдохнул редактор и упал в кресло, где только что грозно восседал партийный функционер. Через минуту его кабинет наполнился сотрудниками. Они заговорщически перемигивались, хихикали и довольно потирали руки. Действительно, мы были в миллиметре от грандиозного скандала, мной же и устроенного, но именно благодаря моей авантюрной выдумке его чудом избежали. Вскоре журналисты, окончательно придя в себя, стали хохотать в полный голос. Некоторые избавились от мучительных приступов смеха уже только под вечер. Я же был бесконечно рад тому, что смогу продолжить учебу в МГУ. Чтобы отблагодарить своих старших товарищей, спасших мою студенческую шкуру, я решил накрыть для всей студии стол и закатить пирушку. На том мои небольшие деньги, на которые я планировал дотянуть до конца практики, закончились. Но тут меня еще раз спасла моя смекалка.

В поезде Новосибирск-Москва мне с моим однокурсником Игорем Васильковым (сейчас он работает ведущим на

радиостанции «Сити-ФМ») нужно было как-то продержаться без еды три дня и две ночи. Но голод ждать не умеет. Тогда мы решили пойти на хитрость. Мы пришли в вагон-ресторан и сообщили официанткам и поварихе, что работаем на центральном телевидении и снимаем сюжет о работницах этого поезда. Как ни странно, наивные женщины поверили, что массивный советский фотоаппарат в моих руках — не что иное, как новейшая цифровая видеокамера. Наперебой добродушные женщины всю дорогу давали нам «интервью», а заодно и вкусную еду, что оставалась от посетителей ресторана. Так мы и добрались до Москвы. Мне, конечно, стыдно за тот обман легковерных официанток, но, видит бог, если бы не наша хитрость, страна потеряла бы двух молодых нахалов.

На четвертом курсе меня попытались завербовать в КГБ. Позвонили домой, пообещали интересную работу и предложили встретиться на следующий день у метро «Парк культуры». Я согласился. Честно говоря, я мечтал работать в разведке и просто еле сдерживал переполнявшую меня радость. Будущая жизнь рисовалась мне полной приключений и подвигов. Я был готов согласиться даже на нелегальную работу, тем более что благодаря моей южнорусской внешности, карим глазам, крупному носу, широким скулам и темно-русой шевелюре я мог бы сойти и за испанца, и за серба, и за араба, и за кавказца, и, как шутила моя жена, даже за гигантского японца. В общем, в чертах моего лица как в зеркале отразились все освободительные походы русской имперской армии.

Вскоре меня и мою молодую супругу Татьяну — студентку филологического факультета МГУ, родившую мне на третьем курсе сына, — пригласили в какой-то медицинский центр КГБ для прохождения осмотра и проведения различных психологических тестов. Я предупредил своего вербовщика, что сразу после четвертого курса меня отправят на полугодовую стажировку на Кубу. Я жаждал получить хоть какое-нибудь задание по линии внешнеполитической разведки СССР, стать «нашим человеком в Гаване» и, наконец, принести своей Родине пользу.

Однако все вышло иначе. В Гаване про меня забыли вовсе. Но, оказавшись на Острове свободы, я старался зря времени не терять. Изучая практику работы американских спецслужб, сумевших обеспечить эффективное вещание своей радиостанции на Кубу, я собрал интереснейший материал и подготовил на его основе дипломную работу на тему «Психологическая война США против Кубы». Там же в Гаване я написал еще одну дипломную работу об оборонной политике Франции — «Парадоксы президента Миттерана». Военной проблематикой я серьезно

увлекся в годы учебы в университете. Добился допуска в так называемое специальное хранилище Библиотеки иностранной литературы, где мог читать вырезки из французских газет и, несмотря на то что был вынужден ехать в Гавану на стажировку, изменить своему выбору мировой истории войн и конфликтов не решился.

В Москву я вернулся в феврале 86-го с черной огромной бородой, двумя дипломными работами и нетерпеливым желанием узнать, когда же мне выходить на службу в органах государственной безопасности.

«Органы» на мои звонки долго не отвечали. Наконец я дозвонился до своего старого знакомого-кадровика, который, как ни в чем не бывало, сообщил мне пренеприятнейшую новость. Оказывается, очередной генсек Юрий Андропов перед своей смертью завещал детей и зятьев сотрудников 1-го Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) на работу в то же самое управление не брать и подписал соответствующий приказ о «борьбе с кумовством». Для меня эта новость была как гром средь ясного неба. Мой тесть Геннадий Николаевич Серебряков в то время действительно работал на американском направлении в том самом Управлении КГБ и имел звание полковника, поэтому доступ в «контору» мне был перекрыт железобетонно. Мечта рушилась на глазах.

Защитив обе дипломные работы на отлично, сдав государственные экзамены и получив диплом с отличием об окончании престижного высшего учебного заведения, я оказался на улице без всякого распределения и перспективы.

Редакция программы «Время» первого советского телевизионного канала, с международным отделом которой я в студенческие годы активно сотрудничал и даже делал «синхроны» для новостей и популярной в те годы политической передачи «Сегодня в мире», от моих услуг отказалась, взяв вместо меня какого-то картавого мальчика из «правильной» номенклатурной советской семьи.

Я поспешил в Агентство печати «Новости» — в Главную редакцию Западной Европы. Мне назвали фамилию главного редактора, к которому мне и надо было попасть на собеседование, — Раппопорт Игорь Михайлович. Звучала она для меня непривычно, и я страшно боялся ее забыть или произнести как-то не так. На мое несчастье так и произошло. Едва справляясь с волнением, я постучался в дверь его кабинета и, услышав: «Кто там?», — приоткрыл ее и заявил: «Здрасьте, мне нужен Игорь Михайлович Риббентроп!» «Пшел вон!» — закричал Раппопорт и кинул в меня какой-то книгой. Короче говоря, в АПН меня тоже

не взяли.

Тогда, в поисках счастья, работы и возможности прокормить семью я попытался устроиться в редакцию популярной молодежной газеты «Комсомольская правда». Я многих там знал, и меня помнили многие. Дело в том, что летом и осенью 1983 года я активно сотрудничал с «Комсомолкой» в выпуске специального еженедельного к ней приложения «Алый парус». Это был разгар страстей и взаимной перебранки между США и СССР. На Дальнем Востоке наш истребитель-перехватчик по трагической ошибке сбил гражданский лайнер Южной Кореи, после чего тот ушел, как издевательски сообщали советские СМИ, «в неизвестном направлении». Американцы подняли жуткий скандал, и спираль холодной войны готова была сделать очередной виток.

Советские газеты как могли клеймили «американский империализм». Популярная «Комсомольская правда» старалась от остальных не отставать. Сюда приходили мешки злобных писем читателей, адресованных президенту США. Редакция не жалела денег и переправляла эти мешки в Вашингтон. Одно из этих писем я решил размножить и расклеить по стенам редакции. Уж больно идиотическим и одновременно остроумным было это послание неизвестного советского комсомольца известному хозяину Белого дома:

Не грози, Рейган, ракетами,
Не пугай народ войной.
Наши силы, знай, достаточны,
Чтоб расправиться с тобой!
В тисках огней — огней мучений
Умрешь от адских излучений!

Ну разве не шедевр? Почему-то моя ирония пришлась не по вкусу редакционному начальству, мне сделали замечание, зато запомнили надолго. Этим я и решил воспользоваться и позвонил в редакцию. Мой собеседник зачем-то перезвонил по параллельному телефону своему приятелю, работавшему в Комитете молодежных организаций СССР (КМО), и сказал, что, прежде чем говорить о работе в «Комсомолке», мне надо пройти собеседование в этом самом КМО.

Что это за контора, я на тот момент не имел ни малейшего представления. И уж тем более не мог предположить, что именно с этой странной аббревиатурой и стоящей за ней еще более странной организацией будет связано начало моей жизни в большой политике!

Мертвые души

Формально Комитет молодежных организаций (КМО) СССР, созданный еще в годы Великой Отечественной войны под названием «Антифашистский комитет советской молодежи», представлял собой автономную по отношению к аппарату ЦК ВЛКСМ организацию. Нас связывали общие управление делами и здание в самом центре Москвы на улице Богдана Хмельницкого (ныне Маросейка), в котором около ста сотрудников или, точнее, «ответственных работников» комитета занимали второй и третий этажи.

На самом деле это было настоящее «шпионское гнездо». Добрая половина всех сотрудников КМО СССР одновременно работала либо во внешней разведке, либо в контрразведке. Мы их так и называли: «многостаночники». Они то и дело отлучались с работы, объясняя свое отсутствие «необходимостью выйти на связь с Центром». Мы же подозревали, что они просто ходили за пивом или в хозяйственный магазин. Перестройка была в полном разгаре, и элементы тления системы были заметны даже в таких мелочах.

Пройдя несколько собеседований, я был принят на работу и сразу определен младшим референтом в Сектор стран Южной Европы, США и Канады. Мне поручили заниматься странами моей языковой группы — Испанией, Италией и Португалией. В круг задач референта входило: установление личных контактов с наиболее перспективными молодыми политиками этих стран — будущими «агентами влияния СССР», организация регулярных контактов с молодежными крыльями ведущих политических партий и решение отдельных специфических задач по поручению наших «кураторов» из Международного отдела ЦК КПСС.

Работа мне сразу понравилась. По уровню политической ответственности, которой наделяли молодого профи в Комитете молодежных организаций, наши сотрудники ничем не уступали дипломатам уровня советника МИД СССР, а по возможностям творческой работы — намного их превосходили. Пройдет несколько лет, и привычка к самостоятельности не даст сотрудникам КМО сгинуть вместе с развалом СССР — все они, несмотря на критическое отношение к «чудесам российской демократии и дикого рынка», быстро сориентируются в новой обстановке и в основном станут успешными предпринимателями.

Я оказался самым младшим по возрасту в этом сложившемся коллективе. Корпоративный норов КМО СССР, особая закваска, которую приобретали работавшие там люди, оказались мне по

душе. Все мои новые коллеги были старше меня всего на несколько лет, но уже имели за плечами приличный опыт международной работы. Не помню случая, чтобы кто-то отказал мне в совете, как лучше сделать ту или иную работу.

Именно в КМО я рассмотрел все достоинства и изъяны западной модели демократии, расшифровал коды холодной войны, понял, почему мы ее проигрываем. Работа в комитете позволила мне убедиться, что в отношениях между государствами и политическими системами не должно быть места пустопорожней болтовне и сентиментальным чувствам, которые пытались нам внушить лицемерные отцы перестройки. Сказки о «новом мышлении» и «общечеловеческих ценностях» были придуманы опытными западными психологами-пропагандистами для разложения хилой и демагогической обороны наших политических комиссаров.

В отношении России Запад традиционно проводил политику ее ослабления и сдерживания. Причем градус и вектор такой политики не зависели от содержания государственного строя на тот момент исторического развития нашей страны. Ни династические связи русских монархов (среди которых русских по крови почти не было), ни военно-политические альянсы Российской империи (в том числе и в ущерб себе) с ведущими западными державами, ни решающий вклад СССР в победу антигитлеровской коалиции, ни миролюбивые и чудные по своей наивности воззвания молодого демократического правительства России в постперестроечное время так и не растопили ледяного сердца Снежной королевы Запада.

Однажды Федор Достоевский в «Дневнике писателя» проанализировал публикацию в «Петербургской газете». Среди сводок военных действий на Балканах (тогда шла очередная русско-турецкая война за освобождение южных славян от ига Османской империи) Достоевский наткнулся на описание «странного» поведения некого британского парламентария, который решил скоротать свой скучный отпуск в штабе русской императорской армии:

Около свиты появился какой-то англичанин в пробковом шлеме и статском пальто горохового цвета. Говорят, что он член парламента, пользующийся вакационным временем для составления корреспонденции «с места военных действий» в одну из больших лондонских газет*{Times);*другие же уверяют, что он просто любитель, а третьи, что он друг России. Пускай всё это так, но нельзя не заметить, что этот «друг России» ведет себя несколько эксцентрично: сидит, например, в присутствии великого князя в то время, когда стоят все, не исключая даже и

его высочества; за обедом встает, когда ему вздумается, из-за стола, где сидит великий князь, и в этот день обратился даже к одному знакомому офицеру с предложением затянуть на него в рукава гороховое пальто. Офицер окинул его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнулся слегка, пожал плечами и беспрекословно помог одеть пальто. Конечно, более ничего и не оставалось сделать. Англичанин в ответ слегка приложился рукою к своему пробковому шлему.

Удивленный и крайне уязвленный этой историей Достоевский пишет:

«Петербургская газета» назвала этот факт комическим. К сожалению, я ровно ничего в нем не вижу комического, а, напротив, очень много досадного и портящего кровь. К тому же в нас как бы укрепилась с детства вера (из романов и из французских водевилей, я думаю), что всякий англичанин чудак и эксцентрик. Но что такое: чудак? Не всегда же дурак или такой уж наивный человек, который и догадаться не может, что на свете не всё же ведь одни и те же порядки, как где-то там у него в углу. Англичане народ очень, напротив, умный и весьма широкого взгляда. Как мореплаватели, да еще просвещенные, они перевидали чрезвычайно много людей и порядков во всех странах мира. Наблюдатели они необыкновенные и даровитые. У себя они открыли юмор, обозначили его особым словом и растолковали его человечеству. Такому ли человеку, да еще члену парламента, не знать, где вставать, где сидеть? Да нет страны, в которой этикет имел бы большее приложение, как в Англии. Придворный, например, английский этикет есть самый сложный и утонченный этикет в мире. Если этот англичанин член парламента, то, конечно, слишком мог научиться этикету из одного того уже, как один парламент — нижний сносится с другим — высшим. И именно в том смысле: кто перед кем может сидеть, а кто перед кем обязан вставать. Если он при этом и член высшего общества, то опять-таки нигде нет такого этикета, как на приемах, обедах, балах английской аристократии во время ихнего лондонского сезона. Нет, тут совсем другое, если судить по тому, как изложен анекдот.

Тут английская гордость, но не просто гордость, а с заносчивым вызовом. Этот «друг России» не может быть большим ее другом. Он сидит, смотрит на русских офицеров и думает: «Господа, я знаю, что вы львы сердцем, вы предпринимаете невозможное и исполняете его. Страха перед врагом в вас нет, вы герои, вы Баярды все до единого, и чувство чести вам знакомо вполне. Не могу же я не согласиться с тем, что своими глазами вижу. Тем не менее, я англичанина вы только русские, я европеец,

а перед Европой вы обязаны «деликатностью». Какие бы вы львиные сердца ни носили в себе, а я все-таки высшего типа человек, чем вы. И мне это очень приятно, особенно приятно изучать «деликатность» вашу передо мной, врожденную и неотразимую, без которой русский не может смотреть на иностранца, тем более на такого иностранца, как я. Вы думаете, что это всё мелочи; да мелочи-то и утешают меня, весьма забавляют, я поехал прогуляться, я слышал, что вы герои, и приехал посмотреть на вас, но ворочусь все-таки с убеждением, что, как сын Старой Англии (тут у него дрожит от гордости сердце), я все-таки на свете первый человек, а вы всего лишь второстепенные…»

Всего любопытнее в вышеприведенном факте последние строки: «Офицер окинул его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнулся слегка, пожал плечами и беспрекословно помог одеть пальто. Конечно, более ничего и не оставалось сделать». Как так: «конечно»? Почему более ничего не оставалось сделать? Напротив, именно можно было сделать совершенно другое, обратно противуположное: можно было «окинуть его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнуться слегка, пожать плечами» и — отойти мимо, так-таки и не дотронувшись до пальто, — вот что можно было сделать. Неужели нельзя было заметить, что просвещенный мореплаватель фокусничает, что тончайший знаток этикета ловит минуту удовлетворения мелочной своей гордости? То-то и есть, что нельзя было, может быть, спохватиться в тот миг, а помешала именно наша просвещенная «деликатность» — не перед англичанином этим деликатность, не перед членом этим парламента в каком-то пробковом шлеме (какой такой пробковый шлем?), — а перед Европой деликатность, перед долгом европейского просвещения «деликатность», в которой мы взросли, погрязли до потери самостоятельной личности и из которой долго нам не выкарабкаться.

Нельзя не согласиться с этим глубоким выводом великого русского писателя о собственно русском отношении к Европе. Оно всегда было излишне деликатным, что порождало у иностранцев ложную уверенность в своем безусловном превосходстве над Россией.

Высокомерное отношение к нам со стороны Запада — дело не новое. Копаясь в архивах, я смог в этом лично убедиться. Интересные свидетельства на сей счет привел в изданной в 1871 году книге «Россия и Европа» замечательный русский философ и биолог Николай Данилевский:

> Вот уже с лишком тринадцать лет, как русское правительство совершенно изменило свою систему, совершило акт такого высокого либерализма, что даже совестно применять к нему это опошленное слово; русское дворянство выказало бескорыстие и великодушие, а массы русского народа — умеренность и незлобие примерные. С тех пор правительство продолжало действовать в том же духе. Одна либеральная реформа следовала за другою. На заграничные дела оно уже не оказывает никакого давления. И что же, переменилась ли хоть на волос Европа в отношении к России? <…> Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом;а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся общественное мнение Европы.

Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды.

Для этой несправедливости, для этой неприязненности Европы к России, сколько бы мы ни искали, мы не найдем причины в тех или других поступках России, вообще не найдем объяснения и ответа, основанного на фактах. Тут даже нет ничего сознательного, в чем бы Европа могла дать себе самой беспристрастный отчет. Причина явления лежит глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют инстинкт народов.

Надо признать, что все советское общество в середине 1980-х годов пребывало в состоянии политической девственности и ожидания немедленной благодати, коей Запад должен был наградить наш народ за примерное рвение к демократическому идеалу. Излишне эмоциональный, распахнутый всему миру характер молодой русской нации толкал ее на все «новенькое и модненькое», что нам подсовывали на Западе.

То, что в Европе считалось всего лишь гипотезой, в России принималось на веру без малейшего обсуждения. Любая европейская теория превращалась в России в аксиому, потом становилась мировоззренческой догмой, а затем и новой политической реальностью. Так было на Руси и в допетровские времена, и в эпоху Петра Великого, и при декабристах.

«Призрак бродит по Европе», — писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своем «Манифесте» про бездомную коммунистическую идеологию, которую так и не захотел

приютить у себя ни один европейский народ. Зато в России эта «нелегальная иммигрантка» быстро всех очаровала и стала полноправной хозяйкой на долгие десятилетия. Примерно то же самое произошло и в годы перестройки. Под лозунгом борьбы за «общечеловеческие ценности» СССР сбежал из зон своего влияния в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Африке, но главное — в Восточной Европе и на Ближнем и Среднем Востоке. Свою собственность в этих странах он бросил на разграбление, а своих друзей — на растерзание. Затем под лозунгом борьбы за «новое мышление» СССР развалился сам.

До сих пор не могу понять, как советское руководство, санкционировавшее объединение германской нации, не только не получило заметных политических и материальных дивидендов (не личных, конечно), но и оставило свою страну в огромных долгах перед Западом. Как можно было верить на слово американцам, обещавшим Горбачеву, что объединенная Германия не войдет в состав НАТО, а сам альянс не будет расширяться на Восток? За результаты таких «переговоров» в любой другой стране таких начальников вздернули бы на ближайшей березе, но только не в России, где можно воровать и предавать и при этом рассчитывать не только на снисхождение, но и на почет и уважение.

За время работы в КМО СССР я смог дважды лично убедиться в том, что западные спецслужбы, практически не стесняясь, использовали «молодежные связи» для организации подрывной деятельности против двух федеративных государств — нашего и югославского.

Первый случай я наблюдал в августе 1989 года на «Всемирной молодежной встрече за свободу и демократию», которая проходила на обширных площадях промышленной выставки в Париже. Туда приехала гигантская «делегация советской молодежи», средний возраст которой, по моим расчетам, составлял 45 лет. В ее состав «в духе времени» по поручению ЦК КПСС были включены представители националистических движений прибалтийских республик — народные фронты Латвии и Эстонии плюс «Саюдис». Каково же было мое удивление, когда эти сукины дети, приехавшие в столицу Франции за счет СССР, в компании каких-то хиппи тут же устроили у павильона нашей делегации митинг протеста против «советской оккупации Прибалтики». Несмотря на запрет Москвы устраивать скандал, я немедленно распорядился вышвырнуть этих политических жиголо из оплаченной нами гостиницы и, переполненный чувством уязвленного патриотизма, спустил одного из них с лестницы. Однако английская делегация

немедленно пригрела у себя этих оппортунистов, предоставив им возможность выступать на полуофициальных мероприятиях от имени «свободолюбивых балтийских государств».

Примерно то же самое, только в еще более циничной форме, творили западные спецслужбы с югославской делегацией, буквально разрывая ее на части и предоставляя словенцам, боснийцам и хорватам возможность организовать свои отдельные от Югославии павильоны. Известно, что гражданские войны начинаются на ярмарках и рынках, вспыхивая на почве бытовой ссоры. Не думаю, что организаторы встречи и те, кто стоял за ними, об этом вдруг позабыли.

Второй случай открытой игры западных спецслужб против единства СССР с использованием «молодежных связей» произошел на моих глазах буквально два месяца спустя. Я проходил краткую недельную стажировку в Лондоне по линии Атлантической ассоциации молодых политических лидеров. Оставшись допоздна в библиотеке штаб-квартиры Ассоциации, я стал невольным свидетелем оживленной беседы, которую вели люди в штатском с одним из секретарей ЦК комсомола Украины. Это даже была не беседа, а смесь вербовки с инструктажем на тему, как и когда украинцам надо покидать советскую «тюрьму народов» и что Запад их «в случае чего» в беде не оставит. Это была осень 1989 года, когда еще практически никому в здравом уме не приходила мысль о возможности скорого падения СССР.

Планомерная обработка западными спецслужбами партийно-комсомольских кадров Прибалтики, Украины и закавказских республик шла вовсе не с целью вербовки в их среде «агентов влияния» или «пятой колонны» Запада. Это было не главное. ЦРУ к тому моменту уже застолбило серьезные позиции в кругу куда более влиятельных советских «шишек» — членов Политбюро, «убеленных благородной сединой» секретарей ЦК.

Западным спецслужбам требовалось «пушечное мясо»— молодежь, готовая к антирусским погромам или по крайней мере к активным уличным действиям, способным раскачать единство СССР. Поэтому, что бы мне ни говорили мои европейские и американские коллеги сейчас, я знаю точно, что Запад приложил максимум усилий для разжигания межнациональной розни в СССР.

Впрочем, и в наше время эта политика не пошла на убыль. Приведу пример, самый что ни на есть свежий. В канун нового 2009 года я купил в Брюсселе DVD с фильмом Transporter-3, снятым по сценарию Люка Бессона и Роберта Марка Камена. Сюжет, как обычно, незамысловат, зато много мордобоя и бессмысленной жестокости. Однако вот что любопытно. Главная

героиня фильма, некая украинская девушка, доказывает возлюбленному свою неповторимость и национальную идентичность, демонстрируя свою голову и пышную грудь и заявляя, что, мол, в этих местах украинцы отличаются от русских.

Зачем эта глупость вошла в сюжет фильма? Зачем нужно было так провокационно политизировать обычный туповатый боевик? А может, ради этой сцены он и снимался?

Жаль, очень жаль, что Европа скорее посчитает «своими» африканцев или арабов, но только не русских. И это несмотря на то, что именно русский народ внес колоссальный вклад в развитие общеевропейской культуры и истории! Неужели Анкара и Тирана (столицы стран — членов НАТО) более европейские города, чем Москва и Санкт-Петербург?

С другой стороны, если посмотреть на происходящее сейчас в Европе, то в общем-то удивляться не стоит. Колоссальное нашествие нелегальной миграции, предание забвению собственных «исторических камней» и истории, безудержное расширение евроатлантических структур на Юг и Восток — это поистине самоубийство европейской культуры. Как могли европейские политики при подготовке проекта европейской конституции из-за ложного понимания термина «терпимость» пойти на то, чтобы вычеркнуть из текста упоминание о христианских корнях европейской цивилизации! Это прямое предательство будущего Европы! При всем моем уважении к исламу и другим цивилизационным и культурным ценностям я бы все же не хотел, чтобы собор Парижской Богоматери ожидала судьба Софийского собора в Константинополе.

Европейские политики спокойно взирают на продолжающуюся деградацию культуры и искусства, на навязанный из-за океана культ тупой жестокости и исторического цинизма. Недавно в Европе настоящий ажиотаж публики вызвало появление на экране очередного «шедевра» Квентина Тарантино «Бесславные ублюдки». В этом фильме, посвященном Второй мировой войне, группа американских головорезов еврейского происхождения беспощадно вырезает батальоны немцев, снимая со своих жертв скальпы. Затем они взрывают парижский кинотеатр с сидящими там Гитлером, Геббельсом, Борманом и др. Короче, эти «бесславные ублюдки» выигрывают мировую войну.

То, что режиссер фильма, прославленный, в отличие от своих героев, циник Тарантино, забросив гангстеров и вурдалаков, грубо берется за тему самой страшной в истории Европы и мира войны — это еще полбеды. А вот то, что брюссельская публика, чьи отцы и деды в этой войне, мягко скажем, особым героизмом не отличились, аплодировала стоя, приветствуя киношную

мерзость Квентина, — вот это вызывает чувство крайней обеспокоенности морально-нравственным состоянием европейской общественности. Про историческую память Европы я уж и не говорю.

Нынешняя европейская бюрократия, к сожалению, в массе своей отличается безволием и беспринципностью. В ее среде практически нет людей, способных воспринимать единую Европу как глобальный цивилизационный проект. Они — обычные пожарные, еле успевающие заливать очередное политическое воспламенение. Но видения европейской перспективы у них нет, да и память слабовата.

Практически той же болезнью страдал политический класс СССР в 70–80-е годы прошлого столетия. Имея огромные ресурсы, он их глупо транжирил, разлагаясь морально и политически. Мог ли комсомол — единственная на тот момент всесоюзная политическая молодежная организация, насчитывавшая в своих рядах 25 миллионов молодых девушек и юношей, имеющая огромные финансовые ресурсы и собственность, — эффективно противостоять угрозе междоусобицы, способной разнести союзное государство в клочья? Нет, уже не мог. Республиканские ЦК комсомола были напичканы молодыми карьеристами, воспитанными в шовинистическом антирусском духе, а высокопоставленные сотрудники центрального аппарата в Москве (как, например, бывший комсомольский активист Михаил Ходорковский) в годы перестройки занимались только личным бизнесом.

Старинные московские особняки, отобранные в 1917 году у бывших владельцев — дворян и фабрикантов — и переданные в распоряжение различных комитетов молодежных коммунистических организаций, с приходом к власти Бориса Ельцина незаметно приватизировались аппаратчиками под офисы своих банков и контор. При этом бывшие первые секретари этих многочисленных райкомов-горкомов, не меняя прежних кабинетов и длинноногих секретарш, становились «ударниками капиталистического труда». Доходы от хозяйственной деятельности собственных туристических агентств и многотиражных газет, ежемесячные добровольно-принудительные членские взносы миллионов рядовых комсомольцев — все это конвертировалось в твердую американскую валюту. Через будапештский офис Всемирной федерации демократической молодежи (молодежного Коминтерна) и пражский офис Международного союза студентов эти деньги уводились из страны на счета ливанских банков и бесследно исчезали. Чуть позже на этих украденных «комсомольских взносах» разжиреет

поколение «новых русских», вылупившееся из скорлупы недавних комсомольских вожаков. Именно они «по остаточной совести» будут за гроши скупать экономику великой державы.

Я откровенно недолюбливал всю эту гнилую публику, которая, как свора шакалов, набросилась на наследство ВЛКСМ. Безыдейные циники, лжецы и клятвопреступники— такую смену подготовили себе древние ящеры Политбюро. Эти же мерзавцы составляли и «группу скандирования» словоохотливых «отцов перестройки». С такими «верными сынами» Отчизна не могла не свалиться в штопор.

В конце 1989 года на службе появилась первая серьезная проблема: меня как заведующего сектором международных организаций заставляли вступать в КПСС, а я категорически не хотел этого делать. Возможно, раньше я, «как все», так бы и поступил, но перестройка и все окружавшее меня вранье окончательно отбили во мне охоту продолжать знакомство с советскими коммунистами. Поэтому я решил уйти из КМО.

К тому времени я уже пользовался уважением в коллективе, считался хорошим специалистом в международных делах. Видимо, поэтому партком аппарата ЦК ВЛКСМ решил со мной не связываться, всем уже было ни до чего, и скандал как-то быстро замяли. Но вскоре случилось нечто такое, что окончательно вывело меня из равновесия.

В КМО СССР существовала негласная традиция, согласно которой переговоры с участием «большого начальства» (секретарей ЦК ВЛКСМ) наши работники должны были обеспечивать самостоятельно, не прибегая к услугам профессиональных переводчиков. Это было вызвано не столько степенью откровенности беседы, сколько желанием подчеркнуть статус приема «на высоком уровне». Действительно, когда я лично заводил в гигантский кабинет секретаря ЦК очередного «заморского гостя», многозначительно оставляя в приемной штатного переводчика, иностранец начинал откровенно смущаться, восстанавливая способность здраво воспринимать мир только к середине разговора. Проблем даже с самым сложным переводом я не испытывал. Свободное владение испанским и французским языками было неотъемлемой частью моей профессии.

В этот раз я должен был переводить беседу делегации испанских социалистов с только что назначенным из провинции новым секретарем ЦК комсомола, о котором ходили слухи, что он — «большой демократ горбачевского розлива». Все шло как обычно, беседа уже подходила к концу, но вдруг комсомольский босс, как бы невзначай, решил в подтверждение своей мысли

привести цитату из Евангелия от Матфея. Артистично закинув голову назад и прикрыв ладошкой глаза, отразившие секундный порыв глубоко верующего человека, он стал на память читать отрывок из Священного Писания.

Я был поражен. Я даже не мог себе представить, что среди этих прожженных бюрократов и циников можно встретить действительно тонкого, интеллигентного человека, да еще и ревнителя христианской веры. Кроме того, я был уязвлен, так как точно не ожидал такого оборота дела и не был готов идентично перевести евангельский текст.

Сообразив, что от нового секретаря ЦК можно ждать и других сюрпризов и невольных подвохов, я перечитал Евангелие на всех доступных мне языках, чтобы в случае чего быстро сориентироваться по тексту и не подвести моего нового кумира. Я ждал нашей новой встречи, я был готов расшибиться в лепешку, лишь бы мудрые слова и пламенная аргументация этого благородного человека могла дойти до помутненного сознания его иностранных собеседников и обратить их в нашу веру.

Я вдруг почувствовал себя рыцарем, призванным моим сюзереном Ричардом Львиное Сердце отправиться в дальний крестовый поход в Палестину ради освобождения от неверных Гроба Господня.

Но очередной «облом» моих романтических чувств не заставил себя долго ждать. Нет, мой кумир по-прежнему звал меня, по-прежнему вскидывал голову и закатывал полные слез глаза, и… по-прежнему цитировал один и тот же отрывок из Евангелия от Матфея. Библии он вовсе не читал, а фокус с Евангелием проделывал с целью личного «пиара». Кумир оказался обычным комсомольским плутом, одной из тех мертвых душ советской партноменклатуры, что всплыли на поверхность мутной воды перестройки.

Не желая более иметь дела с этим планктоном, я решил уйти из КМО СССР окончательно.

Но только сейчас я понимаю: а может, это сам Господь послал мне этого комсомольского пройдоху, чтобы заставить меня перечитать Евангелие сразу на трех европейских языках?

Преступление и наказание

Москва конца 1990-го — начала 1991 года напоминала мне город перед эвакуацией. Все закупали соль и муку, отправляли родителей и детей жить за город, искали новую, пусть даже не очень серьезную, но точно не прежнюю работу. Все трещало по швам. Никто не работал. Все слушали по радио прямое включение с заседаний союзного и российского Верховных Советов.

За время работы в КМО СССР я установил приятельские связи со многими депутатами молодого российского парламента. Здесь же, в стенах Верховного Совета, впервые была сформирована некоммунистическая патриотическая оппозиция, получившая название «Российское народное собрание». Ее костяк представляла коалиция трех политических групп: Демократической партии России во главе с депутатом Николаем Травкиным, Российского христианско-демократического движения, которое возглавлял энергичный депутат и философ Виктор Аксючиц; и Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) Михаила Астафьева — депутата, как мы шутили, с характерным «ленинским прищуром».

В то время я увлекался политической историей дореволюционной России, искал исторические параллели между событиями эпохи последнего русского императора Николая II и перестройки, затеянной первым и последним советским президентом Михаилом Горбачевым. Особо интересовал меня вопрос: а была ли альтернатива большевизму, можно ли было удержать империю от гражданской бойни и распада и кто мог бы выступить в период 1910–1917 годов центром кристаллизации патриотических сил? Я знал, что мой прадед на посту начальника столичной московской полиции сделал в то время много для сдерживания большевизма, но складывалось впечатление, что усилиями спецслужб остановить надвигающуюся на страну катастрофу было невозможно.

Наибольшие симпатии во мне вызывали лидеры Партии народной свободы (конституционные демократы) — интеллигенты либерально-консервативного толка, представленные такими яркими политиками, как Павел Милюков и Петр Струве. Перечитав массу литературы об истории конституционных демократов, подшивки газет того времени, всевозможные прокламации и прочую макулатуру и даже установив на свои деньги в уральском городе Перми памятную доску на доме, где родился Струве, я решил поближе

познакомиться с только что восстановленной Конституционно-демократической партией и пришел на их партийное собрание.

Депутатская приемная Михаила Георгиевича Астафьева находилась в здании Дзержинского районного совета рядом со станцией московского метрополитена «Проспект Мира». Она представляла собой скромное помещение, состоящее из одной тесной комнаты, едва вмещающей полтора десятка человек. Встретили меня приветливо, сразу предложили принять участие в беседе на тему, почему лидеру кадетов Милюкову накануне революции дали прозвище «Дарданелльский». Тема меня несколько смутила своей неактуальностью, но энтузиасты, страстно обсуждавшие этот малозначимый исторический вопрос, вызывали симпатию. Конечно, мне было сразу очевидно, что попал я не на собрание серьезной политической партии, способной претендовать на власть, а на заседание краеведческого кружка. Но люди, сами люди, казались мне искренними поборниками русской истории и убежденными патриотами. В сравнении с лицемерными руководителями ленинского комсомола мои новые знакомые выглядели куда достойнее. На следующем заседании незамысловатого кадетского кружка я заявил, что хочу быть их товарищем. Я был тут же торжественно принят в члены партии, и все мы как истинно интеллигентные люди пошли обмыть это доброе дело в ближайшую пивную.

Приобретя за четыре года работы в КМО СССР полезный опыт организационной и пропагандистской работы, я решил использовать его на благо моей молодой партии. Вскоре у нас появились первые региональные отделения в Обнинске, Перми, Минске, Ленинграде (только через два года после описываемых событий Северной столице России будет возвращено историческое ее название — Санкт-Петербург). Численность партии росла за счет налаженной работы местных ячеек. Стали собираться членские взносы, но для полноценного развертывания партийной работы этих малых денег, собранных с нищих «работников умственного труда», постоянно не хватало.

После КМО я ушел работать в более чем странную контору под названием «Российско-Американский университет» (РАУ), которую создал и возглавил некто Алексей Подберезкин. С этим деятельным авантюристом, когда-то тоже работавшим в Комитете молодежных организаций, я познакомился во время одной из служебных командировок. Он неоднократно зазывал меня пойти работать в РАУ, а поскольку других предложений мне никто не делал, я согласился.

Платили в РАУ по тем временам прилично. К Америке «Российско-Американский университет» не имел ровным счетом

никакого отношения, за исключением того, что в его руководстве было достаточно много ученых и ветеранов спецслужб, работавших на направлении «основного противника».

Университет занимался всем: открытием частных лицеев и салонов красоты, перепродажей чего-то кому-то и даже наблюдением за НЛО. В должности первого вице-президента РАУ я старался справляться с обязанностями максимально быстро и на новом месте работы появляться как можно реже, проводя все свободное время в Верховном Совете, в штабе партии на проспекте Мира или в поездках по регионам для создания новых ячеек. Половину своей зарплаты я, несмотря на протесты супруги, отдавал в кассу партии. Как ни странно, этих денег на первое время даже как-то хватало.

Уже через полгода Конституционно-демократическая партия превратилась в заметную политическую силу. На наши съезды и публичные акции стали обращать внимание телевидение, общественность, западные посольства, депутатский корпус. Нас уже распознали в стане «Демократической России», собравшей в своих рядах всю муть того времени. Кого там только не было: шут и «профессиональный антифашист» Прошечкин, явно сбежавший от санитаров, депутат Глеб Якунин, носивший рясу попа и ловко маскировавшийся под православного батюшку, один свердловчанин — преподаватель исторического материализма и антикоммунист по совместительству. На таких «буревестников демократии» и авантюристов опирался в Верховном Совете России Борис Ельцин. С ними он и пришел во власть.

Все лето 1991 года между Горбачевым и Ельциным шли препирательства по поводу Союзного договора, а точнее — неприкрытая борьба за власть. Ради того, чтобы убрать с дороги президента СССР, Ельцин был готов убрать с дороги и сам СССР. И в подельниках в этом гнусном деле недостатка у него не было.

Партийная номенклатура жаждала раздела великой страны, мечтала стать полноценной и единовластной владычицей ее огромного наследства. Руководители ЦК партии союзных республик поощряли махровую русофобию. В Прибалтике на центральных улицах и площадях маршировали неонацисты, ветераны латышских, эстонских и литовских «Ваффен-СС». Горбачев метался, юлил, теряя контроль за властью и страной. Армия и верные присяге части МВД действовали по собственному усмотрению, на свой страх и риск, а осторожные чекисты сжигали секретные архивы. В Грузии, Армении и Азербайджане при прямом попустительстве партийных и государственных органов власти то и дело происходили захваты складов с оружием и постепенное вооружение все новых и новых отрядов боевиков.

Через горные перевалы и тоннели это оружие везли на Северный Кавказ. Все шло к большой войне на юге России. Начальство уже созрело для преступления, а народ еще не был готов к наказанию.

Регулярные, но малопродуктивные посиделки Горбачева с Ельциным и другими руководителями республик Союза ССР подходили к логическому концу. Пора было подписывать Союзный договор — правовой документ, на основе которого можно было сохранить союзное государство при отказе от его прежней коммунистической идеологии. Его текст измусолили настолько, что непонятно было вообще, на чем будет держаться хрупкое единство «обновленного Советского Союза». Тем не менее мы надеялись, что это «хоть что-то» даст временной выигрыш сторонникам сохранения единой государственности.

Вечером 18 августа 1991 года я по просьбе Астафьева дописывал дома статью о нашей позиции по вопросу сохранения СССР. Как сейчас помню, она начиналась так: «То, о чем так долго говорили российские конституционные демократы, свершилось. Союзный договор подписан!» Но утром

19 августа все уже было не так. По телевизору показывали лишь балет «Лебединое озеро» и время от времени зачитывали текст обращения ГКЧП — Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного этой ночью группой высших руководителей СССР, заявивших о необходимости сохранения Союза. В Москву входили танки. Что с Ельциным, никто не знал. Вроде бы его видели у здания Верховного Совета. Говорили, что он зачитал с броневика текст какой-то прокламации. Другие утверждали, что он переоделся в женское платье и сбежал в Финляндию. В общем, весь этот переворот выглядел сущим фарсом.

Если бы в составе «путчистов» — членов ГКЧП — нашелся хоть один по-настоящему мужественный и последовательный человек, он бы не стал дразнить уставших от слабой власти людей вводом в столицу тяжелой военной техники. На самом деле никто всерьез и не верил в готовность ГКЧП применить ее против гражданского населения. А вот что нужно было сделать в первую очередь, так это, не дожидаясь утра, арестовать Ельцина и все более-менее дееспособное его окружение. Взять их тепленькими в постели и отправить в пижамах в Лефортовскую тюрьму. Отстранить от власти перепуганного Горбачева, глотавшего в крымском Форосе горсти валидола. Выступить с внятным призывом к нации, обратиться к ней за поддержкой действий власти по преодолению политического и экономического кризиса.

Да, общество желало как можно скорее избавиться от власти

коммунистов, наивно полагая, что на смену им придет народная демократия, порядок и достаток. Тем не менее против уверенной в себе и авторитетной власти, имеющей четкий план вывода страны из смуты, ни один, даже самый отъявленный авантюрист, дергаться и бузить не стал бы. Но, как пел знаменитый русский бард Владимир Высоцкий, «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Вместо того чтобы просчитать возможные и необходимые действия по наведению порядка, исправлению прежних ошибок, которые поставили СССР на край пропасти, ни на что не годные партийно-государственные трусы испугались собственной же тени.

В той ситуации, когда угроза уничтожения конституционного строя стала реальностью, любые шаги, вплоть до интернирования высших государственных руководителей СССР и РСФСР в лице Горбачева и Ельцина и нейтрализации наиболее агрессивных представителей их ближайшего окружения, не должны были считаться чрезмерными. Избирательное насилие, примененное к злостным врагам страны, даже если они и пробрались на высший этаж ее власти, было бы абсолютно оправданно. Никто бы не решился осудить крепких духом людей, взявших на себя всю ответственность за сохранение конституционного строя и гражданского мира, если бы их действия были последовательными, понятными народу и максимально жесткими в отношении конкретных высокопоставленных предателей и изменников.

Но в рядах руководства КПСС настоящих мужчин уже давно не было. Тех идейных коммунистов-романтиков, кто своим примером поднимал солдат в атаку, кто, будучи неисправимым идеалистом, действительно искренне верил в коммунистическую утопию и был готов отдать жизнь ради спасения Родины, в партийной номенклатуре Ельциных, Горбачевых и Шеварднадзе не значилось. Их задача была сохранить свою шкуру, они цеплялись за власть и подворовывали.

Будучи противником коммунистической идеологии, я тем не менее часто задавал себе вопрос, почему Советский Союз стал великой страной именно при Сталине, а после его смерти стал терять одну позицию за другой. Брежнев решил раскупорить северные сибирские запасы углеводородов и начать продавать их в огромных объемах на Запад. Однако именно в этот период Советский Союз начал ускоренно деградировать. Лидирующие позиции в мире по продаже нефти и газа и высокие места, занимаемые нашими олигархами в рейтинге самых богатых людей мира, никогда не вернут России статус сверхдержавы. Даже скучающее в шахтах ядерное оружие не прибавит нам славы

и уважения в мире. Так в чем же секрет успеха Сталина? Секрет один — Иосиф Сталин не давал коммунистической номенклатуре воровать. И это, пожалуй, главное достоинство эпохи его правления. Именно в этом следует искать объяснения его неугасающей популярности, особенно в наше время. Не хочу слыть политическим знахарем, но вот увидите: когда уйдут из жизни поколения тех, кто на своей шкуре испытал стальную хватку Сталина, когда умрут последние жертвы его репрессий, популярность этого советского кормчего достигнет своего максимума. Верно говорят: хочешь загубить одну жизнь — попадешь в тюрьму, загубишь миллионы — войдешь в память народа как великий вождь. До тех пор, пока человечеством управляют алчность и страх, так оно и будет.

Нет, я вовсе не из тех, для кого Сталин — это «наше все». Неужели для того, чтобы вывести в космос искусственный спутник и выиграть в самой страшной войне, необходимо физически перебить несколько миллионов политических оппонентов, а треть страны посадить в лагеря? Если бы над нашей страной большевики не устраивали своих экспериментов, а Сталин не кидал в тюрьмы всех, кто на него косо посмотрел, Россия смогла бы в своем развитии шагнуть еще дальше.

В августовском номере 2009 года международного ежемесячника «Совершенно секретно» я прочел интересную статью Владимира Воронова «Русские не сдаются», где автор описывает малоизвестные события Первой мировой войны. Позволю себе его процитировать:

«Армия Российской империи три года держала удар военной машины трех империй — Германской, Австро-Венгерской и Османской — на огромном фронте от Балтики до Черного моря. Царские генералы и их солдаты вглубь Отечества врага так и не пустили. Генералам приходилось отступать, но армия под их началом отходила дисциплинированно и организованно, только по приказу. Да и гражданское население старались на поругание врагу не оставлять, по возможности эвакуируя.

«Антинародный царский режим» не додумался репрессировать семьи попавших в плен, а «угнетенные народы» не спешили переходить на сторону врага целыми армиями. Пленные не записывались в легионы, чтобы с оружием в руках воевать против собственной страны, подобно тому как спустя четверть зека это сделали сотни тысяч красноармейцев. И на стороне кайзера не воевал миллион русских добровольцев, не было власовцев. В 1914-м никому и в страшном сне не могло присниться, чтобы казаки сражались в германских рядах».

Трудно не согласиться с автором этих строк. Да, я понимаю

причины нынешней популярности Сталина, но не террор и репрессии являются двигателями прогресса и гарантиями победы. Да и победы в той самой страшной войне мы добились страшной ценой, потому и война была страшная.

Нельзя закатать народ в асфальт культа личности. Талант русского народа, его воля не были сломлены коммунизмом. Более того, русский народ переродил коммунизм, ассимилировал сталинский режим, приспособился к нему, насколько это вообще было возможно, а потому и добился многого — несмотря на сталинские порядки.

Нет, я совсем не склонен недооценивать ужасы сталинизма. Но то, что сейчас происходит с нашей «элитой общества», мне тоже совсем не нравится. Особенно это заметно на расстоянии или в разлуке с Родиной.

Недавно, приехав из Брюсселя в Москву в отпуск, я пригласил жену сходить в один популярный ресторан. И что же? Кроме разочарования, никакого послевкусия он мне не оставил. За соседними столиками сидели разные компании: две «не первой свежести» девицы-показушницы, шарившие по залу своими перекрашенными глазищами, группа вызывающе громко ржащих мужиков мафиозного вида, какой-то престарелый богатый педофил, с нетерпением наблюдавший, когда его спутница-школьница доест, наконец, итальянский десерт, парочка богемного вида педиков, нервно гладивших под столом друг другу коленки.

Во что мы превращаемся с нашей пресловутой Рублевкой на фоне совсем небогатой и не очень-то счастливой страны? Я бы вообще сменил старые названия этих шоссе. Предлагаю переименовать Рублево-Успенское, Подушкин-ское и Новорижское шоссе в «Рублево-Успешное», «Продажкинское» и «Нуворишское», или, как вариант, «Ну и воришское!». Приличные люди, которые в свое время обзавелись там загородным жильем, теперь стесняются признаваться в этом — в такой гадюшник превращается теперь район проживания нашей так называемой «элиты». И чем больше эту «элиту» и ее изощренные развлечения показывает наше телевидение, тем больше сталинистов становится в России.

Если кому-то в голову по прочтении этих строк придет мысль, что, мол, Рогозин вновь подался в оппозиционеры, напрасно. Не я один так думаю. Не только настоящая интеллигенция чувствует боль за то, что происходит вырождение культурного слоя страны, но и все порядочные люди во власти понимают, что элита должна вести себя достойно, жить по совести и закону, не зарываться. Пора положить конец разврату и вседозволенности. И не надо

ждать, когда в очередной раз об этом скажет руководство страны. Это каждого касается, и каждый с себя должен начать очищение страны от плесени.

Но вернусь в август 1991-го. В те, уже ставшие историей, дни безответственного гэкачепистского демарша я видел на улицах Москвы много самых разных людей. Не разбираясь в тонкостях политики и не подозревая, куда все катится, они инстинктивно признавали силу и историзм именно за Ельциным. Широкие народные массы поверили в него и готовы были стать под его знамена. Многие из них искренне полагали, что российские власти — Ельцин и парламент России — сумеют вывести страну из смуты и сохранить Советский Союз. Уже с утра 19 августа защитники Верховного Совета РСФСР стали небольшими группами собираться вокруг его здания на Краснопресненской набережной. К вечеру их стало много, а на утро 20 августа сотни тысяч людей заполнили всю площадь между Домом Советов и парком Павлика Морозова.

Кого я там только ни встретил: и озабоченных активистов демократических движений, и заговорщически оглядывающихся депутатов, и возбужденных до крайности профессиональных зевак и ротозеев… Но основную массу народа составляли обычные граждане, уязвленные устроенной гэкачепистами провокацией и раззадоренные их очевидной трусостью и нерешительностью.

Кого я точно не встретил ни там, ни в других местах, так это советских коммунистов «последнего розлива» и моих старых знакомых — комсомольских пройдох. Никто из них так и не решился не только на то, чтобы уйти в лес к партизанам, но даже хотя бы собраться и заявить во всеуслышание о своей особой позиции. Пропащие люди пропали совсем.

Узнав об обращении ГКЧП, я рванул в Верховный Совет на поиски моих «конституционно-демократических» соратников. Российский парламент был пуст. Депутаты — эти «бескомпромиссные борцы за дело своих избирателей» — благоразумно решили отсидеться дома. И только то крыло здания, где находились рабочие кабинеты депутатов Аксючица и Астафьева, действительно напоминало пчелиный улей. Несмотря на неприязнь к Ельцину, мы договорились максимально быстро распространить его свежее обращение и призвали своих сторонников собраться у здания Верховного Совета РСФСР для организации бессрочного митинга против ГКЧП.

Этим вечером мы с женой и сыном решили переночевать в доме у моих родителей. Отец долго спорил со мной по поводу случившегося, признавал, что вице-президент СССР Янаев и его

компания совершили трагическую ошибку, которая может стоить стране жизни, но категорически настаивал, чтобы я не вмешивался в эти «разборки». Я его не слышал и вскоре заперся в кабинете. К утру мне надо было написать проект заявления, с которым Михаил Астафьев собирался от нашего имени выступать на митинге. Я тщательно подбирал слова, тем не менее текст получился излишне эмоциональным. В ту ночь я так и не смог заснуть, словно предчувствуя, что на следующий день в моей жизни произойдут важные события.

Утром вокруг Дома Советов все кипело. Сложно сказать, сколько там собралось народа, но это были сотни тысяч. В условном месте мы встретились с Астафьевым. Я передал ему напечатанный ночью текст, и мы стали вместе пробираться через толпу к входу в здание. К моему удивлению, Михаила Георгиевича многие узнавали (о, что значит телевизор!) и, горячо приветствуя, пропускали все ближе и ближе к заветной цели — проходу в здание парламента, у которого уже образовалась плотная депутатская пробка. Я устремился в образованный Астафьевым коридор и старался не отставать от моего знаменитого шефа.

Милиция еле справлялась с пропуском людей в здание Верховного Совета, отдавая предпочтение собственно депутатам и иностранной прессе. Своих журналистов стражи порядка почему-то не жаловали. «Работники древнейшей профессии» были вынуждены плотным кольцом окружить подъезд, бурно выражая свое негодование.

Мне несказанно повезло — в кармане моей кожаной куртки по счастливой случайности оказалось удостоверение члена Московского международного пресс-клуба. Оно было давно просрочено, но я надеялся, что милиционеры в суматохе не обратят на это внимания, так как все надписи на этом журналистском пропуске были на английском языке. Несмотря на ажиотаж и толпу, вдавившую меня в подъезд, молодой лейтенант не торопился пропускать нас внутрь. Он пытался что-то прочесть в моем удостоверении, но я решил перехватить инициативу, дружески протянул ему руку для рукопожатия и сказал: «Merci!»

Уловка сработала, и через мгновение я в роли «французского репортера» уже взбегал по лестнице на второй этаж, где находился выход на просторный балкон Белого дома. Он был оборудован под трибуну для выступлений «вождей революции». Они появились буквально через минуту — президент Ельцин, председатель Верховного Совета Хасбулатов, вице-президент Руцкой. Через два года эти «вожди», не поделив власть, начнут грызть друг другу глотки и оставят на московском асфальте сотни

кровавых луж от тел своих сторонников и просто случайных прохожих, попавших под жестокий огонь. Но сейчас, 20 августа 1991 года, они стояли вместе, а под ними гудело, колыхалось море людей.

На балконе было очень тесно, но я все равно старался пробраться поближе к микрофону. Ярчайшая страница русской смуты переворачивалась у меня на глазах, и я боялся упустить что-то важное. Вот ведущий митинга объявил Астафьева, и Михаил Георгиевич, протиснувшись к трибуне, прилип глазами к моему ночному тексту и старательно, с выражением, его зачитал. Я прислушался к реакции людей на площади. Народ встретил речь с одобрением.

Вслед за моим партийным боссом выступили еще какие-то важные демократы, и вдруг балкон всколыхнулся, послышалось восторженное: «Шеварднадзе, Шеварднадзе!», толпа вмиг расступилась, и к микрофону не спеша, с чувством собственного достоинства и пониманием эффекта, какое это достоинство производит на других, подошел Седой Лис. Коридор тотчас сомкнулся за ним, а я, подталкиваемый сзади, неожиданно для себя оказался прямо за спиной у Шеварднадзе. Возможно, благодаря моему росту и крепкому сложению меня приняли за его охранника. О чем говорил этот только что ушедший в отставку министр иностранных дел СССР, я не помню, зато помню, что произошло сразу после его выступления. Ведущий, попрощавшись с «великим грузином», обернулся, посмотрел на меня и с еле скрываемым раздражением спросил: «Ну что ты? Выступать будешь?»

С кем меня могли перепутать, не знаю, но реакция моя была мгновенной — я шагнул к микрофону. Глотнув воздуха, я начал говорить, сначала тихо и неуверенно, но через несколько мгновений мой голос стал звучать все тверже и тверже.

Мне казалось, что я всю жизнь готовился к этой минуте, я ждал и искал ее. Все переживания за мою огромную и несчастную Родину, за ее будущее, скрытое плотным туманом, за судьбу государственного и национального единства, которое необходимо защитить, несмотря на провокацию ГКЧП и мятежи национал-сепаратистов, все важные для меня слова срывались с моих губ и падали в волны народного океана. Он подхватывал их, и мне казалось тогда, что сотни тысяч людей, собравшихся в тот день на площади у Верховного Совета России, сплотились в единую нацию. В этот день во мне проснулся политик.

Вскоре митинг завершился, но люди не расходились. Эйфория улетучилась. Осталось тревожное ожидание стремительно приближающейся развязки.

О том, что происходило в Кремле, Моссовете, Генштабе и кабинетах Ельцина и Хасбулатова, мы узнали намного позже. О том, что там на самом деле произошло, мы не узнаем никогда. Но в тот момент я меньше всего думал об этом.

Быстро добравшись до офиса РАУ (он располагался в пяти минутах ходьбы от здания парламента), я стал обзванивать своих друзей и знакомых. Из их числа я вскоре собрал отряд из 60 добровольцев, готовых отправиться к зданию Верховного Совета на вечернее и, возможно, ночное дежурство.

К семи вечера мы организованно подошли к Горбатому мосту у здания парламента. Площадь, как и утром, вновь заполнялась людьми. Словно муравьи, они тащили к зданию парламента какую-то арматуру, бревна, сооружая из них нечто напоминающее баррикады. Подъехали грузовики, как я понимаю, по команде лояльной Ельцину московской мэрии. Они вывалили горы строительного мусора, на который тут же набросились «люди-муравьи». Кто-то, явно неглупый, командовал сотнями людей, подавая пример тысячам.

Не думаю, что эта свалка вокруг Дома Советов могла сдержать натиск спецназа, получи он команду на штурм. Кольцо вымученных препятствий вряд ли помешало бы тяжелой военной технике подойти вплотную к осажденному зданию и высадить десант. Но передвижению десятков тысяч людей эти железобетонные заграждения помешали бы точно. В случае штурма большая часть «защитников демократии» оказалась бы зажата в мешке собственной конструкции. Тысячи людей, попав в западню, в панике подавили бы друг друга. Очевидно, эти жертвы можно было бы списать на «кровавый режим».

Расчет ельцинского окружения, видимо, был именно таков: призвать десятки тысяч москвичей на защиту «свободы и демократии», образовать из них «живое кольцо» и, прикрывшись им, предоставить ГКЧП выбор: либо штурмовать парламент и, значит, под объективом сотен камер мировых телевизионных агентств организовать массовую бойню гражданского населения; либо потерять политическую инициативу и с позором сдаться, признав свое полное фиаско.

Мы расположились около 24-го подъезда здания Верховного Совета, который выходит к Горбатому мосту. Это место не было заставлено грузовиками, и в нашей импровизированной обороне здесь образовался широкий проем. Никого не спрашивая, мы стали плотной цепью вдоль гигантских витрин здания с обеих сторон оживленного подъезда и установили в этой зоне свой порядок. Я сообщил вооруженной милицейской охране свое имя и твердо им определил, что все вопросы обеспечения охраны

внешнего периметра здания парламента на «вверенном мне участке обороны» они должны решать только со мной. Офицер милиции, кивнув, дал знак, что понял меня.

Примерно через час мне пришлось проявить свою власть, которую я так лихо узурпировал. Группа подвыпивших ребят, перепуганных сообщением о том, что для разгона собравшихся спецназ вот-вот применит слезоточивые и удушающие газы, попыталась забраться на один из грузовиков, поверх которых было натянуто огромное полотно российского триколора. Парни хотели отодрать кусок ткани и, смочив ее, сделать повязку для защиты органов дыхания. Чтобы не допустить глумления над флагом, вскоре ставшим государственным, мы применили физическую силу, скрутили смутьянов и немедленно выкинули за пределы баррикад.

Предельно жестким и мгновенным восстановлением порядка я продемонстрировал, что не потерплю на нашем участке каких бы то ни было не согласованных со мной действий. Избирательное применение насилия в таких ситуациях оказывает мощное воспитательное воздействие. Если бы тех несчастных выпивох не было вовсе, их нужно было бы придумать, так как такой измученной ожиданием штурма разношерстной толпе было крайне необходимо продемонстрировать хоть какую-нибудь власть и порядок.

В массе снующих мимо нас людей я запомнил две процессии. Первая — лимузин премьера российского правительства Ивана Силаева, для проезда которого к Дому Советов нам пришлось снимать и оттаскивать часть возведенных «муравьями» заграждений. Вторая процессия состояла из военных — старших офицеров, среди которых я приметил рослого и угрюмого заместителя командующего ВДВ.

Так произошло мое заочное знакомство с генералом Лебедем, впоследствии сыгравшим в моей жизни заметную роль. Позже, вспоминая события той ночи, Александр Иванович скажет мне: «Поддержав Ельцина, нам удалось избежать большой крови». Это оказалось не так, вся кровь была еще впереди. Стремительное падение СССР увлекло за собой сотни тысяч жизней. Гражданские конфликты в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, две чеченские войны зародились именно в эту теплую ночь немощного брюзжания ГКЧП и нежелания армии и КГБ выполнять его приказы.

С приближением комендантского часа, объявленного ГКЧП с 23.00, напряжение на площади все более возрастало. Я то и дело посматривал на циферблат своих часов, как обычно делают собравшиеся за праздничным столом в ожидании наступления

Нового года. Когда же стрелки достигли отметки 23.00, мы, не сговариваясь, крепко обняли друг друга. Все были счастливы и полны решимости стоять до конца. Первый раз в своей жизни я, сын советского генерала, «парень из золотой молодежи», грубо переступал правила старой жизни и нарушал комендантский час! Обратной дороги уже не было.

Из здания Верховного Совета на жужжащую, как пчелиный рой, площадь были выведены громкоговорители. Из них лились новости независимой радиостанции «Эхо Москвы», бодрящие речи депутатов и «видных интеллигентов», приехавших к нам в гости, а также эмоциональная болтовня молодых журналистов из программы «Взгляд».

У меня сложилось впечатление, что они просто пьянели от адреналина собственных заявлений, периодически сея панику на площади. В сочетании с автоматными очередями, доносившимися до нас с Садового кольца, сообщения о том, что «танки и БТРы прорвали первый эшелон нашей обороны на Калининском проспекте» вызывали среди демонстрантов нездоровое оживление. Когда же радиорубка Верховного Совета сообщила, что в результате первого столкновения армии и демонстрантов есть погибшие, напряжение среди добровольцев достигло апогея. Любой звук мог показаться выстрелом, любой шепот — криком.

Если кто-то вдруг «замечал» силуэты приближающихся солдат, например, в практически не освещенном парке имени Павлика Морозова, то эта новость расходилась по людским цепям в мгновение, обрастая «дополнительными сведениями и наблюдениями». Вместе с напряжением росло и подозрение ко всякому, кто хотя бы теоретически мог его вызвать. Ко мне как к «сотнику» то и дело подводили каких-то только что обнаруженных в толпе и схваченных «агентов КГБ». Некоторые из них были уже слегка побиты «восставшим народом», проявлявшим в эти часы «великого ночного стояния» удивительные чудеса бдительности. Этих случайных прохожих или зевак приходилось для успокоения доставлявшего их народного конвоя «арестовывать», а затем под защитой моих ребят выводить из опасной зоны и отпускать на все четыре стороны. Ума не приложу, почему этих несчастных тащили именно ко мне. Возможно, скорая расправа над «похитителями флага» превратила меня и моих людей в подобие контрразведки СМЕРШ. Не знаю. Но тогда мне было не до шуток.

То и дело на площади происходили какие-то новые инциденты. Взорвавшаяся от перегрева осветительная лампа на фонарном столбе, установленном у автостоянки, вообще вызвала настоящую панику. Все подумали, что это начало штурма. Люди

стали разбегаться в разные стороны, давить друг друга. Слава богу, в этот раз обошлось без жертв.

Вспоминая август 1991 года, я прихожу к выводу, что не всегда трагедия повторяется фарсом. Случается и наоборот. Двусмысленная, непоследовательная выходка ГКЧП, комедия с фальшивым арестом и самозаточением в своей крымской резиденции Форос, разыгранная Горбачевым, «героическая оборона» Белого дома — все это было фарсом. Ни самоубийство маршала Ахромеева и министра внутренних дел Пуго — почти единственных приличных людей в «перестроечном» руководстве, не вынесших позора своего поражения; ни аресты активных участников ГКЧП, из которых только генерал армии Валентин Иванович Варенников не вышел под объявленную амнистию, а дождался суда и выиграл его; ни смерть трех молодых ребят в нелепом столкновении с бронетехникой в ту бесконечную ночь с 20 на 21 августа — ничто не сможет отменить опереточную репутацию путча 1991 года. Но для меня и моих товарищей это был первый политический опыт, причем опыт бесценный.

Именно август 1991 года показал всем трусость Горбачева, коварство Ельцина и готовность обоих жертвовать в своей борьбе за власть судьбой страны и жизнью народа. Думаю, те дни разделили и огромный людской океан, бушевавший у стен Верховного Совета. На одном его берегу остались те, кто расставался со своей огромной страной с чувством великой потери. На другом — осела пена партийной номенклатуры, дорвавшейся до власти и собственности умирающего СССР.

Чем же все-таки на деле была перестройка, затеянная Горбачевым и убитая декретом ГКЧП? Революцией в сознании масс, поиском страной своей идентичности, пробуждением национального чувства у народов СССР или проявлением хаоса в головах партийных боссов? Ни то, ни другое, ни третье. И уж точно — не четвертое.

Перестройка была затеяна номенклатурой — коммунистической бюрократией, желавшей сохранить контроль над собственностью и власть в условиях всеобщего хаоса и разложения. Бюрократии нужен был такой мирный переворот в стране, который позволил бы представить узурпацию государственной собственности как неизбежное следствие широкомасштабных социальных потрясений. Направив на СССР агрессию этнического шовинизма, опытные манипуляторы раскачали страну. Огромные массы народа были приведены ими в движение сознательно, и этот процесс ни на секунду не выходил из-под их контроля. В решающий момент манипуляторы выдвинули самих себя в «народных кормчих», используя для

этого безграничную административную власть, а также контроль над СМИ и финансами. Старая Система не умерла, она просто поменяла фасад.

С какой легкостью Ельцин переиграл своих оппонентов в августе 1991 года! Была ли возможной его триумфальная прогулка во власть без активной поддержки партийной номенклатуры, окопавшейся в московской мэрии? Без преступной солидарности с его действиями со стороны коммунистической бюрократии, засевшей в казанском кремле, Смольном дворце, администрациях краев и областей России, не говоря уж о хозяевах президентских резиденций Киева, Тбилиси, Ашхабада, Алма-Аты, Ташкента, Душанбе? И мог ли Ельцин действовать так уверенно без негласной поддержки влиятельных зарубежных советников?

Если бы руководство КПСС действительно желало сохранить Великую Державу, Ельцину и его окружению не нашлось бы места в ее истории. Их бы просто не было.

Август 1991 года во многом определил всю мою дальнейшую жизнь. Я вдруг понял, что сам могу влиять на окружающий меня мир, я почувствовал в себе задатки лидера. Наблюдая за Ельциным и его окружением, я заглянул в пропасть политического цинизма и с отвращением отвернулся. Впервые я поверил в силу публичного слова, мощь народного напора и значение политической инициативы. Именно тогда я решил навсегда связать свою судьбу с судьбой моего народа.

Бесы

В США и Европе существует устойчивое представление, что Россия проиграла холодную войну, а потому Запад как «победитель» имеет право диктовать Кремлю свои условия. Это представление ошибочно. Запад не имеет никакого отношения к победе в холодной войне. Советский Союз разрушили не Запад, не НАТО, не Прибалтика и даже не «зеленые человечки» с Марса. Его разрушила Россия. И я это докажу.

В последний год своей работы в Комитете молодежных организаций СССР я решил создать наш аналог Атлантической ассоциации молодых политических лидеров, которая успешно действовала в США и Западной Европе под эгидой НАТО. Эта организация отбирала в свои ряды перспективных политиков, натаскивала их в духе атлантизма на всевозможных форумах и стажировках и помогала продвигаться вверх, не теряя установившихся в ходе неформального общения партнерских связей.

Я решил учредить нечто подобное. В итоге появился «Форум-90» — Ассоциация молодых политических деятелей СССР. В ее состав я пригласил таких растущих лидеров новой русской смуты, как Андрей Козырев, возглавлявший в то время Управление международных организаций МИД СССР, народный депутат СССР Николай Федоров и многих других ярких молодых политиков новой России. Зачастую политические воззрения моих коллег по форуму отличались настолько, что было вообще непонятно, каким образом они уживаются в одной ассоциации.

После разгрома ГКЧП Козырев, незадолго до этого назначенный министром иностранных дел РСФСР, сделал мне предложение стать его заместителем. На фоне могущественного внешнеполитического ведомства СССР МИД России представлял собой какую-то непонятную контору, располагавшуюся в Москве на проспекте Мира. Я, естественно, отказался. Канцелярская работа после событий августа 1991 года меня не прельщала, в предчувствии бури я рвался в бой. И буря грянула.

8 декабря 1991 года в конференц-зале Академии общественных наук России по моей инициативе собрался I Конгресс молодых политических лидеров СССР. В Москву прибыли делегации из большинства столиц союзных республик — молодые парламентарии, министры, общественные деятели.

Обещали приехать Горбачев, Руцкой, Козырев, причем последний — из Минска, куда он улетел с Ельциным на какую-то встречу. Никто из нас не знал, что в этот день президенты трех

республик СССР — Борис Ельцин (Россия), Леонид Кравчук (Украина) и Станислав Шушкевич (Белоруссия) — в правительственной резиденции в белорусской Беловежской пуще подпишут соглашения о «разводе» Союза Советских Социалистических Республик.

Горбачев так и не приехал на конгресс, прислал вместо себя пресс-секретаря, который и поведал публике, изумленной сообщением из Минска, что страны, в которой мы родились, больше нет и что «Михаил Сергеич тоже узнал об этом из теленовостей». «Ну так пусть арестует заговорщиков немедленно!» — выкрикнул я из президиума, и зал взорвался аплодисментами. Пресс-секретарь сделал жалкую гримасу и удалился. Через час на конгресс пожаловали сразу два VIP-гостя — Руцкой и Козырев. Четыреста делегатов стали свидетелями неприличной перепалки вице-президента, который «тоже все узнал из телевизора», и министра иностранных дел, рассказавшего о том, что он вместе с Ельциным совершил пару часов назад в правительственной резиденции под Минском.

В зале стояла гробовая тишина. Мало кто верил в действительность происходящей на их глазах трагедии. Один только Козырев, не обращая внимания на угрозы Руцкого, пребывал в прекрасном расположении духа. Ему предстоял переезд из скромного кабинета на проспекте Мира в роскошные апартаменты легендарного Мистера «НЕТ» в высотном здании на Смоленской площади, и он уже мысленно двигал в нем мебель.

Пройдет еще немного времени, и из этой высотки на Смоленке на биржу труда потянется вереница кадровых дипломатов, которые не пожелают трудиться вместе с Козыревым. В общей сложности около 900 профессионалов покинут МИД с начала 90-х годов, и эта кадровая рана так и не заживет на теле внешнеполитического ведомства страны, значительно ослабив международные позиции России. То же произойдет и в Министерстве обороны, и в КГБ, из которого Ельцин выкинет на улицу последних профессионалов.

Страна, как взятый штурмом город, была отдана на растерзание армии бесов. Единственным препятствием на пути номенклатурной банды, расчленившей Союз и захватившей власть в «суверенных республиках», стоял Верховный Совет РСФСР. Жить ему оставалось менее двух лет.

Форсированный распад СССР не мог не привести к череде кровавых гражданских конфликтов. Ленинская национальная политика, направленная против интересов русского народа, предполагала реализацию права нации на самоопределение вплоть до отделения и образование собственной

государственности. За год до начала Первой мировой войны «вождь мирового пролетариата» писал:

> «Что касается права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то социал-демократическая партия, безусловно, должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии. Этого требует дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями».

Под нацией большевики понимали всякую народность, представленную в Российской империи, и доселе не имевшую не то что своей государственности, но и собственной национальной культуры и даже письменности. Понятно, зачем это было нужно партии революционеров. Ленин и его товарищи искали внутри страны влиятельных союзников, ненависть которых могла бы быть направлена против режима.

Славяне, освоившие обширные пространства Евразии и основавшие вместе с различными чудскими племенами и народностями великую русскую цивилизацию, в союзники большевикам не годились. В национальном вопросе русским отводилась бессловесная роль глины, от которой отрывались куски пожирнее для лепки государственности «младших братьев». При этом «старший брат», заклейменный как «надсмотрщик в тюрьме народов» (так большевики обзывали царскую Россию), должен был не только соглашаться с беспрецедентным переделом его родовой территории (на что не посмели решиться даже злейшие супостаты России), но и оплачивать за свой счет все эти «репарации и контрибуции» в пользу инородцев.

Русский народ был задействован в революции только как таран для слома сопротивления правящего класса. Русских крестьян, солдат и рабочих толкнули в конфликт с собственным дворянством, офицерством и духовенством. Гениальные лозунги Ленина: «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Мир — народам!» оказались циничным бесовским обманом. Вместо мира

русские получили Гражданскую войну, вместо воли — закабаление. «Неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное, кроме права на отдельное государственное существование», — вот квинтэссенция русофобского смысла ленинской национальной политики.

Надо сказать, что классики марксизма-ленинизма вообще ненавидели Россию и русский народ, а потому утверждение на долгие 70 лет социализма в России надо рассматривать как недоразумение, парадокс и насмешку истории.

Презрение, что сквозит в статьях Маркса по отношению к славянским народам, просто поражает. Чехи, болгары, хорваты — «варвары», черногорцы — «воры». Говоря о славянских землях, оккупированных в ту пору турками, Маркс иронизирует: «Эта великолепная территория имеет несчастье быть населенной конгломератом различных рас и национальностей, о которых трудно сказать, какая из них наиболее неспособна к прогрессу и цивилизации». А вот еще одна любопытная фраза Маркса: «Славянские варвары — природные контрреволюционеры, особенные враги демократии».

В 1849 году Энгельс писал в*Neue Rheinische:*«Ближайшая мировая война сметет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы». Русский народ, естественно, стоит на первом месте. В 1882 году Энгельс откровенничал с Каутским: «Вы могли бы спросить меня, неужели я не питаю никакой симпатии к славянским народам? В самом деле — чертовски мало». А вот еще поразительные признания товарища Энгельса: «Необходима безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с предательским по отношению к революции славянством… истребительная война и безудержный террор».

Замечательны рекомендации Маркса в период Крымской войны, которую Россия вела в XIX веке, героически защищая свою землю в неравной схватке с несколькими европейскими державами: «…если план будет осуществляться неуклонно и настойчиво, то Кронштадт должен будет пасть… Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались бы блокированными? Великан без рук, без глаз…»

Маркс и Энгельс в газете*Neue Oder-Zeitung*в течение всей войны печатали одну за другой статьи, полные ненависти к России и страстно желая ей поражения, а всем державам Европы — поражения революцией. Раздраженный успехами русских, Маркс писал, что с русских «маска западноевропейской

цивилизации упала и обнаружился татарин», что русская армия — «образец плацпарадной муштры». При этом, повторяя почти дословно статью Энгельса («Крымская кампания», 27 декабря 1854 г.), Маркс и Энгельс были очень сердиты на англо-французские войска за то, что они не могли справиться с русскими, и увлеченно разыгрывали поражение России в случае вступления в войну Австрии или штурма Кронштадта.

Ненависть к России у основоположников учения об интернационализме со временем приобретает патологический характер. Энгельс развивал общую с Марксом мысль: панславизм «ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России».

Ну чем не руководство к действию в стиле Гитлера?

В 1866 году Энгельс в английской газете *Commonwealth* говорит о «старом положении демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование».

Заметим, что речь постоянно идет о европейских нациях. Русские из перечней народов, которым положен суверенитет, все время выпадают. Энгельс пишет: «…признание и сочувствие национальным стремлениям относилось только к большим и четко определенным историческим нациям Европы; это были Италия, Польша, Германия, Венгрия. Франция, Испания, Англия, Скандинавия, которые не были разделены и не находились под иностранным господством, были лишь косвенно заинтересованы в этом деле; что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты».

Из этих текстов понятно, почему политическое руководство СССР предпочитало навязывать студентам и аспирантам советских вузов не изучение трудов Маркса и Энгельса, а заучивание ходульных цитат. В многотомных собраниях сочинений, отпугивающих всех здравых людей своими объемами, были спрятаны антироссийские, антирусские и антиславянские откровения коммунистических классиков. Что же говорить о засекреченной истории, хранящейся в архивах!

Российский историк Анатолий Латышев, работавший с сентября по ноябрь 1991 года в качестве члена временной депутатской комиссии с ленинским фондом в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, опубликовал интереснейшую книгу «Рассекреченный Ленин» и множество статей на основе своих исследований. За столь короткий срок он успел узнать немногое. Но и этого

достаточно.

Среди зловещих ленинских документов Латышев нашел в архивах предельно жесткие приказы по истреблению русского народа. Например, «брать в тылу заложников, ставить их впереди наступавших частей красноармейцев, стрелять им в спины, посылать красных головорезов в районы, где действовали "зеленые"», «вешать под видом «зеленых» ("мы потом на них и свалим") чиновников, богачей, попов, кулаков, помещиков. Выплачивать убийцам по 100 тысяч рублей…».

На Кавказ Ленин телеграфировал: «Перережем всех». От командующего Красной армией Михаила Фрунзе он требовал «поголовного истребления казаков». Их, кстати, там оказалось около миллиона человек.

0 том же было письмо Феликса Дзержинского Ленину от 19 декабря 1919 года. На текст с предложением казнить плененных казаков «наш добрый дедушка Ленин» тогда наложил резолюцию: «Расстрелять всех до одного».

Развязав террор против России, в качестве своего главного врага Ленин избрал Русскую православную церковь. В письме Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 года «великий вождь» настаивал на организации массового голода в стране, чтобы под предлогом помощи голодающим реквизировать церковные ценности и расстрелять как можно больше «реакционных священнослужителей», которые будут выражать недовольство.

1 мая 1919 года Ленин обратился к Дзержинскому с такими указаниями: «…необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».

> «Очень может быть, что кому-то надо грозить Европе коммунизмом, идущим из России, и остервенять Европу против России», — такую пророческую запись оставил к своему «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевский. Теперь мы знаем, кого имел в виду великий русский писатель. Наверное, ни один иностранный захватчик не нанес России такого урона, как эта чертова троица — Маркс, Энгельс и Ленин.
>
> Как только большевики взяли власть, они, руководствуясь указаниями «классиков», дали «немедленную волю» полякам и финнам. Ленинцы

понимали, что использовать потенциал этих крупных и близких к Европе народов в борьбе против царского режима можно и нужно, но загнать обратно в «социалистическое царство» большевистской России вряд ли будет возможно. А вот кратковременного буйства народов Кавказа и Поволжья Советская власть не побоялась. Дав им порезвиться и отыграться на казачестве (казаки во время революции, Гражданской войны и в более поздние годы подвергались действительному геноциду), большевики загнали коренные народы России обратно в коммунистическое стойло, наделив их при этом «ограниченной государственностью».

Насколько нелепыми и лживыми были утверждения коммунистов о Российской империи как о «тюрьме народов»? Хороша «тюрьма», в карцерах которой не сгинула ни одна народность, ни одна культура даже самой малой этнической группы, образовавшейся на просторах Евразии!

Прибалтика, которая осваивалась русскими с древнейших времен (вспомним хотя бы историю происхождения «эстонского» города Тарту, который великий киевский князь Ярослав Мудрый в начале XII века основал под именем Юрьев), многократно переходила из рук в руки то шведов, то пруссов, то датчан. Но только русский престол, спасая эти балтийские народы от полной ассимиляции и истребления, дал возможность местным племенам получать образование не на шведском, датском или прусском наречии, а на своем, родном языке. Именно это и позволило им претендовать на самобытность и в Средние века сформироваться в латышский и эстонский народы.

Сталинская национальная политика, которая лежала в основе Конституции СССР 1936 года, во многом закрепила общую линию большевиков в национальном вопросе. Мировая история не знала иных империй, где народ метрополии раздавал бы свои коренные земли колониям. Так большевики и их наследники во власти расплачивались за счет русского народа за поддержку своих союзников в годы революции и Гражданской войны.

Конечно, тиран Сталин в страшном сне не мог себе представить, что за публика будет руководить Россией в конце XX века. Преобразовать послевоенный Советский Союз в единое унитарное государство он не успел. Через 30 лет после смерти «Великого вождя» построенная им держава стала рушиться по линии тонкого разлома — вдоль формальных, «бумажных» границ, установленных Сталиным между республиками Союза

СССР.

Ельцин, ослепленный местью Горбачеву, при подписании Беловежских соглашений «не решился» поставить вопрос о возвращении Крыма России. Он «забыл» оговорить необходимость транзитного коридора для миллиона жителей Калининградской области, которые благодаря ему оказались отрезанными от «материка» — основной территории России. Он «упустил из виду» судьбу 25 миллионов русских, оказавшихся при разделе «советского пирога» за чертой своей резко сократившейся Родины. «Забывчивый» нам попался руководитель.

Боровшиеся против «великодержавного русского шовинизма» национал-сепаратисты, захватив власть в своих уделах, стали проводить шовинистическую политику против русских и других национальных меньшинств. «Мелкодержавный шовинизм» оказался еще более людоедским, чем пресловутый «великодержавный русский шовинизм».

Еще вчера требовавшая от Кремля особых прав и привилегий для титульных народов республик СССР, получив наконец долгожданную «свободу», республиканская партноменклатура тут же превратила новообразованные «суверенные государства» в маленькие и злобные режимы, угнетающие русских и другие нетитульные народы. О «праве нации на самоопределение вплоть до отделения» тут же забыли, а «ленинскую национальную политику», с помощью которой варварам удалось разрушить «Третий Рим», отправили пылиться на библиотечную полку.

Под предлогом борьбы с «дальнейшей атомизацией постсоветского пространства» новые власти из числа старой партноменклатуры стали «закручивать гайки» и вводить унитарное государственное устройство, упраздняя национально-государственную автономию этнических меньшинств. Этот процесс начиная с декабря 1991 года шел на Украине, в Грузии, Прибалтике, Молдавии — везде, кроме Российской Федерации, где Ельцин провозгласил известную формулу: «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», расплачиваясь со своими подельниками за счет земель русского народа.

Распад СССР по искусственно нарезанным сталинским границам и шовинистическая риторика официального Тбилиси мгновенно обозначили проблему Южной Осетии. Ее народ также решил последовать общему примеру и воспользоваться провозглашенным правом на самоопределение. «Самоопределение по-осетински» предполагало воссоединение Осетии, разрезанной Сталиным на «грузинскую» (Южная Осетия) и «российскую» (Северная Осетия) части. Осетины веками жили

одной семьей с русским народом и в принципе не настаивали на независимости. Воссоединившись, они решили остаться в составе демократической России. Как и следовало ожидать, это решение осетинского народа, подтвержденное общенациональным референдумом, было грубо проигнорировано властями в Тбилиси. Там посчитали, что в отличие от грузин — «людей первого сорта», осетины — «люди второго сорта» — не имеют права на национальное самоопределение. При этом никто в грузинском руководстве не потрудился объяснить почему.

Примерно то же самое произошло с Абхазией. По языку и крови абхазский народ является прямым родственником народов черкесо-абазинской этнической группы, проживающих в основном на российском Северном Кавказе. Напомню, что независимая Абхазия вошла в состав России лишь в 1810 году, в то время как Восточная Грузия (1801) и Западная Грузия (1803) к этому времени уже несколько лет пребывали в ее составе, получив надежную защиту от физического истребления своего населения, подвергавшегося постоянным нападениям со стороны Турции и Персии.

Не желая оставаться в Грузии, абхазы решили использовать свое право на самоопределение и провозгласили независимость. Первым президентом независимой Грузии был Звиад Гамсахурдиа — психопат и биологический националист. Он нашел оригинальный способ «успокоить» сепаратистски настроенное население Абхазии. Специально для этого он выпустил из тюрем несколько сот особо опасных преступников, дал им оружие и отправил в Абхазию. Их предводитель — жестокий вор-рецидивист и по совместительству вице-премьер Грузии Джаба Иоселиани гарантировал абхазам в случае сопротивления смерть: «Демократия — это вам не лобио кушать!»

«Демократия по-грузински» вскоре стала кушать не лобио, а людей. Вооруженные конфликты в Сухуме и Цхинвале разворошили вековую неприязнь между грузинами и северокавказскими народами. На помощь «братьям» в Абхазию потянулись добровольческие отряды радикального общественного движения «Конфедерация народов Кавказа». Приобретая боевой опыт и оружие в столкновениях с грузинами, они скоро применят и то и другое в Чечне против российской армии.

Во всех этих конфликтах русские страдали первыми. Вошедшие в Сухум отряды грузинских бандитов в самом центре города повесили растяжку с характерным для того трагического времени призывом: «Русские мужчины и женщины, не уезжайте из Сухуми! Нам нужны бесплатные рабы и проститутки!» Наглость грузинских боевиков возмутила казаков Юга России. Они

сформировали отряд добровольцев и поехали в Абхазию на помощь молодой и храброй республике. Насилие породило еще большее насилие, кровь пролила кровь.

Причины, приведшие к вооруженным конфликтам на Кавказе, стали предметом моих многочисленных споров с представителями современного грузинского руководства. Взывая к «мировому общественному мнению», они не упускали ни одной возможности, ни одного международного форума, чтобы не вылить ушаты грязи на Россию, представляя ее в описанных событиях в самом неприглядном свете. Будто бы именно Россия в начале 1990-х годов спровоцировала войну в Абхазии и Южной Осетии, «не желая отпускать грузинский народ на свободу». Не питая ни малейшей симпатии к Ельцину и его окружению, определявшему в тот момент внутреннюю и внешнюю политику нашей страны, тем не менее я утверждаю, что грузинские политики говорят неправду.

Причинами обеих проигранных Грузией войн был клинический шовинизм грузинской политической элиты, воспитанной в духе их земляка — Иосифа Сталина и предпочитавшей диалогу с оппонентами кровавую над ними расправу. В головах Гамсахурдиа, а затем Шеварднадзе и Саакашвили сама мысль вести переговоры с теми, кто грузинским порядкам предпочел свободу, становилась невозможной в принципе. Именно в столице унитарной Грузии принимались решения, исключающие всякую независимость и самостоятельность, даже малейшую автономию для абхазов и осетин.

Абсурдно обвиняя СССР в подавлении грузинского национального инакомыслия, несмотря на то что Сталин и все его ближайшее окружение были этническими грузинами, шовинисты из Тбилиси соорудили такую железобетонную, крайне националистическую государственность, при которой даже самый ленивый народец постарался бы из нее выбраться. Что уж говорить о легких на подъем «горячих парнях» из Цхинвала и Сухума, которым такие новые порядки пришлись, мягко говоря, не по душе! Кроме того, абхазы или осетины никогда не покушались на грузинские земли, никогда не нападали на мирные грузинские города и села. Как раз наоборот, именно грузинские уголовные элементы были использованы для атаки на мятежные автономии Абхазии и Южной Осетии. Именно их отряды поражали беспримерной жестокостью и дикостью в обращении с мирными жителями. Формировали эти отряды, между прочим, не в Москве, не в Кремле, а как раз в Тбилиси — в правительственных резиденциях независимой и суверенной

Грузии.

Так при чем здесь Россия? Или наши тбилисские друзья полагают, что русские мужики настолько обленились и потеряли национальный и человеческий облик, что «не оторвутся от бутылки», даже если на их глазах будут насиловать и убивать их жен и дочерей?

Фантазии Тбилиси о российском вмешательстве в начале 90-х годов в вооруженные конфликты в Абхазии и Южной Осетии вызваны одной-единственной причиной. Бумажным грузинским львам стыдно, что они потерпели сокрушительное поражение от ополчения абхазов и осетин, которых они и за людей-то не считали. Другое дело — сражаться против армии мировой ядерной державы! Это уже не стыдно. Такие истории дорогого стоят. Можно, например, в обмен на дармовую миску тушеной капусты в столовой Европарламента рассказать ее наивным завсегдатаям байку о «клинической агрессивности России». А если к тому же в красках описать им «зверства русской военщины», то можно еще и на крем-брюле заработать.

Словосочетание «внутренние дела» применительно к постсоветской Грузии я сознательно беру в кавычки. Никто в здравом уме не может считать, что попытка Абхазии и Южной Осетии остаться в составе России при распаде Союза ССР — «внутреннее дело» Грузии. Российская Федерация является продолжательницей государственной традиции СССР. Именно Россия унаследовала от Советского Союза собственность, долги, международные договоры, статус ядерной державы и место постоянного члена Совета безопасности ООН.

Развал СССР, по сути дела, представлял собой процесс спонтанного выделения из состава России отдельных ее частей. Если Грузия решила выйти из России, она должна была поступить в строгом соответствии с действовавшим на тот момент конституционным порядком выхода союзной республики из состава Союза ССР. Этот порядок предполагал необходимость проведения республиканского референдума, в ходе которого жители Грузии должны были принять то или иное решение. В случае если какая-то часть Грузии проголосовала бы против выхода, то она осталась бы в составе СССР или России, как его правопродолжательницы.

То есть, говоря по-простому, хочешь уйти, уходи, но чужой чемоданчик поставь-ка на место! Если Абхазия и Южная Осетия не хотят уходить, а их граждане, «голосуя ногами», бегут из Грузии и принимают всеми правдами и неправдами российское гражданство, то при чем здесь «вина» России? Это не «вина», а прямая обязанность Российской Федерации, вытекающая из ее

статуса правопродолжательницы СССР.

Она была просто обязана взять под свое покровительство всех бывших советских граждан, независимо от их национальности и места проживания, если они отказались принимать гражданство новых независимых государств. Часто приходится слышать, что, мол, Россия специально поддерживала сепаратизм на Южном Кавказе, выдавая свои паспорта жителям Абхазии и Южной Осетии. Это неправда. Во-первых, в международном праве нет никаких ограничений насчет применения на практике принципов двойного гражданства. Если бывшие граждане СССР или даже иного государства хотят получить русский паспорт, то мы в соответствии с нашими законами рассматриваем такую просьбу. Более того, в условиях демографического спада мы заинтересованы в пополнении государства новыми лояльными гражданами. Мы даже не требуем от будущего гражданина нашей страны отказа от его прежнего гражданства! Не только абхазы и осетины могут приобрести гражданство РФ, но и представители любой иной национальности — те же грузины. В России проживает около трех с половиной миллионов этнических грузин, и это такие же наши братья и сестры, это наши сограждане и соотечественники. Так почему же грузинам российские паспорта давать можно, а осетинам и абхазам — нельзя?

Во-вторых, мы же не навязываем бывшим гражданам СССР российское гражданство! Как раз наоборот: люди стоят в очередях и месяцами ждут оформления российского паспорта, считая его своеобразным страховым свидетельством в нашей сложной жизни. Подчеркиваю, предоставление гражданства России всем желающим бывшим гражданам СССР — это не каприз, а бесспорная ответственность России, определенная ее международными обязательствами и собственной конституцией.

В-третьих, какое право имеют критиковать нас за выдачу паспортов те, кто сам этим занимается повсеместно? Например, правительство Польши разработало и внедрило так называемую «карту поляка», которую активно раздает на Украине и в Литве — причем несмотря на бурные протесты местных властей и общественности. Эстонские власти свободно оформляют гражданство жителям Печорского района Псковской области, видимо, надеясь на последующую аннексию этой российской территории. Румынский президент Бэсеску, выступая в апреле 2009 года на форуме местных самоуправлений Румынии и Республики Молдова в городе Пьятра-Нямц, вообще заявил: «Наше решение об ускорении процесса предоставления румынского гражданства лицам, насильственно его лишенным, и членам их семей — это серьезный процесс, который мы ни с кем

не обсуждаем, который с каждой неделей набирает скорость». Разве это высказывание главы государства, являющегося членом ЕС и НАТО, — не подстрекательство к переходу в румынское гражданство?

Вот почему России не стоит искать какие-то веские причины для объяснения своих гуманитарных действий в зоне грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Эти веские причины вытекают из самого статуса российского государства как единственного законного наследника и продолжателя бывшего СССР. Они требуют от российских властей отбросить фиговый листочек лицемерного смущения и юношеского испуга перед принятием взрослого решения. Абхазия и Южная Осетия — в соответствии с волей их народов, однозначно высказанной на референдуме, — имеют не меньше Грузии прав на самоопределение.

Вздохи руководимого Соединенными Штатами так называемого «мирового сообщества» следует принять как неприкрытое лицемерие и неизбежный аккомпанемент, которым во внешней политике сопровождаются все долгожданные действия уважающих себя держав. Визг рано или поздно стихнет, зато мир поймет, что Россия приступила к своим обязанностям хранителя мира в Евразии и впредь не потерпит провокаций под самым своим носом.

Всякий раз, когда Россия пыталась остудить милитаристские порывы очередного тбилисского «царя», на нас сыпался град упреков в проведении политики «двойных стандартов». Смотрите, мол, на этих русских! Сепаратистов в Цхинвале и Сухуме они поддерживают, а сепаратистов в Грозном, как однажды в сердцах сказал Путин, «мочат в сортире»!

Я отвечу: попытки грузинских шовинистов сравнить Абхазию и Южную Осетию с Чечней выглядят не только неуместно, но и провокационно. Понятно, чего хотели добиться в окружении Саакашвили. Только не понятно, почему они столь наглым образом игнорировали действительное положение дел.

Конфликт в Чечне был порождением внутричеченского противостояния. Чеченцы воевали с чеченцами. На стороне одних выступала Россия. На стороне других — ее заклятые враги. Более того, после двух разрушительных войн в Чечне Россия взяла на себя заботу о полном экономическом восстановлении пострадавшей республики. Сегодня Грозный — самый благоустроенный город на Кавказе, а может быть, и во всей России. Бывшие боевики примирились с русским народом. Бывшие чеченские партизаны сейчас составляют костяк армейского спецназа Северо-Кавказского военного округа России.

Когда в августе 2008 года головорезы Саакашвили вошли в разрушенную ночной варварской грузинской бомбардировкой югоосетинскую столицу Цхинвал, то выбивали их с захваченных территорий русские войска вместе с чеченским батальоном «Восток», сформированным из бывших боевиков-сепаратистов. Это боевое братство — лучшее доказательство примирения русских и чеченцев! Война в Чечне — это страшный урок, но мы его прошли и усвоили. И нет сегодня на Кавказе более миролюбивой страны, чем Россия.

Приведу еще один убедительный пример того, что между русскими и чеченцами, не говоря уже о русских и грузинах, никогда не было непреодолимых противоречий и тем более вражды. Этот пример прост, как азбука. Куда бежали от войны осетины и абхазы? В Тбилиси? Нет. Они бежали в Россию. А куда бежали от голода и войны грузины? Где сейчас проживает половина грузинских беженцев из Абхазии, уроженцы цветущего Сухума, роскошных Гагр, великолепной Пицунды? Они проживают в России. Куда бежали от войны чеченцы? Тоже в Россию. В какой стране мира (кроме Грузии) проживает три с половиной миллиона грузин? В России. Разве, спасаясь от врага, люди ищут убежище на его территории? Абхазы, осетины, грузины, чеченцы — все убежали от войны в Россию.

Значит, она им не враг. Значит, желание простого грузинского народа жить в дружбе с русским народом сильнее ксенофобских выходок тбилисских властей, стремящихся в НАТО? Что, в НАТО накормят Грузию, восстановят мир и спокойствие этого древнего православного народа? Что, НАТО насильно вернет абхазов и осетин в состав Грузии? Нет, конечно.

Будущее Грузии только в дружбе с Россией. А грузинские радикалы, утверждающие обратное, как всегда врут.

Упырь

В отличие от кавказских конфликтов, часто замешанных на исторических обидах, традициях кровной мести и прочем «местном колорите», война в Приднестровье была сугубо политической. По ту и другую сторону Днестра веками бок о бок жили русские, украинцы и молдаване. Особенность Приднестровья — не в особом этническом составе населения, а в ином в сравнении с Молдовой, историческом мировоззрении, ином национальном инстинкте. Эти земли, помнящие славу любимца императрицы Екатерины Великой — русского полководца Александра Васильевича Суворова, — всегда тяготели к русской цивилизации.

До 1940 года Приднестровье не входило в состав Молдавии и бывшей Бессарабской губернии. Здесь никогда не признавали румынские территориальные притязания. Русские язык и культура сплачивали пестрое по этническому составу местное население на протяжении нескольких веков, и это вполне доказывает то, что в национальном инстинкте гораздо больше идеального и духовного, чем почвенного и материального.

Ненависть ко всему русскому у молдавских нациков порой приобретала шизофренические оттенки. В начале 1990-х возле памятника Королю Штефану собирались стотысячные толпы. При этом лозунги типа «Чемодан — вокзал — Россия» были самыми умеренными. В порыве шовинистического экстаза одна из активисток национально-радикальной партии «Народный фронт» прямо на одном из таких митингов с помощью местного православного священника вышла замуж за памятник королю Штефану. Естественно, сперва оформили королю развод, так как при жизни государь, оказывается, обесчестил себя, женившись на русской…

В действительности национальный герой — король Штефан (Стефан Великий) правил Молдавией с 1457 по 1504 год. Ему удалось усмирить боярские группировки и создать сильное государство. Господарь создал мощную армию, укрепил обороноспособность страны. Будучи правителем государства, окруженного со всех сторон агрессивными соседями, Штефан стал искать союзников в лице более отдаленных стран, в первую очередь в лице России. В 1463 году он женился на Евдокии Олелькович из Киева (родственнице великого московского князя Ивана III). Позднее, в январе 1483 года, дочь Штефана и Евдокии — Елена — вышла замуж за сына Ивана III — Ивана Молодого. Союз Штефана с Иваном III предостерегал Молдову от нападения

татар и уменьшил возможности Польши оказывать давление на молдавского господаря. Но вот прошло 529 лет, и «Народный фронт» Молдовы решил «поправить» своего великого короля.

Спонтанный раздел СССР и инспирируемая республиканской партийной верхушкой шовинизация общества, наводнение Кишинева эмиссарами-униатами из Бухареста и развернутая экстремистами из «Народного фронта» Молдовы дискуссия о необходимости отказа от собственной государственности и создания «Великой Румынии» вызвали возмущение среди жителей Приднестровья (стоит отметить, что официальный Бухарест до сих пор проводит в отношении Молдовы «политику аншлюса». Так, например, президент Румынии Траян Бэсеску постоянно заявляет, что считает «бесполезным подписание договора о границе с Молдовой, который бы сделал главу румынского государства партнером Риббентропа и Молотова». Реакции коллег Бэсеску в НАТО и ЕС на эту вызывающую речь, к сожалению, мы так и не услышали). Особую тревогу у придне-стровцев вызвала резолюция об использовании румынской военной помощи против «приднестровских сепаратистов», принятая молдавскими шовинистами 17 марта 1992 года на массовом митинге в центре Кишинева.

Справедливости ради надо отметить, что основную военную помощь Кишиневу в подготовке агрессии против Приднестровья оказала вовсе не Румыния, а ельцинская Россия. Кремль не только дал приказ и без того пугливому командующему 14-й российской армией генералу Неткачеву не вмешиваться в конфликт, но и передал под юрисдикцию Молдовы массу вооружений и военной техники бывшего СССР.

Через распахнутую границу в Молдавию хлынули сотни румынских волонтеров — внуков тех «дракул», кто в составе армий германского рейха в 1942–1943 годах топтал советскую землю и пил кровь наших соотечественников. Мои воронежские избиратели из числа людей старшего возраста не раз жаловались мне на бесчеловечное отношение к мирному населению румынских фашистов. В боях с Советской армией румыны храбростью не отличались, зато вымещали свои комплексы на беззащитных людях, оказавшихся на оккупированных территориях. Глумление над мирным населением приобретало порой такие масштабы, что требовалось вмешательство немецкого командования, которое останавливало непревзойденные по жестокости кровавые бесчинства румын. Теперь внуки этих упырей устремились в Молдавию.

Уже с марта 1992 года в 50 километрах от Кишинева, в Бульбоках, под руководством опытных румынских инструкторов

готовится отряд специального назначения. Экипажи приданных ему БМП и БМД формируются из офицеров и солдат румынской армии. Для подготовки нападения на Приднестровье с воздуха на аэродром Маркулешты (где по предательскому приказу командующего так называемого «Объединенными вооруженными силами СНГ» маршала Шапошникова было оставлено и передано молдавской армии 42 истребителя МИГ-29, принадлежавших ранее Черноморскому флоту), из Румынии дополнительно перебрасываются 32 боевых летчика и 10 истребителей МИГ-25 — также с румынскими экипажами.

Пропаганда идеи аншлюса бывшей Молдавской ССР и образования «Великой Румынии» сопровождалась угрозами в адрес властей столицы Приднестровья — Тирасполя. Реакция Тирасполя не заставила себя долго ждать. Жители автономии решили защищаться и провозгласили Приднестровскую молдавскую республику.

В Кишиневе надеялись, что после подписания Беловежских соглашений защитить непокорных приднестров-цев будет некому. СССР больше не существовал. В Москве все были заняты доеданием его наследства. Возможная негативная реакция российского руководства на нападение на Тирасполь особенно не просчитывалась. Политики-униаты в Бухаресте и Кишиневе видели, с какой невозмутимой легкостью Ельцин «сдавал» русские интересы — территории, население, их имущество и капитал, удовлетворяя растущие аппетиты руководства «суверенных государств». Предвидя безнаказанность своих возможных действий, вооруженные отряды румынских и молдавских униатов весной 1992 года выдвинулись на Тирасполь.

Операцию по уничтожению Приднестровья они решили назвать «Троянский конь». Первым делом униаты решили затоптать город Бендеры, расположенный на правом берегу Днестра. 1 апреля на молдавской земле прозвучал первый выстрел. Ворвавшийся на бронетехнике в город отряд полиции особого назначения (ОПОН) в упор расстрелял приднестровский милицейский патруль и автобус с местными рабочими.

Население автономии требовало от командования 14-й российской армии защитить жизнь мирных граждан. Штаб армии, расквартированный в Тирасполе, пикетировался приднестровскими женщинами ежедневно. Бесполезно. Команда «не вмешиваться», поступившая из Москвы, была равнозначна приговору 150 тысячам русских жителей Приднестровья.

Тогда население решило взять ситуацию в свои руки. Из числа дееспособных мужчин начали формироваться отряды ополчения. На помощь своим братьям из России и Украины в

Тирасполь, Бендеры и Дубоссары потянулись сотни казаков и славян-добровольцев. Но их было ничтожно мало по сравнению с многократно превосходящей их по живой силе и вооружению армией и полицейскими формированиями агрессора. С молдавской стороны было выставлено до 320 единиц артиллерии и бронетехники и 14,5 тысячи человек личного состава. Этой армии противостояли вооруженные формирования приднестровской стороны: казаки, гвардия, территориально-спасательный отряд, ополченцы. По сути дела, оружие у них было только стрелковое, а также противоградные установки «Алазань» и самодельные минометы без прицелов. Сдержать агрессию такими ничтожными силами было невозможно.

Исход дела решила воля военнослужащих 14-й армии. Государства, на верность которому они давали присягу, уже не было, но осталась честь русского офицера. Игнорируя приказ генерала Неткачева, офицеры 14-й армии стали выводить на рубеж обороны свои подразделения. Многие из них переходили служить в приднестровскую гвардию. Преданные своим политическим и военным руководством, но до конца преданные России, они решили разделить судьбу своего народа и встали на его защиту.

Ни болтовня министра Козырева, спешно присланного Ельциным в Кишинев и Тирасполь для «мониторинга обстановки», ни эмоциональный визит вице-президента Руцкого, наговорившего массу одобряющих приднестров-цев слов, но не сделавшего ничего путного, не смогли сдержать раскрутку спирали румыно-молдавской фашистской агрессии.

Штаб 14-й армии так и не получил из Кремля команду развести враждующие стороны и остановить кровопролитие. Опасаясь скандала и ответственности за действия офицеров 14-й армии, Москва до конца тянула и с решением о переводе армии под российскую юрисдикцию. Это произошло лишь 12 мая, и то под давлением Верховного Совета России.

Впервые я приехал в зону конфликта в конце мая 1992 года. Эти места мне были достаточно хорошо знакомы. В 1980 году под Тирасполем проходили всесоюзные соревнования по ручному мячу, в которых я принимал участие. До сих пор помню вкус сочного болгарского перца, который мы тогда с ребятами из юношеской сборной поедали килограммами.

Теперь я увидел совсем другой город. В воздухе висела тревога и мобилизационные настроения. 19 мая вместе с небольшой группой казаков мы выехали на УАЗах в Дубоссары и сразу попали под огонь униатов. Один из нас — журналист из Киева — был легко ранен.

Майские бои под Дубоссарами были очередной «игрой на нервах» накануне полномасштабной агрессии, которая началась ровно через месяц. Вечером 19 июня в Бендеры пришла настоящая война. В городе стреляло каждое здание. Сотни трупов валялись неубранными, разлагаясь на жарком солнце. 22 июня, в годовщину нападения гитлеровской Германии на СССР, «меткая» молдавская авиация попыталась нанести бомбовый удар по Бендерскому мосту, чтобы отрезать защитников города от приднестровских ополченцев, но промахнулась.

Молдавские и румынские боевики использовали старую изуверскую тактику: свои огневые точки они устанавливали либо в жилых домах, не выпуская из них мирное население, либо размещали огневые позиции артиллерийских и минометных батарей на территории школ и больниц, чтобы избежать ответного огня подразделений 14-й армии и приднестровских гвардейцев. При этом эти упыри расстреливали все живое, что попадало в перекрестие их прицела.

С каждым днем ситуация складывалась все тревожнее. С молдавской стороны в бой вводились все новые части, подтягивалась тяжелая дальнобойная артиллерия. Стойкость защитников Бендер подталкивала кишиневские власти к решению начать обстрел Тирасполя, применив оружие большой разрушительной силы — пушки «Гиацинт» и реактивную артиллерию «Ураган».

День 23 июня я застал в расположении русско-украинского отряда добровольцев на дороге Дубоссары — Рыбница. О том, что в этот день в Тирасполь вместе со спецназом ВДВ прибыл генерал Лебедь, я узнал намного позже, но решительные действия нового «командарма-14» мы почувствовали сразу. Вскоре вместо хаотичных действий отдельных подразделений российской армии мы увидели реальную силу русского оружия. В начале июля наша артиллерия накрыла Кицканский плацдарм и Гербовецкий лес, где находились основные силы противника. Сколько там погибло молдавских волонтеров, не знает никто, но думаю, что несколько сот человек.

«Троянский конь» споткнулся, оставив в памяти русских, молдаван и украинцев самые мрачные воспоминания об этом кровавом конфликте. Эта война познакомила мир с именем генерала Александра Ивановича Лебедя, с которым вскоре судьба сведет меня самым тесным образом.

Эта война укрепит позиции Приднестровской молдавской республики и ее героического народа, которому «мировое общественное мнение», несмотря на пролитую сполна кровь, до сих пор отказывает в признании права на самоопределение и

собственную государственность.

Униженные и оскорбленные

В октябре 1992 года я подал запрос в Конституционный суд (КС) Российской Федерации о незаконности Беловежских соглашений о роспуске СССР, подписанных лидерами России, Украины и Белоруссии. Оказалось, что до меня такого рода запросов в КС никто не отправлял. Ни Верховный Совет России, депутаты которого бурно и пламенно возмущались волюнтаризмом Ельцина, ни всевозможные лидеры «патриотов», неистово ругавшие правительство Гайдара, так и не удосужились потребовать от Конституционного суда разбора «беловежского полета».

После приднестровского пожара, затушенного офицерами 14-й армии, я понял, что трагические последствия антизаконного упразднения СССР еще дадут о себе знать. Я решил составить подробный, юридически обоснованный и аргументированный запрос.

По сути, я сумел доказать, что Советский Союз как субъект международного права не мог быть ликвидирован заявлением глав исполнительной власти России, Украины и Белоруссии. Это то же самое, как если бы губернаторы Техаса, Калифорнии и Северной Каролины, собравшись где-нибудь в окрестностях Сан-Диего, заявили о роспуске США.

Мой запрос был принят к рассмотрению Конституционным судом, о чем меня известили почтовой открыткой. Через два дня по приглашению моего товарища, социолога Леонтия Вызова я вылетел в качестве эксперта Верховного Совета России сопровождать делегацию народных депутатов в рамках ее официального визита в Баку.

В самолете все только и обсуждали последнюю новость: верховный суд Азербайджана приговорил к смертной казни российского офицера и несколько наших солдат за то, что они, действуя в строгом соответствии с уставом караульной службы, открыли огонь по группе местной вооруженной молодежи, пытавшейся захватить склад с оружием на охраняемой территории военного училища. Кроме них смертной казни ожидал и один русский летчик, воевавший на стороне армян и попавший в азербайджанский плен. Кремль по этому поводу в очередной раз красноречиво молчал, зато депутаты демонстрировали готовность «поставить вопрос ребром».

После короткой передышки в гостинице мы сразу выехали на обед в резиденцию парламента Азербайджана. Решимость на лицах российских парламентариев сразу куда-то улетучилась,

один за другим пошли тосты за «многовековую дружбу российского и азербайджанского народов». Через час раскрасневшихся от алкоголя московских гостей повезли в соседний дворец — на встречу с первым президентом Азербайджана Эльчибеем.

Это был сухонький старичок с колючим взглядом и бородкой с проседью. Он говорил через переводчика тихо и медленно, и, казалось, российские депутаты наслаждались его речью.

И вот с ответным словом выступает глава нашей делегации, затем другой депутат, третий… Все говорят о «многовековой дружбе», рассыпаются в комплиментах и… ни слова о томящихся в камере смертников российских военнослужащих.

Я не выдержал, встал и громким голосом, перебивая последнего расшаркивающегося парламентария, произнес:

> «Господин президент! Ваше превосходительство! В этом зале довольно много и страстно было сказано об исторических связях наших народов. Не буду повторять все эти правильные слова. Пользуясь случаем, прошу вас продемонстрировать силу и мудрость национального лидера и ваше доброе расположение к демократической России. Как вам должно быть хорошо известно, в тюрьме Азербайджана ожидают своей горькой участи четверо российских военнослужащих, а также один офицер-летчик. Они приговорены к смерти лишь за то, что выполнили приказ и до конца остались верными присяге. Они невиновны. Ваш авторитет в азербайджанском народе настолько велик, что проявленное вами великодушие к судьбе русских солдат еще раз докажет вашу мудрость. Прошу принять решение отменить смертный приговор и освободить военнослужащих Росси и это будет лучшим доказательством правоты членов делегации Верховного Совета России, сказавших столь много лесных слов в ваш адрес».

Я сел. Эльчибей сам прервал тишину. Он внимательно посмотрел на меня своими холодными угольками, сначала утвердительно кивнул головой и затем по-русски произнес: «Хорошо. Я это сделаю».

Я был счастлив. Никто из членов российской делегации не сделал мне замечания за «нарушение государственного этикета», наоборот, сразу все как-то оживились и стали поздравлять Эльчибея с только что принятым мудрым решением.

Покинув президентскую резиденцию, мы поехали на встречу с русскими соотечественниками. Вели они себя агрессивно, то и

дело упрекая Россию в потакании Армении в вопросе Нагорного Карабаха. Несколько мужчин, одетых в казачью форму, открыто признали факт участия русских добровольцев в войне за Шушу, Агдам и другие расположенные по соседству с армянским Степанакертом азербайджанские села Нагорного Карабаха.

В тот момент я отчетливо осознал, что трагедия русских заключена не только в искусственной расчлененности и разобщенности, но и в том, что в чужих гражданских этнических конфликтах на территории бывшего СССР русские принимают самое деятельное и непосредственное участие, причем воюя друг с другом. Так наши соотечественники, оказавшись без поддержки России в новой и неожиданной для себя роли иностранцев, доказывали местным шовинистическим режимам свою лояльность.

Русские рижане и таллиннцы активно аплодировали националистическим «народным фронтам» и ходили в их рядах на демонстрации за независимость Прибалтики, надеясь заслужить право «жить в Европе». В действительности они голосовали против себя. Пришедшие к власти в балтийских странах радикально настроенные националисты, сводя счеты с уже несуществующим СССР и пытаясь сделать гадость России, отыгрывались на своих несчастных соседях — русских жителях Прибалтики. Русским отказали в гражданстве, затем лишили остатков политических прав, после чего у них отняли национальные школы и культуру. Сегодня русским детям запрещено перешептываться на своем языке даже во время перемены в школе!

Откуда такая ненависть? Зачем так оскорблять и унижать целый народ? Ведь это неумно и недальновидно! Русских в Латвии и Эстонии всегда проживало очень много. Примерно 30–40 процентов от всего населения этих республик. Вместо того чтобы создать двухобщинные дружные нации, эстонские и латышские шовинисты стали заставлять русских отказываться от своих корней. К чему это приведет? Очевидно, к тайной ненависти на уровне сознания и подсознания. Русская молодежь в Прибалтике прекрасно говорит на местных наречиях, но презирает националистов за узкие лбы. Никакого уважения такая дискриминационная, я бы даже сказал, нацистская политика ни у кого из цивилизованных людей вызвать не может. Ненависть породит ненависть и отчуждение.

Прибавьте сюда ежегодные военизированные марши, парады с участием эстонских и латышских ветеранов «Ваффен-СС», на которых регулярно присутствуют официальные представители власти и депутаты правящих партий, и вы, уважаемый читатель,

почувствуете комплекс исторического реванша, которым страдают прибалтийские политики, да и общество в целом. Для того чтобы оправдать свои антидемократические действия по подавлению гражданских прав национальных меньшинств и регулярные рецидивы фашизма, политическая элита прибалтийских государств постоянно провоцирует Россию, стоит «впереди планеты всей» во всех акциях, способных антагонизировать отношения России и Запада.

Однажды, уже работая послом России в НАТО, я спросил одного своего балтийского коллегу, почему его страна занимает самую недружественную позицию в отношениях Североатлантического альянса с Москвой. Неужели не понятно, что соседям лучше жить в мире и дружбе?! Да и крупная русская община, если бы с ней вели себя уважительно, стала бы лояльной и покладистой. Ответ коллеги был откровенен до предела. Оказывается, если бы его политическая элита не использовала возможность провоцировать Россию, то на его маленькое и малозначимое государство никто бы не обращал внимание. А так, поддерживая турбуленцию с Москвой, ведущие политики и дипломаты его страны постоянно приглашаются в Вашингтон и ведущие европейские столицы, где попутно решают свои конъюнктурные задачи, в том числе и личные вопросы. По-моему, это сверхцинично.

Но вернемся в 90-е годы. В разрушенном Советском Союзе русские вне России (а таких, напомню, было более 25 миллионов человек) оказались «лишними людьми». Чтобы заслужить себе право жить в новых этнократических государствах, русские были готовы лезть по обе стороны фронта в окопы Карабаха и стрелять друг в друга. Но это им не помогло. Вскоре им пришлось паковать чемоданы для переезда в Россию. Никто из новых хозяев Армении и Азербайджана так и не оценил их самопожертвования.

В моих глазах все это выглядело недостойно. Самоунижение, отсутствие национальной гордости и солидарности друг с другом — вот новые, ранее неизвестные мне черты денационализации русских, которые угадывались в поведении моих соотечественников. Идеал русского человека, в который я верил всю свою жизнь, рушился на глазах. Я видел, как мои соотечественники заискивали перед всяким ничтожеством и, к моему стыду, были готовы выполнять самые подлые его приказы.

Но и в России бегущие от резни и побоев соотечественники встречали ледяной прием. В условиях кризиса экономики и морали на них никто в Москве не обращал внимания. Беженцам приходилось селиться на окраинах провинциальных городов в жалких лачугах, вагончиках, обветшалых старых деревенских

домах. Профессор математики из Баку мог рассчитывать в лучшем случае на место учителя в сельской школе. Директор ВДНХ из Душанбе, чудом избежавший расстрела во время таджикских бесчинств февраля 1990 года, довольствовался работой рядового архитектора в небольшом провинциальном городке. В океане, в котором только что разломился и утонул великий советский «Титаник», люди барахтались, тонули, тянули других за собой на социальное дно.

Примириться с этим я не мог. В полной политической темноте я «на ощупь» искал новую форму самоорганизации русского народа, которая могла бы помочь ему вернуть себе право на историческую перспективу. Поездка в Баку подсказала мне, как сделать первый шаг.

В декабре 1992 года в большом конференц-зале Российского комитета защиты мира я созвал форум под названием «Карабахский синдром российской дипломатии». Для участия пригласил представителей диаспор: моих недавних знакомых — русских из Армении и Азербайджана и московских армян и азербайджанцев. Результат превзошел мои самые мрачные ожидания — русские из Баку и Еревана переругались из-за Карабаха так, что чуть ли не объявили друг другу войну.

Именно тогда пришла мне в голову мысль: а что, если попробовать собрать воедино все эти самодеятельные русские организации, общества соотечественников, славянские центры и общины? Не навязывая им жесткой дисциплины, просто помочь русским людям общаться друг с другом, обмениваться информацией и опытом.

К этому времени я стал активно сотрудничать с «Союзом возрождения России». Это было неформальное творческое объединение молодых политиков, депутатов Моссовета, предпринимателей, ученых, которые состояли в разных политических организациях, но желали и личного общения друг с другом. В «Союзе» я познакомился и подружился с социологом Леонтием Бызовым, предпринимателем Эльдаром Ковригиным, а также с Андреем Савельевым, работавшим тогда депутатом Моссовета, и Сергеем Пыхтиным, главой одного из районных советов Москвы. Они приступили к разработке «Манифеста возрождения России» — яркого политического воззвания, которое легло в основу идеологии Конгресса русских общин (КРО).

Первое издание «Манифеста», вышедшее в марте 1993 года, вызвало бурю эмоций в патриотической среде. Фактически впервые появился документ, объясняющий смысл русской национальной идеи, дающий четкие формулировки политическим феноменам, с которыми столкнулся русский народ: «Вслед за

русскими мыслителями мы должны сказать: шовинизм есть дурное воспитание нации, космополитизм — отсутствие всякого воспитания, интернационал — каторжная работа нации для чуждых ей целей. Именно на этой позиции должно стоять государственно-патриотическое движение и, не скатываясь к агрессивным экстремистским проявлениям, утверждать нравственно обогащенные и цивилизованные формы национализма».

В течение первых трех месяцев нового 1993 года весь немногочисленный актив «Союза возрождения России» активно готовился к созыву Конгресса русских общин. Мы сняли помещение в Парламентском центре на Трубной площади Москвы, заказали гостиницу для размещения делегатов.

К этому времени процесс стихийного объединения русских соотечественников шел практически во всех бывших союзных республиках. Нахлебавшись горя и перестав надеяться на помощь российского правительства и президента, русские люди стали повсеместно создавать различные общины, общества, центры, способные противостоять политической и культурной агрессии местных шовинистов.

Наша задача состояла в том, чтобы обнаружить все эти самодеятельные организации, выйти с ними на связь и договориться о приезде их представителей в Москву на конгресс.

29–30 марта 1993 года забилась жизнь новой патриотической организации — международного правозащитного союза русских соотечественников. Делегаты, собравшиеся на Конгресс русских общин, долго по ее названию не дискутировали. Так и появился КРО — Конгресс русских общин. Многие мои знакомые патриоты потом долго ворчали, мол, что это за слово: «конгресс». Я отвечал, что это люди сами себя так назвали, им так удобно.

Суть общественной организации не в названии, а в желании делать что-то полезное, без чего не приблизиться к решению основной патриотической цели — защиты интересов тех, ради кого эта организация возникла. Конгресс русских общин был именно такой организацией, деятельной, бесстрашной, имеющей четкую идейную основу — «Манифест возрождения России» — и реальную, массовую сеть самодеятельных организаций соотечественников.

Жесткие условия существования КРО отшивали от него карьеристов и слюнтяев. Постоянная борьба за выживание русских общин помогала выявлять провокаторов. Сама конструкция КРО — русские и российские общины на местах, самостоятельно решающие все вопросы своей внутренней жизни, и исполком в Москве, отвечающий за координацию их работы и

информационную деятельность, — избавляли нашу организацию от присущей каждой партии грызни за лидерство.

Уже в мае 1993 года Конгресс русских общин заявил о себе громкими делами. В Кишиневе по насквозь фальшивому делу были задержаны четверо военнослужащих 300-го парашютно-десантного полка. Молдавские националисты, «в пух и прах» проигравшие войну против Приднестровья, решили таким образом отомстить 14-й армии. Дело в том, что 300-м полком командовал Алексей Лебедь — родной брат прогремевшего на весь мир командарма Александра Лебедя. Его полк уходил из Молдавии в Россию, и защитить арестованных офицеров было некому. Исполком КРО по просьбе Русской общины Молдовы, заступившейся за ребят, направил для участия в судебном процессе профессионального адвоката. Дело в итоге было выиграно, и освобожденные офицеры приехали в Москву поблагодарить меня и моих коллег за свое спасение.

В июне 1993 года нападению со стороны украинских нацистов подвергся Львовский русский культурный центр. Варвары избили нескольких наших активистов, устроили погром центра, побили стекла, разбросали книги. Русские организации Украины потребовали от официального Киева принятия жестких мер по обеспечению безопасности русского населения Украины и нормализации работы объединений российских соотечественников.

Я срочно вылетел в Киев, запросив встречу с первым президентом Украины Леонидом Кравчуком и главой его администрации. Встреча была максимально плодотворной: Кравчук обещал мне, что такие нападения впредь не повторятся, и дал соответствующие распоряжения украинским «силовикам».

Репортаж о нашей встрече был показан основными российскими телевизионными каналами и, как мне потом рассказывали журналисты, чуть не довел до инфаркта министра Козырева. Глава российского МИДа, забыв про свой «либерализм», звонил руководству телеканалов и требовал от них «больше Рогозина не показывать».

Через месяц, в июле 1993 года, я вылетел в Грузию. Ставший главой этой страны «мой старый знакомый по балкону» Эдуард Шеварднадзе согласился принять меня для переговоров об эвакуации русского населения из зоны боев в Абхазии.

Меня поселили в бывшей интуристовской гостинице «Иверия». В юношеские годы я здесь часто останавливался. В этом отеле во время всесоюзных соревнований на приз газеты «Заря Востока» размещали нашу сборную команду по ручному мячу. Позже, когда я уже работал в КМО СССР, я нередко приезжал в

Тбилиси с различными иностранными делегациями и останавливался именно в «Иверии». Теперь гостиницу узнать было невозможно. В ней расположился импровизированный лагерь грузинских беженцев из Абхазии. Отель мгновенно превратился в древний Шанхай. На окнах некогда парадной республиканской гостиницы теперь висели веревки с чьим-то рваным бельем и одеялами.

Свет в гостинице был. Просмотрев новости на грузинском, которые, судя по кадрам, полностью были посвящены событиям в мятежных автономиях, я переключил канал и попал на выступление Джабы Иоселиани, авторитетного вора, командовавшего батальоном грузинских уголовников «Мхедриони». Именно это вооруженное подразделение, состоявшее из выпущенных из тюрем рецидивистов, «прославилось» резней и бесчинствами в абхазском Сухуме.

Джаба говорил по-русски. Я так и не понял почему. Вряд ли после периода шовинистического угара — своеобразного «фирменного стиля» правления опального президента Гамсахурдиа — в Тбилиси мог остаться хоть один русский житель. В конце концов, не на меня же была рассчитана эта речь?

Знаменитый уголовник грозил русским и России страшной карой. Обещал сеять смерть и страдания тем, кто посмеет стать на пути грузинского ополчения в Абхазии. В общем, «наводил ужас». Досмотрев это замечательное выступление, я выключил телевизор и, пробравшись сквозь нехитрый скарб живших по соседству беженцев, которым были забиты все коридоры «Иверии», вышел на улицу. Сам город я тоже узнавал с трудом. Вечером были слышны автоматные очереди. Мне объяснили, что теперь в Грузии так принято отмечать различные свадьбы и юбилеи. Вернувшись в гостиницу, я кое-как заснул.

Утром весь Тбилиси стоял в пробках. Оказывается, кто-то из голодавших горожан в поисках средств к существованию срезал ночью все троллейбусные провода, чтобы сдать их в пункты приема цветных металлов. Мне, моему помощнику Дмитрию Ступакову и сопровождающему нас сотруднику секретариата Шеварднадзе пришлось бросить машину и через полгорода пешком добираться до резиденции главы республики.

Седой Лис принимал меня не один. Рядом с ним сидел герой вчерашних теленовостей. «Вот ты-то, голубчик, мне и нужен», — подумал я, увидев Иоселиани.

Надо сказать, что власть Эдуарда Шеварднадзе на тот момент была номинальной. Все решалось ворами в законе.

От них зависело поведение грузинских вооруженных формирований в зоне конфликтов в Абхазии и Южной Осетии.

Только они могли заблокировать или открыть выход русских беженцев из огненного мешка, в который попадали эти беззащитные люди. В общем, не Седой Лис, а Иоселиани и его подельник Китовани были коллективным «царем и богом», определявшим судьбу тысяч русских жизней.

Мои собеседники сухо и недовольно со мной поздоровались, как будто я прервал архиважный разговор. Думаю, что, согласившись-таки на встречу, Шеварднадзе плохо понимал, на кого на самом деле ему приходится тратить драгоценное время.

Он знал, что в Киеве меня принимал сам Кравчук. Это, как говорится, «внушало уважение». Кроме того, по поводу моей аудиенции из Киева ему звонил профессор Буряк, с мнением которого Седой Лис считался.

Заметив секундную растерянность моих собеседников, я решил сразу перейти в наступление. Первым делом я «наехал» на Джабу Иоселиани, предупредив его о персональной ответственности за действия грузинских боевиков. Я потребовал прекратить задирать Россию и, смягчив тон, предложил назвать мне фамилию посредника, с кем бы я мог иметь дело в обсуждении конкретных вопросов эвакуации беженцев из зоны грузино-абхазского конфликта. Обратившись затем к Шеварднадзе, я попросил его взять исполнение наших договоренностей «под контроль».

Как ни странно, такая тактика переговоров имела полный успех. С одной стороны, она выпячивала роль Иоселиани как единственного человека в Тбилиси, с кем стоит обсуждать конкретику (что соответствовало грузинской действительности, где такие воры и «делали погоду»), с другой — возвращало самого Седого Лиса в удобную и привычную для него позицию «гуманитарного посредника», от которого мало что зависит, зато много полезного шума.

Наш разговор в резиденции Шеварднадзе был более чем продуктивным. Уже через несколько дней процесс вывода русских беженцев в безопасную зону нормализовался.

В условиях всеобщей беспомощности и безответственности Ельцина напористые действия пока еще малоизвестной общественной организации — Конгресса русских общин — стали приносить свои первые плоды.

Надо сказать, что деятельность КРО активно развивалась и в самой России. Даже в Москве в середине 90-х конгресс проявил себя как эффективная организация, сумевшая постоять за права горожан. Приведу два примера.

Первый — это история несостоявшейся вырубки Нескучного сада на берегах Москвы-реки. В исполком КРО обратились

жильцы нескольких домов на Ленинском проспекте с просьбой вмешаться в ситуацию вокруг этого замечательного зеленого уголка московской природы. Когда-то Нескучный сад был собственностью царской семьи, потом его передали в имение графу Орлову. В Москве, как известно, дышать-то особо нечем, да и живых деревьев днем с огнем не найдешь, а тут молча приехали строители, отгородили значительную часть Нескучного сада и чуть было не начали выкорчевывать деревья и рыть котлован под «элитное жилье». Люди из соседних с садом домов заволновались. Сначала они обратились к Лужкову, но получили ожидаемый отлуп. Тогда депутация жильцов, возмущенных произволом городских властей, пришла в КРО.

Через несколько дней мы организовали массовый митинг. Активисты на минуту перекрыли движение по Ленинскому проспекту. Из громкоговорителей лилась популярная в то время песня группы «Любэ» — «Не рубите дерева, не рубите!».

На волне инициированного нами громкого общественного скандала КРО официально обратился к федеральным властям с требованием вмешаться и остановить незаконную вырубку парковой зоны. И… Лужков отступил! Строители «элитного жилья» убрались восвояси, а активисты борьбы за Нескучный сад влились в ряды КРО — единственной организации в Москве, которой «было дело до всего», что касается восстановления законности и справедливости в родном городе и во всей стране.

Следующей яркой публичной акцией КРО стал массовый митинг в Тропарево на юго-западе столицы, где мэрия Москвы решила предоставить детские площадки парка под строительство исламского центра. Деньги на него выделяла Саудовская Аравия.

А узнали мы об этом совершенно случайно. Подруга и бывшая одноклассница моей супруги Ольга Успенская, проживавшая в этом районе, однажды нашла в своем почтовом ящике объявление некоего оргкомитета, который сообщал радостную новость — в парке напротив ее дома скоро начнется санкционированное Лужковым возведение медресе и огромной мечети, а при них — исламского культурного центра, куда осчастливленные местные жители смогут свободно водить своих детей. Место под строительство было выбрано не случайно — это одна из самых высоких точек Москвы, а потому мечеть могла бы возвышаться над всеми остальными культовыми сооружениями города.

Для полноты картины — еще одна забавная деталь: в Тропарево традиционно селились научные работники — сотрудники и преподаватели МГУ, в основном русские и евреи. Среди десятков тысяч жителей этой части города мусульмане

тогда встречались крайне редко. А потому — и по сути, и по форме — решение о строительстве в этом районе Москвы исламского центра выглядело в высшей степени провокационно.

КРО решил вмешаться в эту возмутительную ситуацию, грозившую социальным взрывом. Действовать мы решили политически выверенно, аккуратно, чтобы никто не посмел упрекнуть нас в разжигании межнациональной и межрелигиозной вражды. О готовящемся демарше я заблаговременно предупредил Духовное управление мусульман центрально-европейской части России, а к ее руководителю имаму Равилю Гайнутдину я нагрянул лично, чтобы обсудить с глазу на глаз эту непростую ситуацию.

Мудрый Гайнутдин сразу все понял. Более того, он согласился провести совместную пресс-конференцию и выйти с общим обращением к правительству Москвы. Одновременно в Тропарево исполком КРО собрал через разложенные нами в почтовых ящиках объявления массовый митинг местных жителей. Пришло около четырех тысяч москвичей.

Инициатор строительства Абдул Вахид Ниязов, к чести его, не испугался принять наше приглашение и с трибуны митинга даже пытался объясниться перед возмущенными людьми. В результате проведенной с ним разъяснительной работы этот молодой мусульманский активист согласился с нашими доводами и довел до сведения мэрии Москвы, что ни он, ни люди из Саудовской Аравии, стоявшие за ним, не настаивают на строительстве исламского центра в Тропарево и просят московские власти подобрать для этих целей более подходящее место.

Это была безусловная победа КРО — еще одна в копилке наших первых успехов в деле защиты национального достоинства России и человеческих прав ее граждан.

С каждым годом, с каждым поступком в защиту русских соотечественников КРО все больше укреплял свой авторитет.

С ним начинали считаться власти, его имя запоминали в народе. В течение первых двух лет существования конгресса мы выиграли громкие судебные процессы в защиту лидера Русской общины Эстонии Петра Рожка, руководителя Российской общины Севастополя Раисы Телятниковой; освободили из казахстанской тюрьмы журналиста Бориса Супрунюка, защитили честь и достоинство нескольких десятков русских правозащитников и патриотов.

О выигранном нами в ноябре 1995 года судебном процессе в защиту Российской общины Севастополя расскажу отдельно, так как он имеет непосредственное отношение к дискуссии о статусе этого великого русского города на Черном море. И это несмотря на то, что, подписав в мае 1997 года договор об аренде Россией на 20 лет военно-морской базы в Крыму, Ельцин в очередной раз предал Севастополь. Ведь нельзя арендовать то, что принадлежит тебе по праву. На самом деле в вопросе о статусе Севастополя российская сторона обладает бесспорными юридическими аргументами. Чтобы пояснить, на чем основана позиция защитников российского статуса Севастополя, разберу этот вопрос документально.

Позиция официального Киева «проста, как гипотенуза»: Севастополь — неотъемлемая часть Крымского полуострова, который в 1954 году был передан Хрущевым из России в состав Украинской советской социалистической республики, а затем по наследству достался и независимой Украине.

Ряд авторитетных российских политиков считает иначе: Севастополь в юридическом смысле является частью суверенной территории Российской Федерации, и Украина незаконно удерживает его под своим контролем. С момента своего основания императрицей Екатериной Великой Севастополь был военно-морской крепостью юга России, а с конца XIX века — Главной базой Черноморского флота.

В генеральной схеме городской планировки 1938 года указывалось на специальное оборонное значение Севастополя, требующее согласования всех проектных решений с требованиями обороны. Граница городских земель устанавливалась с учетом размещения объектов Главной базы Черноморского флота. Поэтому Президиум Верховного Совета РСФСР 7 марта 1939 года принял постановление о расширении городской черты. То есть в

понятие «город Севастополь» входит не только жилая застройка городской черты, но и зона размещения всей военной и гражданской инфраструктуры Черноморского флота. Новая граница территории Севастополя была подтверждена установкой знаков на местности и легла в основу проектов послевоенного восстановления города как Главной базы Черноморского флота.

Масштабы послевоенных восстановительных работ потребовали рассмотрения «вопроса Севастополя» высшими органами власти Советского Союза. В связи с особым статусом города-крепости Постановлением Совета министров СССР № 403 от 25 октября 1948 года и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября того же года Севастополь был выведен из состава Крымской области РСФСР и отнесен к категории городов республиканского подчинения РСФСР. С этого времени решения Крымского облисполкома более не распространялись на территорию Севастополя — Главной базы Черноморского флота. С 19 февраля 1954 года, «учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи», Президиум Верховного Совета СССР по предложению Никиты Хрущева утвердил передачу Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Как было сказано, «в ознаменование 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией». Особо подчеркну, что речь шла о передаче Крымской области как административной единицы, а не Крымского полуострова как географического понятия! К тому времени восстановленный после войны Севастополь уже шесть лет существовал автономно от области, подчиняясь непосредственно Москве. Никаких документов, принятых до декабря 1991 года и пересматривающих статус Севастополя в пользу Украины, в природе не существует.

Что касается Беловежских соглашений декабря 1991 года о прекращении существования СССР, то президент Ельцин, видимо, перегрузившись спиртным, «забыл» обсудить вопрос о Севастополе и Крыме в целом. Ведь если Крым был передан «в ознаменование 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией», то в связи с «разводом Украины с Россией» «обручальное колечко» следовало бы вернуть.

Зато Верховный Совет РСФСР и палаты Федерального Собрания нашли в себе мужество поставить вопрос о статусе Севастополя. Так, например, в своем Постановлении № 5350–1 от 9 июля 1993 года Верховный Совет РФ по поручению седьмого Съезда народных депутатов подтвердил «российский федеральный статус города Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года». Аналогичное заявление принял 29 ноября

1996 года Совет Федерации, в котором, в частности, сказано: «Односторонние действия украинской стороны, направленные на отторжение от России части ее территории (города Севастополя), не только являются незаконными с точки зрения норм международного права, но и наносят прямой ущерб безопасности России».

Столь подробный документальный анализ однозначно подтверждает позицию тех, кто считает, что город Севастополь никогда не передавался Украине — ни в 1948-м, ни в 1954-м, ни в 1991 году. Выходит, что не Черноморский флот «базируется в Севастополе», а сам город является неотъемлемой частью главной базы Черноморского флота России.

В соответствии с Конституцией СССР вопросы обороны находились в исключительной компетенции Союза. Поскольку Российская Федерация является правопродолжательницей СССР, именно она должна быть единственной законной владелицей Главной базы Черноморского флота России — города-крепости Севастополь. Таковы факты, а факты — вещь упрямая.

Безусловно, наличия подобного рода правовой аргументации недостаточно для выдвижения официальной территориальной претензии к Украине. Для этого необходимо решение политического руководства России. Однако по мере приближения 2017 года, когда истекает так называемый договор об аренде севастопольской военно-морской базы, а также в связи с серией явно недружественных попыток президента Украины Ющенко пересмотреть условия и сроки этой аренды в одностороннем порядке, вопрос о статусе Севастополя правомерно вновь включить в повестку российско-украинских отношений. Такова, по крайней мере, моя точка зрения.

Выводить Черноморский флот в случае отказа Украины от пролонгации договора об аренде Севастопольской базы некуда. Севастополь — родной дом Черноморского флота. Становиться бомжем флоту не пристало. В случае если официальный Киев начнет процедуру вступления Украины в НАТО, ситуация в наших отношениях с Украиной изменится драматически. И тогда вопрос о государственной принадлежности Севастополя, как говорится, «не объедешь и не обойдешь». Надеюсь, мои украинские коллеги это понимают.

Конечно, как чрезвычайный и полномочный посол России я исследую лишь юридический аспект этого вопроса. Политическая воля в данном случае будет выражаться не послами и министрами, а президентом России. Но я плохо представляю себе президента моей страны, кто бы им ни был в 2017 году, который рискнул бы дать приказ Черноморскому флоту навсегда покинуть

Севастополь.

Надо сказать, что вывод о российском статусе Севастополя сделали для себя все участники и свидетели громкого судебного разбирательства в защиту Российской общины Севастополя (дело 1995 года). Поводом для него стали утверждения прокуратуры Севастополя, которая, очевидно, действовала по указанию из Киева. В частности, в иске утверждалось, что деятельность общины носит «четко выраженную антиукраинскую направленность», а ее газета, публикуя на своих страницах обращения, заявления и открытые письма в адрес руководства Украины и России и добиваясь для Севастополя российского статуса, делает это «с целью инициировать процессы, направленные на отторжение Севастополя от Украины». Кроме того, по мнению прокурора, «Российской общиной Севастополя проводилась деятельность по незаконному оформлению жителям города российского гражданства и обеспечению заезда в город консульской группы посольства Российской Федерации на Украине». В третьем пункте обвинения общине инкриминировалось то, что она «разжигает сепаратистские настроения и национальную рознь в Севастополе и Крыму, противопоставляя друг другу жителей украинской и русской национальности, усиливая тем самым политическую и социальную напряженность в регионе».

Адвокат КРО и руководство Российской общины Севастополя не только с блеском выиграли этот крайне важный для всего русского движения судебный процесс, но и сумели зафиксировать в решении севастопольского суда положение о наличии территориального спора между Украиной и Россией о статусе Севастополя. То, что не захотели или не сумели сделать российские власти и МИД под руководством печальной памяти Козырева, смогли сделать активисты-соотечественники, защитившие свою честь и надежно организовавшие «третью оборону» Севастополя.

Вообще я думаю, что есть только две возможности изъятия вопроса о статусе Севастополя из повестки российско-украинских отношений. Первая — это добрая воля Украины, которая могла бы признать правоту России в этом вопросе. В конце концов, Черноморский флот защищает и Украину, и Россию, а потому нет никаких оснований воспринимать Севастополь в качестве «иностранной военной базы». Другая возможность — это историческое воссоединение России и Украины. Сегодня в него мало кто верит с учетом крайне напряженных отношений между политическими элитами наших стран. Но, может быть, наши дети будут мудрее нас? Ведь Киев — это мать городов русских. Значит,

и вся Украина — мать России.

«Оранжевая революция» 2004 года привела к власти в Киеве раскольников славянского и православного единства. Но в истории русского и украинского народов были и более драматические моменты. Тем не менее восточнославянская семья находила в себе силы вновь собираться и дружно жить в одном государственном доме. Будем и сейчас надеяться на лучшее и ждать, когда мать-Украина вернется в семью.

Обманщик-газетчик и легковерный читатель

Борясь за права соотечественников, действуя на опережение, инициируя создание своих региональных отделений КРО на всей территории бывших союзных республик, мы вызвали шквал ненависти и ревности в окружении Ельцина.

Вместо того чтобы поддержать процесс самоорганизации русского народа, Кремль стал чинить нам всевозможные препятствия. В российской прессе появились грубые выпады против нас, КРО стали шельмовать как «союз русских националистов».

Оказывается, защищать право на жизнь и достоинство можно кого угодно, даже макаки в зоопарке, но только не 25 миллионов русских, оставленных Ельциным на съедение местным нацистам!

Некоторые мои товарищи ежились от уколов «либеральной прессы», предлагали судиться с авторами лживых публикаций. Я же всегда относился скептически к разного рода сутяжничеству с газетными борзописцами. Какой смысл ждать извинений от подонка? К чему все эти ритуальные пляски в судах всевозможных инстанций? В лучшем случае, потратив уйму времени, сил и денег, вы добьетесь справедливости в виде микроскопического опровержения где-нибудь на предпоследней полосе этой газетенки — по соседству с рекламой средств против облысения или услуг интимного характера. При этом пошлое издание в отместку напечатает рядом свой комментарий, где повторит все ранее высказанные против вас гнусности, снабдив их еще более пакостной «подливой».

Помню забавный случай, который произошел в середине 90-х с одним моим товарищем. Он обиделся на какую-то бульварную газету, обозвавшую нас то ли «ксенофобами», то ли «шовинистами» — в общем, в привычном для политической шпаны стиле. Я отговаривал коллегу судиться с этим ничтожеством, но мой соратник, будучи потомственным интеллигентом, не унимался и требовал «справедливого суда». Что ж, «справедливый суд» состоялся. Более того, мы даже его выиграли, получив на банковский счет КРО компенсацию за причиненный нам моральный вред в размере… 20 рублей (это составляло на тот момент примерно 60 американских центов)! После этого эпизода мы еще долго подтрунивали над нашим другом, полагая, что после такого «успеха» он может рассчитывать на почетное звание «партийного спонсора».

Среди журналистов, безусловно, немало высокопрофессиональных и порядочных людей. Многих из них я знаю еще со студенческой скамьи. Со многими блестящими «перьями» познакомился во время работы послом России при НАТО. Будучи журналистом по образованию и публицистом по призванию, я высоко ценю храбрость военных корреспондентов, ум и проницательность представителей дипломатического журналистского пула. Я уважаю тяжелый хлеб, который зарабатывают тысячи честных и интеллигентных представителей этой интересной профессии. Но к желтой прессе мое отношение всегда было отрицательным. Как правило, именно в бульварные издания попадают неисправимые циники и верхогляды. Любители посмотреть в замочную скважину, поиздеваться над чужим горем и слабостями, осмеивать принципы и мораль — такие люди есть в любом деле, любой профессии, но в журналистике они наиболее опасны.

Смешны ухаживания за желтой прессой. Не стоит метать бисер перед свиньями, роющимися в человеческой грязи. Впервые я понял это еще на первом году обучения в МГУ. Приехала как-то к нам на курс в гости корреспондентка французского иллюстрированного журнала*Paris Match.*Высокая, жилистая пиковая дама по имени мадам де ля Бросс была с нами очень мила, много хвалила русский балет и нашу культуру вообще и, в конце концов, попросила пригласить на какую-нибудь студенческую вечеринку, чтобы написать статью о неформальной жизни советских студентов.

Как сейчас помню, мой однокурсник решил позвать мадам к себе на день рождения в университетское общежитие.

Когда ребята убрали со стола тарелки, чтобы разлить чай, француженка незаметно положила рядом с чашками номер газеты «Правда» и щелкнула затвором фотоаппарата. Через неделю нам принесли свежий номер*Paris Match.*Репортаж мадам де ля Бросс состоял из идиотских штампов времен холодной войны. В придачу шли фотографии с нашей вечеринки с трогательными подписями типа «русские студенты даже на дне рождения читают газету "Правда"».

Еще большими пакостниками оказались наши российские «либеральные журналисты». В начале 1990-х годов вся бывшая советская пресса оказалась без средств к существованию. Журналистские коллективы акционировали популярные газеты и журналы, но удержать их от банкротства не смогли.

На выручку (в прямом и переносном смысле) пришли олигархи, которым собственные СМИ были нужны для шантажа слабой власти. Березовский, Гусинский и прочие медиамагнаты

готовы были предоставить Ельцину информационно-пропагандистские услуги, особенно в период резкого обострения противостояния между Кремлем и Верховным Советом, но в обмен на высокодоходные куски собственности и то, что Кремль будет закрывать глаза на их аферы. Так что олигархи сумели не только «отбить» собственные финансовые вложения в прессу, но и сохранить с ее помощью тотальный контроль над действиями властей. О какой «свободе слова» можно было тогда говорить? Почти весь доступ к эфиру и газетным полосам строго контролировался бандой олигархов. Именно они определяли, кого и сколько показывать, кого замалчивать, а кого подвергать публичной порке.

Весной 1993 года, накануне разгона российского парламента, Ельцин решил затеять аферу с референдумом с подсказкой ответов на четыре вопроса относительно президента, правительства, парламента и новой пропрезидентской конституции. «Да, да, нет, да!» — твердили ежеминутно с экрана телевизора кинокумиры, телешаманы и прочие маститые деятели культуры и искусств. «Да, да, нет, да!» — отзывались полосы массовых либеральных газет.

Что понимали эти артисты, привыкшие всю жизнь играть чужие роли, с чужими мыслями и чувствами, в сути происходивших в стране зловещих процессов? Что знали о России вчерашние мальчики-мажоры, комсомольцы горбачевского розлива, до глубины души презиравшие все русское и мечтавшие «подзаработать и свалить за границу»? Готовы ли они были отвечать за хулу, возведенную ими на свою страну, за пропаганду ельцинского мракобесия, за кровь защитников конституции, за развалленную и опороченную в Чечне армию, за утрату в народе веры в свою Родину?

Но попробуйте сказать продажным «журналюгам» что-нибудь об их подлом ремесле и призвать их к ответу! Они сразу предстанут перед вами этакими целомудренными гимназисточками, с праведным гневом отрицающими всякие ваши «грязные намеки» на заказной и лживый характер их публикаций. Оставшись с вами один на один, они не преминут пожаловаться на свою горькую судьбу и тяжкую зависимость от владельца и стоящей над ним президентской администрации. Но эти откровения ничего не значат. В следующий раз ваш бывший собеседник нанесет вам еще более коварный удар, опять-таки сославшись на «заказ» и свою «горькую судьбу».

Если же вы действительно сумеете вспугнуть эту продажную стаю, они сразу побегут к «папочке», который, кстати, посчитает, что весь сыр-бор ему на руку и можно в очередной раз

громогласно заявить о «независимости российской прессы» и «незыблемости таких демократических ценностей, как свобода слова». Вы столкнетесь с круговой порукой, с коллективной ненавистью всего «либерального журналистского сообщества», сдобренной порцией официального яда «прогрессивных деятелей». Анонимные «политологи» снова вас ошельмуют и закажут какому-нибудь проходимцу найти «стоящий компромат». Не сомневайтесь, даже если вы в своей жизни не совершали ничего подлого и противозаконного, «компромат» все равно найдется. Не связанные с вами и вашей деятельностью факты и полуфакты умелые ручки подлого «политолога» и «либерального» писаки свяжут так, что вы сами вдруг засомневаетесь в собственной добропорядочности.

Любые попытки разбудить у этих проходимцев совесть или хотя бы убедить их не трогать грязными лапами вашу семью, вызовут у ваших гонителей хохот и прилив азарта затоптать вас в грязь окончательно и как можно глубже.

«Правда есть ложь, помноженная на клевету» — такова формула «свободы слова» подлецов, использующих СМИ для глобального искажения реальности. Одно дело, когда выходки этих проходимцев касаются только вас лично. Другое — когда оскорблениям, шельмованию подвергается целый народ.

Именно это произошло 08.08.08, когда Михаил Саакашвили ночью напал на юго-осетинский город Цхинвал. В этой трагической истории меня более всего поразили не варварские действия грузинских военных, которые сладострастно расстреливали гражданское население спящего города, а то, как это потом бьшо обставлено в американских и некоторых европейских средствах массовой информации. В результате действия России, которая пришла на помощь погибающему маленькому осетинскому народу, были названы «непропорциональными и агрессивными», а настоящий агрессор Саакашвили, смыв с рук чужую кровь, напялил на себя венец миротворца. Первые полосы ведущих газет пестрели выразительными фотографиями, «свидетельствовавшими» о «зверствах русской военщины». На Западе началась массированная антироссийская кампания, в которой правда о том, что произошло в ночь с 7 на 8 августа 2008 года, потонула в потоках лжи и оскорблений. Это уже потом выяснилось, что на некоторых фотографиях на фоне «пылающих развалин грузинских городов, подвергшихся жестоким бомбардировкам русских», к помощи взывали не раненые пожилые грузинки, а осетинки — жительницы расстрелянного Цхинвала. И ранены они и убиты не «русскими варварами», а другом «цивилизованного мира»

Михаилом Саакашвили, который, не стесняясь, продолжал нагло врать, красуясь по всем мировым ТВ-каналам на фоне синего флага ЕС.

Неужели никого из западных политиков не оскорбило столь наглое и вызывающее насилие над основополагающим принципом либеральной демократии — свободой слова? Ведь сотни миллионов жителей США, Канады, Евросоюза, да и других стран против собственной воли подвергли преступной обработке со стороны махинаторов и специалистов по дезинформации!

Через пару месяцев после трагических событий в Южной Осетии мой сын Алексей, профессионально изучавший в МГИМО информационную политику НАТО, взял через Интернет любопытное интервью у известного бельгийского специалиста по пиару Патрика Вормса. Его компания Aspect Consulting обеспечивала на Западе пропагандистское сопровождение военных действий Грузии в «черные дни» августа 2008 года. Откровения Вормса поражают. Вот как он отвечает на вопрос о причинах дезинформации читателей газеты*Times*о событиях той войны:

Алексей: Многие заявления (во время войны — *Прим. авт)*были открытыми преувеличениями. Например, утверждалось, что русские интенсивно бомбили Тбилиси или что русские войска заняли Гори — а круглосуточное вещание новостных выпусков подразумевало, что многие каналы повторяли это без дополнительной перепроверки. Я сейчас процитировал*Times.*Можете прокомментировать эту цитату?

Патрик: Хорошо, российские части действительно взяли Гори, это ведь не ошибка? Что касается «интенсивных бомбежек Тбилиси», так это точно! Я не знаю, кто был там от*Times*в это время.

Алексей: Вы что, сказали, что Россия бомбила Тбилиси?

Патрик: Ну, я же там был, я могу сказать, мы там все переполошились в тот вечер. Нет, нет. Я этого не говорил! Я сказал: это точно была ошибка со стороны*Times так*. писать, что «русские интенсивно бомбили Тбилиси». Но да, русские самолеты действительно бомбили цели в Тбилиси — радар, аэропорт и авиазавод. Одна из бомб упала недалеко оттуда, где был я, и, должен вам признаться, я обосрался. Но, к счастью, бомб было немного, и не интенсивно бомбили, быстро перестали и не били по жилым районам.

Алексей: Так чья ошибка? *Times*ссылался на утверждения Aspect Consulting. Но ведь если бы Россия бомбила Тбилиси, от Тбилиси ничего не осталось бы!

Патрик: Не понял? Пришлите мне оригинал статьи

из*Times,*чтобы я мог прокомментировать. Есть ссылка?

Алексей: Минутку.

Патрик: Хорошо, дайте я прочту. Ага, вижу и припоминаю! В то время ведь все происходило так быстро, что не всегда была возможность проверить перед тем, как это выходило в свет. Когда я увидел это, я воскликнул: «Вот дерьмо!»

Вообще-то, по законам пиар-войны, как я сказал выше, врать недопустимо — и если совершаешь такого рода ошибку, требуется время, чтобы вернуть доверие СМИ.

Алексей: Так они лгали?

Патрик: Не совсем так. Вспомните, никто из нас раньше не был на войне. Мы все страшно перепугались.

Алексей: Как и тысячи мирных жителей Цхинвала…

Патрик: Мы тогда (11 или 12 августа, если считать окончанием боевых действий 13 августа) не имели представления, где остановятся танки или когда перестанут падать бомбы. И они не бомбили гражданских объектов в Тбилиси: только аэропорт и радарную установку. Вот и все. Но в то время у нас не было представления о том, что собирались делать ВВС РФ. И скажу тебе, мужик, это был жуткий опыт.

Алексей: ОК. Вы сказали в одном из интервью: «В тот вечер 7 августа президент (Грузии. — *Прим. авт.)*получил информацию, что большая российская колонна находится в движении. Позже тем вечером кто-то видит автомобили, выезжающие из Рокского тоннеля (в Грузию из России). Затем чуть позднее кто-то еще их видит. Это три подтверждения. Это было время действовать». Но мы знаем, что русских танков не было в Южной Осетии 7-го числа. Значит ли это, что кто-то дезинформировал господина Саакашвили и это было причиной начала артиллерийского обстрела Цхинвала?

Патрик: Команда пиарщиков в Тбилиси состояла из молодых людей, неопытных в этом деле, в мирное время они занимались, например, работой на центральную избирательную комиссию или министерство образования. Конечно, ошибки были.

Вот так. Как говорится: спасибо за откровенность. То есть неплохой профессионал в своем деле расписывается в том, что ложь о войне распространяли западные журналисты, которые просто… наложили себе в штаны от страха. Из последних слов Вормса также можно сделать вывод, что эти самые «бесстрашные» западные журналисты еще больше перепугали самого Саакашвили. Так или иначе, очевидно, что именно бессовестные, зарабатывающие на войне авантюристы от журналистики создают свою виртуальную войну, где агрессор становится жертвой, жертва — агрессором, циники — проповедниками, а живые —

покойниками.

Итак, западные СМИ во время войны в Южной Осетии врали, преступно врали. Признаваться в этом сейчас никому не хочется, кроме честного парня Патрика Вормса. Но на некоторое время забудем про эмоции и попытаемся понять, что вообще в последние годы и десятилетия происходило с распространением информации и каковы современные методы информационной войны. Для этого снова обращусь к исследованию, которое провел мой сын — Алексей Рогозин.

Помпадуры и помпадурши

Какая информационная и рекламная кампания была самой яркой, бессовестной и успешной в Европе за последнее время? Правильно — речь идет об уже описанной мною кампании лжи и дезинформации об трагических событиях 08.08.08 вокруг Южной Осетии. Но как в наш век, когда, казалось бы, у любого пользователя Интернета или просто внимательного зрителя и читателя есть такой выбор источников информации, возможна кампания целенаправленного оболванивания десятков и сотен миллионов людей цивилизованного мира? Этот вопрос вовсе не риторический. Чтобы дать на него серьезный ответ, необходимо разобраться в тех уникальных изменениях природы подачи и потребления международной информации, которые произошли в последние десятилетия. И именно для этого я воспользуюсь тезисами и выводами научной работы моего сына «Новые реалии международной информации» — пожалуй, наиболее полного и актуального исследования интересующей нас темы.

Но прежде чем приступить к описанию драматических событий сегодняшнего дня, я хотел бы показать, какую огромную роль играет общественное мнение в вопросе принятия элитами политических решений.

В 1905 году Россию раздирали два драматических события. В Москве и других крупных городах началась первая русская революция, сопровождавшаяся крупными столкновениями восставших рабочих и радикальных большевистских элементов с полицией. Одновременно на Дальнем Востоке русская армия и флот терпели поражения от вооруженных сил Японии. В этой ситуации император Николай II решил назначить на переговоры с Токио выдающегося общественного и политического деятеля, возглавлявшего одно время правительство России, Сергея Витте. Посредником в русско-японских делах выступали США и лично президент Теодор Рузвельт, не скрывавший своих симпатий к японцам.

В июне Витте выехал в США, в город Портсмут, где должны были проходить переговоры. Однако еще до прибытия в Портсмут Витте встретился с главами правительств и финансовыми кругами Берлина, Парижа и Нью-Йорка, чтобы прозондировать почву в отношении возможности заключения нового международного займа. Стало ясно, что великие державы выступают за заключение мира любой ценой и только на этих условиях готовы предоставить России необходимые средства. Полученная информация позволила Витте окончательно

выработать тактику, которой он затем придерживался на переговорах. Заключалась она, как он свидетельствует в своих «Избранных воспоминаниях», в следующем:

1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена;

2) держать себя так, как подобает представителю России, т. е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность;

3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особливо предупредительно и доступно ко всем ее представителям;

4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично;

5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще — не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще.

«С самого начала переговоров я, между прочим, предложил, чтобы все переговоры были доступны прессе, так как все, что я буду говорить, я готов кричать на весь мир, и что у меня как у уполномоченного русского царя нет никаких задних мыслей и секретов. Я, конечно, понимал, что японцы на это не согласятся, тем не менее мое предложение и отказ японцев сейчас же сделались известными представителям прессы, что, конечно, не могло возбудить в них особенно приятного чувства по отношению к японцам», — делится своими «секретами» Сергей Витте. Этой программы он придерживался последовательно в течение всего времени переговоров, и она, как он считал, помогла ему в целом благоприятно для России завершить свою миссию. Он часто встречался с представителями прессы, жал руку машинисту поезда, доставившего его из Нью-Йорка в Портсмут, поднимал на руки и целовал чьего-то ребенка и т. д. и т. п. Он действительно сумел склонить в свою пользу общественное мнение, хотя все это «актерство» давалось ему с немалым трудом, позиция его на переговорах была гибка, но в то же время и тверда. В результате долгого и трудного противоборства сторон (конференция проходила с 27 июля по 23 августа 1905 года) Витте удалось заключить мир на сравнительно благоприятных для России условиях. Первоначально требования японских крайне агрессивных кругов простирались на Квантун, Сахалин, Камчатку, Приморье, не считая трех миллиардов рублей контрибуции.

Затем претензии их стали более умеренными. Японская сторона в качестве условий мира требовала уступку аренды Квантуна и железной дороги Порт-Артур-Харбин, уступку Сахалина, уже занятого японскими войсками, признания Кореи сферой японских интересов, установления в Маньчжурии принципа «открытых дверей», предоставления Японии концессии в российских территориальных водах и уплату контрибуции. Витте принял условия, касающиеся Кореи и Маньчжурии, но отверг уступку Сахалина и контрибуцию. В ходе переговоров, когда они грозили зайти в тупик, царь по настоянию Теодора Рузвельта дал согласие на уступку Южного Сахалина. Портсмутский мир был подписан. Война закончилась «почти благопристойным», но выражению Витте, миром. Глава делегации получил приветственную телеграмму императора, благодарившего его за умелое и твердое ведение переговоров, приведших к хорошему для России окончанию.

Портсмутские договоренности, несомненно, стали успехом России, ее дипломатии и лично главы российской делегации. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не на договор, заключенный после проигранной войны. Такова силаличного обаяния, умелой работы с прессой и понимания смысла и значения общественного мнения.

Так что же поменялось за последние сто лет с тех пор, как Сергей Витте и некоторые другие его современники начали распознавать глобальное политическое влияние СМИ? Прежде всего, другой стала сама природа информации, и здесь я, конечно, не могу не отметить фантастически бурное развитие Интернета. А вместе с Интернетом — резкое увеличение скорости распространения информации.

Кстати говоря, Дмитрий Медведев обращает самое пристальное внимание на необходимость и возможность использования на дипломатической и государственной службе современных инструментов подачи и обработки информации. В июле 2008 года в МИДе России состоялось традиционное совещание российских послов с участием высших лиц государства, и президент начал свое выступление как раз с того, что призвал дипломатов начинать рабочий день с Интернета. Судя по тому, что новый хозяин Белого дома Барак Обама предложил Кремлю провести «перезагрузку» российско-американских отношений, Дмитрий Медведев найдет в президенте США достойного собеседника, во всяком случае, оба они говорят на языке современных информационных технологий.

К сожалению, среди моих старших по возрасту коллег немногие знают, какую кнопку надо нажать на компьютере, чтобы

он включился, не говоря уж о работе с Интернетом. Зато посыл российского лидера примечателен — Медведев внимательно следит за новациями в мире международной информации и предлагает следовать своему примеру (что я, кстати, и сделал, открыв в октябре 2009 года свою страничку в популярной социальной интернет-сети Twitter).

Известно, что скорость распространения информации создает серьезные проблемы для аудитории — люди просто не поспевают за новостями и изменениями. В условиях чрезвычайных ситуаций, когда заметно ускоряется и поток информации, особое значение начинают приобретать устойчивые, ранее вживленные в подсознание шаблоны и стереотипы — укорененные понятия и представления о некоторых явлениях, событиях, которые живут в «подкорке» общества давно.

Именно стереотипы, сидящие в общественном подсознании со времен холодной войны, сыграли зловещую роль в искажении информации о войне на Южном Кавказе в августе 2008 года. Каковы же эти стереотипы?

Первый стереотип: современная Россия — это наследница Советского Союза, непредсказуемая страна с имперскими амбициями.

Второй стереотип вытекает из первого: в конфликте «меньшинства» и «большинства» всегда виновато «большинство». Грузия представляла «меньшинство», т. е. маленькую страну, соответственно, Россия — «большинство». Поэтому Россия была признана виновной априори. Правда, почему-то никто не задумывался над тем любопытным фактом, что Грузия по отношению к Южной Осетии, на которую она вероломно напала, является как раз тем самым «большинством», а Южная Осетия с населением в 60 тысяч человек — «меньшинством». Но именно хищная манипуляция стереотипами позволила добиться западной прессе достаточно важного результата.

Другим свидетельством изменения природы информации являются высочайшие темпы роста общего объема информации. Для удвоения объема накопленных знаний с начала нашей эры потребовалось 1750 лет. Второе удвоение произошло к 1900 году, а третье — к 1950 году, всего за 50 лет! Это явление назвали «информационным взрывом». К 2006 году совокупный объем цифровой информации в мире составил 161 млн Гб (161 экзабайт), что приблизительно в три миллиона раз превышало объем информации, содержащейся во всех когда-либо написанных книгах. С 2006 по 2010 год объем информации увеличится еще в шесть раз.

Для чего я привожу эти данные? Прежде всего для того,

чтобы показать потенциальный масштаб информации, способной дезориентировать аудиторию или конкретного пользователя. Именно поэтому на первый план выходит задача анализа этой информации и ее классификации.

Кстати говоря, классификация информации также может стать объектом манипуляций. Что-то можно учесть, а что-то можно опустить, проигнорировать. Соответственно, поменяется информационная тенденция. Поэтому одним из актуальных противоречий современности является противоречие между нарастающей важностью упорядочения информации и принципиальной и технологической ограниченностью возможности для этого.

Надо сказать, что изменение природы информации затрагивает как ее объективность, так и возможность фальсификации. Чем выше уровень развития СМИ, тем меньше они могут себе позволить распространение сознательной лжи. Одновременно с этим изменилась и роль оценочных суждений. Рост числа игроков на международном информационном поле приводит к тому, что практически по любому вопросу можно найти противоположные мнения. Очевидно, что манипуляции возможны и здесь. Например, можно представить мнение большинства меньшим количеством суждений, а мнение меньшинства — большим. Соответственно, несбалансированная информация не будет отражать подлинной ситуации.

Любопытное наблюдение последнего времени — фотографии, которые раньше играли роль иллюстрации к новостям, теперь становятся самостоятельной новостью. В период конфликта на Южном Кавказе и в Интернете, да и в газетах мы видели целые развороты, которые занимали одни только фотографии с места событий. Фотографии фактически играли роль сообщения о том, что реально происходит или якобы происходит. Ведь достаточно под фотографией разбитого осетинского Цхинвала написать, что фото, мол, сделано в Тбилиси, и эффект негодования против действий России у вас в кармане!

Да, телевидение — это опасное оружие массового влияния. Электронно-лучевая пушка (основа кинескопа) как «способ убеждения» намного мощнее и дальнобойнее пушки стальной. Мир телевизионных иллюзий может убить чувство реальности. Сотни миллионов людей оказываются в виртуальном коллективном сумасшедшем доме. А если кто-то чем-то недоволен, может жаловаться. Например, в Спортлото.

Конкуренцию традиционному телевидению составляют видеоматериалы, распространяемые в Интернете, особенно по каналам YouTube. Например, известный сюжет канала BBC о

Саакашвили, жующем свой собственный галстук, лишь в Интернете увидело более полутора миллиона человек — значительно больше тех, кому «посчастливилось» увидеть это проявление шизофрении грузинского фюрера-неудачника собственно по телевизору.

Важную роль начинают играть и интернет-блоги, особенно платформа Livejournal. Сегодня она уже стала местом выражения мнения теперь уже и достаточно продвинутых, активно пользующихся Интернетом политиков. Самый яркий пример — это мэр Лондона и кандидат в премьеры от британских консерваторов, которые ведут свои блоги, буквально живут в Интернете, пытаясь опутать потенциальных избирателей Всемирной паутиной.

Технология новых СМИ востребована и в НАТО. Сотрудники Международного секретариата при работе со СМИ и общественным мнением уже давно делают ставку не только на печатные издания и пресс-брифинги, но и на солидный архив аудио- и видеороликов, на обучающие документальные фильмы. Безусловно, НАТО на собственной шкуре испытывает разрушительную роль мировых СМИ, которым свойственно преувеличивать объемы катастроф, войн, трагических событий, связанных с человеческими жертвами. В частности, политики в НАТО жалуются на душевные муки, которые они испытывают от «несправедливых оценок» СМИ деятельности альянса в Афганистане. Желая снизить поток критики, НАТО пошла на создание своего собственного телевизионного канала — НАТО-ТВ. Может ли быть эффективным телевидение откровенно пропагандистского характера? Не уверен. Вряд ли оно им поможет.

На новом этапе развития информационных технологий недостаточно быть хорошим пресс-секретарем — надо быть специалистом и по другим смежным профессиям. Ярким примером такого рода работы является приглашение руководством НАТО Майкла Стопфорда, топ-менеджера корпорации Coca-Cola, который с лета 2008 года приступил к руководству Департаментом публичной дипломатии Международного секретариата альянса. Понятно, что господин Стопфорд не стал рекламировать политическую организацию по аналогии с напитком: «Enjoy NATO!», но тем не менее опыт работы в коммерческой корпорации принес его новым работодателям много пользы, особенно в момент грузино-югоосетинского кризиса.

Чрезвычайно важную роль приобрела публичная дипломатия. Сам термин был введен во времена Рональда Рейгана. Мои

коллеги из НАТО считают чрезвычайно важным работать как с лицами, принимающими решения (decision makers), так и с людьми, оказывающими влияние на взгляды и убеждения широких слоев населения (opinion makers). Несмотря на то что слово «пропаганда» фактически не используется в официальной лексике НАТО, тем не менее во внутренней переписке между членами альянса слово «пропаганда» не является запрещенным термином. Оно достаточно распространено, поскольку самым четким образом отражает реальные задачи по продвижению идеологического продукта США и НАТО для смены «политического пола» стран, попавших «под колпак» Вашингтона.

И последнее. В своем исследовании о природе международной информации Алексей Рогозин указывает на то, что изменяются сами подходы государств к информационному влиянию. Целые государства и даже крупные межгосударственные образования прибегают к помощи профессиональных пиар-агентств. Известно, по крайней мере, три пиар-партнера Грузии, проявивших себя во время событий 08.08.08. В США это компании Orion Strategies и Squire Sanders Public Advocacy, в Бельгии — Aspect Consulting (откровения Патрика Вормса я уже приводил, иллюстрируя методы информационной войны против России).

Даже беглый взгляд на недавний конфликт августа 2008 года показал, что грузинская информационная кампания была на порядок ближе к идеалу, чем российская. Российские действия в сфере международной информации явно отставали от реальных событий. Хорошо уже то, что политическое руководство моей страны это понимает. В частности, министр иностранных дел Сергей Лавров, анализируя итоги информационной войны против России, сказал: «Мы дети в том, что касается методов использования СМИ, просто дети». Я с ним согласен. Что ж, будем взрослеть.

Повесть о том, как один мужик двух генералов кормил

Противоречивая история человечества доказала, что в мире существуют три политические доктрины — коммунистическая, либеральная и национальная. В этом идеологическом треугольнике развивается политическая жизнь любого общества. В борьбе этих трех начал рождаются яркие вожди и ведомые ими политические партии. На практике каждое политическое движение представлено чрезвычайно пестро. И в коммунизме, и в либерализме, и в национальной идеологии есть свои крайние и свои умеренные крылья, свои радикалы и свои центристы.

Коммунистами называли себя и ленинцы-большевики, и радикалы-маоисты, и албанские троцкисты из Армии освобождения Косово, и члены итальянских «Красных бригад». Но есть и «умеренные коммунисты», не любящие, когда им напоминают об их общем марксистском происхождении, — всевозможные лейбористы, оппортунисты и социал-демократы.

Не меньшая пропасть разделяет радикальных и умеренных либералов. На горьком опыте российских реформаторов мы увидели звериный оскал узурпаторов, которые под прикрытием демагогических лозунгов присвоили себе всю собственность бывшего СССР. Нарицательным стало в России имя главного идеолога ваучерной приватизации «непотопляемого» Анатолия Чубайса (он действительно не тонет!). Ее результатом стал захват лакомых кусков промышленности и природных богатств узкой группой авантюристов, сформировавшей в окружении Ельцина так называемую «группу реформаторов». Теперь лекции этих пройдох, перепутавших свой карман с государственной казной, любят послушать в Лондоне и Давосе. Хотя за то, что они натворили, слушать их надо не в Лондоне, а на допросе у прокурора, а приглашать — не в снежную Швейцарию, а в не менее снежную Сибирь, причем надолго.

Конечно, далеко не все российские жулики называют себя «либералами», равно как не все российские либералы — жулики. Мало кто сомневается в личной порядочности и искренности убеждений таких известных в России настоящих либералов, как академик Андрей Сахаров, экономист Григорий Явлинский и павшая от руки наемного убийцы Анна Политковская.

Такой же дифференцированный подход необходим при анализе развития не только коммунистического и либерального, но и национального движения. В XX веке национальная энергия

народов Европы и Азии порой принимала крайне опасные, экстремистские и извращенные формы. Шовинистическая истерика, национальное чванство, чувство превосходства собственного народа над другими — дурные союзники в политической борьбе. Страшный опыт гитлеровского нацизма должен быть предупреждением всем политикам, работающим в национальном движении. Но как бы ни старались провокаторы раздуть в СМИ «угрозу русского фашизма», в моей стране, пережившей нацистское вторжение и заплатившей за освобождение мира от коричневой чумы страшную цену — 27 млн жизней, — нацистской идеологии нет места.

Что касается идеи «строительства коммунистического общества», то она представляет собой уже отработанную и отброшенную ступень развития нашего общества. Укоренившийся в России после захвата власти большевиками марксизм-ленинизм стал государственной идеологией на целых 70 лет. Переформулированные на марксистский лад лозунги Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство!» увлекли за собой огромные народные массы. Вера в «светлое коммунистическое будущее» поднимала нацию на выдвижение и практическую реализацию таких действительно «национальных проектов», как план ГОЭЛРО, индустриализация страны, скорое восстановление после разрушительной германской агрессии, обретение статуса ядерной державы, освоение космоса, поднятие целины и строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМа).

Жертвуя своим благополучием и материальным достатком, поколения советских людей жили мечтой о грядущем счастье коммунистического будущего, в котором, как им обещало Политбюро, будут жить их дети. Мое поколение бесконечно благодарно нашим дедам и бабушкам, отцам и матерям за то, что они сумели отстоять свободу и независимость нашей Родины, принесли ей мировую славу Великой Державы. Однако в 70-е годы прошлого века гражданам СССР стало ясно, что никакого мифического коммунизма построено не будет, что партийная верхушка не просто «переродилась», а выродилась в прямом смысле этого слова, что власть погрязла во вранье и привилегиях и неминуем ее конец, подобный вымиранию динозавров.

Причина тому проста — те, кто по должности своей был призван насаждать в массах коммунистическую идеологию, сам перестал верить в нее. Коммунизм на деле оказался чистой утопией, романтической мечтой о рождении идеального человека, ради которой комиссары отправляли в топку истории миллионы реальных соотечественников, не соответствующих этому идеалу. Но дело даже не в ошибках и «перегибах» КПСС.

Сама коммунистическая идеология была обречена. Отвергая важнейший, воспитанный со времен борьбы древнего человека за жизнь, инстинкт частной собственности, коммунистическая идея обезличила гражданина, отделила его от средств производства, лишила ощущения сопричастности, отвадила от участия в делах государства, отбила у него чувство хозяина. Загнав граждан в загородные коммунальные товарищества с «куриными» наделами по шесть соток (это при наших-то масштабах земельных угодий!), запретив им обкладывать свои дощатые лачуги кирпичом, зарегулировав всякими инструкциями всё и вся — даже допустимый для дачного домика угол его крыши, — руководство КПСС являло свету все свое скудоумие.

В 70-х годах в стране стало нечем дышать, но немощные члены Политбюро боялись открытых окон, так как ветер перемен мог сдуть их самих. Коммунизм как идеология и социализм как реальность стремительно теряли свою привлекательность. Не от большого ума коммунистические пропагандисты придумывали штампы типа «социалистический лагерь», что еще больше усиливало в народе ощущение замкнутости жизненного пространства и в конечном счете обреченности прежнего порядка вещей. Во многом именно апатия народа позволила партийным бюрократам расчленить и приватизировать СССР. Все преступления правящих кругов совершались при молчаливом согласии широких народных масс.

Позже, уйдя в оппозицию, партия российских коммунистов пыталась очиститься от предателей и исправить ошибки предшественников. Но, ругая власть, компартия так и не смогла избавиться от странного ощущения, что она плюет в зеркало, т. е. в собственное отражение. Сегодняшний «спор» КПРФ с «партией власти» — это такой «междусобойчик», где бывшие вторые секретари обкомов и райкомов (КПРФ) выясняют отношения с бывшими первыми секретарями обкомов и райкомов («Единая Россия»). В этом диспуте «бывших» нет места идеологическим разногласиям. Здесь больше ревности и обиды у той части партийной номенклатуры, которая оказалась «за бортом».

Коммунистическая партия Российской Федерации, исчерпав инерцию популярности КПСС, переживает глубокий идейный и организационный кризис. Она уходит в историю вместе с угасанием наших ветеранов, сохранивших веру в высокие идеалы коммунистической идеологии. Реванш марксизма в России невозможен. И в этом невольная заслуга партийной номенклатуры, которая своей беспринципностью и соглашательством окончательно похоронила ностальгию по «эпохе развитого социализма».

Второе начало, вторая политическая доктрина — либеральная идеология — в извращенной форме господствует в России с 1991 года. Культ индивидуализма и личной наживы, презрение к законам и традициям, вседозволенность и разврат — вот вам и весь либерализм власти. К оригиналу — идеологии американской либеральной свободы — наши «либералы» относятся избирательно. Бесспорные либеральные ценности, такие как свобода слова, свобода митингов и демонстраций, независимость судов, парламентская демократия, цинично отброшены ими в сторону.

Наши «либералы» на поверку оказались «большевиками наоборот». С русским народом им явно не повезло, не тот народец — ленив, неблагодарен, не хочет подчиняться новым хозяевам, фигу в кармане носит. Ради достижения личного успеха, измеряемого местом в списке российских миллиардеров в журнале*Forbes,*«либералы» пошли на чудовищное ограбление страны. Под видом «либеральных реформ» власти отрешили народ от собственности. Дабы сбить волну массового возмущения, «либералы» спровоцировали войну в Чечне, столкнули народы России в междоусобице, разрушили общественную мораль и нравственность, разложили армию — последний оплот державы. Своими преступными действиями они дискредитировали либерализм, превратили его в доктрину национальной измены, опозорили слово «демократ» и утратили моральное право находиться у власти. По инерции они еще долго удерживали страну под своим силовым, финансовым и информационным контролем, но часовой механизм под креслом власти уже отсчитывал оставшееся им время.

Да, терпелив русский мужик, готовый кормить сразу двух генералов — большевика и «большевика наоборот».

Воскресение

Национальная идея — это ответ широких народных масс на коммунистическое и либеральное правление. Национальная идея не означает противопоставления одного народа другому. Например, в России все коренные народы вместе с русскими создавали великую нацию и культуру. Мы в России привыкли друг к другу, научились понимать и уважать культуру и обычаи каждого коренного жителя нашей страны.

Сегодня малые народы России в большей степени готовы воспринять идеи национального возрождения. Им проще в сравнении с русским большинством. Они не разобщены политическими партиями. Не испытывая угрызений совести и душевных мук, они предпочитают направлять своих представителей именно в партию власти. Зато русские в России не оформлены ни структурно, ни идеологически. Но главная беда в том, что у русского народа замутнено национальное самосознание. Он оторван от собственности и отвык от ответственности. У русских вытравлено эстетическое чувство, потерян культ образованности и интерес к родовой истории. Все это — результат политики «национальной стерилизации» русского большинства, проводимой последовательно большевиками, советской партноменклатурой и ельцинскими «либералами».

Национальная идея возвращает народ в его естественное состояние — быть хозяином в родном доме. Не только у индивидуума, но и у коллективной личности — народа, большого и малого, — есть свои неотъемлемые права:

— на существование, на национальное воссоединение в пределах родовой территории;

— на сбережение, развитие и приумножение своей нации;

— на самоидентификацию, на возможность думать и говорить на родном языке. Язык — это власть. Защита родного языка и его распространение за рубежом есть основа для восстановления нашего политического влияния в мире;

— на суверенитет, самоопределение и самоуправление;

— на Родину, на культурную самобытность, на сопричастность к своей родовой цивилизации и истории;

— на контроль над добычей и использованием природных богатств и ресурсов, данных Господом Богом его земле;

— на доступ к достижениям мировой цивилизации и их использование в частных и национальных интересах.

Национальная идея — это идеология национального

возрождения, которая предполагает устранение исторических, социально-политических и экономических несправедливостей. Она таит в себе непоколебимую силу правды. Даже лютые враги национального движения вынуждены это признать.

Национальная идея — это бесспорное право разделенного народа на воссоединение. Немцы, проигравшие мировую войну, разделенные державами-победительницами на три государства — ГДР, ФРГ и Западный Берлин, свято верили в свое право на воссоединение. Да, они признавали реальность национальной разделенное™, но никогда с ней не соглашались. И вот спустя сорок лет невозможное стало реальностью — Берлинская стена рухнула, и Германия воссоединилась.

Почему же мой народ, вынесший на себе основную тяжесть той самой страшной мировой войны, потерявший в ней цвет нации — целые поколения убитых и искалеченных, — не имеет права на воссоединение? Такое воссоединение естественно, а потому неизбежно. И это еще одно доказательство неминуемой грядущей победы национальных сил.

Идеология национальной солидарности примиряет классы, учит их взаимной поддержке и гармонии в рамках единой политической нации. В этом ее отличие от коммунизма, который разжигает классовую вражду, и либерализма, якобы защищающего буржуазию от «люмпена».

Для возрождения независимого и могучего государства в равной степени важны усилия и национального капитала, и национальной интеллигенции, и национально мыслящих широких народных масс. Глубокий смысл национальной солидарности и сотрудничества классов в рамках национального государства состоит в том, что это основа политической стабильности, без которой невозможна экономическая модернизация страны.

Политическая национальная доктрина должна творчески воспринять и усвоить бесспорные социальные и демократические ценности. Патриоты должны стоять в первых рядах борьбы за социальную справедливость, очищая этот принцип от хлама левой демагогии.

Соединение национальной идеи с идеей социальной абсолютно естественно. Истинный патриот должен думать в первую очередь о благе всего народа, но благополучие национального большинства во многом зависит от материальных факторов — уровня, качества и продолжительности жизни, эффективности социальной политики, помощи слабым и старым. Преодоление в сжатые сроки бедности и нищеты широких народных масс и восстановление смысла жизни народа должны

стать делом чести для патриота.

Что касается либералов, то у них следует заимствовать все значимые общедемократические лозунги. Только воры и предатели боятся свободы слова, независимой судебной системы, права граждан на самовыражение и участие в митингах и демонстрациях, возможности выносить важные для страны решения на общенародные референдумы и плебисциты. Безусловному запрету должны быть подвергнуты лишь откровенно антинациональные и антисоциальные проявления извращенного либерализма: наркомания, пьянство, дегенеративное искусство, оскорбление национальных и религиозных чувств, проституция, пропаганда гомосексуализма, педофилия.

Без плодотворного использования общедемократических и социальных лозунгов национальная идея рискует превратиться в вульгарную пропаганду национального превосходства, в тупое самовосхваление и узколобое чванство.

На пути воскресения национальной идеи и ее утверждения в государственном строительстве нас ожидает много проблем. Одна из них — увлечение «национальным романтизмом» во внешних делах. Как часто бывало в русской истории, Россия была готова поставить свою безопасность и даже суверенитет под угрозу ради «исполнения своего долга» перед славянскими народами. Русские чиновники, политики и военачальники, не говоря уж о представителях правящей династии, традиционно находились под влиянием панславянских идей.

Именно поэтому русское общество осталось глухим к высказываниям таких редких пророков, как редактор журнала «Гражданин» князь Мещерский. Менее чем за год до начала Первой мировой войны он настойчиво призывал «покончить раз и навсегда с рутинными традициями дипломатической славянофильской сентиментальности, стоившей нам сотни миллионов денег и потоки святой русской крови и ничего нам не приносившей, кроме позорной роли быть всегда одураченными этими "квазибратушками"». Его, как всегда, не послушали. Результат — развал государственности, падение монархии и страдания Гражданской войны.

Федор Достоевский с сомнением относился к идее русского поэта и славянофила Тютчева собирать славянские народы под крылом России. Он писал: «Делай им добро и проходи мимо. Мы не можем раствориться в славянстве, мы выше. Они внесут к нам начало раздора»… Не ценное ли это указание нам сегодня? С кем мы сегодня остались в Восточной Европе? Процитирую Достоевского еще раз:

России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти землицы будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды все они непременно вновь обратятся к России за помощью.

По-моему, нашему МИДу и добавить нечего.

Вот почему в международных делах национальная идея подсказывает России проявлять не «славянофильский романтизм», а национальный эгоизм. Руководствоваться нужно сугубо национальными интересами собственной державы и делать только то, что принесет Родине пользу.

Для меня никогда не было сомнений при ответе на вопрос, что первично: государство или нация. Конечно, нация выше государства. Выше нации — только Бог. Государство представляет собой форму самореализации нации, защиты ее жизненно важных интересов, удержания политического пространства и национальной территории. Нация должна проживать на своей родовой территории. Если же в результате войны или измены часть родовой территории с проживающими там соотечественниками оказывается под иностранным контролем, нация должна добиваться исторического реванша.

Сказанное в высшей мере относится и к русским, представляющими не просто народ, а духовную цивилизацию. Наши предки сумели выжить в тяжелейших условиях борьбы племен и народов за территорию и ресурсы. Русские смогли вовлечь в совместное строительство великой русской культуры и государственности иные народы. Малая их часть растворилась в русской крови, остальные тюркские, финно-угорские, монгольские и кавказские племена благодаря русским и России развили свои национальные языки и культуры и даже приобрели письменность. Экстремистски настроенные сепаратисты предпочитают умалчивать о том, сколь много бесценного для сохранения их племен и родов сделали русские. Именно русские своим историческим подвигом и терпением показали, что в России право народа на самоопределение может и должно пониматься как право на проживание вместе с великим русским народом в едином государстве.

Все нации можно условно разделить на три группы. К первой

— отнесем народы «самобытного культурно-исторического типа», способные создавать значимые культуры и даже мировые цивилизации. Англосаксы, турки, немцы, русские, французы, испанцы, китайцы, персы, арабы, индийцы, японцы, итальянцы, греки, голландцы и другие крупные народы — в их числе.

Вторая группа охватывала «бичей Божьих», предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации. Народы этой группы появлялись в мировой истории с единственной миссией — добить умирающие нации, после чего сами бесследно исчезали или замирали в своем развитии.

В третью группу входят народы, которые служили чужим целям в качестве этнографического материала, то есть растворялись в крови великих наций или вместе с ними, находясь на иных ролях, участвовали в создании мировых цивилизаций. Так, например, в русском народе растворились такие финно-угорские племена, как весь, голядь, мурома, напоминанием о которых остались лишь только географические названия.

Существуют ли сегодня русские как нация-цивилизация? Способны ли мы достойно продолжать дело наших предков? Нет. Русский народ разделен — за пределами национальных границ проживает 17 процентов всего этноса. Таких серьезных потерь не испытывал до нас ни один народ мира. Русский народ растерялся, забыв о своей исторической роли хранителя Евразии, защитника ее внутренней и внешней безопасности. Русских необходимо собрать: любовью, общим интересом и делом воссоединить братские коренные народы, и тогда Россия вновь встанет в строй уверенных в себе наций. Но прежде надо понять, что в основе всякой нации лежит чувство национального единства, давно не испытываемое моими согражданами. Воспитание этого чувства и есть первейшая патриотическая задача.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем

Вечером 21 сентября 1993 года дома за праздничным столом собралась вся моя семья. В этот день сыну Алексею исполнялось ровно десять лет. В углу столовой, чтобы не мешать гостям, приглушенно работал телевизор. Показывали вечерние новости. По напряженному лицу диктора я уловил, что произошло нечто драматическое. Сделал погромче. Диктор зачитал указ президента Ельцина о досрочном роспуске парламента.

За столом воцарилась мрачная тишина. «Началось», — сказал отец. Я извинился перед гостями, встал из-за стола, поцеловал сынишку и стал собираться. Татьяна вышла проводить меня на улицу. «Только на рожон не лезь», — сказала жена и вернулась в подъезд.

Через десять минут я был на месте. Припарковав машину у московского зоопарка — подальше от Дома Советов (чтобы в случае штурма ее не раздавили, жалко ведь), я быстрым шагом двинулся к Краснопресненской набережной, вошел в Белый дом и поднялся в приемную вице-президента Российской Федерации Александра Руцкого. Там меня встретил Андрей Федоров, мой старый приятель по Комитету молодежных организаций СССР и «Форуму-90». После ухода из МИДа он работал советником вице-президента по международным делам и, конечно, был в курсе всего происходящего.

От Андрея я узнал, что только что экстренно собравшийся Верховный Совет через час отрешит Ельцина от должности, а Руцкого провозгласит главой государства. Затем новый президент уволит всех министров и назначит свое правительство. А потом представит программу действий.

Я советовал ни в коем случае сейчас не заниматься раздачей министерских портфелей, по крайней мере до тех пор, пока Руцкой не утвердится в роли президента. Логика моя была проста. Ельцин крайне мнителен. Руцкому, наделенному Верховным Советом властью, наоборот, нужно переназначить всех ельцинских министров, переподчинив их себе. Такие кадровые решения немедленно бы вызвали у Ельцина подозрение ко всему своему окружению, ко всем его генералам. Да и сами ельцинские министры еще несколько раз бы подумали, кому присягать, ведь даже Конституционный суд встал на сторону парламента. Если же Руцкой и принимающие у него присягу депутаты-болтуны будут продолжать грозить ельцинскому окружению смертной казнью и

прочими репрессиями, то это лишь сплотит нынешнее правительство вокруг Ельцина.

Но меня никто уже не слышал. Руководство Верховного Совета и сам Руцкой находились в состоянии эйфории. Они уже делили шкуру Ельцина и его безграничную власть. Жажда политической мести и чисто человеческая мелочность застилали им глаза. В итоге, как я и предупреждал, поспешные кадровые решения Руцкого лишили Верховный Совет поддержки со стороны руководства армии и милиции. Перепуганные силовики взяли сторону Кремля. Это и предрешило исход схватки.

Такую же глупость Руцкой совершил и в отношении московского мэра Юрия Лужкова. Заносчивость и чванство Лужкова вызывали дикое раздражение в депутатском корпусе, поэтому Александр Руцкой своим «указом» решил сместить и его, назначив новым градоначальником главу Краснопресненского районного совета Москвы Александра Краснова. Естественно, Лужков сразу же встал на сторону Кремля.

Надо знать, что лояльность столичных властей в дни гражданского противостояния имеет решающее значение. В этом я впервые убедился в августе 1991 года, когда при активной поддержке первого мэра Москвы Гавриила Попова, организовавшего баррикады вокруг Дома Советов, Ельцин легко расправился с ГКЧП. В дни Черного Октября 93-го попытка уволить мэра дорого обошлась Верховному Совету.

Лужков по природе своей — не орел. Если бы он заметил малейшие колебания в позиции Ельцина и, наоборот, решительность парламента, еще не известно, в чьем стане тогда он бы мог оказаться. Но бывший летчик генерал Руцкой уже спикировал на своих врагов. Он не оставил Лужкову выбора. Недолго думая, перепуганный мэр бросился в объятия Ельцина. А опасаться Лужкову было чего.

На феномене нашего мэра я хотел бы остановиться отдельно. Вклад, который этот «филантроп» и «опытный хозяйственник» внес в историю нашего города, а также в нравы элит и их взаимоотношений с бизнесом, требует особого исследования. Допускаю, что делами Лужкова в скором будущем заинтересуются не только журналисты, но и те органы, кто в этом компетентен.

А все началось в тот прекрасный день, когда Юрий Михайлович очень удачно женился. В силу недюжинных природных талантов супруги Лужкова — мадам Елены Батуриной — ее бизнес расцвел пышным цветом. Даже журнал*Forbes*не смог пройти мимо того, как ловко Елена Батурина перескочила из категории «миллионерш» в разряд «миллиардерш». Интересно, поспевает ли за ней не по годам жизнерадостный Лужков,

получающий скромную зарплату мэра? Интересно, каково это — жить за счет предпринимательского гения своей удачливой супруги?

Но вот незадача — рано или поздно все тайное становится явным. Тринадцать лет спустя после расстрела Белого дома, 14 июля 2009 года, пала еще одна Бастилия — московская. В этот день газета «Ведомости» на первой полосе опубликовала откровения партнера британской юридической фирмы Lovells Кристофера Грисона, нанятого в качестве адвоката ближайшим бизнес-партнером Елены Батуриной господином Шалвой Чигиринским. Суть своих показаний Грисон изложил газете*Financial Times,*ознакомив издание с документом, представленным в Высоком суде Лондона. В нем со слов юриста описана история взаимоотношений Чигиринского с Батуриной. В частности, британский адвокат, ссылаясь на своего клиента, утверждает, что «сфера влияния г-жи Батуриной в Москве такова, что ни один крупный проект не может быть реализован без ее поддержки». И далее. «Партнерство между Чигиринским и Батуриной, "как предполагалось, будет работать по принципу 50/50", и партнеры будут "поровну делить всю прибыль и убытки", но Батурина никогда не финансировала ни один из проектов Чигиринского, в то время как сам бизнесмен обязан был тратить в ее интересах крупные суммы, всего около $12 млн, включая оплату счетов на содержание ее личного самолета». Так говорится в документе.

Далее газета «Ведомости» пишет, что в соответствии с подписанным между этими двумя дельцами соглашением Батурина облегчит ведение бизнеса, помогая на административном и политическом уровнях, а Чигиринский передаст ей половину своих активов. Но стоило двум «голубкам» поссориться, как тайна бизнеса семьи Лужкова всплыла наружу.

Интересно, а знает ли вообще наш мэр, что такое «коррупция» и сколько за нее дают?

И еще один любопытный факт из жизни этого гражданина. По официальным сведениям Московской избирательной комиссии за сентябрь 2009 года, в собственности московского градоначальника, помимо четырех земельных участков в Калужской области и старого «тарантаса» — ГАЗ-69Э 1964 года выпуска с прицепом для перевозки пчел (при прочтении этих сведений у нас наворачиваются слезы умиления), есть еще четверть (!) квартиры площадью 150 кв. метров в Москве.

Слава богу, что у Лужкова есть свой угол и он не ночует на вокзале! Но хотелось бы в связи с этим узнать: а почему у нашего любимого мэра нет отдельной квартиры и он должен ютиться в

какой-то коммуналке? И кроме того, что вообще думает о нас, своих избирателях, дорогой наш градоначальник, публикуя такие сведения о своих доходах и собственности? Мы действительно производим впечатление дебилов?

Надо отдать должное Юрию Михайловичу — человек он энергичный. Вот и в сентябре 93-го, определившись, кому служить, Лужков энергично «взялся за дело». Здание Верховного Совета, как и в августе 1991 года, было вновь окружено баррикадами — только теперь эти баррикады возводили не защитники парламента, а те, кто решил его разогнать. С помощью этих заграждений и колючей проволоки Ельцин и Лужков пытались изолировать защитников конституции от внешнего мира.

С тяжелым сердцем я расстался с Андреем Федоровым и, спустившись этажом ниже, направился в кабинет Астафьева, где меня ожидали мои товарищи из Конституционно-демократической партии. Все бурно обсуждали ельцинский указ № 1400 о роспуске парламента и возможность скорого вооруженного штурма Белого дома. Настроение среди депутатов было боевое. Пахло жареным. Все ждали объявления о начале внеочередного, чрезвычайного заседания Верховного Совета и гадали, как отреагируют народные депутаты на попытку антиконституционного переворота.

Оперативно собравшиеся в коридоре напротив приемной Астафьева активисты «Союза возрождения России» и КРО подготовили заявление о создании Штаба общественных сил по преодолению кризиса. Желающие поддержать законный парламент в его противостоянии с Кремлем ставили подписи тут же в коридоре. Выстроилась целая очередь «общественников». Наверное, так должен был выглядеть настоящий штаб революции.

Пока патриоты писали воззвания и прокламации, левые радикалы проникли в радиорубку Верховного Совета. Вмонтированные в стену громкоговорители внутренней связи передавали радиоистерику лидера левых коммунистов Виктора Анпилова. «Эти придурки загубят все дело», — мрачно выдавил мой друг Андрей Савельев. Я кивнул.

Наконец Анпилов умолк и началась трансляция из зала заседаний Верховного Совета. Первым выступил председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов, потом председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, затем вице-президент Александр Руцкой. Их речи напоминали победные реляции. Такое впечатление, что они уже считали себя ферзями, а Ельцина — загнанным в угол королем, сделавшим необдуманный и роковой для себя ход.

За нарушение конституции вчерашние соратники Ельцина заочно отстранили его от занимаемой должности и под всеобщие овации привели к присяге Руцкого. «Народ» рванул к усатому «кесарю» за автографами. Член Верховного Совета «пламенный патриот» Сергей Бабурин потребовал тут же принять закон о применении смертной казни к «мятежникам», то есть тем, кто встанет на сторону Ельцина. Как говорится, «понеслось». Адреналин заглушал ощущение опасности, мешал принимать трезвые и правильные решения.

Самым необъяснимым в той ситуации для меня было поведение самого Руцкого. Вместо того чтобы попытаться принять на себя исполнение обязанностей президента страны, он решил «окопаться» в Доме Советов. Кем он там собирался руководить, кроме буфетчиц, непонятно. Общественное мнение и закон в тот момент были полностью на его стороне. Имея «в кармане» решение Конституционного суда и Верховного Совета об отстранении от власти главы государства и будучи законно избранным вице-президентом страны, Руцкой согласно конституции вступал в должность президента. Приняв всю полноту власти в свои руки, после приведения к присяге он должен был немедленно выехать в Кремль и занять президентский кабинет. Кто бы его остановил? Комендант Кремля?

Представить себе, что Руцкого могли арестовать верные Ельцину офицеры спецслужб, сложно. В той ситуации Александр Владимирович обладал намного большей легитимностью, чем Борис Николаевич. Вряд ли какой-нибудь командир спецподразделения, памятуя события двухгодичной давности, попытался бы взвалить на себя такую гигантскую ответственность. Именно к стенам Кремля надо было переносить акции народного протеста с единственным требованием — допустить нового и законно избранного президента Руцкого к исполнению своих обязанностей.

Ничего этого не было сделано. Руцкой и Верховный Совет предпочли добровольное заточение и самоизоляцию. Зато Кремль времени зря не терял и сделал то, на что в 1991 году так и не решился ГКЧП. Благодаря «энергичному» Лужкову в Доме Советов отключили воду, канализацию, электричество и спецсвязь. Ельцин дал приказ окружить здание, где засели защитники конституции, колючей проволокой и несколькими живыми кольцами солдат внутренних войск. Выйти из осажденного парламента еще было можно, войти — нет.

Руцкой, как затравленный зверь, с автоматом в руках метался по зданию. Депутаты призывали к решительным действиям. Сидя

при свечах, они вспоминали ленинский план вооруженного восстания: взятие «мостов, телеграфа и телефона», но все это была пустопорожняя болтовня и сотрясание воздуха. Весь пар защитников конституции «уходил в свисток».

Последний раз я смог попасть в «оплот советской власти» 27 сентября. Моя жена тогда работала экспертом в Конституционной комиссии при Верховном Совете и, как и многие сотрудники аппарата парламента, отказывалась покинуть свое рабочее место. Однако, несмотря на ее протесты, я решил забрать ее домой. Обреченность парламента, казалось, понимали даже его стены. Время было упущено. Шансов спасти Верховный Совет от силового разгона больше не оставалось. Приближалась развязка, и я не хотел рисковать родным мне человеком.

На следующий день два десятка народных депутатов и представители оппозиционных Ельцину общественно-политических организаций собрались в зале заседаний Краснопресненского районного совета — в пяти минутах ходьбы от парламента. Здесь в Шмитовском переулке располагался «штаб общественной поддержки Верховного Совета».

Выяснилось, что ни у кого из собравшихся нет определенного плана действий. Тем не менее все отметили, что за последние дни симпатии москвичей к «сидельцам» в Доме Советов заметно выросли. Повсюду происходили стычки милицейских нарядов с горожанами, пытающимися прорваться сквозь кордоны к зданию Верховного Совета.

Утром того же дня я съездил в телецентр «Останкино», чтобы выступить на одной популярной независимой радиостанции. На втором и третьем этажах Телевизионного технического центра «Останкино» я насчитал два десятка бойцов спецназа МВД «Витязь». Они были в полной боевой экипировке, деловито осматривали останкинские «катакомбы» — замысловатые коридоры, соединяющие два служебных корпуса телецентра, обсуждали сектора обстрела.

В парке рядом с телецентром стояли бронетранспортеры отряда милиции особого назначения (ОМОНа). С улицы они были практически незаметны, но хорошо были видны из окон верхних этажей здания. «Стервятники прилетели», — мрачно заметил знакомый мне оператор.

Об увиденном в «Останкино» я подробно рассказал Александру Краснову. Он пообещал передать Руцкому мои слова с предупреждением «не соваться в останкинскую ловушку». Знаю, что свое обещание он сдержал. В Верховном Совете не могли не догадываться, что Ельцин готовит вооруженную провокацию. Тем не менее, несмотря на многочисленные предупреждения,

представители парламента сами вошли в мышеловку. Третьего октября сотни защитников конституции, прорвав оцепление у здания Верховного Совета, по чьему-то предательскому приказу оставили оборону здания парламента на Краснопресненской набережной и на нескольких грузовиках уехали штурмовать останкинский телецентр. Почему? Зачем? Для меня это по сей день загадка.

Такой же загадкой остается появление и вызывающее поведение в расположении Верховного Совета отряда боевиков «Русского национального единства» во главе с их вожаком Александром Баркашовым. На фоне общей инертности «парламентских сидельцев», потерявших всякую связь с внешним миром, молодые нацисты демонстрировали завидную гиперактивность. Они охотно позировали перед телекамерами, вскидывая руки в «римском приветствии», проводили смотры и маршировали на автостоянке у Верховного Совета, короче, формировали довольно агрессивный и устрашающий образ защитников конституции. Естественно, попустительство саморекламе крайне правых не добавило симпатий и уважения Верховному Совету — ведь это все происходило на глазах Руцкого и Хасбулатова.

Уверен, появление Баркашова и его боевиков было выгодно только Кремлю. Не управляемый ни Руцким, ни его министрами, ни депутатами вооруженный отряд «Русского национального единства» был использован в качестве пугала. Эта провокационная клоунада скомпрометировала истинных защитников парламента и конституции. Она развязала Ельцину руки, создав необходимый информационный фон для расстрела Верховного Совета.

Первое крупное столкновение между милицией и демонстрантами произошло 2 октября. Удивительное дело: правительство Москвы, несмотря на постоянные инциденты, которые происходили в непосредственной близости к Дому Советов между сотрудниками органов внутренних дел и москвичами, решило отметить очередной День города и устроить массовые гуляния. Что это было: недомыслие или сознательная провокация? Мэр Москвы не производит впечатления идиота. Уверен, что решение устроить городской пир во время «политической чумы» было принято им осознанно.

Именно 2 октября, воспользовавшись правом на организацию массовых мероприятий в центре города, активисты ультралевой «Трудовой России» Виктора Анпилова и примкнувшие к ним москвичи предприняли первую массовую попытку прорваться через милицейские ограждения к зданию осажденного

парламента. В этот же день я со своими сторонниками проводил митинг «некоммунистической оппозиции» на Лубянской площади — напротив здания бывшего КГБ. День был прохладный, меня продуло, плюс чрезвычайное напряжение последних почти двух недель. В итоге к вечеру друзья привезли меня домой с пневмонией и высокой температурой. Как сейчас понимаю, это меня и уберегло от участия в кровавых событиях последующих двух дней.

После расстрела Верховного Совета меня как активного участника сопротивления разгону парламента попытались привлечь к уголовной ответственности, в частности за «проведение несанкционированного митинга». Пару раз вызывали к следователю прокуратуры, но потом отстали. Конгресс русских общин, фигурировавший в списке организаторов этого мероприятия, получил официальное предупреждение Министерства юстиции. Можно сказать, мы легко отделались.

Все наши проблемы выглядели сущими пустяками по сравнению с тем горем, которые испытали семьи оставшихся в здании и у стен защитников парламента. Сотни людей были расстреляны в упор и раздавлены бронетранспортерами штурмующих сил. Погибали и случайные люди, просто прохожие и зеваки, оказавшиеся в неправильное время в неправильном месте. Озверевшие от крови сотрудники службы безопасности Ельцина стреляли в живых и раненых. Это была настоящая азартная охота на людей в самом центре города. На глазах всего мира танки и бронетехника бывшей великой державы расстреливала безоружный парламент! Мировые телеканалы смаковали позор России, а я стоял, взмокший от жара, закутанный в одеяло, на балконе своей квартиры в десяти километрах от места боя и слушал, как из пулеметов и пушек бьют по конституции моей страны.

Сложно описать бурю, разрывавшую мое сердце. Я хотел быть там, среди своих немногочисленных товарищей, которые до конца выполнили свой долг. Я хотел с оружием в руках защищать свою честь, честь моей Родины, но я не был уверен, смогу ли из этого оружия стрелять в русских солдат, таких же молодых парней, как и я сам, брошенных начальством на штурм парламента. Тот, кто действительно заслужил моей пули, был далеко. Он прятался за спины своих трусливых генералов, скрывался за высокими каменными стенами Кремля, смотря по телевизору, как по его приказу русская армия расстреливает русский парламент. Беспомощность и безнадежность — эти два маленьких липких зверька грызли мне душу. И эта рана никогда не зарастет.

Нет никаких сомнений в том, что расстрел Верховного Совета развязал руки сепаратистам на Кавказе. Не случайно узурпатор власти в Чечне генерал-мятежник Джохар Дудаев, который уже через год — в конце 94-го объявит войну России, в октябре 93-го демонстративно поздравил Ельцина «с еще одной победой на пути к справедливости и демократии». Ельцин сам показал, что в России под его властью нет ни конституции, ни закона, ни чести, ни морали.

В 1999 году, спустя пять с половиной лет после этих трагических событий, я вновь окунулся в события Черного Октября. Депутатская группа «Российские регионы» делегировала меня — молодого депутата — в состав комиссии по импичменту Борису Ельцину, или, как она официально называлась, Специальной комиссии Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации.

Эпизоды трагедии 1993 года рассматривались и изучались нами самым тщательным образом. Несмотря на то что статус комиссии по импичменту гарантирован конституцией, реальными правами она не обладала. Мы не могли потребовать обязательного привода на заседание важных свидетелей, занимавших в то время ответственные государственные посты, показания которых были необходимы для составления полного представления о случившемся. Даже если приглашенный соглашался предстать перед членами специальной комиссии Госдумы, настаивать на том, чтобы свои свидетельские показания он давал нам под присягой, мы также не имели права. Тем не менее даже те материалы, которые мы получили в результате проведенной работы, позволили судить о тайном подтексте трагических событий осени 1993 года.

Прежде всего мы установили, что Ельцин принял решение о разгоне Верховного Совета еще в конце 1992 года. Возможно, поводом тому послужило желание народных депутатов направить в дополнение к моему обращению в Конституционный суд о незаконности роспуска СССР обращение с требованием дать наконец правовую оценку «Беловежским соглашениям». Видимо, Кремль, привыкший к тому, что Верховный Совет, хоть и неохотно, но все же идет у него на поводу, усмотрел в данном демарше парламента демонстрацию непримиримой оппозиционности.

В марте 1993 года в администрации президента родился проект указа Ельцина «Об особом порядке управления страной», предполагавший разгон парламента. Отказавшийся ставить под

ним свою визу, популярный среди народных депутатов секретарь Совета безопасности России Юрий Скоков был немедленно уволен.

Через месяц Ельцин разыграл очередной водевиль под видом плебисцита с лозунгом «Да, да, нет, да». С помощью этого референдума о доверии президенту и Верховному Совету группа «либералов» в правительстве Черномырдина пыталась дискредитировать парламент страны и подтолкнуть Ельцина к открытому конфликту с ним. В руководстве Верховного Совета предполагали, что нарыв вскроется в августе и президент России попытается использовать недавние исторические аналогии и параллели с августовским «путчем» ГКЧП. Но август прошел спокойно, и все расслабились. Пока не наступил вечер 21 сентября…

На самом деле Ельцин и правительственные «либералы» хотели убрать прежний парламент со своей дороги совсем по другой причине. В отличие от нынешней Государственной думы Верховный Совет РСФСР обладал реальными полномочиями. Верховный Совет мог воспрепятствовать плану узурпации государственной собственности и передачи ее без выкупа нарождавшейся олигархии. Он мог отстранить любого проворовавшегося министра от должности и инициировать судебное разбирательство в его отношении.

Первый демократический парламент страны имел массу недостатков и изъянов в работе. Им руководил непопулярный и хамоватый Руслан Хасбулатов, сделавший много для развала союзного государства и этнического разложения России. Сами депутаты не отличались политической культурой и высоким профессионализмом, но… Верховный Совет был действительно самостоятельным органом власти, и устранить его можно было, только прибегнув к грубой физической силе.

Расстрел парламента был запрограммирован окружением Ельцина. Именно эти люди подталкивали президента на антиконституционный переворот, именно они мечтали устранить последнюю преграду для безудержного разграбления страны и фантастического самообогащения.

Комиссия Государственной Думы по импичменту Ельцину вьшснила также, что вооруженный конфликт между ветвями власти, ослабление российского государства и возвышение нынешнего правящего класса было выгодно некой «третьей стороне». Эта «третья сторона» исподтишка разжигала бойню, провоцируя обе стороны конфликта к его дальнейшей эскалации. В качестве доказательства приведу уникальные свидетельства одного из главных действующих лиц в трагических событиях 4

октября 1993 года — Виктора Андреевича Сорокина. В те дни он занимал должность заместителя командующего Воздушно-десантными войсками (ВДВ). Вот отрывок из интереснейшего и редкого документа — стенограммы заседания Специальной комиссии Государственной думы по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, от 8 сентября 1998 года. Показания генерала Сорокина не только открывают нам картину боя у Дома Советов, но и указывают адрес этой «третьей силы».

Сорокин В.А.:Где-то в районе трех часов ночи (4 октября 1993 года. — *Прим. авт.)*мы были подняты по тревоге и приглашены к министру. Прибыли в кабинет, там уже находились Черномырдин, мэр города Лужков, Филатов, бывший глава Администрации Президента, руководство ФСК (тогда во главе с генералом Галушко), ну и еще некоторые гражданские, и министр внутренних дел Ерин.

Первым выступал Ерин и стал требовать, чтобы армия пошла на Белый дом. У него было такое нервное выступление, по министру было видно, что он в таком состоянии… Дальше заактивничал товарищ Черномырдин и потребовал в категорической форме, чтобы части и подразделения, которые имеются, пошли на штурм, причем немедленно. Министр обороны сказал: я не буду никакие устные команды выполнять, пишите письменное распоряжение. Филатов подтвердил, что таковое уже готово, вот сейчас будет. И от нас потребовали, чтобы мы тут же, ночью, туда выдвигались и принялись за разблокирование Белого дома. Я потребовал дождаться светлого времени. В темноте выбрасывать солдат неприемлемо. С этим согласились. Около семи часов утра я выдвинулся. Батальон спецназа оставил для охраны Генштаба и с колонной 119-го полка прибыл на Калининский проспект со стороны гостиницы «Арбат». В это время там уже шла интенсивная беспорядочная стрельба. Командиру полка я поставил задачу: как можно быстрее выдвинуться к Белому дому, встать у подъездов, оружие применять только в ответ, первыми оружия не применять.

Когда ставилась задача, схема была такая, что все блокируется, защитникам Белого дома предъявляется ультиматум о том, чтобы покинули здание. Если ультиматум не будет выполнен, тогда будут применяться танки. Танки были у командира Таманской дивизии. Он мой однокашник. Я к нему подошел и говорю: «Ты будешь стрелять из танков?» Он говорит: «Виктор Андреевич, у меня снарядов нет». Это его слова. Я говорю: «Смотри». Мы продвигались со стороны гостиницы

«Мир», мимо здания СЭВ. И где-то около 8 часов подразделения выдвинулись к стенам Белого дома. Я доложил наверх о том, что весь состав выдвинулся, находится у подъездов, чтобы хоть как-то предупредить… Я понимал так, что люди стоят у стен дома, значит, орудия применяться не будут.

Во время выдвижения подразделения в полку погибло пять человек и 18 были ранены. Расстреливали сзади. Я сам лично это наблюдал. Стрельба велась со здания американского посольства, с крыши, с колокольни у гостиницы «Мир». Все погибшие и раненые были расстреляны сзади. Кто стрелял, я не знаю, хотя предположения есть.

Около 10 часов пошли выдвигать первый ультиматум. Я сканировал частоты, на которых выдвигались требования, и слышал голоса тех, кто там находился, кто имел радиостанции. И где-то около 10 часов я со своей ячейкой управления начал выдвижение к стенам Белого дома. Я достиг места, где сейчас шахтеры сидят, в районе Горбатого моста. В это время прозвучал первый выстрел из танка. Это было начало одиннадцатого.

Я развернулся и пошел обратно, вышел к своей радиостанции. После обеда люди полка мой приказ выполнили. Я приказал категорически в здание не входить, никаких действий там не предпринимать. Задача: выйти, встать у подъездов. После обеда прибыл полк из Тулы, который (уже сумерки начались) вышел тоже к Белому дому. Какие другие там были части, подразделения, я сейчас не могу утверждать, кто там был. Я поставил задачу командиру полка собрать полк, вывести ко мне, доложил командующему, что я полк увожу, что надо разобраться с убитыми, ранеными, с оружием. Он утвердил мое решение. Я собрал полк, проверил людей, уточнил потери и выдвинул его обратно, на Матросскую тишину, в управление, где людей разместили в спортзале.

Рогозин Д.О.:Вы сейчас говорили о том, что огонь велся как бы с тыловой стороны, то есть убивали в спину, стреляли в спину. Вы это поняли уже после боя или это было очевидно еще во время боя? И почему, несмотря на то что вы дали приказ отвечать на огонь, эти огневые точки на крыше американского посольства и на колокольне не были вами подавлены? И какие у вас есть предположения — кто это мог быть?

Сорокин В.А.:Я запретил стрелять в сторону американского посольства. Люди волнами выдвигались: группа перебегает, вторая группа отстреливается назад, прикрывает ее выдвижение. По посольству стрелять я категорически запретил, чтобы не вызывать никаких лишних вопросов.

Шаклеин Н.И.:После того как закончилось совещание, вы

встретились с командиром Таманской дивизии, который сказал, что у него нет снарядов. И потом, когда события уже прошли, вы тоже их анализировали, общались со своими коллегами, в том числе, может быть, и с командиром Таманской дивизии. Ведь многое было неясно в тот день: отчего, кто, что, как все происходит? Но потом у вас был обмен информацией с другими командирами? Какую дополнительную информацию вы от них получили об этих событиях? В частности, кто все же на себя взял главную роль в применении вооруженных сил?

Сорокин В.А.:Командир Таманской дивизии тогда не кривил душой, он мне честно сказал, что танки, которые с ним пришли, были без боеприпасов. Боеприпасы были подвезены потом. Это то, что я потом уже узнал. Действительно танки были без боеприпасов. На применение войск, кроме президента, никто не мог дать команду и надавить на министра обороны. Его заместители присутствовали при принятии первоначального решения — о том, чтобы не применять войска против… Тем более где — в столице нашей Родины! Я думаю, убедили. Но потом уже не какой-то мальчишка его переубедил за два-три часа. Это мог сделать только президент, тут сомнений никаких нет.

Рогозин Д.О.:Мы можем сделать частное определение по подготовке заключения нашей комиссии поданному вопросу — сентябрь-октябрь 1993 года? Потому что вопрос организации огневой точки на крыше американского посольства без ведома американского посольства — это абсурд. То есть речь идет фактически о прямом вооруженном иностранном вмешательстве в события октября 1993 года. Причем на стороне провокаторов, которые стреляли в спину солдатам для того, чтобы вызвать соответствующий эффект. Мне кажется, это очень серьезная информация, которую мы сегодня получили, и она отвечает на многие вопросы, поставленные в первом пункте, когда мы рассматривали Беловежские соглашения. Это именно умысел, в том числе пособничество, вражеская политика.

Уверен, что в любой демократической стране такого рода показания вызвали бы шквал эмоций, требования продолжения расследований и наказания виновных. Тем более что, работая над этой книгой, я натолкнулся на ряд дополнительных источников, подтвердивших правоту генерала Сорокина. В частности, есть несколько свидетельских показаний о том, что к командирам попавших под обстрел подразделений десантников и танкистов несколько раз подходили сотрудники «наружки» Министерства безопасности РФ и МВД, которые сообщили, что огонь ведут свои — правительственные снайперы-трассовики бывшей «девятки» и неизвестные снайперы с крыши посольства США и его жилого

городка.

О наличии среди стрелков Главного управления охраны (ГУО РФ) заезжих снайперов-иностранцев сотрудники «наружки», очевидно, не знали. Они посоветовали десантникам и танкистам «быть поосторожнее», так как, по их словам, «снайперы ГУО имеют богатый оцыт еще со времен войны в Афганистане, им все равно, кого убивать». Сотрудники «наружки» подробно рассказали, откуда именно ведут огонь правительственные снайперы (показали дома, соответствующие слуховые и квартирные окна); особо выделили обнаглевших снайперов с крыши посольства США и советовали не подставлять им спину, поскольку, по их словам, «те никому из «наших» не подчиняются».

Очевидно, что деяния Ельцина и его окружения по насильственному разгону Верховного Совета, отмене действовавшей Конституции и расстрелу сотен ее защитников не имеют срока давности. К сожалению, они до сих пор до конца не расследованы, а его виновники не наказаны. Точно также не расследован факт, каким образом снайперы, стрелявшие в спины нашим десантникам, оказались на крыше посольства США. И чьи это были снайперы? И были ли они вообще? Это загадка покруче тайны, кто убил президента Кеннеди. Но если американскую тайну все же пытаются разгадать, то о причинах трагических событий октября 1993 года сегодня вообще никто не хочет вспоминать.

Любопытную характеристику этому преступлению века дал по итогам его расследования в 1994 году бывший генеральный прокурор России Алексей Казанник:

Допросив тысячу военнослужащих, мы получили следующие доказательства: никаких мирных переговоров в промежуток времени между событиями 3 и 4 октября не велось — был отдан приказ штурмовать немедленно… В паузе между случившимся 3-го и тем, что произошло 4 октября, никто не предупреждал людей, оставшихся в Белом доме, о начале обстрела и штурма, то есть доказательств ведения каких-либо переговоров нет. Следовательно, события 4 октября надо квалифицировать как преступление, совершенное на почве мести, способом, опасным для жизни многих, из низменных побуждений.

Говорят, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым. Но я думаю, что нет у нас и будущего без правды о недавнем прошлом.

Медведь на воеводстве

В природных условиях северной континентальной страны энергоресурсы — это фактор политической власти. Даже больше чем власти. Это фактор жизни. В чьих руках эти инструменты — тот и есть настоящий хозяин страны и даже мира. Но надо помнить, что нефть и газ — исчерпаемы. Рано или поздно они закончатся. Об альтернативных источниках получения энергии говорят уже десятки лет. Но пока приемлемых по цене и уровню безопасности способов не изобретено.

Пока Россия не сумела восстановить «параллельную экономику», она заинтересована в высоких мировых ценах на топливо и в том, чтобы как можно дольше и эффективнее использовать свои природные богатства. Да и сколько на самом деле стоят наши энергоресурсы, которые мы — в отличие от арабов — достаем из недр в адских условиях полярной зимы, да еще и тянем несколько тысяч километров трубой по вечной мерзлоте и тундре до ближайшей экспортной границы? Нефть и газ — это наш стратегический ресурс, это гарантия нашего суверенитета. Это приз, который сам Господь Бог вручил России за умение обживать холодную землю.

Однако надо понимать, что в вопросах стабильных энергопоставок покупатель зависит от производителя ровно настолько, насколько поставщик зависит от покупателя. В этом вопросе должны быть четкое взаимопонимание и партнерство. Можно понять, почему страны Европейского союза хотят диверсифицировать каналы поставок энергоносителей. Никому не хочется попадать в кабальную зависимость — даже если она носит виртуальный характер. Но и Россия точно так же заинтересована в диверсификации маршрутов поставок ее газа и нефти в Европу, в частности, в строительстве газопроводов по дну Балтийского и Черного морей и строительстве заводов по сжижению газа и глубокой нефтепереработке. Мы не хотим зависеть от турбуленции и катаклизмов политической жизни в соседних странах. Нам не нравится (да и никому на нашем месте не понравилось бы), когда кто-то ворует наше сырье, а стоит выразить недовольство, нас начинают примитивно шантажировать возможностью перекрыть транзит энергоносителей в Европу.

Господа, коммунизм закончился! Есть деньги —; есть газ. Нет денег — нет газа. Мы в торгово-экономических вопросах благотворительностью больше не занимаемся. У нас есть свой народ, и нам надо его кормить. Если Евросоюзу или НАТО так

дорог прозападный режим в Киеве, то пусть они и заплатят нам за наш газ, украденный их наглым протеже. Давить на нас, пугать — бесполезно. Лучше сотрудничать и вести себя по-партнерски. Мы давно предлагаем заключить с ЕС стратегические соглашения в области энергобезопасности. Мы готовы гарантировать стабильность и безопасность наших поставок. В свою очередь, мы заинтересованы в поставках европейских технологий в нашу экономику, в том числе и в энергетику. Но для этого европейские бюрократы должны прекратить политизировать сугубо хозяйственные вопросы и пугать обывателя «русским медведем».

Нет в природе никакого «энергетического оружия»! Но у Брюсселя есть свои политические пристрастия, «любимчики» и страсть к шантажу. Надо с этим делом кончать, если мы хотим наконец стать джентльменами в столь чувствительном вопросе, как обеспечение наших народов теплом и здоровьем.

Что касается самой России, то радикальное реформирование ее топливно-энергетического комплекса имеет основополагающее значение для экономического реанимирования всей страны. При этом следует помнить, что Советский Союз стал великой державой вовсе не за счет массовой продажи нефти и газа за рубеж, а благодаря масштабной индустриализации, в первую очередь развитию машиностроения.

Экспорт отечественных углеводородов на Запад многократно вырос лишь в 70-е годы прошлого века — при правлении Леонида Брежнева, когда отчетливо проявили себя процессы деградации советской экономики. Мы сели на «нефтяную иглу» и, став «энергонаркоманами», перестали работать и заботиться о себе.

Поэтому роль энергетики я вижу не в дальнейшем развращении экономического сознания и возможности жить за счет найденного природного клада России. Энергетика для нас должна стать источником масштабных внутренних инвестиций и гарантией суверенитета страны. Это золотой ключ возрождения экономики. Вот почему так важно его повернуть.

В любом важном деле надо сперва определиться не только с инструментом для работы, но и с ее конечной целью. Понятно, что именно энергетика должна вытягивать к успеху всю экономику России, создавая для нее инвестиционные ресурсы и выгодный ценовой фон. Но какова конечная цель экономической политики? И как измерить эффективность усилий правительства в сфере его непосредственной компетенции? Попробую сформулировать ответ на эти вопросы. На мой взгляд, цели государственной политики и критерии оценки деятельности исполнительной власти должны быть следующие.

Во-первых, рост благосостояния нации. Причем в стране, где

платными стали не только продукты питания и жилье, но и доступ к образованию и культуре, а также медицинскому обслуживанию, под благосостоянием следует понимать опережающий инфляцию рост реальных доходов граждан.

Во-вторых, рост рождаемости и продолжительности жизни, а также продление активной трудоспособности пожилого населения.

И наконец, в-третьих, укрепление общественной и государственной безопасности, сокращение количества смертей, вызванных неестественными факторами: в результате войн, террористических атак, межнациональных конфликтов, криминального насилия, а также преступлений или несчастных случаев на транспорте и производстве в результате грубых нарушений установленных правил.

Только такая оценка работы власти — по конкретным сбалансированным и понятным народу достигнутым целям государственной политики, имеющим количественное выражение, — может быть объективной.

Хаджи-Мурат

Мятеж на Кавказе вынянчил Ельцин. Конечно, можно долго вспоминать историю воинственного чеченского народа, исследуя страницы полувековой Кавказской войны XIX века. То тут, то там, копаясь в архивах по истории кавказских народов, я натыкался на суровые эпитеты, которыми русские государственные деятели и полководцы награждали абреков.

Вот типичная для того времени характеристика чеченцев, данная героем Кавказской войны генералом Алексеем Ермоловым: «Ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружественно все злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или отмщевать за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками в землях, им самим не знакомых. Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников».

Политика «кнута» (жесткие действия армии генерала Ермолова) и «пряника» (переговоры князя Барятинского, сумевшего в конце долгой Кавказской войны пленить вождя горцев имама Шамиля) привела к победе русской армии на Кавказе и замирению народов Чечни, Ингушетии и Дагестана с Российской империей. Покоренные племена Северного Кавказа верно служили престолу и даже были отмечены благодарностью императорского двора.

В Первую мировую войну в знаменитом Брусиловском прорыве 1916 года особым героизмом отличились Чеченский и Ингушский полки Дикой дивизии, которые сумели нанести войскам германского кайзера ощутимый урон. Благодарный русский царь Николай II, восхищенный удалью чеченских и ингушских воинов, отправил поздравительную телеграмму своему наместнику на Кавказе.

Чеченцы гордятся своим длительным вооруженным противостоянием лучшей в Европе русской армии. Но еще более восхваляют они свои ратные подвиги в ее составе. Все это говорит о том, что сильное русское государство не только способно усмирить мятежные кавказские племена, но и предоставить им возможность приносить себе и России пользу. Подчеркну: сильное и русское, но никак не бандитское государство, которое строили Ельцин и окружившие его партийные оборотни. Все их внимание было поглощено воровством и узурпацией власти. Судьбы

народов России, со всеми их комплексами вины и обиды, взаимными претензиями и избирательной исторической памятью, были им непонятны и безразличны.

Кроме того, власть воров была кровно заинтересована в создании на территории России криминального анклава, «черной дыры», через которую можно было прокачивать неподотчетную нефть, контрабандой торговать оружием, печатать и распространять фальшивые деньги и финансовые обязательства. Туда же можно было свозить несговорчивых партнеров по бизнесу, пытать и тайно хоронить их. Преступная корысть центральной бюрократии, необузданность чеченского характера, развал государственности и общественной морали — вот рецепт приготовления кровавого кавказского бульона.

В 1991 году Верховный Совет России издал абсурдный и разрушительный закон «О реабилитации репрессированных народов». В качестве компенсаций за понесенный ущерб Чечне и некоторым другим национальным республикам, народы которых были высланы Сталиным в Казахстан «за массовое пособничество врагу в годы Великой Отечественной войны», выделялись значительные ресурсы. Приняв такой провокационный закон, недальновидные народные избранники открыли «ларец Пандоры».

Хронологию захвата власти мятежниками лучше всех описал Андрей Савельев в книге «Чеченский капкан». Это самая честная и документальная повесть об истории этой гражданской войны и геноциде русского населения Чечни.

Распад законности в Чечне начался с разложения структур государственной власти в СССР и стихийной суверенизации входящих в него союзных и автономных республик. В 1989 году население Чечено-Ингушетии (еще до разделения этой российской автономии на две самостоятельные республики) составляло 1270 тысяч человек. При этом примерно 40 процентов (порядка 530 тысяч) было представлено не чеченцами, а русскими, армянами и представителями других национальностей. Позднее доля чеченцев увеличивалась за счет переезда горцев из Казахстана и снижения числа русских, начавших уезжать с Кавказа из-за роста агрессивного национализма и сепаратизма. С 1989 года началось вытеснение нечеченских кадров с руководящих постов. В 1990-м практически все ключевые посты в Чечено-Ингушетии были заняты чеченцами.

В Чечено-Ингушетии быстро насаждался ислам. За два года до сентябрьских событий 1991 года в республике было построено 211 мечетей, открыто два исламских университета (Курчалой и Назрань). Была воссоздана политическая и материальная база для

возрождения идеологии мюридизма — традиционной для чеченцев версии ислама, предполагающей духовное рабство «учеников», выполняющих наставления и приказы «учителей».

27 ноября 1990 года Верховный Совет Чечено-Ингушетии принял Декларацию о суверенитете. Автономия была провозглашена суверенным государством, готовым подписывать союзный договор только на равноправной основе с другими союзными республиками. Это решение было поддержано национальным Съездом чеченского народа. В результате произошла этническая самоорганизация чеченцев, которые отбросили сложившуюся систему управления и выстроили свою структуру власти, пренебрегающую интересами всего остального населения.

Председателем исполкома Съезда чеченского народа был избран советский генерал-майор Джохар Дудаев. Он был приглашен из Эстонии, где служил командиром дивизии тяжелых бомбардировщиков. Но Дудаев не удовлетворился уготованной ему ролью «свадебного генерала». Он быстро сообразил, что в нестабильной ситуации вполне может возглавить всю Чечню. В склоке, возникшей в исполкоме между «демократами» и «национал-радикалами», Дудаев принял сторону последних.

Горбачев не увидел опасности в нарастании этнического шовинизма и стихийной суверенизации. Затем в Чечено-Ингушетии появился Ельцин, настраивавший национальные республики «брать суверенитета столько, сколько сможете проглотить».

В мае-июне 1991 года второй Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) объявил о выходе Чеченской Республики из состава РСФСР и СССР. И снова руководство страны не предприняло никаких мер против сепаратистов и мятежников.

В сентябре 1991 года под видом борьбы со структурами ГКЧП дудаевцами был упразднен Верховный Совет республики. Верный России руководитель республики Доку Завгаев был изгнан из Чечни. Власть перешла к назначенному съездом Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) Временному высшему совету. К удивлению многих, эта хунта была признана Верховным Советом РСФСР (его тогда возглавлял чеченец Руслан Хасбулатов) в качестве «единственного законного органа власти в республике». С точки зрения сохранения государственного единства это был, конечно, верх безумия федеральных властей.

Вскоре вооруженные сторонники Дудаева захватили здания Совета министров, радио и телецентра. 27 октября 1991 года

исполком ОКЧН провел незаконные выборы президента и парламента Чечни. Власть окончательно перешла в руки уголовников.

В Москве наконец-то забеспокоились. Съезд народных депутатов России в ноябре 1991 года признает недействительным избрание Дудаева президентом Чеченской Республики. Ельцин сначала не торопится выполнять это решение парламента России, затем подписывает Указ о введении чрезвычайного положения в Чечне и… исчезает из Москвы. При этом избранный Съездом народных депутатов Верховный Совет РФ по инициативе Хасбулатова отменяет указ Ельцина, тем самым дезавуирует решение Съезда народных депутатов. Общественность расценивает этот правовой хаос как прямое пособничество мятежникам и нарушение конституции. Направленный в столицу Чечни город Грозный полицейский спецназ блокируется дудаевцами в аэропорту. Любопытно, что по чьему-то приказу военно-транспортные самолеты, перевозившие бронетранспортеры для спецназа, приземлились на другом аэродроме. Это предательство стало поводом для Дудаева заявить о своей «первой победе над Россией».

Предвестием физического уничтожения русского населения Чечни стало издание русофобской литературы, прямые оскорбления русских с правительственных трибун, осквернение русских кладбищ и, наконец, перерегистрация «иноязычного населения» 10 января 1992 года. Те русские, которые не успели пройти перерегистрацию, объявлялись «террористами».

Оружие дислоцировавшихся в Чечне российских войск было расхищено или разграблено. Помог Дудаеву ставленник Горбачева маршал авиации Шапошников. Будучи командующим Объединенными Вооруженными силами СНГ, он отдал распоряжение о передаче Дудаеву половины оружия российской армии, находившегося на воинских складах на территории Чечни. Соответствующий приказ подписал и министр обороны России Грачев, обеспечивший позднее вывод армии из Чечни без тяжелого вооружения. Оно также досталось дудаевцам в качестве трофеев.

Ни того ни другого не расстреляли, как это должно было бы произойти в любом другом уважающем себя государстве. Александр Коржаков, с 1991 по 1996 год являвшийся начальником Службы безопасности Президента РФ, прокомментировал это так: «Почему Шапошников с Грачевым так решили — не знаю. Предположить могу: у нас тогда было очень модно чемоданами носить деньги. Кому-то из них, может, и принесли, я не знаю».

Предательские решения принимались на фоне погромов воинских частей на территории Чечни. Сообщения о захвате того или иного военного объекта в феврале 1992-го приходили ежедневно. В руки дудаевцев попадали тысячи единиц стрелкового оружия. Российский генералитет закрывал глаза на гибель военнослужащих и формирование бандитской армии, до зубов оснащенной нашим оружием. Именно тогда были зафиксированы факты взятия заложников и использование их при разоружении армейских гарнизонов. Еще одно «ноу-хау» Дудаева — это использование залитых бензином пожарных машин, с помощью которых боевики угрожали поджечь склады с оружием и боеприпасами, если они не будут им переданы.

1 июня 1992 года российские генералы решились на беспрецедентное предательство. Незаконным вооруженным формированиям было передано более 40 тысяч единиц стрелкового оружия, около 150 тысяч гранат и свыше 150 учебных самолетов. Среди переданного оружия были ракетные установки «Луна-8» и системы залпового огня «Град».

Осенью 1994 года генерал Дудаев распорядился оснастить 11 самолетов Л-39 стокилограммовыми фугасными бомбами и ракетами для нанесения удара по южным городам России. Удар был бы нанесен, если бы наша авиация накануне введения федеральных сил в Чечню не уничтожила все дудаевские самолеты на аэродромах.

Дополнительная поддержка режима Дудаева была оказана Грузией. Грузинский президент Звиад Гамсахурдиа нанес несколько визитов Дудаеву, пообещав ему любую помощь в борьбе с Россией. Оружие в Чечню хлынуло и из других стран — из Украины и Азербайджана, Восточной Европы и Турции. Чечня становилась ударной силой, направленной против России, готовой к подобным «аргументам» в случае дальнейшего ослабления Москвы.

По одной из непроверенных версий, оружие в Чечне было накоплено для нелегальной продажи мусульманским странам. Так или иначе, в 1991 году переданных бандитам вооружений хватило бы на развертывание полностью укомплектованных семи дивизий. В июне 1992-го численность дудаевской армии составила 15 тысяч человек, не считая готовой к мобилизации «национальной гвардии».

Генерал Лебедь, называя чеченскую войну «заказной и коммерческой», знал, о чем говорил. Разведанные запасы нефти в Чечне составляли 70 миллионов тонн, причем речь идет о нефти высокого качества. Но ее добыча в 1992 году не превышала одного процента от общероссийского объема. Поэтому причиной

войны была борьба российской номенклатуры не за сами нефтяные месторождения собственно Чечни, а за право бесконтрольной переработки и продажи через Чечню нефти из других российских регионов.

Несмотря на протесты Совета безопасности, правительство Гайдара разрешило перекачать в Грозный около 20 миллионов тонн нефти из Башкирии. Незаконные нефтяные операции дали Дудаеву и его окружению около миллиарда долларов. Часть этих денег была в частном порядке вложена в недвижимость и банки за рубежом.

По данным депутата Госдумы РФ от Чечни генерала Ибрагима Сулейменова, в течение четырех лет правления в Чечне Дудаева из республики ежегодно вывозилось 22 млн тонн нефти. Средства от ее продажи шли на личные счета Дудаева и его тайных московских покровителей.

На выручку от продажи нефти, украденной совместно российскими чиновниками и чеченскими бандитами, было приобретено дополнительное количество оружия. Именно этим оружием головорезы Дудаева встретили российскую армию в Грозном. Это же оружие террористы Шамиля Басаева и Салмана Радуева применили против мирных граждан русского Буденновска, дагестанского Кизляра, а затем и осетинского Беслана.

Между тем ельцинский премьер Гайдар на заседании парламентской комиссии, созданной в 1995 году для расследования причин и обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чеченской Республике, объяснял необходимость поставок нефти бандитам очень просто — мол, надо было обеспечивать нефтепродуктами посевную кампанию на Северном Кавказе.

В период безраздельного господства Дудаева территория мятежной республики превратилась в заповедник бандитизма. Уровень преступности в Чечне вырос с 1990 года в семь раз. Только умышленных убийств в 1991–1994 годах было совершено более 2000. Большинство убитых — русские. Расследованием преступлений никто не занимался. Последовавшие за вводом войск авиационные и артиллерииские удары российской армии по Грозному добили остатки русского населения. Основанный в начале XIX века генералом Ермоловым город Грозный стал «братской могилой» русского народа на Северном Кавказе. Именно кости русских людей лежат под развалинами столицы Чечни. До войны русские составляли более половины жителей этого крупнейшего на Северном Кавказе города — центра нефтехимии. Именно русские стали заложниками войны.

Чеченцы, чувствуя приближение беды, покидали город и переезжали к своим родственникам в соседние села и аулы. Русские же были горожанами, бежать им было некуда. Защитника во власти, которому можно было пожаловаться на притеснения и получить помощь, тоже не оказалось. Мирные русские люди стали легкой добычей свирепых чеченских бандитов. Даже казаки в станицах Наурского и Шелковского районов, некогда входивших в состав Ставропольского края России, но переданных Хрущевым в состав Чечено-Ингушетии, так и не смогли организовать вооруженное сопротивление бандитам. Все чего-то ждали, озирались на Москву, пересказывали друг другу байки про лютых абреков, затем грузили свой нехитрый скарб и уезжали «на материк».

Главари мятежников оказались очень хорошими пропагандистами. Пресс-служба Дудаева, которую возглавил бывший комсомольский агитатор Мовлади Удугов, вела целенаправленную работу по промывке мозгов. Чеченцам усиленно внушали презрение к русским, убеждая в полной безнаказанности преступных действий против «неверных». Активно распространялись небылицы о «зверствах царизма против горцев» и призывы «отомстить русским». Тема сталинской депортации вообще преподносилась как «холокост чеченского народа», требующий «справедливого возмездия». При этом об исторических обидах, нанесенных чеченцами русским, и причинах депортации чеченцев в 1944 году — их массового предательства и пособничества войскам вермахта люди Удугова предпочитали молчать.

Чеченской пропаганде подпевали и федеральные российские СМИ. Телевидение и газеты представляли боевиков сплошь «героями, которые борются за свободу». При этом российская армия в опусах газетных писак представлялась сборищем чахоточных бомжей и несчастных детей, насильно оторванных от «мамкиной сиськи»… Про мирное русское население, ставшее заложником бандитов и кремлевских трусов, никто вообще не вспоминал.

В исполком Конгресса русских общин тревожная информация о трагическом положении русских в Чечне поступала постоянно. В нашей приемной на Фрунзенской набережной Москвы собирались плохо одетые и перепуганные люди, чудом вырвавшиеся из «чеченского рая». То, что они рассказывали о положении соотечественников, больше походило не на реальные истории, а на очередной кровавый триллер Тарантино. Только кровь в Чечне текла не голливудская. Повсеместно шел захват жилья и имущества русских. Безнаказанный террор заставил

русских не мигрировать, а именно бежать из Чечни. До введения федеральных войск дудаевский режим вынудил к отъезду около 250–300 тысяч человек. По данным лидера Русской общины Чеченской Республики Олега Маковеева, за три года дудаевским режимом было изгнано из Чечни 350 тысяч и убито 45 тысяч русских. Морги были забиты неопознанными трупами. Возник чисто чеченский промысел похищения девушек для продажи в публичные дома. Изнасилования и зверские убийства русских женщин стали массовым явлением. Русских избивали прямо на улицах, похищали русских детей. Всюду применялось холодное и огнестрельное оружие, оставленное Министром обороны РФ Павлом Грачевым в подарок бандитам.

Соответствующие данные поступали и в Кремль, но ни на Ельцина, ни на его команду они не производили ровно никакого впечатления. Ни Хасбулатов, ни Гайдар, несмотря на публичные призывы КРО, ни словом не упрекнули Дудаева в геноциде.

Еще в мае 1994 года несколько сот русских жителей расположенной на территории Чечни казачьей станицы Ассиновская подписали письмо, направленное Ельцину, перечислив преступления режима Дудаева.

Приведу некоторые из перечисленных в письме фактов:

1 января 1993 года. Три часа ночи. Неизвестные в масках ворвались к жителю станицы П.И. Шеховцову, открыли стрельбу, избили его, потом заколотили живьем в ящике. Мать-старуху затолкали на кухню, забили гвоздями двери, а тем временем угнали со двора машину. 16 марта 1994 года.

Ночь. Вломившись в дом А. Войстрикова, вооруженные громилы избили его, приговаривая при этом: «Дядя, мы работаем по графику. Каждая семья русских у нас в списке». Потом тоже угнали машину. Примерно при таких же обстоятельствах угнаны машины у М.В. Мосиенко, Е.И. Попова, В. Лабынцева, А. Федосеева и многих других. Похищены десятки мотоциклов. В результате у русских жителей станицы, по сути, не осталось личного транспорта.

Здесь же, в Ассиновской, вооруженными боевиками разворовано 11 тракторов и несколько автомашин, принадлежащих колхозу. В письме президенту приводится такой скорбный список ограбленных и избитых русских пожилых женщин: А. Федорова, М.Д. Триковозова, А. Казарцева, В. Пирожникова, М. Ваньшина, К. Исаева, М. Буханцова, В. Матюхина, А.К. Малышева, Тиликова, Х.И. Мишустина и другие. Многие из этих старых женщин — вдовы солдат, погибших в Великую Отечественную войну. Кое-кто из них не выдерживал пережитых потрясений и издевательств, как это случилось,

например, с инвалидом А. Климовой и Героем Советского Союза Иваном Федоровичем Сергеевым. Они от побоев умерли. 24 марта 1994 года похищенная из своего дома восьмиклассница Лена Назарова была зверски изнасилована группой из шести человек. В апреле 1994 года насильно изгнана из дома семья Съединых: мать, дочь и ее трое детей. Их жилье захвачено чеченцами. Семья вынуждена скитаться. 13 мая 1994 года. Вооруженные бандиты врываются в дом Каминиченко. Зверски избиты мать и бабушка. Тринадцатилетняя Оксана изнасилована и увезена в неизвестном направлении. Всего нападениям подверглось более 70 домов. Поэтому за два года численность русских, которые жили в станице с XVI века, сократилась с 7 тысяч человек до 2 тысяч.

Копии таких писем, обращенных к руководству страны, в исполком КРО поступали сотнями. К началу весны 1995 года Конгресс русских общин развернул в Ставропольском крае Координационный центр помощи русским беженцам. Он располагался в Георгиевске (в 1783 году именно в этом городе Восточная Грузия подписала трактат, признававший покровительство ей со стороны России), а отделения центра были открыты в крупных селах по берегу реки Терек, например в станице Галюгаевской. Помогая добровольцам, я впервые увидел проявления тихого мужества простых русских людей, которые переправляли на безопасный берег женщин и детей, пытавшихся спастись от резни. Эти отважные люди, среди которых были и православные священники, не искали наград и благодарностей. Но для меня они стали примером настоящего русского характера, способного на подвиг во имя спасения ближнего.

То ли дело местные чиновники! Этим было достаточно посетить Нефтекумский или Зеленокумский район Ставрополья, а то и просто подъехать к границе с Чечней километров за сорок, и они уже требовали за свое «беспримерное мужество» государственных наград и званий. Все-таки война, что ни говори, умеет проявлять характер, подсказывая, кто сволочь, а кто человек.

Те русские, которые смогли выбраться из зоны боев, в Чечню уже никогда не вернутся. Материальные и моральные потери им никто не компенсирует. В Центральной России русских беженцев ждал более чем прохладный прием. Жаловаться было некому, ждать помощи неоткуда. В Кремле сидели союзники бандитов, а общество было растеряно и подавлено. Пресса же была занята любимым делом — шельмованием армии.

Живущие на иностранные гранты «профессиональные правозащитники» соответственно «профессионально» терзали Россию. Одного из них, самого наглого и отъявленного врага

моей страны, я решил публично вывести на чистую воду.

Сергей Ковалев всю жизнь стремился стать «вторым академиком Сахаровым». В отличие от всемирно известного «отца водородной бомбы», Сергей Адамович ничего стоящего в своей жизни не сотворил, да и ничем особенным в толпе «профессиональных правозащитников» не выделялся, разве что чрезвычайной ненавистью к своей стране и народу. Зато гадить этот «голубь мира» умел грандиозно. То нагрянет в бункер Дудаева и оттуда в бинокль наблюдает, как боевики расстреливают солдат. То выступит в защиту популярного в Чечне бандита Шамиля Басаева, захватившего в Буденновске летом 1996 года городскую больницу и насиловавшего несчастных рожениц. То опубликует в одном из таблоидов «письмо к матерям России» вот такого садистского содержания:

> Руины города Грозного завалены трупами. Это трупы российских солдат. Их грызут одичавшие собаки. Эти обглоданные останки были чьими-то сыновьями — я от всей души надеюсь, что не вашими. В сыром темном бункере лежат раненые. Это российские солдаты, попавшие в плен. У иных из них началась гангрена. Они тоже чьи-то сыновья. <…> Кто-то из вас получит сообщение о том, что ваш сын пропал без вести. Не верьте. Он лежит на улице в Грозном, и его грызут собаки. Или он умер от сепсиса в чеченском плену.

После публикации этого письма «правозащитник» Ковалев окончательно стал для меня животным. Причем он оказался не одинок — значительная часть «демократических СМИ», игнорировавших трагедию русского народа на Кавказе, поливавших грязью воюющих в Чечне солдат и офицеров, думали так же, как и он. Вот почему моя публичная теледуэль с Ковалевым, которая состоялась летом 1995 года в популярном и идущем «вживую» политическом телешоу, стала демонстрацией подлости тех, кто вместе с Ельциным предал свой народ.

К этой передаче я готовился самым тщательным образом. Прежде всего я решил, что не ведущий, а я должен стать пытливым журналистом, вскрывающим идеологические кишки моего оппонента. В разгаре дискуссии я потребовал у телеведущего принести в студию видеомагнитофон для демонстрации видеокассеты. Дело в том, что за пару месяцев до описываемых мною событий Ковалев во время массового теракта в ставропольском городе Буденновске, где чеченские боевики захватили несколько тысяч заложников в городской больнице, убив из них полторы сотни человек, пришел на выручку их

главарю Шамилю Басаеву. Чтобы уйти от возмездия, бандитам понадобились «добровольные заложники», прикрываясь которыми они на предоставленных им автобусах могли бы беспрепятственно вернуться в Чечню. Ковалев, который тесно общался с террористами, решил стать таким «прикрытием» и вызвался их сопроводить. Это гарантировало экстремистам полную безопасность и безнаказанность. Я располагал устными показаниями двух заложников о том, что, когда автобусы с боевиками и Ковалевым оказались в безопасной для них горной зоне Чечни, «профессиональный правозащитник» вместе с остальными бандитами радостно приветствовал восторженную толпу чеченцев, встречавших террористов как героев после выполнения «боевого задания в буденновском роддоме». Однако документальных свидетельств подлости и предательства Ковалева у нас не было.

Тогда я решил прибегнуть к хитрости. На самом деле Ковалев страшно боялся разоблачения. Он не мог знать, снимал ли его кто-либо из толпы фанатов Басаева, и могла ли теоретически такая видеозапись оказаться у кого-либо из его идеологических врагов. На этом и был основан мой расчет. Во время дебатов я достал пустую видеокассету и, глядя старому подлецу в глаза, заявил, что в моих руках — прямое свидетельство его предательства — запись, где он, Сергей Ковалев, делит с боевиками Басаева радость благополучного для чеченцев исхода этой варварской террористической операции. Как я и ожидал, ведущий телешоу в замешательстве стал объяснять телезрителям техническую невозможность показа моей пленки в прямом эфире. Он не знал, что кассета, принесенная мной в студию, пуста. Но интереснее всего была реакция Ковалева. Он жутко покраснел. Видимо, у человека, преподносившего себя как «совесть нации», еще оставались капли собственной совести. Я понял, что попал в «десятку». Ковалев что-то жалко лепетал в свое оправдание, и всем стало ясно: то, что про него рассказали очевидцы, — правда. Передо мной жалко трясся предатель, которого мне удалось разоблачить. Победа была полной, но не окончательной. Ковалев улизнул из студии и вскоре снова оказался в расположении боевых позиций сепаратистов. Но политический фитиль, вставленный ему на передаче в «Останкино», светил даже ночью, выдавая нашей армейской разведке передвижения этой «совести нации» по тылам боевиков.

Через неделю рупор «прогрессивного либерализма» — газета «Московские новости» поместила на своих страницах материал, посвященный моей телевизионной дуэли с Сергеем Ковалевым. Как сейчас помню его название — «Диалог барабана со

скрипкой». Надо полагать, что «скрипкой» писака именовал правозащитника, а не меня. Как бы то ни было, газета признала выступление «совести нации» в телешоу провальным. Сколько потом у меня было сочных дебатов и ярких интервью на телевидении, но ту передачу — ту первую пробоину, сделанную мною в массированной пропагандистской кампании унижения России и ее армии, — я помню до сих пор.

Сразу после передачи я вылетел в Буденновск. «Святой крест» — так звучит старое название города — еще не остыл от недавнего боя с бандой Басаева. Свежее кладбище у подножья этой новой Голгофы ставропольской земли, где только что похоронили застреленных и замученных террористами мирных жителей, было завалено цветами. Многие горожане на улице узнавали меня, останавливали, чтобы поблагодарить за слова правды, впервые сказанные по телевидению о трагедии жителей города.

В Буденновске я познакомился с полковником милиции Николаем Ляшенко. Как бывший начальник городского управления внутренних дел он находился под следствием. Так у нас часто бывает — судят командира подразделения милиции, принявшего неравный бой с бандой профессиональных убийц, а «высокое начальство», прозевавшее свободное передвижение по Ставропольскому краю грузовиков, набитых головорезами из «Абхазского батальона» Басаева, как всегда оказалось ни при чем. Правда, вскоре Ляшенко был оправдан и восстановлен в прежней должности. Благодарные земляки при поддержке КРО избрали его городским главой, и это стало лучшим ответом пережившего войну города на попытки Кремля спихивать свои провалы на командиров армейских и милицейских подразделений, честно выполнявших свой воинский долг.

Первая чеченская война словно рентгеном высветила всех внутренних и внешних врагов России. При первом же ослаблении страны они повылезали, как крысы из всех нор. Вот как высказался Милли Меджлис (Собрание) татарского народа по поводу введения войск в Чечню: «Кровавая рука Москвы после Баку, Тбилиси, Вильнюса, Риги и Ташкента достигла сегодня Чечни и на этом не остановится».

Кремль снес это наглое оскорбление, утершись своей «кровавой рукой». Ни один из авторов данного заявления не понес за него ответственности. Но татарским сепаратистам и этого показалось мало. Они не только прямо поддержали Дудаева, но и начали проводить митинги в память погибших защитников Казани, взятой в 1552 году войсками Ивана Грозного. Направленность этих митингов была очевидна — отторжение

Татарии от России. Мало кто уже помнит, как в 1991 году толпы народа на центральной площади Казани стояли с плакатами: «Татарстан — независимое государство», «Русские, убирайтесь из республики».

Никакого секрета для российских властей в том, кто помогал чеченским боевикам, нет. В Турции, Пакистане, Азербайджане, на Украине помощь сепаратистам оказывали влиятельные политики и бизнесмены, а также руководители ряда спецслужб. Фактов, подтверждающих это, множество. Например, Турция принимала на своей территории чеченских боевиков. Уже в декабре 1994 года Совет национальной безопасности Турции обсуждал вопрос об оказании помощи Дудаеву. Потом чеченская диаспора смогла собрать и переправить из Турции в Чечню 4 миллиона, а затем еще 10 миллионов долларов. Курьеры с фальшивыми документами под видом журналистов переправляли крупные партии валюты через российско-азербайджанскую границу. Не случайно в качестве наиболее приемлемого для него посредника на переговорах Дудаев назвал (помимо Шаймиева) президентов Турции и Казахстана.

В Пакистане легально действовала фундаменталистская партия «Джамаат-и-Ислами», вербовавшая для Дудаева наемников из различных мусульманских государств. Спецслужбы Пакистана способствовали установлению контактов дудаевцев с главарями наркосиндикатов, действующих в северо-западной пограничной провинции Пакистана. Наркомафия предлагала чеченским бандитам совместную работу по транспортировке героина и опиума. На вырученные деньги террористы могли закупать оружие для продолжения войны.

В оккупированных Турцией северных районах Кипра были организованы тренировочные лагеря для дудаевских боевиков и иностранных наемников. Весной 1995 года был налажен воздушный мост из Северного Кипра в Чечню, осуществлялась переброска боевиков, оружия и боеприпасов в районы Чечни и Дагестана, граничащие с Грузией и Азербайджаном.

В Стамбуле было тайно подписано соглашение между афганскими и другими террористическими группировками о направлении около 2000 боевиков в Чечню. Из Афганистана в первоочередном порядке готовы были отправиться до двухсот «волонтеров». В августе 1996 года в Стамбуле прошли переговоры дудаевцев и таджикской оппозиции, посвященные доставке в Чечню оружия, боеприпасов и живой силы.

В Азербайджане боевики отдыхали и лечились. Центральные городские гостиницы столицы Азербайджана «Баку» и «Апшерон» были в их распоряжении. Здесь боевики получали внутренние и

заграничные азербайджанские паспорта, по которым могли отправляться на отдых в Турцию или на преступный промысел в города России. Те же, кто не склонен был к дальним поездкам, имели возможность подработать рэкетом и наркобизнесом.

Азербайджан стал перевалочной базой для турецкого оружия, поступающего боевикам. В 1995 году российским пограничникам удалось задержать на границе с Азербайджаном 53 автомашины и трактор, нагруженные оружием. Было изъято 240 реактивных снарядов и выстрелов к гранатометам, 110 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию, пистолеты, автоматы, военное обмундирование и медикаменты общим весом около 7 тонн. Спасибо нынешнему президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву, что он покончил со всеми этими безобразиями.

Украинские власти почти открыто принимали у себя «мирных сепаратистов», прикидывавшихся беженцами из Чечни. Эти люди не только без стеснения высказывали антирусские взгляды, но занимались с ведома украинских властей мобилизацией чеченской диаспоры на борьбу с Россией. Чеченским боевикам дали возможность создавать на Украине общественные объединения, не скрывающие своей агрессивности по отношению к России и русским. Киевские политики сквозь пальцы смотрели на участие украинских националистов в боевых действиях против России. Боевики Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) без какого-либо противодействия со стороны Киева отправлялись в Чечню. Очевидцы утверждали, что украинские фашисты в обращении с пленными русскими солдатами отличались особой жестокостью. Хотя что может быть ужаснее зверств, которым подвергали наших военнослужащих чеченские боевики?

Помощь бандитам на Западной Украине оказывали демонстративно: одну из улиц Львова назвали именем главаря мятежников Джохара Дудаева. Пресса писала о появлении подстреленных в Чечне боевиков в крымских санаториях. Оплачивала лечение некая киевская фирма. Только одна партия прибывших в Крым боевиков насчитывала 200 человек. Им были предоставлены места в нескольких санаториях Минобороны Украины. Кроме того, в Крыму позволялось проводить провокационные митинги местных татар под ичкерийскими флагами, провозглашать шовинистические лозунги и угрожать русским.

Прибалтийские республики также внесли свою лепту в войну с Россией. Помимо неофициальной отправки в Чечню боевиков и экономической помощи режиму Дудаева, в Прибалтике была организована политическая поддержка вооруженному авангарду

русофобов. Наиболее яркое событие в этой области — торжества в Вильнюсе по поводу прибытия мадам Дудаевой с наградами для литовцев, воевавших против России. Кроме того, прибалты закрывали глаза на демонстративное использование территории их стран для развертывания террористами своих информационных ресурсов, прежде всего интернет-порталов.

Польские члены «интернационала русофобов» тоже не остались в долгу. Они сохранили у себя орденский крест для награждения Сергея Ковалева, который согласился принять награду только после завершения боев в Чечне. Поляки не постеснялись повесить на шею Ковалеву «Орден чести».

Власти Великобритании делали вид, что не замечают практически демонстративного рекрутирования в мечетях Лондона исламских боевиков на войну в Чечне. Англичане наивно полагают, что, пригрев на своей груди ваххабитскую змею, они обезопасили себя от ее укуса! Кроме того, несмотря на неоднократные требования российской Генеральной прокуратуры, британские власти продолжают укрывать на своей территории не только беглых российских олигархов, делавших бизнес на чеченской трагедии, но и руководителей террористического подполья, в частности Ахмеда Закаева!

Таким образом, в чеченской войне «творчески сплелись» интересы самых разномастных врагов России. Остается только сожалеть о недальновидности этих «моральных спонсоров» чеченского бандитизма. Проиграв войну России, чеченские боевики перебрались в эти страны и свили там свои бандитские гнезда. Теперь укрощением чеченской преступности придется заниматься не ФСБ и русской армии, а спецслужбам и полиции стран Евросоюза. Пожелаем им удачи в этом безнадежном деле.

Кавказский пленник

В течение трех месяцев после неудачной декабрьской 1995 года избирательной кампании (нам не хватило всего 0,6 процента для прохождения в Государственную думу) мне пришлось восстанавливать организацию буквально из руин. Часть активистов перешла в движение «Честь и Родина», организованное генералом Александром Лебедем для участия в его президентской кампании, но костяк соратников остался и ждал моего решения. «Старшие товарищи», возглавлявшие наш предвыборный список, разошлись кто куда. Юрий Скоков — номер один в избирательном бюллетене и главный виновник нашего провала — взял ответственность за поражение КРО на себя, что отчасти ослабило критику его бездарных действий.

Со Скоковым мы познакомились в апреле 1993 года. Я сам позвонил ему сразу после его шумной отставки с поста секретаря Совета безопасности России. К Скокову в моем окружении в то лихое время буквально все питали искренние симпатии. Именно ему в декабре 1992-го при рейтинговом голосовании по вопросу о назначении председателя Правительства России народные депутаты Верховного Совета отдали максимум голосов. Но авторитетному среди промышленников и военных Скокову президент предпочел главу «Газпрома» Виктора Черномырдина. Ельцин опасался самостоятельности Скокова. В марте 1993 года — за полгода до Черного Октября Скоков был уволен с государственной службы, как он утверждал, за «отказ визировать» проект антиконституционного Указа «Об особом порядке управления страной». Фактически это была первая попытка Ельцина разогнать Верховный Совет России, но тогда силовики убедили его этого не делать.

Скоков был значительно старше и опытнее меня, сохранял обширные связи в аппарате правительства и силовых структурах. Он оказывал мне моральную поддержку, помогал советами. Я держал его в курсе своих дел, знакомил с соратниками. Потом я пригласил его стать партнером в руководстве КРО. Я рассчитывал, что авторитет Скокова позволит КРО укрепить свои позиции не только в странах ближнего зарубежья, где мы к тому времени стали главной сетевой организацией русских соотечественников, но и в самой Российской Федерации. Скоков оказался хорошим политическим консультантом, но совершенно бездарным публичным политиком. Этот «премудрый карась» практически свернул агитационную кампанию КРО на выборах, считая, что его теневые договоренности с окружением Ельцина

помогут нашему избирательному объединению победить. Скоков наивно полагал, что Ельцин способен манипулировать голосами избирателей настолько, что публичная сторона выборов и борьба за голоса избирателей приобретает третьестепенное значение. Кроме того, Скоков ревновал к Лебедю, популярность которого в России в тот момент была сравнима с популярностью Beatles. В конце концов он сумел заставить Лебедя согласиться на второе место в нашем избирательном списке, что нанесло колоссальный ущерб всей выборной кампании.

После этих провальных для нас выборов генерал Лебедь разорвал со Скоковым и переехал работать ко мне — в офис исполкома КРО на Фрунзенскую набережную. Там он и начал разворачивать избирательный штаб своей президентской кампании. Молодой, подающий надежды экономист Сергей Глазьев (номер три в списке КРО) заявил, что теперь его интересует только наука и… коммунисты. Тем не менее большую часть времени он проводил рядом с Лебедем, разрабатывая ему для выборов оригинальную экономическую программу.

Интересно, что таких программ у Лебедя было две. Обе программы — экономические, причем прямо противоположного содержания. Что это был за «финт ушами», до сих пор неясно. Возможно, остроумный командарм, часто прикидывавшийся «чайником», считал забавным иметь сразу две экономические программы — одну для либералов, другую — для коммунистов. В общем, такой «всепогодный политический бомбардировщик». Конечно, Глазьев от этого нервничал, переживал. Он просто плохо знал генерала.

Насколько я понимаю Александра Ивановича (а знал я его достаточно близко), он, будучи кадровым офицером, прошедшим всю кровь 80-х и 90-х годов, в глубине души ненавидел и презирал всех политиков, независимо от цвета их шкуры. Приняв решение стать одним из них, он чувствовал свое огромное преимущество — в опыте, природной смекалке, знании жизни и смерти. Но вместо того, чтобы сделать ставку на честь и личную порядочность, генерал решил сыграть с политиками по их правилам — циничным и изначально проигрышным для любого, кто приходит в политику со стороны.

Вообще надо признать, что именно участие в избирательном списке Конгресса русских общин популярного генерала Лебедя подстегнуло интерес общественности к нашей организации, да и к выборам в целом. Еще в мае 1995 года Скоков попросил меня срочно вылететь в Приднестровье и помочь командарму 14-й армии генералу Лебедю, написавшему рапорт о своей отставке, вернуться в Москву без проблем и как можно скорее. К тому

времени отношения командарма с руководством непризнанной республики были уже серьезно испорчены. Не вдаваясь в причины этого конфликта, основанного на обычной политической ревности, я был уверен, что мое приятельство с президентом Приднестровья Игорем Смирновым и руководством силовых структур республики позволит вывезти Лебедя без скандала и ненужных всем нам осложнений. Для убедительности я по предложению Скокова взял с собой бывшего командира спецназа Главного разведуправления (ГРУ) Генштаба Василия Колесника и еще несколько серьезных офицеров.

В Тирасполе мне удалось быстро успокоить страсти. В конце концов, объект раздражения приднестровских властей — грубоватого и неуживчивого командарма — я увозил в Москву, а значит, и конфликтовать нечего. При этом у нас со Скоковым была четкая договоренность с Лебедем, что еще до своей формальной отставки он публично заявит о желании начать политическую карьеру в составе Конгресса русских общин. Звучало убедительно и пугало врагов. Сойдя с трапа самолета, командарм действительно сделал такое заявление. Оно повергло политологов и «либеральных писак» в шоковое состояние. Но наше триумфальное шествие продолжалось недолго.

Соперничество Лебедя и Скокова и нежелание «старших товарищей» обращать внимание в агитационной кампании на «русскую тему» сыграли с конгрессом злую шутку. Скоков даже запустил в прессу такую якобы забавную присказку — мол, русских вообще нет. «Русский — это плохо замаскированный татарин или хорошо замаскированный еврей» — такое выражение со ссылкой на авторство новых руководителей КРО стало гулять в журналистских кругах. На мой взгляд, эта «шутка» наделе оскорбляла как русских, так и татар с евреями.

Конкурируя друг с другом, Скоков и Лебедь совсем забыли про выборы, передоверив их организацию пиарщикам-авантюристам. В итоге нас ждали провал, разочарование и распад политической коалиции.

Но Лебедь не собирался сдаваться. Он жаждал реванша. Президентские выборы июня 1996 года давали ему такой шанс. Для меня это тоже был шанс восстановить единство КРО, вдохнуть веру в людей через их вовлечение в бурную агитационную кампанию, где нашим кандидатом был Лебедь, а оппонентами — президент Борис Ельцин и лидер коммунистов Геннадий Зюганов.

Раскачка выборов шла «со скрипом». Весь январь, февраль и первую половину марта 1996 года наш кандидат одиноко сидел в соседнем кабинете, нервно курил, смотрел на молчавший

телефон и приговаривал: «Ничего. Позвонят. Никуда они не денутся». Сначала я плохо понимал, о чем и о ком речь, но вскоре догадался. В начале марта мне позвонил мой бывший однокурсник, работавший в пресс-службе компании «ЛогоВАЗ», и сообщил, что «Борис Абрамович Березовский приглашает Александра Ивановича Лебедя и Дмитрия Олеговича Рогозина пожаловать на званый обед». «Пойдете?» — на всякий случай переспросил я генерала и по выражению его лица сразу понял, что три месяца он ждал именно этого звонка.

Офис «серого кардинала» российской политики располагался в двух шагах от метро «Павелецкая». Хозяин' задерживался. Нас провели в светлую гостиную, где был накрыт чай. Лебедь заметно нервничал, даже зачем-то заглянул под стол, как будто Березовский мог спрятаться от нас в таком неуютном месте.

Наконец дверь распахнулась, и в гостиную влетел неказистого вида плешивый живчик, одновременно говорящий по двум мобильным телефонам. Отдав мобильники прислуге, он плюхнулся в кресло напротив нас и тут же одарил Лебедя целой порцией изящных политических комплиментов. Генерал, кивнув в мою сторону, сказал Березовскому, что у него нет от меня секретов, достал мундштук и спросил: «Здесь курят?» Казалось, Борис Абрамович был готов любой повод обратить в причину для новых комплиментов. Он сказал, что у него в офисе не курят, но ради такого человека, такой глыбы… и т. д. и т. п. Я понял, что Березовскому Лебедь был нужен в еще большей степени, чем Березовский Лебедю. Генералу в общем-то не пришлось и рта открывать, просить чего-либо. Березовский говорил без умолку.

Подойдя в своей речи к теме предстоящих президентских выборов, он остановился, многозначительно посмотрел на командарма, извлек из кожаной папки несколько скрепленных страничек машинописного текста и протянул их Лебедю. Генерал напустил на себя пущей важности Сон так делал всегда, когда сильно волновался), сначала раскурил сигарету в мундштуке и только потом небрежно принялся читать. Наступила тишина. Лебедь читал медленно, и пауза в разговоре затянулась.

«Как поживает ваш националистический конгресс?»— спросил меня Березовский, видимо, решив скрасить паузу, а заодно и поехидничать в мой адрес. «Готовим погромы», — ответил я с самым серьезным видом. «Очень остроумно, молодой человек. Далеко пойдете!» — Березовский с удовольствием продолжил бы наш разговор и дальше, но Лебедь дал понять, что он все прочел и со всем согласен. Насколько я теперь понимаю, генерала познакомили с неким планом проведения выборной кампании, который предполагал оказание ему серьезной

финансовой и информационной поддержки в расчете на оттягивание голосов у фаворита выборной гонки — лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Цена вопроса — размен голосов миллионов избирателей на «крутую должность» при действующем президенте Ельцине с последующей его заменой на самого Лебедя.

К моему удивлению, генерал, не разжевывая, заглотил этого «троянского коня». На что он рассчитывал? На болезненный вид Ельцина, который, несмотря на перенесенный на ногах инфаркт, продолжал отплясывать на своих агитационных мероприятиях? Конечно, Лебедь не хотел вставать под знамена глубоко не уважаемой им власти.

Несмотря на склонность к неожиданным решениям, генерал был умным человеком и тонко чувствовал настроения народа. Рискнуть своей репутацией он бьи готов лишь на время, но чтоб потом всем стало ясно, как он перехитрил своих врагов.

Думаю, что именно Александр Коржаков и Михаил Барсуков, стоявшие тогда во главе Службы безопасности президента и ФСБ, убедили его согласиться на предложение возглавить Совет безопасности. Возможно, кто-то из них рассчитывал, что, заняв место у изголовья дряхлеющего президента, они смогут заставить его отказаться от власти в пользу популярного в народе «генерала-миротворца».

Лебедь на примере Скокова тоже понимал значение позиции секретаря Совбеза в иерархии ельцинской власти. Он не понимал только одного — Борис Ельцин эту партию в политические шахматы играл белыми и не собирался ее проигрывать. Выторговав для себя дополнительно должность помощника по национальной безопасности (на что я сказал Лебедю, что «помощники президента президентами не становятся») и гарантию, что с поста министра обороны будет уволен Павел Грачев (мстительный Лебедь не мог простить ему своего изгнания из армии), Александр Иванович согласился с предложением Бориса Николаевича. Два гиганта ударили по рукам.

Как только сделка была согласована, на контролируемом Березовским и другими олигархами телевидении сразу замелькали рекламные клипы Лебедя с удачным лозунгом «Есть такой человек, и ты его знаешь!». Генерал съехал из офиса КРО в просторный избирательный штаб в ста метрах от Третьяковской художественной галереи, набрал себе сотни сновавших по коридорам «политических консультантов» и прочих проходимцев. Короче, выборная кампания под руководством «демона» Березовского закипела, забурлила.

Мы стали встречаться все реже и реже. Став «без пяти минут

президентом», Александр Иванович более не хотел видеть рядом тех, кто знал его слабости и черты характера, далекие от геройских. В его душе произошла большая перемена.

После первого тура мы встретились еще раз. Он приехал ко мне на Фрунзенскую без особого повода — просто поговорить, «обсудить последние новости». Чувствовалось, что он совсем запутался. Я решил поменять тему беседы, напомнил Лебедю июньские дни 92-го, когда он командовал войсками во время войны в Приднестровье. Генерал задумчиво сказал, что для него это были самые счастливые дни в жизни. Тогда он точно знал, что делать, понимал, где свои, а где враги.

Я просил его только об одном: отказаться от сделки, не звать избирателей голосовать за Ельцина, не брать из его рук должность. Ведь вымажут в грязи, а потом кинут. Лучше громко выйти из этой подлой игры, сказать: «Чума на оба ваши дома!» Пройдет полгода, все переменится, но останется он — генерал Лебедь, верный своей совести и чести. И альтернативы ему не будет.

От меня Лебедь уехал в Кремль. До сентября 1996 года, пока он не вернулся из Хасавюрта, мы с ним больше не виделись.

Естественно, все произошло так, как я и говорил. Чубайс, занимавший тогда должность руководителя президентской администрации, прибежал к Ельцину и потребовал немедленно уволить Коржакова и Барсукова за «попытку государственного переворота». Ельцин сделал так, как его и просили, — оба «заговорщика» тут же были отправлены в отставку. Из них троих Лебедь во власти остался один.

Но Чубайс не унимался. Он придумал остроумный ход с созданием параллельного Совету безопасности органа — Совета обороны во главе с неким юристом Юрием Батуриным. Когда Лебедя осенью 96-го, обвинив в создании при Совбезе «незаконных вооруженных формирований», уволят совсем, этот Совет обороны за ненужностью упразднят, а «универсального юриста» Батурина отправят с глаз долой сначала в отряд летчиков-космонавтов, а потом и в открытый космос. Причем это не анекдот. Будучи иногда трезвым, Ельцин любил шутить, принимая неожиданные кадровые решения.

Так закончился бесславный поход во власть моих «старших товарищей» по Конгрессу русских общин.

В августе генерала заставили заниматься Чечней, справедливо полагая, что там он провалится. Лебедь, оставшись без друзей и советников, решил действовать «по старинке» и применил в Чечне ту же схему, что и в Приднестровье. Только Приднестровье было частью Молдавии, а Чечня — частью России.

Можно долго спорить по поводу того, как отразились действия Лебедя в Приднестровье на национальных интересах России, но в Чечне его действия шли прямо вразрез с этими интересами.

«Я предвижу многочисленные нападки как со стороны ура-патриотов, так и со стороны ура-демократов. Я заявляю, что органы внутренних дел определят их адреса, военные комиссариаты их призовут, я создам из них ударные батальоны и предоставлю возможность навоеваться вволю. Возглавят их лихие генералы-политработники, депутаты Государственной думы. И тот, кто со мной не согласен, не согласен с подписанием этого соглашения, может на меня жаловаться в любые инстанции, до президента и Господа Бога включительно. Война будет прекращена. Те, кто будет этому мешать, будут отстранены» — за нарочитой жесткостью этих слов я увидел неуверенность Лебедя в собственной правоте. Он хотел закончить войну в Чечне любой ценой не потому, что эта война губила чьи-то жизни, а потому, что ему самому нужно было как можно скорее выбраться из политического статуса «кавказского пленника».

В спешке Лебедь допустил появление в преамбуле Хасавюртовского соглашения совершенно неприемлемых с точки зрения Конституции страны слов: «в соответствии с международным правом стороны договариваются…» Как секретарь Совета безопасности, генерал должен был знать, что международное право регулирует отношения между суверенными государствами, а не между субъектом Федерации и федеральным центром. Таким образом, сепаратисты получили из рук Лебедя не только полный контроль над Чечней, но и официальное признание ее государственной независимости. Секретарь Совета безопасности, несмотря на свои прошлые заслуги перед Родиной, не имел права так распоряжаться суверенитетом России.

Для того чтобы обозначить отличную от Лебедя позицию Конгресса русских общин в отношении Хасавюртовского договора, 24 сентября 1996 года я сделал следующее заявление.

На данном этапе закрепление мирных соглашений может быть достигнуто следующими мерами:

1) все работы по восстановлению городов Чечни должны быть прекращены, а выделенные средства направлены на адресное возмещение ущерба гражданам, пострадавшим от войны, прежде всего беженцам, потерявшим жилье;

2) вывести федеральные войска из горных и предгорных районов, где они превратились в мишень для боевиков, за Терек — в Наурский и Шелковской районы. Дислоцировать их там до окончательного определения статуса этих территорий;

3) объявить город Грозный зоной бедствия, вывести из него

все государственные учреждения, назначив для управления временного военного коменданта;

4) сформировать в Урус-Мартане или Шали временное коалиционное правительство, целью которого является подготовка референдума и выборов с участием всех граждан Российской Федерации, проживавших на территории Чечни до 1991 года. До проведения референдума и выборов общее управление должно осуществляться российской стороной, самоуправление — в зависимости от того, кто на данный момент контролирует тот или иной населенный пункт;

5) обеспечить полный вывод из кризисных районов всего нечеченского населения и временно обустроить его в социально спокойных регионах России;

6) вокруг контролируемых мятежниками территорий необходимо провести частичную мобилизацию и создать отряды русского ополчения и казачьи части;

7) принять государственную программу социальной реабилитации русских беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни (выплата им компенсаций, строительство жилья, создание новых рабочих мест и т. п.).

В случае срыва мирного урегулирования чеченского кризиса и продолжения боевых действий против российских вооруженных сил от руководства страны потребуются установление на территории Чечни военного положения, объявление чрезвычайного положения на территории России, обеспечение на этой основе полного разгрома бандитских формирований и преследование их лидеров как военных преступников и изменников.

Главари чеченского мятежа должны быть заблаговременно осведомлены, что ведущиеся с ними переговоры — последние. Они должны знать, что других переговоров не будет. Они должны знать, что их сторонники и сообщники будут выявлены в любой точке России и по меньшей мере депортированы в Чечню.

Генерал Лебедь придерживался иной точки зрения и тем самым практически полностью порывал с КРО. Он предпочитал вообще не думать о последствиях своих шагов и радоваться миру, который впоследствии для России станет хуже войны.

Разрыв с Лебедем я переживал тяжело. Как сын русского генерала, я верил в офицерскую честь. Я ждал прихода русского Де Голля и считал Лебедя надеждой патриотического движения. Мне было невыносимо трудно признаться самому себе, что я ошибся. Я решил еще раз все перепроверить, посмотреть на результаты Хасавюрта собственными глазами.

В начале октября 1996 года в сопровождении нескольких

соратников я снова приехал в Буденновск, чтобы оттуда добраться до Чечни. Спустя год после нападения банды Басаева этот ставропольский город так и не вернулся к нормальной жизни. Его жители по-прежнему оплакивали погибших родных и друзей. Кладбище, которое мы вновь посетили, было завалено цветами и свежими венками.

За пару часов, пока мы находились в гостях у нашего старого друга полковника Николая Ляшенко, мы успели повстречаться с общиной русских беженцев и офицерами вертолетного полка. Зная, что мы этим же днем окажемся в Чечне, женщины из числа беженок, рыдая, совали нам скомканные фотографии своих украденных бандитами и без вести пропавших детей, в основном девочек. Я не знал, что им ответить. Уверен, что большинства изображенных на фотографиях девочек-подростков уже давно не было в живых, что они были зверски замучены и убиты потерявшими человеческий облик «борцами за свободу», но как об этом скажешь их матерям! Каждая из них до конца, до последней минуты своей жизни будет верить и надеяться, что ее кровиночка жива, что чудом избежала страшной смерти…

До Грозного мы добрались на вертолете. Уже было совсем темно, когда мы наконец сели в аэропорту «Северный». Наши войска еще оставались на базе в Ханкале и в военном городке рядом с аэропортом. На взлетной полосе виднелись останки ичкерийской авиации, уничтоженной нашей армией в первые дни штурма Грозного.

Нас провели к военному коменданту. Он очень тепло принял нас, напоил чаем и предложил ночлег. Оставаться до утра мы отказались, резонно полагая, что ночью будет легче вырваться из осажденного боевиками города. У первого блокпоста на выезде из аэропорта нашу группу уже ждали три «жигуленка» с сопровождавшими чеченцами. Я в шутку назвал их «гидами». Это были мрачные с виду боевики, хорошие солдаты и охранники, родом из горного Веденского района Чечни. Они приходились ближайшими родственниками моему приятелю-чеченцу, с которым мы были знакомы еще со студенческой скамьи. Борзали (так звали моего приятеля) вызвался мне помочь в организации нашей «инспекционной поездки» по мятежной республике и обеспечивал сопровождение и охрану. Его гарантиям я верил больше, чем шапкозакидательским заявлениям российского военного командования, выводящего в соответствии с Хасавюртовским договором воинские части из Чечни.

«Гиды» через охрану комендатуры передали нам записку, в которой просили нас не оставаться на территории части, а, воспользовавшись наступившей на разбитый город ночью,

немедленно покинуть окрестности Грозного. Несмотря на резкие протесты коменданта, предлагавшего выделить нам боевую технику и вооруженную охрану, я решил довериться Борзали и его людям и тихо уехать, не привлекая к себе лишнего внимания. Опыт приднестровской и боснийской войн не прошел даром. На войне надо вести себя скромно, рисковать по делу. Тогда есть шанс выжить.

На крайнем блокпосту, у самой черты города, из бетонного укрытия вылез тощий солдат-первогодок. По всему было видно, что ему, оставленному старшими командирами в этом диком лесу, набитом кровожадными хищниками, было совсем одиноко и страшно. «Дяденька, — обратился он ко мне, — вы, когда обратно поедете, мигните мне фарами четыре раза, не то я стрелять буду». Он сказал это тихо и твердо, и я понял, что этот с виду салага-мальчишка в случае чего в плен сдаваться не будет. Вот такими вчерашними школьниками и воевала Россия в Чечне с матерыми бандитами и иностранными наемниками. Воевала и в конечном счете победила.

В считаные минуты мы пересекли безлюдные развалины Грозного и выехали на проселочную дорогу. Она привела нас в селение Чечен-аул. Там, накоротке перекусив, мы легли спать. Мне предложили диван в гостиной. Два «гида», не раздеваясь, легли тут же на ковре, не выпуская из рук автоматы.

Утром хозяин дома, старик-чеченец показал мне место, откуда во время Кавказской войны его предков обстреливали пушки царского генерала Ермолова. Говорил с гордостью, как будто он сам вел огонь. «Уважают Ермолова в Чечне, — подумал я, — а вот современных ельцинских генералов презирают».

Весь следующий день мы провели в переговорах в Шали и Новых Атагах. Повсюду я искал следы пленных солдат, пытался уточнить их число и места, где они удерживаются.

Во второй половине дня на встречу к нам пожаловал Мовлади Удугов — «местный Геббельс», как мне его с ухмылкой «отрекомендовал» Борзали. Его сопровождал некто Иса, который был представлен в качестве «профессора и главного идеолога» ичкерийского режима. Чеченцев сразу потянуло на философию. Они пытались объяснить мне свои взгляды на ислам, войну и перспективы отношений кавказцев с русскими и Россией. Если бы я не знал, что передо мной сидят идеологи людоедской власти Дудаева, то можно было бы, конечно, и пройтись по предложенной повестке дискуссии. Но в данном случае, общаясь с «духовными вождями» Ичкерии, я пытался для себя понять одно — насколько опасны взгляды этих варваров? Может ли дудаевская гангрена развить метастазы за пределами Чечни и

Кавказа? Способны ли эти нелюди-самоучки «подвинуть» традиционный российский ислам, замутить мозги российским мусульманам, сбить с толку тех, с кем мы, русские, жили в мире веками, строили и защищали единую государственность?

Мовлади Удугов в конце разговора признал, что сами лидеры Ичкерии были поначалу удивлены массовым предательством со стороны российских высокопоставленных чиновников, которые порой инициативно, в обмен на деньги, сдавали мятежникам ценную информацию и выгодные коммерческие предложения, на выручку от которых боевики приобретали оружие и новую информацию. Такую Россию задирать было не страшно. В Кремле сидел Ельцин. Русский медведь спал, все об этом знали и наслаждались свободой грабить и убивать.

Встреча закончилась легкой перепалкой Исы с моим помощником Юрой Майским. «Профессор» недовольно махнул рукой и встал из-за стола. На прощание Удугов как бы мимоходом обронил, что он «удивлен, как в окружении генерала Лебедя, к которому в руководстве Ичкерии относятся с большим уважением, мог оказаться человек с такими взглядами». Я принял эту фразу за комплимент.

Под вечер мы снова собрались в дорогу. Нам предстояло пересечь горную местность и посетить населенные пункты Махкеты и Ведено — спальные районы басаевских головорезов. Там, в селе Ведено, и произошла моя случайная встреча с главарем арабских наемников Хаттабом.

Сопровождавшие нас чеченцы остановили колонну в самом центре этого крупного аула, чтобы забрать какого-то своего человека — проводника на встречу с «президентом» Ичкерии Зелимханом Яндарбиевым. Я вышел из машины, чтобы перекурить, и увидел, как из дома напротив стали выходить странные люди в белых одеждах. На фоне сумерек они больше походили на привидения. Наконец на пороге дома появился человек в черной одежде. Увидев стоявшие машины, он сразу направился в мою сторону. Я узнал его сразу. Это был Хаттаб — известный международный террорист, религиозный фанатик-ваххабит, через которого шейхи Саудовской Аравии финансировали банды иностранных наемников в Чечне. Лицом он был похож на актера из индийского кино, и только черные бездонные глаза, практически без зрачков, выдавали в нем мрачную душу.

Хаттаб подошел ко мне вплотную и принялся меня рассматривать. Всем своим видом он говорил мне: смотри, я здесь хозяин.

Удивительная вещь: тот, за кем по горам, покрытым

«зеленкой», гонялся весь армейский спецназ, стоял передо мной как ни в чем не бывало. Он не сидел в землянке, не прятался в кустах, не брил усы и бороду, чтоб не быть опознанным, — нет! Этот подонок, убивший не один десяток наших солдат в Афганистане и Чечне, стоял напротив меня, никого и ничего не боялся, топтал нашу землю, чувствовал себя как дома.

Люди в белом, которых я заметил первыми, видимо, были слушателями его «политзанятий». Они тоже не прятались, они чувствовали себя хозяевами положения и земли, которую эти изверги обильно полили русской и чеченской кровью. Сколько раз потом я жалел, что в моих руках в ту минуту не было оружия.

— Русский? — с сильным акцентом спросил меня Хаттаб.

— Русский, — ответил я.

— Зачем русский? — усмехнулся араб.

В этот момент в моем лице, видимо, что-то переменилось, и «гиды», хмуро наблюдавшие за этой сценой, как по команде встали между нами. Один из них открыл дверь машины и показал мне жестом, чтобы я сел на заднее сиденье, другой что-то тихо сказал Хаттабу на вайнахском. Потом оба прыгнули вслед за мной в машину и приказали водителю тронуться с места. Захлопнув двери, они передернули затворы автоматов и не спускали глаз с оставшегося стоять на том же месте араба и окруживших его наемников, пока их силуэты совсем не исчезли из поля зрения.

Так я познакомился с законом гостеприимства чеченцев. Они отвечали за мою жизнь, и я смог убедиться, что это были не пустые слова. «На самом деле Хаттаб милостивый. Многих русских солдат пожалел», — как бы в оправдание сказал мне через пару минут один из «гидов». «Не сомневаюсь», — буркнул я, и всю остальную дорогу до села Старые Атаги мы ехали, не проронив ни слова.

Наша встреча с «президентом Ичкерии» была обставлена с особой помпой. Утром нас привезли к большому особняку. Здесь находилась резиденция Яндарбиева. Ее охраняли два десятка молодых парней, облаченных в черную униформу и вооруженных до зубов.

Всех, кроме меня и моего помощника Юры Майского, обыскали. Коренастый, невысокого роста симферополец Юра, с которым мы в свое время облазили пол-Боснии, сам смахивал на чеченца. В перерывах между разъездами, пока я встречался с ичкерийскими «авторитетами», он на улице в окружении толпы боевиков показывал свое боевое искусство, награждая восторженных чеченцев глухими ударами по телу. Юру сразу зауважали. Его колючего взгляда не выдерживал ни один боевик,

а в единоборстве ему не было равных. Не решилась трогать его и охрана «президента Ичкерии», позволив Юрке тайно пронести на встречу с «царем зверей» пару стволов.

До этого «рандеву» я видел Яндарбиева только по телевизору. Помню безобразную сцену, когда членам чеченской делегации, которую возглавлял мой визави, удалось заставить принимавшего их в Кремле Ельцина сесть не во главе стола, как подобает президенту великой державы, а напротив — как равного им подельника.

Я давно заметил, что среди отпетых бандитов, насильников и фашистов часто встречаются «романтические натуры». Адольф Гитлер был художником, Джаба Иоселиани — доктором искусствоведения, Звиад Гамсахурдиа — «творческим интеллигентом», Витаутас Ландсбергис — музыкантом. Яндарбиев был их поля ягодой — поэтом. Правда, стихи мы с ним декламировать не стали.

«Президент» был нарочито ко мне внимателен, говорил вкрадчивым голосом, старался быть правильно понятым. Смысл его речи сводился к следующему: чеченцы хотят жить отдельно от русских, но не хотят, чтобы их выдворяли из России. Я сказал, что так не бывает, что если чеченцы хотят строить собственную государственность, то пусть забирают всех своих соплеменников обратно в Чечню. Разговор явно раздражал Яндарбиева, но он всем своим видом демонстрировал спокойствие.

Я специально говорил вполголоса. Время от времени он наклонялся в мою сторону, чтобы разобрать смысл сказанного — так я заставлял его запоминать каждое мое слово. В конце разговора «президент» клятвенно пообещал мне сделать все возможное, чтобы прекратить травлю русских, вступить в сообщение с руководством Русской общины, по просьбе которой я с ним и встречался, выслушать и выполнить требования русских грозненцев, желавших как можно скорее покинуть пределы Чечни. Я понимал цену его словам, но все-таки видел, что Яндарбиев меня услышал.

По дороге в аэропорт я попросил остановить машину у разбитой русской церкви где-то в центре Грозного. Там мы обнаружили трех тихо сидящих русских старух. У алтаря копошился православный священник, очищая от кирпичной крошки и грязной пыли лежавшие средь битого камня иконы. Все они были прострелены автоматными очередями. Батюшка рассказал, что русских в городе осталось еще достаточно много, но все они в крайне подавленном состоянии оттого, что уходит русская армия. Никто не знает, как выбраться из Чечни, куда ехать. Некоторые русские не могут оставить своих больных

родных и близких. В общем, ситуация трагическая.

Во время нашей беседы с развороченного церковного котла неожиданно сорвалась стоявшая на нем жестяная бочка. Она с грохотом упала в метре от нас. Но что меня поразило: ни сидевшие рядом пожилые женщины, ни кошки, спавшие у их ног, даже не вздрогнули. Люди и животные в Грозном настолько привыкли к взрывам, оружейным залпам и стрельбе, что перестали обращать на них всякое внимание.

В аэропорту «Северный» нас уже ждал вертолет. Мы побросали в него дорожные сумки и уже собирались занять свои места, как вдруг ко мне подбежал сержант и передал просьбу командования задержаться.

Вслед за ним мы поднялись на третий этаж служебного помещения аэровокзала, где находился временный штаб.

Там нас ожидали несколько старших офицеров, два генерала и кипящий чайник. Военные попросили поделиться с ними впечатлениями о поездке в горные районы Чечни. Я подробно доложил обстановку. Один из генералов, заинтересовавшись моим рассказом, упросил нас задержаться на некоторое время, распорядился выгрузить наши вещи и отправить нас следующим вертолетом в Моздок, а вертолет, ожидавший нас, вернуть обратно на базу в Ханкале. Позже, вернувшись домой, я узнал, что этот вертолет, на котором мы должны были лететь и с которого сняли наши вещи, был сбит боевиками.

Распрощавшись с военным командованием, мы погрузились в «корову» — так в армии называют огромный вертолет МИ-26. В нем вповалку сидели и лежали бойцы спецназа. Они возвращались домой мрачные. Никто ни с кем за весь полет не разговаривал. В рядом стоявшую машину грузили носилки с телами погибших солдат, завернутых в сверкающую на солнце перламутровую пленку.

— Кто это? — спросил я у молоденького лейтенанта ВДВ.

— Наши.

— Так война же закончилась?

— Это она у твоего Лебедя закончилась, — с ненавистью процедил лейтенант.

Так завершилась моя первая поездка в Чечню. С ней закончилась и моя дружба с бывшим командующим 14-й армии, бывшим заместителем председателя Конгресса русских общин, бывшим кандидатом в президенты России Александром Ивановичем Лебедем.

Из Заявления Съезда КРО от 2 марта 1997 года:

Усилиями изменников и предателей России,

усилиями потерявших ум, честь и совесть бюрократов, засевших в органах власти, состоялось одно из самых унизительных поражений России — поражение в чеченской войне.

В этой войне правительство, журналисты, а порой и генералитет сражались против своей армии. Они неоднократно лишали наши Вооруженные силы возможности победить. В этой войне русские не смогли заставить власть следовать национальным интересам России.

Война прекращена только потому, что в условиях контроля над Чечней со стороны незаконных вооруженных формирований теневым структурам российской и мировой экономики можно получать больше барыша, чем в условиях войны. Интересам нефтяных монополий, подкармливавших чеченских бандитов, соответствует сегодня разрастание зоны нестабильности на Северном Кавказе.

Политический сговор бюрократии с бандитами, фальшивые выборы в Чечне привели к тому, что ни одна проблема в отношениях русских с чеченцами не решена. Наоборот, ситуация конфликта усугубляется.

КРО вынужден подтвердить свою позицию: вина чеченских сепаратистов и мятежников перед русским народом не будет исчерпана, пока не будут наказаны те, кто убивал, грабил, обращал в рабство, изгонял с собственной земли русских людей, пока не изловлен последний бандит, пока не компенсированы потери каждому русскому беженцу.

КРО не признает законности выборов президента Чечни, в которых не принимали участия русские, изгнанные со своих земель. Аслан Масхадов для КРО не президент и не губернатор, а вор и мятежник, подлежащий немедленному аресту и суду. Всякое содействие утверждению его в статусе официального лица мы будем считать предательством интересов русского народа.

КРО считает, что должна быть определена мера ответственности лиц, допустивших поражение России в войне с мятежниками. Должны понести наказание те, кто осуществлял прямое или косвенное пособничество бандитам и террористам, подрывал боеспособность вооруженных сил России, вел пропаганду против действий группировки федеральных сил в Чечне.

> Пока не наказаны бандитизм и предательство, КРО будет считать, что чеченская война все еще не стала достоянием истории.

Это заявление съезд Конгресса русских общин принял в январе 1997 года. К тому времени нас уже покинули «видные военачальники», «перспективные экономисты» и «крупные государственные деятели». Но совесть, честь и вера в победу нашего дела не покидали нас даже в самые сложные моменты борьбы.

Полыхал Кавказ, полыхали Балканы. Вместе с ними полыхали сердца русских патриотов. Борьба за Россию только начиналась.

Враги

Только ленивый не поджигал войну в Югославии, превращая недавних братьев и соотечественников в лютых врагов. Кто подносил спички, а кто канистру с бензином, чтобы подпалить многонациональные Балканы. Забыли, видимо, что эти горы вынянчили обе мировые войны. История кровавого распада Югославии, завершившаяся воздушными ударами НАТО по Белграду, как две капли воды похожа на сценарий развала СССР. Разница в одном — Россия обладает ядерным оружием. Только это спасло нас от вооруженного вмешательства «демократических держав», которые могли прийти на помощь чеченским «борцам за свободу».

История войны в Югославии такова. В феврале 1991 года Сабор — парламент Хорватии — принял решение о «раздружении» с югославской федерацией. В свою очередь сербское меньшинство в Хорватии с этим не согласилось, и национальное вече Сербской Краины — автономного сербского района в составе Хорватии — приняло резолюцию о «раздружении» с Хорватией и сохранении федерации. Взаимное нагнетание страстей, гонения на сербскую православную церковь вызвали первую волю беженцев. Сорок тысяч сербов были вынуждены покинуть свои дома.

В июле 1991 года в Хорватии была объявлена всеобщая мобилизация. К концу года численность хорватских вооруженных формирований достигла 110 тысяч человек. В Западной Славонии отряды хорватских националистов устроили этнические чистки. Сербы были полностью изгнаны из 10 городов и 183 сел и частично — из 87 сел.

Со стороны сербов началось формирование системы территориальной обороны и вооруженных сил Краины. Им на помощь хлынули добровольцы из Сербии. Части регулярной Югославской народной армии (ЮНА) вошли на территорию Хорватии и к августу 1991 года выбили из всех сербских районов добровольческие хорватские подразделения. Но после подписания перемирия в Женеве армия прекратила помощь краинским сербам.

Новое наступление хорватов вынудило сербов к отступлению. С весны 1991 года по весну 1995-го Краина была частично взята под защиту «голубых касок». Однако требование Совета Безопасности ООН о выводе хорватских войск из зон, контролируемых миротворцами, выполнено не было. Хорваты по-прежнему предпринимали активные военные действия с

применением танков, артиллерии, ракетных установок. В результате войны в Хорватии в 1991–1994 годах погибло 30 тысяч человек. Только прямые финансовые убытки оцениваются в более чем 30 млрд долларов.

В мае-августе 1995 года хорватская армия провела хорошо подготовленную операцию по возвращению Краины в состав Хорватии. В ходе военных действий погибло несколько десятков тысяч человек. 250 тысяч сербов вынуждены были покинуть республику. Всего за период с 1991 по 1995 год из Хорватии выехало более 350 тысяч сербских беженцев. Но потерей Сербской Краины трагедия сербов не ограничилась.

В октябре 1991 года в отсутствие депутатов-сербов Скупщина Боснии и Герцеговины провозгласила независимость республики. В ответ через три месяца Скупщина сербского народа провозгласила Республику Сербскую Боснии и Герцеговины в составе югославской федерации.

В апреле 1992 года исламские боевики захватили в Сараево районные отделы милиции и важнейшие городские объекты. Путчистам противостояли бойцы сербской добровольческой гвардии. Югославская армия отвела свои подразделения с боевых позиций, а затем была блокирована мусульманами в казармах. За 44 дня войны погибло более 1300 человек, число беженцев составило 350 тысяч человек.

США и их союзники методично провоцировали гражданский конфликт в Югославии, подбадривая словом и делом сепаратистов. Когда же сторонники сохранения единого государства решили применить силу против мятежников, Запад обвинил официальный Белград в разжигании конфликта в Боснии и Герцеговине. После ультиматума ОБСЕ югославские войска были вынуждены покинуть территорию республики. Но обстановка так и не стабилизировалась. Теперь с участием хорватской армии вспыхнула война между боснийскими хорватами и мусульманами. Руководство Боснии и Герцеговины развалилось на самостоятельные этнические группировки.

Тем не менее Соединенным Штатам все же удалось примирить «непримиримых». Католики-хорваты и мусульмане договорились «дружить» против православных сербов. В марте 1994 года была провозглашена мусульмано-хорватская федерация и принято решение о создании совместной армии. ВВС стран НАТО нанесли бомбовые удары по сербским позициям. Американцы не пожадничали на вооружение и обучение мусульмано-хорватскои армии, и вскоре она перешла в наступление.

Боснийским сербам никто не помогал. Россия от них

отвернулась. Милошевич тоже не хотел осложнений с Западом и предал боснийских сербов. Возможно, президент Югославии испытывал к их лидеру, профессору Радовану Караджичу, нечто похожее на ревность, но факт остается фактом — ЮНА в конфликт не вмешивалась.

Тысячи сербских патриотов, среди которых было много кадровых офицеров югославской армии, переходили полупрозрачную югославско-боснийскую границу и вливались в ряды вооруженного сопротивления. Особым уважением среди сербских бойцов пользовались добровольцы из интернационального православного отряда. В его составе я встречал и болгар, и греков, и даже двух крещенных в православной вере граждан США. Но костяк отряда составляли «царские волки» — добровольцы из России. Они ходили в разведку, первыми шли в атаку, увлекая за собой сербские дружины. В мусульмано-хорватскои армии на «царских волков» была объявлена настоящая охота, но после столкновения с русскими добровольцами в открытом бою пыл «псов войны» остывал. Мне не известны случаи попадания «волков» в плен к врагу. Я думаю, таких случаев не было.

В 94-м во время боев под Ново-Сараево я неожиданно встретил своего знакомца со времен Приднестровской войны. Это был рослый черноморский казак. На Украине он оставил семью и уехал воевать за славянское дело в Югославию. Воевал больше года. Схоронил несколько товарищей.

Через два года, когда сербам придется навсегда покинуть Сараево, они заберут с собой гробы своих павших боевых друзей. Ни одной сербской косточки не останется на глумление врагу! Не останется на территории мусульмано-хорватской федерации и русских могил. Все павшие в бою «царские волки» будут перезахоронены под городом Баня-Лука, куда сербы перенесут столицу своей республики.

Наверное, в национальном характере сербов, как и у любого народа, можно найти массу недостатков. Но то, как сербы относятся к своим мертвым, не идет ни в какое сравнение с тем, что сделали мы, русские, со своими убитыми и ранеными, оставляя их на полях сражений в Чечне; с тем, как поступила наша власть с русскими жителями Грозного, «отутюженного» российской авиацией; с тем, как поступали наши бюрократы с русскими беженцами, в рубище, с голодными детьми на руках вырвавшимися из кошмара чеченской войны. Сербы — дружный и цельный народ, веками помнящий и добро, и зло. И сейчас, оставленные Россией и всем миром, потерявшие половину территории и массу народа, они не сломлены. Они по-прежнему

помнят, кто их враг и кто им помогал в самые трудные дни борьбы за честь и национальную независимость.

Во время боснийской войны мне в качестве журналиста приходилось часто бывать на передовых рубежах обороны сербской гвардии. В январе 95-го наша машина, в которой помимо меня и моего боевого товарища Михаила Нуждинова находилось несколько сербских солдат и русских добровольцев, была расстреляна из засады исламскими боевиками.

Мы возвращались в город Пале, где находилась ставка Радована Караджича. Дорога была горной, крутой, заваленной снегом. Склон покрывал молочный туман, поэтому двух стрелков водитель нашего микроавтобуса заметил слишком поздно. Открыв огонь на поражение, они убили шофера и двух соседей, сидевших слева и справа от меня. Ответным огнем оба нападавших были застрелены. Автоматная очередь прошила корпус автомобиля как швейная машинка, разбив лобовое стекло и унеся несколько человеческих жизней. На мне же не было и царапины.

Ровно через год в Сараево я снова попал в переплет. В коридоре длинного перехода между мусульманской и сербской частями города, напоминавшем строительный забор, замешкалась пожилая женщина. Она тащила на себе какие-то тюки и совсем запуталась в них. Для снайперов, которые в те дни безраздельно хозяйничали в разрушенном Сараево, женщина была как на ладони. Не желая стать мишенью для обезумевших от крови стрелков, жители города натягивали посередине улиц веревки или проволоку и набрасывали на них одеяла, простыни, старые ковры — все, что могло ухудшить обзор снайперов и скрыть от них передвижения людей. Я решил вызволить несчастную женщину и побежал ей навстречу по коридору перехода. Мне удалось буквально оттащить ее вместе с «узлами» метров на пятьдесят, где мы смогли укрыться за броней французского бронетранспортера, раскрашенного в бело-голубые цвета миротворцев.

Любопытна была реакция сопровождавших меня сербов. Сначала за мой «подвиг» они решили представить меня к награде. Однако затем выяснилось, что спасенная мной женщина — не сербка, а боснийская мусульманка. Тут старший сербский офицер устроил мне настоящий разнос. Он кричал, что я мог поймать пулю любого меткого лихача. Мол, безнаказанность превращала снайперов в охотников, которые выслеживают любую живую мишень. Конечно, он был прав, но почему-то мне показалось, что если бы я спас сербку, то он бы на меня так не орал. Да и про орден они как-то сразу позабыли.

Да, гражданская война — самая жестокая из всех.

В Пале я несколько раз встречался с главой Республики Сербской профессором Караджичем и командующим армией боснийских сербов генералом Радко Младичем. Генерал был чрезвычайно популярен среди сербов. Он был символом национального сопротивления, живой легендой. Как-то раз Младич обратился ко мне с вопросом, могут ли русские самолеты сбросить над территорией Сербской Краины пустые ящики или контейнеры, как будто Россия решила поддержать своих братьев в борьбе. «Оружия и боеприпасов нам не надо. Всё есть. Если закончатся, добудем в бою. Но нам важно показать воюющим сербским крестьянам, что мать-Россия их не забыла. Американцы с воздуха поддерживают наших врагов, постоянно сбрасывают им военные грузы и провиант. А нам хотя бы пустые ящики сбросьте. Все остальное мы сами сделаем», — обратился ко мне Младич. Сказать, что мне было стыдно за мою страну в этот момент, — значит ничего не сказать. Только «царские волки» своим беспримерным героизмом напоминали сербам, что русские в России еще остались.

За время моей работы постпредом России при НАТО коллеги часто спрашивали меня, не изменилось ли мое мнение о Караджиче и Младиче после того, как их объявили в международный розыск как военных преступников. Отвечу так: я никогда не занимался героизацией участников чужих гражданских войн, поскольку всегда считал, что на гражданских войнах героев вообще не бывает. Гражданская война— вообще самая страшная и грязная из всех возможных войн. Брат идет против брата, отец — против сыновей. Офицеры, давшие присягу на верность своему отечеству, не знают, какой части этого распавшегося отечества они должны быть верны. Что же касается степени вины тех или иных политиков или военачальников, то определить ее может только суд. Справедливый суд. Гаагский трибунал справедливым судом я не считаю. Это судилище, а не суд. Я ему не верю.

Вскоре блокада тяжелого вооружения сербов «голубыми касками» ООН поставила православных славян в тяжелейшее положение. В августе-сентябре 1995 года удары НАТО с воздуха, разрушившие сербские военные объекты, центры связи и системы ПВО, подготовили новое наступление мусульмано-хорватской армии. В октябре 95-го оставленные один на один с НАТО сербы были вынуждены подписать соглашение о прекращении огня.

В середине декабря Совет Безопасности ООН поручил Североатлантическому альянсу сформировать миротворческие силы для прекращения конфликта в Боснии и Герцеговине.

Россия, в XIX веке обучившая и вооружившая профессиональную сербскую армию, вместе с которой русские войска воевали против Османской империи, Австро-Венгрии, Пруссии и даже Японии (сербский добровольческий корпус принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов), в конце XXвека подписывает постыдные решения по «умиротворению Балкан». В соответствии с ними НАТО впервые получила право провести наземную операцию за пределами зоны своей ответственности. Роль ООН оказалась в этом деле жалкой.

Война в Боснии и Герцеговине унесла более 200 тысяч жизней, из них более 180 тысяч — мирные жители. Но главное — она продемонстрировала однополярность мира и возможность для США и НАТО действовать безнаказанно.

Боснийская война пристрастила НАТО к ведению боевых действий за пределами зоны своей традиционной ответственности. Весной 1999 года Североатлантический альянс в обход Совета Безопасности ООН напал на Югославию. В результате непрекращающихся бомбардировок и шантажа посредников югославская армия была вынуждена покинуть коренную, родовую сербскую территорию — край Косово и Метохия. Легализовавшиеся албанские боевики немедленно развязали террор против не успевшего бежать сербского населения. Были осквернены все православные христианские святыни, под бульдозерами оказались сербские кладбища. Террор и погромы не прекращались, несмотря на протесты правозащитных организаций и ЮНЕСКО (в крае были разрушены все культурные ценности, входящие в перечень памятников, охраняемых этой международной структурой). Вошедшие в Косово натовские войска решили не вмешиваться в албанские бесчинства, предпочитая безучастно наблюдать за насилием над сербами. Этой агрессией НАТО нанесла своей репутации колоссальный ущерб.

Спустя девять лет — в феврале 2008 года НАТО решила довести до конца начатое бомбежками Белграда дело. Несмотря на энергичные протесты прозападного правительства в Белграде, большая часть стран — членов альянса заявила о признании независимости Приштины. Любопытно, что сейчас эти же страны упрекают Россию за то, что она признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Думаю, что здесь надо разъяснить нашу позицию, чтобы у моих читателей не возникло подозрения, что Кремль в международных делах исповедует те же цинизм и двойные стандарты, что и «западные демократии».

В международном праве есть два принципа, которыми часто жонглируют не только сепаратисты, но даже и уважаемые

дипломаты и юристы. Я имею в виду право на территориальную целостность и право нации на самоопределение. На самом деле никакого противоречия здесь нет. Приоритет всегда признается за правом государства защищать свои границы от посягательства внешних и внутренних врагов. Но есть в этом законе одно исключение. Право нации на самоопределение может оказаться более важным, чем принцип нерушимости границ в том случае, если данная нация подвергается систематическому насилию или угрозе физического истребления. Тогда мировое сообщество или хотя бы одно государство может признать за этой нацией право на самостоятельное, суверенное существование и выделение из состава государства, где она подвергалась пыткам и истязаниям.

Посмотрим: зачем в феврале 2008 года нужно было признавать косовскую независимость? Кто угрожал косовским албанцам? «Злодей» Милошевич? Но к этому моменту он уже давно был арестован и при загадочных обстоятельствах умер в гаагской тюрьме.

Новые сербские власти? Тоже нет. В Белграде сидит президент Борис Тадич, которого Запад активно поддерживал на выборах.

Тогда зачем нужно было разрывать Сербию на куски, наделяя бывших боевиков Армии освобождения Косово полномочиями независимой от Белграда власти? Кто ответит за это решение? «Голубь мира» Ахтисаари, написавший под диктовку Вашингтона план расчленения Сербии? Или те, кто этот план ему диктовал?

На самом деле за это безумное решение «архитекторов войны» расплачиваться придется народам Балкан и Европы. Теперь им не избежать новой перекройки политической карты континента.

Что же касается решения Кремля о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, то Россия была вынуждена пойти на этот шаг, исчерпав все остальные методы убеждения грузинского режима не применять грубую вооруженную силу против этих маленьких народов. Операция Саакашвили против Южной Осетии называлась «Чистое поле». Именно чистое поле, точнее, выжженную землю собирался оставить «цхинвальский мясник» вместо Южной Осетии. Если бы Россия не вмешалась в эту бойню и не приняла долгожданное для несчастных осетин решение об их независимости от Грузии, защищать было бы некого. Значит, Россия действовала в строгом соответствии с международным правом, в частности с правом нации на самоопределение, которое и спасло осетин и абхазов от полного физического истребления. Но даже если забыть о попытке Саакашвили «окончательно решить» осетинский вопрос, само нападение на российских

миротворцев и их подлое убийство не должно было оставаться безнаказанным. Впервые с 1945 года по приказу своего верховного главнокомандующего военнослужащие чужого государства расстреляли военнослужащих нашей страны, к тому же выполнявших священный долг миротворцев. Мы должны были простить их за это убийство? В конституции любой страны нападение на ее Вооруженные силы со стороны внешнего врага является актом агрессии и поводом к войне. Так что грузинскому народу, так опрометчиво избравшему своим руководителем параноика Саакашвили, следует задуматься над тем, как и в какой форме принести свои извинения России. Да к тому же стоит оценить сдержанность русской армии, не поддавшейся искушению в порыве отмщения взять Тбилиси вместе с дрожащим в президентском бункере «укротителем галстуков».

К сожалению, при Ельцине Россия вела себя иначе. Ее руководство боялось ответственности и независимых решений. С такой Россией, с ее мнением о международных делах, ее возможностями влиять на сохранение мира американцы распрощались именно в Боснии. В Вашингтоне окончательно убедились, что ельцинская политическая элита под обещание денег или званий (лауреата Нобелевской премии мира, например) готова повсюду сдавать не только своих друзей, но и собственные коренные национальные интересы. Мы позволили переступить через себя и утерлись плевком в лицо.

Добившись от сербов при нашем молчаливом согласии прекращения огня, «мировое сообщество» учредило в Гааге Международный трибунал для бывшей Югославии (МТБЮ). Еще раз хочу обозначить свое к нему отношение: гаагский трибунал стал инструментом грубого внешнего давления на Сербию. С его помощью НАТО «зачистила» руководство бывшей Югославии от ветеранов гражданских войн, отправив их за тюремную решетку. Вслед за ними в Гаагу были отправлены арестованные Милошевич и Караджич — бывшие конкуренты за симпатии миллионов сербов. Там же вот уже несколько лет томится лидер Сербской радикальной партии Воислав Шешель, который вообще не имеет никакого отношения к решениям официального Белграда во время балканских войн. Все это время он находился в оппозиции режиму Милошевича. Тем не менее на Западе сочли и его виноватым. Думаю, что при желании можно было бы и весь сербский народ посадить в гаагскую тюрьму — да вот незадача: мелковата Гаага для репрессий такого масштаба: не то что тюрьмы — города не хватит всех упечь за решетку!

Косвенным признанием осведомленности руководства НАТО о том, что, развязав агрессию против суверенного государства —

члена ООН, оно идет на грубое нарушение международного права, является изобретение специального «птичьего языка». С его помощью представители альянса прикрывали от мировой общественности факты непропорционального и неизбирательного применения силы против гражданских объектов и населения Сербии. Это изобретение приписывается пропагандистскому дару Джимми Ши, который во время агрессии НАТО против Белграда занимал пост официального представителя и пресс-секретаря альянса (сейчас в Международном секретариате НАТО он возглавляет своеобразный «мозговой штаб» по разработке новой стратегической концепции этого военно-политического блока). Именно Дж. Ши, который не слезал с экранов мировых телекомпаний в течение недель непрекращающихся ни на один день бомбежек столицы, городов, мостов, электростанций и промышленных предприятий Югославии, ввел в оборот новую «терминологию скрытой войны», которая, к сожалению, еще пока никем должным образом не проанализирована и усвоена. Приведу несколько примеров такого «птичьего языка» войны, в том числе из «словаря» Джимми Ши. Слева указывается собственно военный термин, а справа — его закамуфлированный перевод, в котором содержание либо тщательно ретушируется и «размазывается» эмоционально нейтральными словами из гражданского обихода, либо подменяется с целью идеологического зомбирования:

Бомбардировка сербских позиций—

1) применение авиации

2) воздушная кампания

3) силовое воздействие с воздуха.

Бой— соприкосновение противоборствующих сторон.

Уничтожить, разрушить— воздействовать на инфраструктуру.

Блокада— временное ограничение внешних сообщений.

Обыск—1)досмотр с целью недопущения контрабанды оружия и наркотиков, 2) проверка документов.

Военно-морская блокада— обеспечение безопасности морских границ.

Зачистка— проверка паспортного режима.

Боевая операция— специальные действия с привлечением военной компоненты.

Рейд— изучение местности.

Атаковать— 1) предпринять упреждающие действия, 2) проявить инициативу.

Артобстрел— подавление бесконтактным способом огневых точек противника.

Арест— 1) задержание для выяснения личности, 2) проверка документов у лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

Зона поражения— небезопасные территории.

Применение боевой техники— использование технических средств.

Выброска десанта—усиление миротворческого компонента.

Облава— оперативно-розыскные мероприятия.

Оцепление— взятие под контроль опасной зоны.

Санкция— применение мер воздействия (убеждения).

Допросить— 1) интервьюировать, 2) получить оперативную информацию.

Жертвы среди сербского мирного населения—

1) инциденты, 2) сопутствующие потери, 3) потери, которых не удалось избежать.

Авиаразведка— 1) оценка ситуации с воздуха, 2) мониторинг наземной обстановки.

Радиоглушение— радиоэлектронное противодействие (противоборство).

Сербские беженцы— эвакуированное население.

Военнопленный серб— задержанный в зоне конфликта.

Танковая колоннаНАТО — организованно двигающаяся техника.

Вооруженные силы НАТО— 1) ограниченный миротворческий контингент, 2) подкрепление миротворческих сил.

Югославская народная армия— массовое скопление живой силы и военной техники противника.

Спецназ сил НАТО— подразделения с опытом боевых действий.

Уничтожение сербских гражданских объектов—

ликвидация средств логистической поддержки противника.

Линия фронта— зона безопасности.

Уничтожение гражданского имущества сербов—

1) расчистка опасных завалов, 2) ремонтно-восстановительные работы.

Комендантский час— временная мера по ограничению передвижения населения.

Военное положение— административные меры по повышению безопасности гражданского населения.

Военный инструктор НАТО— 1) помощник, 2) консультант.

Военные поставки НАТО косоварам— содействие укреплению обороноспособности молодой демократии.

Ввод войск НАТО в Косово— защита молодой демократии.

Албанский боевик— борец за свободу.

На войне, как говорится, все средства хороши, особенно если они помогают скрывать ваши намерения и реальные действия. Но помогли этот «птичий язык» скрыть реальные факты расстрела Югославии? И почему этими фактами не хочет заниматься ни один суд в мире? Разве не американские самолеты и крылатые ракеты весной 1999 года бомбили Белград, разрушили все мосты над Дунаем, убили две тысячи мирных жителей и еще семь тысяч сделали инвалидами? Разве не войска НАТО распылили над сербскими городами 23 тонны обедненного урана-238, заразив лучевой болезнью около полумиллиона человек? Почему не косовские террористы из маоистских группировок, не НАТО, а именно сербы, защищавшие свой дом от поджога и бандитов, были назначены главными преступниками?

Ответ прост: чтобы скрыть истинных виновников югославской трагедии — политиков Запада. Именно они заставили сербов умирать — умирать за то, что эти православные славяне хотели защитить свой дом.

Как сейчас помню мою последнюю встречу с Милошевичем. Она состоялась буквально за месяц до президентских выборов в Сербии, которые он скандально проиграл.

Мы говорили один на один более трех часов. По всему было видно, что он чувствовал приближение конца. Много курил. Буквально одну за другой доставал он сигареты из пачки Davidoff. Руки у него постоянно дрожали, поэтому во время разговора он прятал их с сигаретой под столом.

Несколько раз во время беседы возвращался он к одной и той же теме: Кремль его предал. Более всех обвинял он министра иностранных дел России Игоря Иванова, а также Черномырдина, который от имени президента Ельцина вел заодно с финским посредником Ахтисаари переговоры по выводу югославской армии из Косово в обмен на прекращение натовских бомбардировок.

Не знаю, понимал ли Милошевич, что сам заигрался с Западом? Ведь будучи одним из творцов Дейтонских соглашений, он приговорил боснийских сербов к сдаче позиций и политическому поражению. Понимал ли он, что те западные лидеры, кто снисходительно похлопывали его тогда по спине, сдадут в Гаагу следом за сербскими офицерами и генералами и самого Милошевича?

Тем не менее арест Милошевича и Караджича, их депортация в Гаагу оставили несмываемое пятно бесчестия на мундирах белградских «либералов». Посаженные американцами «на царствие», они сдали своих национальных лидеров по первому же

требованию кровожадной прокурорши Карлы дель Понте. Если, например, Милошевич действительно был виновен, то почему белградские «либералы» не решились предать его суду на родине? Они не верят в беспристрастие и справедливость своего национального правосудия? Или чего-то испугались? Гнева народа? Ненужных разоблачений?

Такова антинародная суть всякого «либерала» — пуще смерти боится он собственного народа. Но национальная воля живет дольше политиков и времени. Национальная память стирает события и факты, но унижения она простить не может. Любые попытки унизить народ, поставить его на колени, навязать ему чужие мысли и чужих кумиров плохо заканчиваются для национальных насильников. В свое время англо-французские союзники так поступили с Германией — во время Первой мировой войны. Немцы были не только разбиты, они были чудовищно оскорблены унижением со стороны победителей. К чему это привело? К тому, что пружина германской исторической памяти распрямилась и вытолкнула Гитлера на вершину власти. В итоге ровно через 20 лет после окончания первой мировой бойни немецким нацизмом была развязана новая мировая война. Ее цену мы знаем: 57 миллионов человеческих жизней. Из них более половины — мои соотечественники.

Описывая схожую политическую ситуацию, выдающийся немецкий теоретик военной науки Карл фон Клаузевиц в своей книге «Три принципа» писал: «Позорного пятна трусливого подчинения не отмыть никогда, эта капля яда отравит кровь и будущих поколений данного народа. Другое дело, если данный народ потерял свою независимость и свободу после кровавой, но почетной борьбы. Сама эта борьба обеспечит тогда возрождение данного народа. Подвиг борьбы сам по себе послужит тем зернышком, которое даст в свое время новые богатые ростки». От себя добавлю: такие злые шутки, как арест и осуждение президента независимой страны, отторжение части ее родовой территории, никогда не забудутся. Пружина великой сербской обиды сжимается. Она разожмется. Вот увидите.

Бедные люди

В 1996 году в Московском государственном университете (МГУ) я начал работать над своей первой диссертацией — на соискание ученой степени кандидата философских наук. Выбрал название темы: «Русский вопрос и его влияние на национальную и международную безопасность». Обложился книгами, набрался свежих впечатлений и начал писать. И тут же столкнулся с практически неразрешимой для меня в то время загадкой: что важнее в деле национального возрождения — дух или «тело» нации?

На примере чеченской войны я видел, как катастрофа, затронувшая чеченцев и русских, одних приводила к буму рождаемости, а других повергала в шок, уныние и вызывала демографический спад. Можно ли вырастить в угасшем в своей вере человеке национальную идею, превратить ее в знамя национального возрождения, если сама русская нация тает по миллиону человек в год? Способны ли русские научиться рожать вне осознания себя единой нацией? И что важнее с точки зрения улучшения демографической ситуации в России: деньги — фактор материального стимулирования — или идея, внушение, воспитание уважения к здоровой и многодетной семье?

На самом деле никакой демографической проблемы в России нет. В России — демографическая катастрофа.

Раскол страны, упадок морали, семьи, национального производства, всего, что составляет суть общественной жизни нации, вызвал самую мрачную реакцию народа. Нация «бедных людей» ответила смутному времени небывалым упадком новых рождений, нежеланием граждан России продолжать свой род; беспрецедентной смертностью, перекрывающей показатели военных лет; бегством людей с севера и востока страны в ее западные и срединные регионы, ближе к основным хозяйственным артериям и мегаполисам. Это привело к оголению стратегически важных территорий, которые Россия заселяла с большими затратами в течение многих столетий.

Вот почему одной из важнейших задач патриотического движения является выдвижение национальной идеи, подлинного и главного национального проекта — «Сбережение, приумножение и развитие нации в едином и сплоченном государстве». В основе этого патриотического проекта лежит глубокий аналитический доклад, подготовленный по моей просьбе группой молодых талантливых ученых. Отрадно, что идеи нашего доклада стали основой выступления В. Путина перед

Федеральным собранием России весной 2006 года с изложением президентской программы поддержки рождаемости.

Успех этого проекта зависит от нашей готовности немедленно приступить к решению трех важнейших национальных задач.

Первая — преодолеть демографический провал, стимулировать рождаемость в здоровых и крепких семьях и — одновременно — побороть сверхсмертность. Надо избавить нацию от «русского креста» (так принято называть феномен пересечения кривых стремительно падающей рождаемости и растущей смертности). В таком огромном и богатом государстве, как Россия, должно жить 500 миллионов русских, и никак не меньше.

Вторая — репатриировать соотечественников из Прибалтики и стран СНГ и заново «колонизировать», освоить Сибирь и Дальний Восток.

Третья — навести элементарный порядок в миграционной политике, выдавить из России нежелательных мигрантов и этническую мафию.

Что может быть важнее права нации на существование? По прогнозам Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, с 2009 по 2020 год население России сократится на 9–10 миллионов человек, а к 2050 году оно уменьшится от 112 до 92 миллионов человек. И это обязательно произойдет в случае, если не принять срочных и масштабных мер.

Качество роста России как цивилизации должно определяться удвоением в течение ближайших 10 лет коэффициента рождаемости. У одной здоровой семейной пары в России должно рождаться вдвое больше детей, чем сегодня. Иными словами, среди граждан, принадлежащих «среднему классу», а значит, способных воспитать здоровое потомство, должна сформироваться массовая мода на трехдетную семью.

Государство может и должно поставить такую задачу— побудить семейные пары к рождению нескольких детей. В среднесрочной перспективе это хотя бы отчасти компенсирует проблему нехватки людских ресурсов. Сегодня как минимум 17 миллионов женщин в России находятся в возрасте, благоприятном для рождения детей. Даже половина этого контингента потенциальных рожениц, если они решатся завести еще двоих детей, уже способна произвести на свет 17 миллионов новых жизней.

Другая сторона такой разумной политики — собирание людей, сосредоточение человеческих ресурсов и перспективных проектов в стратегически важных регионах, на главных

«магистральных» направлениях развития. Нация не должна оставлять другим свои кладовые, северные и таежные богатства. Напротив, как и в лучшие времена, надо направить туда самые свежие, самые здоровые силы нации. Мощь государства не в столице и других разбухающих мегаполисах, не в превращении страны в бесконечный «восточный базар», а в создании жесткого городского каркаса, сети малых «усадебных» городков, новых экономических очагов, особенно значимых в Западной Сибири, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Сибирь и Тихий океан — это будущее России. Наше поколение обязано остановить бегство русских из своего будущего. Это бегство оголяет Сибирь и наше Тихоокеанское побережье перед угрозой наводнения России вредными и чуждыми ей иммигрантами.

Задача воспроизводства нации — это сейчас вопрос номер один в политической повестке России. Без ее решения все остальные проекты, призванные улучшать жизнь нации, просто теряют смысл.

Уничтожение «лишних» людей (в частности, путем абортов, контрацепции и стерилизации) интенсивнее всего осуществляется в тех странах, ослабление которых выгодно мировой олигархии. Вместо пропаганды материнского и отцовского счастья в СМИ обсуждаются дороговизна рождения и воспитания, сложности получения образования и подобные проблемы. В последние 15 лет во многих женских консультациях и кабинетах гинекологии упорно отговаривали женщин рожать, рекомендовали аборт, пугали зачастую надуманными медицинскими осложнениями. Все эти годы в стране действуют многочисленные финансируемые из-за рубежа «неправительственные организации», которые специализируются (многие из них — в глобальном масштабе) именно на ограничении рождаемости. Их несколько сотен по всей стране, и больше всего эти «центры планирования семьи» полюбили наши вымирающие регионы — Сибирь, Дальний Восток, Нечерноземье.

В целом их задачи не вызывают нареканий: борьба со СПИДом, венерическими заболеваниями, пропаганда контрацепции, охрана материнского здоровья. Вот только результаты получаются какие-то странные. По-прежнему в России на 10 беременностей приходится 7 абортов. За последние 13 лет заболеваемость сифилисом на Дальнем Востоке увеличилась в 150–200 раз, а больных СПИДом стало в 4 раза больше. Зато продажа презервативов возросла в 5 раз, правда, количество детей сократилось на 3,7 миллиона и продолжает уменьшаться.

Примерно такими же «успехами» у нас могут похвастаться

государственные учреждения, специализирующиеся на борьбе с наркоманией. Так, если в 2004 году в России от передозировки наркотиками умерло около 70 тысяч человек, то в 2005-м эта цифра достигла 100 (!) тысяч смертей, в подавляющем большинстве — молодых.

Если человеку долго внушать, что рожать детей вредно и что ресурсов на планете осталось очень мало, то, поддавшись магии больших чисел и статистики, он может в это поверить: ведь сам он этого не способен ни видеть, ни осязать. Но тот же человек не может не заметить, что в его обществе преобладают старики, становится все меньше детей, происходит бурная иммиграция «чужаков», захватывающих жизненное пространство, а вместе с этим размывается привычная культурная среда. Однако когда человек все это явственно почувствует — будет уже поздно. Поэтому вырождение европейской цивилизации, ее нежелание и неспособность плодиться и размножаться — не заслуга ее, а беда.

Нам как нации необходимо откреститься от этой «чумы белого человечества» и выбрести на свой путь демографического развития. Ведь если и есть какое-то рациональное зерно в идеологии ограничения рождаемости, то оно — не для России, не для ее коренных народов. Может быть, для Китая, Индии, Пакистана, регионов с высокой рождаемостью и острым дефицитом питьевой воды, но не для нас!

При дальнейшем нарастании негативных тенденций в рождаемости и смертности численность экономически активного населения в России в ближайшие 10 лет уменьшится на 10,6 миллиона человек. Таким образом, дефицит трудовых ресурсов в России станет непреодолимым препятствием для возвращения в сообщество экономически развитых стран. В СССР многие народно-хозяйственные задачи быстро решали за счет многочисленных поколений молодежи: направляя человеческие потоки в нужные сферы, регулируя количество мест в учебных заведениях, организуя курсы повышения квалификации и переквалификации. Но если молодых людей не хватает — ни директивные методы, ни рыночные механизмы не способны справиться с экономическими проблемами.

Однако могут ли аргументы развития национальной экономики и обеспечения безопасности России убедить конкретную семейную пару обзавестись тремя-четырьмя детьми? Скорее всего, нет. Никто не станет рожать «ради спасения страны» — спасения абстрактного, провозглашаемого учеными и политиками и высмеиваемого многочисленными борзописцами.

Спасение страны должно быть неотделимо отличного человеческого проекта — очевидного для каждого. Если

государство разработает и проведет в жизнь меры, которые помогут решить проблемы демографии, оно создаст почву для решения и экономических проблем, и проблем безопасности. На основании таких мер, понятных гражданину, можно задействовать уже и идеологические аргументы, создавать моду на многодетность, осуждать бездетность.

Небывалый демографический коллапс начала 90-х годов произошел в России не вдруг. Он был подготовлен предшествующими годами нашей истории. Очень важно определить, где главный корень беды. Многие демографы утверждают, что он в «шоке смертности», испытанном населением России в 1992–1995 годах и не менее остро ощущаемом до сих пор. Смутное время можно назвать стрессом для нации — оно отняло у миллионов наших сограждан по несколько лет жизни. Однако это несопоставимо с потерями нации от не родившихся в эту эпоху людей.

В 2000-е годы рождаемость немного выросла, хотя смертность сохраняет негативную динамику. В результате мы так и продолжаем нести свой «русский крест», о котором стали говорить, когда кривая сверхсмертности пересекла кривую, отражающую небывалый спад рождаемости. По официальным данным, ежегодная убыль населения в последние годы колеблется около цифры в 800–900 тысяч человек. Всего за последние 13 лет население России сократилось более чем на 11 млн граждан. За одну минуту в нашей стране рождается три человека, а умирает четыре. Тогда как в Китае за ту же минуту рождается 38, умирает 16, в США соответственно восемь и четыре.

При этом цифры обобщенной статистики не отражают всей полноты демографических потерь, поскольку истинный размах вымирания России частично маскируется иммигрантами. Если же власть «амнистирует» несколько миллионов иностранных граждан, которые нелегально живут и работают в России, то официальная статистика сможет отрапортовать о демографическом росте.

Коснувшись вопроса демографической катастрофы, я не могу не высказаться по такой больной теме, как массовое производство абортов. Россия занимает второе место в мире по количеству таких операций. Если в Бельгии выполняется 7, в Германии — 8, то в России — 63 аборта на тысячу женщин в возрасте от 15 до 45 лет. Сейчас аборты в России — бесплатная медицинская «услуга». Попытки моих коллег по фракции «Родина» поставить вопрос об отказе государства финансировать аборты, уничтожающие миллионы зарожденных русских жизней, натолкнулись на резкое противодействие бюрократии.

Введения косвенных мер стимулирования женщин к сохранению беременности вроде «родового сертификата» или «демографического ваучера», оцененного в 250 тысяч рублей, явно недостаточно. Нужно ликвидировать преступное государственное финансирование прерывания беременности и ввести уголовную ответственность за прерывание беременности против воли женщины, за принуждение к аборту, за предоставление материалов для самоаборта. Ведь ежегодно с помощью абортов уничтожается, по разным оценкам, от 2 до 3,5 миллиона детей, что сопоставимо с крупномасштабной войной. Ужасают даже не сами эти огромные цифры, а их соотношение с количеством новорожденных — на одного нового гражданина России приходится вдвое больше убитых в эмбриональном состоянии. Сохранение государственного финансирования абортов означает, что каждый российский налогоплательщик оплачивает убийство нерожденных детей. Это в высшей степени аморально и преступно.

Аборты нужно прекратить не одним волевым усилием власти, а общей нравственной волей. Для этого перед официальным введением «моратория на аборты» должна быть проведена массированная общественно-государственная информационная кампания против абортов, в том числе в телевизионных СМИ. Здесь требуется не дискуссия, а именно официальная пропаганда.

Сущность аборта глубоко отвратительна. Она должна быть раскрыта перед всей нацией. Нужно стремиться пробудить в молодежи родительский инстинкт, заложенный в человеке от природы. Ведь, увидев внутриутробное развитие малыша на экране, очень многие решат для себя никогда не убивать зарожденную ими жизнь. В то же время нужно найти методы поощрения врачей, спасающих жизнь нерожденному ребенку.

В самом обществе, к счастью, в том числе благодаря усилиям Русской православной церкви, объективно формируется негативное отношение к абортам. Частота абортов за последние 15 лет снизилась в два раза. Россия вернется к традиционному пониманию аборта как тяжкого греха, когда это узаконенное детоубийство будет запрещено по всем показателям, кроме медицинских и моральных (например, беременность в результате изнасилования), на любом сроке.

Любопытное историческое свидетельство в пользу запрета аборта приводит в журнале «Русский дом» писатель Юрий Воробьевский:

На конференции акушеров-гинекологов известный французский специалист ЖеромЛежен обратился к коллегам с вопросом: «Что бы вы, уважаемые коллеги, предприняли в данном

случае? Один ребенок в семье родился слепым, другой — глухим, третий — болен туберкулезом. Сама мать тоже больна туберкулезом, и она снова беременна…»

Коллеги в один голос возмущенно выдохнули: «Аборт!» Тогда Жером Лежен произнес: «Ребенком, который родился от такой беременности, был Людвиг Ван Бетховен…»

Кстати, запрет на искусственное прерывание беременности соответствует полной, а не отредактированной нашим Минздравом версии клятвы Гиппократа, которую принимает на себя каждый молодой врач: «не вручу никакой женщине абортивного пессария». Запрет на аборты, если общество воспримет справедливость принятых мер, желательно было бы также закрепить в фундаментальных законах России.

Если наши «либералы» опять поднимут визг о «наступлении реакции», пусть обратят взоры на своего бывшего американского хозяина — Джорджа Буша-младшего, применившего строгие меры по ограничению абортов. Пожалуй, это единственное разумное и полезное дело, что сделал этот человек за время своего пребывания у власти. В России же тема «защиты жизни» является пока откровенно маргинальной, а ее нравственный аспект осознается лишь воцерковленной аудиторией. Задача представителей традиционных религий России — перейти в светских СМИ и образовательных учреждениях в освещении данной темы к информационному наступлению.

Всегда, во все времена при зарождении новой жизни природа допускает до пяти процентов генетического «брака». В былые времена многие дефектные и больные дети гибли в младенчестве и детстве, а здоровые и сильные — выживали и подрастали.

«Здравоохранение массовых абортов» перевернуло все с ног на голову: большинство здоровых и сильных зарожденных детей гибнет в утробе матери, а слабые и больные дети выживают благодаря выросшему качеству медицины. В результате такого «здравоохранения» с 1960-х годов русский генофонд стал катастрофически ухудшаться.

Гинекологи отмечают тяжелые патологии детородной функции у молодых женщин. Нормальных родов сейчас менее 30 процентов. Из родившихся детей более половины — больны. Медицинские комиссии военкоматов отмечают: до трети призывников не годны к военной службе.

Что, возможно, еще хуже — нация вырождается не только количественно, но и качественно, производя на свет все больше физически и умственно отсталых детей.

При этом в погоне за дополнительным государственным финансированием, которое было начато президентом

Владимиром Путиным в 2006 году, общеобразовательные школы пытаются всеми правдами и неправдами сохранить в классах как можно больше учеников, прежде всего за счет умственно и психически отсталых детей, которых необходимо отправлять в специализированные коррекционные детские учреждения. К чему приводит многолетнее соседство за одной партой здорового ребенка с умственно отсталым подростком, догадаться нетрудно.

Теснейшим образом с демографической катастрофой связана проблема безнадзорных детей. По официальной статистике, их у нас — 700 тысяч, по неофициальным данным — четыре миллиона детей, т. е. каждый девятый ребенок. Причем большая их часть — социальные сироты — дети, от которых отказались живые родители. Брошенные дети становятся легкой добычей преступности — более миллиона несовершеннолетних задерживается за правонарушения, 11 тысяч осуждены и отбывают наказание в колониях для малолетних преступников.

Вторая сторона депопуляции России — сверхсмертность. Ежегодно у нас умирает 2 миллиона 300 тысяч человек. Мы также занимаем первое место в мире по количеству самоубийств — 40 человек на сто тысяч жителей. Это в три раза больше, чем в среднем по миру.

Что касается продолжительности жизни мужчины в России, то за последние годы она резко сократилась и сейчас составляет неполные 59 лет — ниже, чем в Египте и Боливии. Для сравнения: в Японии этот показатель составляет — 77,3, в Швеции —*77,*в Великобритании — 75, во Франции — 74,5, в Германии — 74,4, в США — 74.

При этом следует иметь в виду, что в конце 1960-х годов в Советском Союзе благодаря развитию медицины продолжительность жизни увеличивалась. Она была сопоставима с показателями ведущих западных стран. Люди видели перспективу своей страны, которую так дружно высмеивали пародисты и журналисты времен перестройки, у них была уверенность в завтрашнем дне.

На самом деле даже приведенные мной цифры мало о чем говорят. Ведь трагизм нашей ситуации состоит даже не в том, что наши старики не живут долго, а в том, сколько людей не доживает до старости, сколько умирает трудоспособных мужчин, у которых от отсутствия перспектив и надежд в буквальном смысле разрывается сердце. Для практикующих врачей не секрет, что сверхсмертность среди людей среднего и зрелого возраста вызвана депрессией и чувством безысходности. Реформаторы, создавшие чудовищный разрыв в уровне доходов, вытеснили эти поколения на обочину жизни, дав его представителям понять, что

они — просто неудачники, не сумевшие сориентироваться в эпоху «всеобщего обогащения».

Среди молодежи смертность, также очень высокая, связана с другими факторами: умирают в первую очередь от передозировки наркотиков и хронических болезней, обострившихся в связи с наркоманией. Умные таможенники и милиция в один голос твердят, что нужно жестко ограничить миграционный поток, с которым поступает героин из Таджикистана в Россию. Но наши «либералы» как будто нарочно вводят безвизовый режим для Таджикистана… Поразительно обоснование этого решения: «Чтобы россияне смогли ездить в Таджикистан без загранпаспортов»! А нужно ли это нам, гражданам России? Каков процент наших граждан, которые нуждаются в облегченном режиме для попадания в Таджикистан?

По масштабам геноцида российской молодежи, погибающей от передозировки «тяжелыми наркотиками», героин должен считаться «оружием массового уничтожения», а его производство, транспортировка и распространение — полномасштабной агрессией против нашей страны. По данным Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (УНП), из примерно 70–75 тонн нелегального афганского героина, которые проходят через территорию России, нашими спецслужбами изымается около 4 тонн, т. е. не более 6 процентов. Впрочем, эта невеселая картина не сильно отличается и на других направлениях. Например, по сведениям УПН, государствами Центральной Азии перехватывается около 5 процентов афганского героина, в Европе и Турции — 9 процентов.

В 2003 году мне довелось обсуждать проблему афганского героина с первым заместителем государственного секретаря США Ричардом Армитиджем. В ответ на мой вопрос, почему их войска в Афганистане не уничтожают резко выросшие за время американской оккупации наркопосевы, высокопоставленный чиновник сказал: «Но этот героин не идет в США!» По-моему, очень логичный ответ.

Совсем недавно на страницы германской прессы вылился скандал внутри военного командования НАТО. Его «виновником» стал теперь уже бывший верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами альянса в Европе американский генерал армии Джон Крэддок. Он, оказывается, дал приказ штабу НАТО в Афганистане уничтожать главарей афганской наркомафии как пособников террористов. Против его приказа категорически резко выступил целый ряд европейских генералов. «Либералы» в погонах уверены, что в лице наркобаронов они имеют дело не с террористами, а с обычными

преступниками, которых следует не уничтожать, а судить. То, что деньги от продажи героина идут на финансирование талибов, их, видимо, не интересует. С такими генералами, уверен, НАТО войну в Афганистане не выиграет никогда.

Отношение к проблеме демографического коллапса, в котором мы оказались, не терпит никакого лицемерия, в том числе и к ее национальному аспекту. Исследования показывают, что основные потери населения России приходятся на народы Русской равнины, которые, кроме башкир и калмыков, потеряли от 10 до 40 процентов численности. Все малые народы Сибири свою численность увеличили на 20–40 процентов. Что касается крупных народов Кавказа, то большинство из них в 1990-е годы увеличило свою численность существенно — до двух раз. Исключение составили лезгины и единственный христианский народ Северного Кавказа — осетины. Их численность уменьшилась.

Из приведенных данных становится понятно, что депопуляция сегодня фактически неотделима от принадлежности или приобщенности к русской нации. Весьма любопытно, что это относится, например, и к татарам, которые в вопросах воспроизводства населения копируют поведение русских, а не мусульманских народов России.

Нельзя не отметить, что уровень рождаемости снижается по всей России, во всех ее регионах. Исключением является Чечня. Во всех остальных областях и республиках Российской Федерации рождаемость значительно и неуклонно падает — просто у одних (в первую очередь у русских, карелы, мордвы) демографический ураган уже свирепствует, а на других — медленно надвигается как отсроченная угроза.

Устранить ее может только решительная смена государственной политики. Россия, как это часто бывало в ее истории, приняла на себя главный удар, но и переломить гибельную тенденцию можно только при одном условии: вдохнув в русских и культурно близкие им народы новую жизнь, волю к возрождению и приумножению нации. Как всегда, вслед за русскими эту жизнеутверждающую волю поддержат все народы России. Альтернативу такому пути — приглашение в Россию инокультурных иммигрантов — надо воспринимать как подрыв права нашей нации на существование.

Надо поощрять собственную рождаемость, а не завозить эшелонами китайцев, афганцев и вьетнамцев. Причем эти меры по поддержке рождаемости должны учитывать реальную картину смертности и рождаемости в каждом отдельном российском регионе. И они должны применяться в полной мере в тех краях и

областях, которые будут признаны «демографически неблагополучными».

В демографически благополучных регионах (демонстрирующих устойчивый рост рождаемости и естественный прирост коренного населения) поддержка должна быть более умеренной и избирательной. Правами на соответствующие дотации должно обладать только коренное население данных регионов. Если в результате стимулирующей политики государства тот или иной регион в течение как минимум четырех лет начинает демонстрировать убедительный естественный прирост населения, то он признается демографически благополучным.

Имеет право на жизнь и иная точка зрения: экстренные меры государственной поддержки воспроизводства населения должны быть направлены не в регионы с отрицательным приростом, а конкретным этническим группам, которые оказались в демографическом кризисе. Речь идет о великороссах, карелах, коми, удмуртах, марийцах, чувашах и татарах, на Кавказе — об осетинах и лезгинах. На первый взгляд такой подход может вызвать бурную негативную реакцию общественности, которая крайне болезненно воспринимает любые идеи, подразумевающие этническое неравенство. С другой стороны, общественное мнение к подобным предложениям и мерам можно и нужно подготавливать. Ведь перечисленные этнические группы оказались сегодня по своей демографической динамике в одном ряду с «малыми народами Севера», которым государственная поддержка оказывается уже давно. Тем более, что речь идет не просто о сохранении этнокультурного и фольклорного своеобразия, но о сбережении этносов, составляющих историческое ядро России. Фактически стоит вопрос о спасении лица России, ее идентичности. Поэтому дифференциация государственной политики может проводиться не только по регионам, но и по принадлежности к этническим группам.

Демографически благополучные республики Северного Кавказа нуждаются в поддержке иного характера. Для них характерен высокий уровень коррупции, распространение религиозного экстремизма, полный развал народного хозяйства и связанная с этим крайне высокая безработица. Оказание целенаправленной помощи данным регионам в борьбе именно с этими проблемами снимет очевидное недовольство тем, что их «обошли» программой демографического развития.

Если постоянные дотации на детей должны зависеть от уровня доходов конкретной семьи, то единовременные пособия при рождении каждого следующего ребенка должны быть

универсальными. Сумма таких пособий может варьироваться в зависимости от региона (с учетом областных надбавок), но составлять в базовом федеральном исчислении для демографически неблагополучных регионов не менее 20 минимальных заработных плат. Соответственно, необходимо установить прогрессивную шкалу увеличения выплат пособия на ребенка при рождении второго и третьего малыша.

Принято считать, что мотивация к рождению двух и трех детей у наших семей «слабая». Это ложь. Каждая десятая семья хочет иметь четырех и более детей, треть семей хочет иметь трех детей, более половины — двух детей. А одного ребенка или ни одного — менее четырех процентов. Следовательно, проблема не в том, что русские не хотят иметь детей, а в том, что по каким-то причинам не могут. Чаще всего в качестве такой причины молодые семьи называют отсутствие своего «угла», возможности жить отдельно от родителей — в собственной квартире.

Поэтому в демографически неблагополучных регионах (это практически все русские края и области) стоит ввести специальную ипотечную программу для обеспечения всех молодых семей с детьми достойным современным жильем в кредит. Она может предусматривать 30, 65 и 100-процентное погашение жилищного кредита при рождении в семье соответственно второго, третьего и четвертого ребенка. Помощником государства в этом вопросе должен выступать социально ориентированный бизнес.

Я не согласен с теми, кто считает умным выделять некие денежные суммы каждой молодой семье лишь на том основании, что она сумела заключить официальный брак. Обязательно найдутся парные мошенники, которые раз в месяц будут жениться и тут же разводиться, требуя с правительства компенсации по факту «создания молодой семьи». Президентской программой «Доступное жилье» воспользуются жулики, и хорошая инициатива власти будет осмеяна и дискредитирована. Государство должно поощрять не факт регистрации молодой семьи, а рождение детишек в этой семье, превращение ее в большое и счастливое гнездо.

Как я уже отметил, большая часть русской молодежи убеждена, что в семье должно быть два-три ребенка. Поэтому в демографически неблагополучных регионах необходимо ввести меры поощрения ранних браков с рождением детей. После рождения первого ребенка молодая семья должна получить право на льготные кредиты, в том числе потребительские. После рождения второго — целый социальный пакет, включающий бесплатный детский садик, компенсации по расходам родителей,

дети которых учатся в средней школе, бесплатный проезд на всех видах транспорта, бесплатное приобретение ряда лекарств, детских вещей, регулярное обеспечение билетами на культурные мероприятия, путевками в места отдыха. Бабушки и дедушки, посвятившие себя постоянной заботе за малолетними внуками, должны получать надбавки к пенсии.

За последние пять лет количество ожидающих в очереди в дошкольные учебные заведения (ясли и детские сады) увеличилось почти в четыре раза. Сегодня, чтобы попасть в детские сады, в очередь надо вставать сразу же после рождения ребенка! Необходимо в ближайшие годы открыть не менее 2000 подобных учреждений по всей России. Содержание этих заведений должно большей частью лечь на государственные бюджеты, частично — на родителей одно-детных семей. Двухдетные семьи с детьми младше 16 лет должны освобождаться от платы за детский садик. Также необходимы меры по поддержке семейных детских домов.

Особо хочу отметить задачу приравнять институт родительства к государственной службе. Женщина, выбирающая своим делом воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, должна получать за это зарплату (в размерах средней заработной платы по стране) и трудовой стаж. Многодетная мать (имеющая более четырех детей), которая воспитала и вывела в люди своих детей, должна рассматриваться нами как гражданин, выполнивший свой долг перед обществом, и получать пенсию первой категории.

Что касается решения проблемы безнадзорных детей, то я бы сделал акцент на поощрение усыновления детей именно российскими родителями, а также на создание системы семейного воспитания детей-сирот, замещающей приюты и детские дома-интернаты. Усыновляющие родители не должны платить государству за усыновление ребенка, ведь им эти деньги понадобятся самим — на его воспитание, кормление, образование. Сумма, которую государство тратит на содержание ребенка в детских домах и интернатах, должна перечисляться на содержание ребенка в приемной семье при условии добросовестного выполнения приемными родителями своих обязанностей. Кроме того, необходимо законодательно закрепить сохранение для российских детей гражданства РФ при их усыновлении родителями-иностранцами.

Особым направлением деятельности государства должна стать целенаправленная и масштабная пропаганда ценностей здоровой семьи с двумя родителями и несколькими детьми, супружеской верности и взаимной ответственности. Должна быть

разработана программа, направленная на создание культа семьи, социально привлекательного образа традиционных семейных отношений, системы позитивной мотивации к рождению детей, поэтизации матери, беременности, чадородия, воспитания ответственного отцовства.

Подлежит беспощадному уголовному преследованию пропаганда любых извращений и дегенеративных форм поведения, в частности разврата, проституции, педофилии, гомосексуализма. Вместо приятия и одобрения гражданского брака, неполной семьи и других компромиссных и неблагополучных форм семейных отношений в обществе следует формировать адекватное к ним отношение. Немедленно и с позором из страны надо выдворить иностранные организации, деятельность которых направлена на сокращение рождаемости, разрушение семейных ценностей и общественной нравственности, пропаганду абортов как средства планирования семьи. Алкоголики, систематически нарушающие общественную мораль, решением суда должны быть направлены на принудительное лечение и трудовую реабилитацию. Если для этого потребуется ужесточить и конкретизировать законодательство, значит, это надо сделать без промедления.

Телевидение — как самый мощный канал массовой коммуникации — может взять на себя пропаганду трезвости и здорового образа жизни. Делать это надо талантливо, интересно, творчески, ориентируясь не на процесс, а на конечный результат. Кроме того, телевидение и радио должны смириться с тем, что из рекламных блоков будут полностью изъяты все элементы прямой и опосредованной рекламы алкоголя, включая пиво.

Меры по борьбе с героиновой агрессией должны быть еще жестче. Я предвижу резкое неприятие этой идеи моими партнерами в Брюсселе, но все-таки выскажусь определенно: для такого важного случая можно пожертвовать мораторием на применение высшей меры наказания. Причем неважно, идет ли речь о производстве, транспортировке или распространении, — смертная казнь должна применяться безотносительно вида этого тяжкого преступления, если есть неопровержимые доказательства вины. Очевидно, что во избежание злоупотреблений в этом деле исполнение высшей меры наказания должно быть отложено на пять лет с момента вынесения окончательного приговора. Кроме того, надо поставить органы правопорядка под надежный парламентский контроль.

Следует признать, что наша южная граница — это «проходной двор». Все наши так называемые «пункты пограничного досмотра» — не более чем «калитки в поле». Нам

придется оборудовать настоящую, непроницаемую для нелегалов и преступников государственную границу с Казахстаном (длина которой, между прочим, составляет пятую часть экватора). Наших южных соседей пора предупредить о возможности введения визового режима со всеми странами Кавказа и Средней Азии, через которые пролегает маршрут переброски в Россию тяжелых наркотиков, если сами они перекрыть его не в силах или попросту не хотят.

Взявшись за дело восстановления демографического потенциала, следует решительно изжить такое позорное явление, как проституция. Не стоит слушать жалкий лепет милиции о том, как трудно накрыть сеть притонов, выявить криминальные сообщества сутенеров и поставщиков «живого товара». Это наглая и циничная ложь. Возьмите свежий номер любой желтушной газеты, и на страничке объявлений вы найдете телефоны всевозможных «VIP-бань» и «элитных массажных салонов», где помимо легкого пара «жрицы любви» одарят вас букетом всех известных медицине венерических заболеваний.

Проституция, убивающая дух и тело нации, неуловима только благодаря милицейской «крыше», забравшей этот криминальный бизнес из-под контроля бандитов. Вот почему борьбу с проституцией и ее закадычными дружками — сифилисом, гонореей и СПИДом — надо начинать с оборотней в милиции, превративших разврат и эпидемии в статью своего криминального дохода.

Я уверен, что настойчивое применение этих мер — под демократическим контролем и без «перегибов» — позволит нам достичь главной цели — «чтоб нашему роду не было переводу».

Каменный гость

Россия, в отличие от, например, Соединенных Штатов Америки, никогда не была страной иммигрантов. Подавляющее большинство ее граждан — коренные жители. Исторически Россия вбирала в себя племена и этносы вместе с территориями их обитания. Она прирастала народами и их землями, включала их в общий культурный и цивилизационный оборот, делила на всех общий хлеб и общую судьбу.

Русский народ выступал в этом историческом процессе как объединитель и защитник, предоставляющий народам и этносам Евразии не только возможность доступа к мировым культурам и знаниям, но право свободно развивать собственную культуру, письменность и даже государственность. Но даже в самые бурные времена расширения национальной территории включение новых человеческих потоков шло у нас более умеренными темпами.

Не в пример нам США решительно регулируют размер иммиграции. В последние годы они стараются соблюдать разумные пропорции — темпы прироста населения Соединенных Штатов в среднем составляют один процент в год и только около одной пятой части этого прироста составляет иммиграция.

У нас же все наоборот. Вопреки национальным традициям в стране произошла иммиграционная реконкиста — нечто вроде нового «великого переселения народов». За последние десять лет Россия только по официальным данным вышла на второе после США место в списке стран, активно принимающих мигрантов.

В чем же дело? Почему наша страна подверглась такому набегу мигрантов? Тому есть два объяснения.

Прежде всего распад СССР. Он привел к обрушению системы разделения труда между бывшими союзными республиками. Миллионы людей потеряли привычную работу, оказались на грани нищеты. В начале 90-х годов часть высококвалифицированных специалистов, в основном великороссы, побросала обжитые места и под антирусские улюлюканья и свист местной шовинистической шпаны побежала в Россию. Вместе с ними потянулись караваны беженцев и вынужденных мигрантов. Эта была первая волна стихийной репатриации.

Вообще, привычная трактовка слова «репатриация» мне категорически не нравится. Репатриация — это возвращение на родину, но неверно считать родиной русских только Российскую Федерацию. Крым, Донбасс, Малороссия, Киевская Русь, Белая Русь, нынешний северный и северо-восточный Казахстан,

Приднестровье, современные Латвия и Эстония — все это родовая территория и колыбель русской нации. Русские здесь — наравне с другими коренными жителями — на своей родине. Соответственно надо понимать и слово «репатриация».

Вторая причина наводнения России потоками мигрантов заключается в патологической жадности и криминализованное™ нашей «деловой элиты». Ради того, чтобы «отжать» из приватизированных предприятий, торговых площадей, рынков максимальную прибыль, она готова идти на любые преступления. «Тяжелая поступь командора» миграции заглушила инстинкт самосохранения нашего бизнеса. Безусловно, нахлынувшая волна трудовых мигрантов из Украины, Молдавии, Средней Азии и Закавказья дала нашим предпринимателям возможность безболезненно и ненаказуемо эксплуатировать гастарбайтеров. Но уже через пару лет эксплуататор об этом горько пожалел. Неконтролируемая трудовая миграция сама стала диктовать свои правила рынку.

Либералы часто называют перечень профессий, которые у россиян якобы считаются непрестижными, — дескать, без гастарбайтеров невозможно заполнить рабочие места дворников, сантехников, водителей автобусов и строителей. Если исходить из реального рынка труда России, то это прямая ложь. У нас в стране, особенно сейчас — в разгар финансово-экономического кризиса, высокая безработица и еще более высокая «скрытая безработица». При готовности платить за тяжелый физический труд достойные деньги проблем у работодателей с наймом рабочей силы из числа граждан России не будет. Однако зачем «переплачивать своим», когда есть столько «чужих», желающих выполнить ту же работу «за гроши»?

На одного легального трудового мигранта в нашей стране приходится девять нелегальных мигрантов. Так, например, в 2009 году на официальный учет Федеральной миграционной службы Москвы встало около 1,8 миллиона мигрантов, из них только 270 тысяч человек официально устроились на работу. А чем занимаются другие? И все ли мигранты встали на официальный учет? Сколько еще иностранцев находится в России на нелегальном положении?

По оценкам экспертов, численность незаконных иммигрантов в России доходит до **18 миллионов**человек, иными словами, составляет пятую часть всего экономически активного населения. К 2010 году число нелегально проживающих в России может возрасти до 20 миллионов. В то же время для собственного российского населения по-прежнему сохраняется высокий уровень безработицы. Безработными являются почти шесть

миллионов человек(7,7 процента экономически активного населения), и в результате финансово-экономического кризиса эта цифра стремительно растет. Масса иммигрантов давит на социальные права коренных жителей России. Государство вынуждено решать социальные проблемы приезжих, предоставлять им медицинское обслуживание, места в школе для детей, заботиться об улучшении жилищных условий иммигрантов. Когда приезжих больше, чем у государства есть возможностей принять, гости начинают теснить хозяев.

Еще больший ущерб государству и коренному населению наносят нелегальные иммигранты. В отличие от законных мигрантов свои «налоги» они платят не в бюджет страны, а в карман бюрократии и этнической мафии, а все издержки, связанные с их пребыванием в нашей стране, вынуждены покрывать российские налогоплательщики.

Дефицит рабочих рук в индустрии мигранты не снимают. Высококвалифицированных промышленных рабочих среди непрошеных гостей практически нет. Зато с каждым годом заметно растет уровень преступности среди гастарбайтеров. За десять лет количество преступлений, совершенных приезжими, увеличилось втрое. Из десяти грабежей, разбойных нападений или уличных краж в Москве восемь совершаются нелегалами. В итоге возникает опасность превращения миграции в фактор дестабилизации социальной ситуации.

В России широкое распространение получили поборы иммигрантов со стороны чиновников и сотрудников милиции, работающих с ними в непосредственном контакте. Нелегальные мигранты разлагают правоохранительную систему, поскольку основным документом, которым они пользуются в отношениях с милицией, являются денежные знаки.

Для наших репатриантов бюрократией созданы искусственные препятствия для получения гражданства, регистрации по месту жительства и пребывания, работы, доступа к социальным услугам (здравоохранению, дошкольному воспитанию). В то же время процветают фирмы, которые за относительно небольшую плату готовы «оказать помощь» кому угодно в получении необходимых справок для надзорных органов. Например, цена на сертификат об обследовании на антитела к вирусу иммунодефицита человека (ВИЧ) в такой «конторе» составляет порядка 100 рублей (это примерно 2,2 евро). Пожалуйста, плати эти деньги и без всякого медицинского обследования получай справку, что ты здоров!

Ежегодный оборот теневого рынка по изготовлению поддельной регистрации для временных мигрантов только в

Москве, по оценкам экспертов МВД, составляет не менее 140 миллионов долларов. Нередки случаи, когда у иммигрантов-строителей отбирают паспорта, они попадают в рабскую или полурабскую зависимость от работодателя — хотя, наверное, после двух чеченских войн случаями рабства в России никого не удивишь.

Существуют и более серьезные проблемы. Ежегодно нерезиденты вывозят наличными или переводят из России около 6 млрд долларов. Центробанком отмечены случаи, когда граждане некоторых «братских стран» обналичивали и, по всей видимости, вывозили из России суммы в 20, 30, 50 млн долларов!

Не секрет, что нелегальная миграция в Российской Федерации является чуть ли не основным источником пополнения бюджетов отдельных стран СНГ. При этом мы закрываем глаза на некорректное поведение правительств этих стран в отношении России. А ведь присутствие в России огромных этнических диаспор дает нам мощный инструмент влияния на политику их государств.

Когда понятие «миграция» (лат. migratio — перемещение) применяют для описания движения зверей и птиц — это точное употребление слова. В отношении людей термином «миграция» обозначается несколько разных явлений. Одно дело — возвращение людей на свою Родину. И совсем другое — прибытие представителей иного духа, иных нравов. Оценивать и первых, и вторых как «мигрантов» по причине их включенности в один процесс — совершенно недопустимо. Наконец, существует транзитная нелегальная миграция, когда приезжие рассматривают Россию в качестве плацдарма для того, чтобы в дальнейшем перебраться в Европу, К сожалению, в этом им помогают десятки тысяч фирм, в том числе и туристических, под вывесками которых зачастую скрываются преступные группировки.

Эксплуатация нелегалов недобросовестным бизнесом с молчаливого согласия региональных властей формирует благоприятную социальную среду для преступности и уличных беспорядков. И это вызывает тревогу. Бунты и поджоги осенью 2005 года в пригородах Парижа, населенных иммигрантами, — прямое тому доказательство.

Работая в Бельгии, я убедился в том, что процесс расползания нелегальной миграции волнует все европейские народы. Разве не испытывают тревогу валлоны и фламандцы, наблюдая за тем, как столица их страны наводняется иностранным криминалитетом и нелегальными мигрантами? Что вообще сейчас происходит в Европе, испытывающей миграционное наводнение?

Когда в январе 2008 года я прилетел в Брюссель и приступил к своим обязанностям постоянного представителя России при НАТО, то первое, чем мне пришлось заниматься, — резкий рост уличных нападений на жен наших дипломатов и сотрудниц российских дипломатических миссий. Только за первые четыре месяца 2008 года таким нападениям с целью ограбления подверглись семь гражданок России, работавших в Бельгии на постоянной основе. Поскольку брюссельская полиция не ответила мне ни на одну дипломатическую ноту в связи с этими непрекращающимися безобразиями, я настоял на встрече с министром внутренних дел Бельгии.

Оправдываясь, министр, глазом не моргнув, заявил, что «рост преступности в Брюсселе — объективный процесс» и что «иностранные дипломаты*должны делить с бельгийцами их страдания*на равных». Это слова меня просто поразили. Можно себе представить, какой бы стоял визг в том же Брюсселе, если бы семь жен бельгийских дипломатов были избиты и ограблены в Москве! У нас даже одно преступление в России против иностранного дипломата — это уже ЧП.

Я всегда считал и считаю, что в вопросах защиты интересов и достоинства наших граждан мы должны отбросить ложную «деликатность», на которую, кстати, как на порочную черту русского характера обращал внимание Федор Достоевский:

Все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение. Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le russe et vouz verrez le tartare23, и так и доселе. Мы у них в пословицу вошли. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учтивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них «не так поняли». Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, — что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками. Правда, в последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, восемьдесят миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших

русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут; что мы говорим на всех языках, а что они говорят лишь на одних своих, — ну и многое еще они стали смекать и подозревать. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!

Уже после московских выборов я побывал во Франции. Там у меня среди прочих встреч в правительстве, Сенате и Национальной ассамблее была интересная дискуссия с одним из депутатов Европейского парламента, представляющим небольшую правоцентристскую партию. У него в офисе я увидел плакат с репродукцией известной картины Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» и лозунгом «Франция: либо ты ее любишь, либо вали отсюда!». Я искренне рассмеялся, представив себе реакцию нашего «либерального сообщества», если бы кто-то в России позволил себе нечто подобное. А во Франции, в этой политически корректной стране, умные люди разводят темы миграции и национальных отношений, придавая первой — характер правовой и политический, а вторую сводя исключительно к вопросу уважения и поддержки национальных чувств иностранцев и интеграции их во французское общество.

Россия должна быть открытой страной, но правительство обязано иметь четкую, прозрачную и понятную политику в отношении привлечения иностранной рабочей силы; политику, в которой должны учитываться в первую очередь интересы наших граждан. Сегодня трудовые иммигранты стимулируют не столько реальный рост экономики страны, сколько безответственность некоторых российских предпринимателей, нарушение трудового законодательства, вытеснение с рабочих мест граждан России из-за крайне низких зарплат, а порой и откровенный криминал в некоторых сферах бизнеса.

На эксплуатации почти дармового труда бесправных иностранцев выросли уже целые бизнес-империи, в первую очередь в области строительства, торговли и сферы услуг. Эти бизнес-империи пользуются отсутствием в российском законодательстве антидемпинговых норм, оговаривающих минимальную заработную плату работников, на которую могли бы согласиться и коренные жители России. Поэтому полулегалам и нелегалам можно меньше платить, на них не нужно отчислять деньги в различные фонды и налоговые органы, не нужно соблюдать технику безопасности.

Строительная мафия относится к нелегальным мигрантам как к скотине. Нередки случаи, когда отработавших на «серых» стройках рабочих оставляли без обещанных выплат, а тех, кто

пытался сопротивляться и требовать зарплаты, запугивали и даже убивали.

Нелегальная иммиграция перенасыщает рынок труда в России. Это приводит к тотальной невостребованности собственных граждан России. Сорок процентов выпускников профессиональных учебных заведений и училищ не могут трудоустроиться по специальности. Одновременно на еще уцелевших заводах и фабриках трудовые коллективы формируются за счет «призванных из запаса» пенсионеров.

Неблагоприятна для страны ситуация с эмиграцией — выездом граждан России на постоянное жительство за рубеж. С 1992 года по настоящий момент Россию покинуло **3,4 миллиона граждан**. В основном это квалифицированные специалисты, молодые ученые, пополнившие экономически активное население и интеллектуальный потенциал других стран. «Реформа» российской науки привела к полному ее развалу. Эмиграция ученых, старение кадров сохранившихся научных лабораторий, потеря научных школ, научных разработок и технологий — все это происходит на фоне заполнения страны массой неквалифицированной, неграмотной иммигрантской рабочей силой. Люди без определенной профессии приезжают в Россию, а ученые и высококлассные специалисты покидают ее.

Но не иммигранты как таковые угрожают России. Смертельно опасна ставка на иммиграцию как на средство решения демографических и экономических проблем, поскольку это означает отказ от опоры на коренное население. Это прямая угроза русскому народу.

Иммиграционная политика должна приносить пользу нации. Мы должны стремиться к сохранению традиционного уклада жизни в своей стране, нашей цивилизации. Это означает, что Россия заинтересована только в такой иммиграции, которая не будет мешать нации поддерживать и сохранять базовый набор ценностей, традиционную культуру, обычаи и образ жизни. Миграционная политика должна быть нацелена на стабилизацию этнического состава России и отдельных ее территорий, отличающихся особым своеобразием. Это позволит реализовать равенство прав граждан независимо от их этнической принадлежности, а также сохранить самобытность каждого коренного народа и России в целом. Поэтому нам нужно смело отбросить фиговый листок политкорректности и прямо сказать, каких мигрантов мы хотим видеть, а каких нет.

«Нужный иммигрант» — это молодой работоспособный человек, желающий честно трудиться в России, хорошо говорящий по-русски или готовый его прилежно учить,

разделяющий ценности русской цивилизации, т. е. человек, чья культурная адаптация не требует высоких затрат. Данный образ вполне узнаваем — это носитель славянского или европейского менталитета или представитель любого иного коренного народа России. Принадлежность иммигранта к одному из коренных народов России должна предельно упростить получение гражданства. При этом наличие у иммигранта предков среди коренных народов России служит дополнительным аргументом в его пользу.

Знание русского языка должно быть важнейшим условием не только для приобретения гражданства, но и для длительного пребывания на территории России, а в особенности для занятия видами деятельности, где присутствует интенсивное общение, например в торговле, образовании, обслуживании, в средствах массовой информации, общественных учреждениях. Введение обязательного обучения и теста по русскому языку для иммигрантов будет способствовать развитию русского языка, русской культуры и русского влияния за рубежом.

Российское законодательство должно предусматривать принципы квотирования въезда иммигрантов из определенных стран. Для тех, кто легко адаптируется к особенностям России и органично вписывается в ее условия (прежде всего для наших зарубежных соотечественников, жителей Украины, Казахстана и Белоруссии), иммиграционные барьеры должны быть минимальными.

Заслуживает внимания инициатива создания так называемого «славянского профсоюза». Речь идет об учреждении национального профессионального союза рабочих-славян из Украины, Белоруссии и Казахстана, который защищал бы их права, мог бы оказывать наемным рабочим помощь в подборе интересной легальной работы в России при заключении трудового соглашения с работодателем, оговаривающего условия работы и отдыха «нужного иммигранта», его налогообложения и заработной платы. Если мы хотим навести порядок в миграционной политике, призвать в Россию молодых и законопослушных специалистов, воспитать в них чувство уважения к нашей стране и тем самым подорвать экономическую базу этнической мафии, мы должны искать свои формы исправления ситуации, угрожающей нашим национальным интересам.

Положение нынешней России таково, что уберечь ее от упадка может только рывок в технологиях. В противном случае наш физический развал неизбежен. Отсюда вытекает принцип: Россия должна стать «Меккой» для изобретателей и творцов из

всех стран мира, способных принести нам технологии будущего. Россия должна поощрять въезд в страну ученых и изобретателей — в первую очередь носителей «закрывающих технологий». Можно сказать, что это «штучная миграция», но здесь «мал золотник, да дорог». Отбор персоналий нужно вести с помощью дипломатических представительств и неправительственных, специально созданных для этих целей организаций по запросам предприятий сектора «новой экономики», высокотехнологичных компаний, технопарков и технополисов. Такая иммиграция — «импорт мозгов» — для нас не только желаема, но и необходима. Такие ценные кадры нужно буквально заманивать в Россию.

Один из наиболее болезненных вопросов наведения порядка в миграционной сфере — это определение и отсев «нежелательных иммигрантов». Особенно опасна миграция больших групп лиц одной этнической принадлежности, которые на территории России начинают создавать закрытые сепаратистские анклавы. Еще большую опасность представляют подобные анклавы у границ России — они неминуемо приведут к отрыву этих территорий от страны.

Мигранты, не имеющие российских корней, на первый взгляд могут казаться дешевой рабочей силой. На самом деле их способность быстро сколачивать этнические криминальные структуры дорого обходится государству. Коренные народы России попадают под пресс этнической преступности или вытесняются инородческими кланами из престижных и прибыльных отраслей хозяйства. В результате — рост социальной напряженности и межэтнические конфликты. Очевидно, что такая миграция враждебна нам. В условиях отсутствия элементарного порядка в миграционной политике этническая мафия ведет себя как захватчик. Управляя теневыми кланами диаспор, она оккупирует целые секторы экономики, отбирая у коренного населения наиболее выгодные виды деятельности, расставляя в территориальной милиции свою агентуру, коррумпируя региональные власти. Клановость, не зная пределов для своего развития, демонстрирует полную неспособность к разумному самоограничению. Достаточно появиться на какой-то значимой должности представителю такой «диаспоры», как завтра все вакансии в этом учреждении будут заполнены его бесчисленными родственниками и земляками.

Компактное расселение рыночных торговцев одной национальности вокруг контролируемой ими торговой точки постепенно приводит к образованию «гетто». Коренные жители этих городских районов, понимая, что отныне живут в квартале с сильно испорченной репутацией и неблагоприятным социальным

положением, постепенно съезжают с насиженных мест. В итоге в городе распространяется эпидемия сегрегации, когда русские стараются ходить в одни рестораны и магазины, кавказцы — в другие, азиаты — в третьи. Такое «раздельное питание» лишь углубляет взаимное недоверие, ослабляет традиционное общество. В итоге оно распадается на диаспоры и кланы и погружается в межнациональную вражду.

В условиях глобализации криминальная миграция использует Россию как гигантскую фабрику по «отмыванию» денег, проникая в отрасли с быстрым оборотом капитала и на предприятия, где возможен уход от уплаты налогов. Фиктивные контракты, невыгодный обмен при бартерных сделках, завышенные или заниженные цены, скупка и продажа ценных бумаг, неограниченный вывоз или ввоз наличной валюты — все это обеспечивает нелегальную миграцию капиталов и легализует преступные доходы.

Профессиональные преступные сообщества в России, как правило, строятся по этническому признаку. Попадая в нашу страну, даже самые добропорядочные из нелегальных мигрантов невольно держатся своих соотечественников, образуя замкнутые национальные общины, а они — благодатная среда для этнической организованной преступности. «Национальный» криминалитет вовлекает своих земляков, помимо налоговых и других экономических преступлений, в торговлю людьми, проституцию, контрабанду и распространение наркотиков. Очевидно, что расширение подобных диаспор не может оказать положительного воздействия на демографическую ситуацию в стране. МВД утверждает, что по состоянию на 2004 год в России действовало около 2000 преступных этнических группировок, из которых 516 кланов окопались в Москве. Прикрываясь поддержкой городских властей, они управляют потоками и доходами нелегальной миграции в международных масштабах.

Любопытно в связи с этим поразительное по откровенности интервью Саакашвили, которого 31 марта 2009 года процитировало информационное агентство «Росбалт»: «Девяносто процентов лидеров организованной преступности в России — наши соотечественники. Наш главный экспорт в Россию — не вино, а "воры в законе", преступники и другие такие элементы». Далее, не без гордости, незадачливый грузинский фюрер вспоминает: «Еще несколько лет назад воры приезжали из Москвы в Тбилиси, в аэропорту их встречали эскорты, а главы нашего МВД доставляли их в лучшие гостиницы и кутили с ними в ресторанах в центре города». Нашел чем гордиться!

Непонятно, с какой целью Саакашвили так

разоткровенничался, но этим интервью он лишь подтвердил наш тезис о том, что доходы этнической мафии являются солидной прибавкой к бюджету таких государств, как Грузия, экспортирующих организованную преступность в Россию.

Для противодействия нелегальной и нежелательной иммиграции нам необходимо заключать соглашения о безвизовом и упрощенном въезде в Россию только с теми странами, которые готовы подписать соглашения о реадмиссии и взять на себя юридические обязательства по возврату незаконных иммигрантов за свой собственный счет. Вообще, с безвизовым въездом в Россию нужно навести наконец элементарный порядок. С южного направления от него желательно отказаться или, по крайней мере, хотя бы сделать так, чтобы люди въезжали к нам по одному определенному документу, прежде всего по своему национальному заграничному паспорту. При пересечении российской границы иностранцы должны приобретать за свой счет иммиграционную карту с внесенными в ее память биометрическими данными владельца и иной информацией, позволяющей правоохранительным органам установить надлежащий контроль над трудовой миграцией.

Сейчас же в Россию можно въехать по 18 (!) различным документам, начиная от старого внутреннего советского паспорта и заканчивая служебными удостоверениями типа «Паспорта моряка Таджикистана», хотя о наличии моря в этой горной азиатской республике нас до сих пор не информировали. Неудивительно, что наши соответствующие инстанции не в силах установить подлинность подобных документов. Более того, легальный въезд в Россию возможен даже по свидетельству о рождении советского образца, представляющему собой ничем не защищенную, свернутую пополам справку без канцелярских печатей и фотографии. Представьте себе удивленное выражение лица сержанта милиции, останавливающего на улице «подозрительного субъекта». На вопрос, каким образом данный «каменный гость» въехал в Россию, когда въехал и есть ли у него регистрация, сержант получает ответ, что «въехал, мол, вчера по свидетельству о рождении, а штамп не поставил, так как сроду у нас в свидетельствах о рождении штампов не ставится».

Ума не приложу, какой идиот и за какие деньги мог согласиться с безвизовым въездом в Россию иностранцев с миграционно опасного направления, да еще по свидетельству о рождении! Что же касается старых паспортов, то ни одно российское ведомство, включая наши славные спецслужбы, не может сказать, в чьих руках по сей день находятся 23 миллиона чистых бланков бывших советских паспортов, оказавшихся за

пределами нашей страны после развала СССР. Будучи главой парламентского комитета по международным делам, я неоднократно требовал от федеральных властей предоставления исчерпывающей информации об их судьбе и уничтожения по описи всех «недо-ворованных» паспортов советского образца.

Стихийной «нежелательной иммиграции» надо противопоставить продуманную государственную иммиграционную политику. Она полностью учтет интересы бизнеса и экономики в целом. Привлечение трудовых иммигрантов в Россию, особенно иммигрантов из культурно чуждых России стран и регионов, должно осуществляться исключительно под целевые заказы работодателя на территории России и под ответственность этого работодателя. Тогда работники-иностранцы получат право на въезд в Россию только при наличии нефиктивного приглашения от работодателя и на оговоренный срок, ограниченный целями приезда и востребованностью работника.

Работодатель обязан взять на себя обустройство иммигранта в России, а также обеспечение медицинских, полицейских и других норм его проживания. В случае если количество трудовых иммигрантов составит более 15 процентов трудового коллектива, работодатель будет обложен специальным дополнительным налогом. Использование работодателем нелегальной рабочей силы должно повлечь санкции вплоть до ликвидации лицензий и закрытия предприятий, а также уголовную ответственность.

В то же время иностранным специалистам высокой квалификации следует предоставить максимально благоприятные условия трудоустройства и социальных гарантий, а также — при их желании — право получить гражданство по ускоренной процедуре. И конечно, особые усилия надо предпринять для возвращения отечественных ученых и специалистов, покинувших нашу страну в годы перестройки. Среди репатриантов деление на «нужных» и «нежелательных» неприменимо. Они все — наши.

В отношении граждан иных государств, желающих найти работу в России, должно применяться квотирование, как это происходит во всех цивилизованных странах. Непременное условие такой иммиграции — диффузное расселение мигрантов, препятствующее образованию этнических гетто. Например, мигрантов из Китая необходимо расселять равномерно, перемежая места компактного проживания общинами других мигрантов (например, корейцев и вьетнамцев), не допуская формирования компактных поселений с автономной инфраструктурой, связью, нелегальными финансовыми структурами, своими законами, нормами сожития. Здесь если

хоть раз зевнешь — потеряешь сразу пол-Сибири.

Правовой порядок в миграционной сфере надо навести как можно скорее. И начинать надо не с депортации нелегалов, а с беспощадного подавления этнической мафии и коррупции, наживающихся на нашествии «каменных гостей».

Записки из мертвого дома

Не менее драматичные процессы протекают в России в сфере внутренней миграции. Серьезнейшую угрозу безопасности и благополучию нации представляет диспропорция между европейской частью страны, где сосредоточено более трех четвертей населения и экономического потенциала, и регионами Сибири и Дальнего Востока, на долю которых приходится четверть населения страны и три четверти основных энергетических и минеральных ресурсов.

Плотность населения в Сибири в семь раз ниже, чем в европейской части страны. Более того, семимиллионное население Дальнего Востока выглядит ничтожным в сравнении с сотнями миллионов граждан Китая, проживающих на сопредельных территориях. Представьте, если бы в России плотность населения была такой же, как в Японии, Бельгии или Нидерландах, количество наших граждан составило бы более 6 млрд человек — столько же, сколько сейчас живет на всей планете!

Сибирь и Дальний Восток — это будущее России в новом веке. Цари и сменившие их коммунисты понимали великое значение освоения Русской Азии. С 1926 по 1959 год население Дальнего Востока, в том числе за счет внутренней миграции, выросло в три раза, тогда как население РСФСР за этот же период увеличилось менее чем на треть. В 60–80-е годы миграционный приток увеличил население Дальнего Востока еще на две трети.

Однако из-за гибели в 1990-е годы национального товарного производства миграционные процессы развернулись в обратную сторону. В настоящий момент в 26 регионах Севера и Дальнего Востока отмечается непрекращающийся отток населения в европейские области России. Сегодня на Дальнем Востоке жителей проживает почти на 20 процентов меньше, чем 20 лет назад. Так наши богатейшие земли превращаются в «мертвый дом».

«Омертвение» этих территорий усугубляет проблему интенсивной иммиграции из сопредельных стран, прежде всего из Китая. Не стоит нашим «либералам» равнодушно отмахиваться от проблемы «китайской экспансии». Уже сейчас плотность населения с российской стороны границы — один человек на один квадратный километр, а в приграничных районах Китая в 125 раз больше!

Мы рассуждаем об опасности отторжения от России ее восточных сибирских территорий, а она уже налицо. Достаточно

переселить на российский Дальний Восток один процент населения Китайской Народной Республики — и со стратегическими запасами нефти, газа, водных и минеральных ресурсов, а затем и со своей территорией можно будет распрощаться.

Китай пока не заинтересован в конфликте с Россией. Объясню почему. Он покупает у нас современное оружие, ежегодно наращивая свой военный бюджет на 10 процентов. С помощью российской энергетики Пекин начинает освоение западных, наиболее отсталых провинций страны. Россия нужна Китаю не как друг, сват и брат, а как «надежная спина» — стратегический тыл, где он может черпать необходимые ресурсы для взращивания своих имперских амбиций в Юго-Восточной Азии. Это мне практически прямым текстом было сказано в Пекине одним из руководителей этой великой и амбициозной страны, и я думаю, что сказано искренне.

За последние 12 лет в Европейскую Россию из других частей страны переселилось два миллиона граждан. Мощный «людской Гольфстрим» перераспределяет население между азиатской и европейской частью России. Структура его течения такова: основные массы переселенцев движутся в Европейскую Россию через «красноярский буфер»: в Красноярске частично оседают трудовые ресурсы из Иркутской области, в которой, в свою очередь, освободившиеся трудовые места пополняются за счет переселенцев из Приморья и Хабаровска. Наконец, Приморье и Хабаровск вбирают людские ресурсы Читы и северных областей. Здесь обозначается предел миграционных резервов, потому что регионам-донорам самим уже неоткуда пополняться людьми. Все больше и больше оставляемые с каждым годом регионы — это Якутия, Магаданская область, Чукотка, Сахалинская область и Камчатка.

Надо иметь в виду, что не только Китай внимательно следит за людским «обезвоживанием» Сибири и Дальнего Востока, но и Япония, ждущая своего часа для начала политического завоевания и экономического освоения островов Южно-Курильской гряды и уже начавшая превращать в законы свои наглые территориальные претензии. Кого потом винить в том, что из-за нашего собственного головотяпства мы потеряем ценнейшие земли?

В европейской части России также проявляются причудливые и нездоровые миграционные тенденции. Прежде всего, мелеет русская деревня, превращаясь еще в один «мертвый дом». Сколько этих мертвых, заброшенных домов я перевидал, когда со своими друзьями забирался в русскую глубинку с целью поохотиться!

Видели ли вы когда-нибудь диких зверей, лис и даже медведей, поселившихся в перекошенных и оставленных людьми избушках и часовенках? А я видел. Скажу вам: мрачная это картина.

Демографический потенциал российского села иссяк еще в 1970-е годы — деревне больше некого отдавать городам. Теперь место прежних «городских крестьян» занимают иностранные трудовые мигранты. Ни переселенцы с востока, ни иностранцы не хотят работать в российской глубинке. Больше всего их притягивает Москва и Московская область, во вторую очередь — другие мегаполисы, и особенно юг Европейской России.

В условиях отсутствия простого воспроизводства нации ее генофонд сжигается в котлах мегаполисов. Такой сценарий — когда к разбуханию городов и агонии деревни добавились обвальная иммиграция и капитуляция русского Севера и Востока — должен быть свернут и отброшен как пагубный для страны.

Я вижу стратегию нашего будущего в «повороте на Восток», в новой колонизации Дальнего Востока, создании опорного индустриального каркаса по всей стране. Значительная энергия должна быть сосредоточена в становом хребте и «ребрах жесткости» (Уральский и Западносибирский регионы). На Дальнем Востоке должен возникнуть живой противовес Москве — новый центр тяжести нации.

В настоящее время центр мировой активности уверенно смещается в Северо-Восточную Азию, а Дальний Восток граничит с Монголией, Китаем и Северной Кореей, а по морю — еще и с Японией и американской Аляской. Это создает для нас гигантские экономические возможности и перспективы.

«Поворот на Восток» как настоятельная необходимость государственной политики связан не только с задачами демографического развития России и с ускоренно надвигающимися на нас внешними вызовами. Целевое заселение восточных земель, новая колонизация Сибири и Дальнего Востока и прорыв на глобальные рынки густонаселенной и бурно развивающейся Азии — таков смысл нашего «поворота на Восток».

Главную ставку надо делать на молодежь. Ее переселение на Восток и участие в стратегических проектах должно быть увязано с получением хорошо оплачиваемых рабочих мест и жилья с льготной рассрочкой, с увеличением социального пакета по мере рождения новых детей и другими мерами стимулирования ее массового переезда. Такое «добровольное закрепощение» молодых людей должно подкрепляться государственной щедростью и стабильным ростом изобилия.

Будущее России — на Востоке, на Тихом Океане, и чем

быстрее мы это поймем, тем раньше наступит национальное возрождение России. і

ТАРАС БУЛЬБА

Собирание нации — это краеугольный камень патриотического проекта сбережения, развития и приумножения народа. Размыванию этнического ядра России, которое происходило на всем протяжении XX века, необходимо положить предел. Современная колонизация России нероссийскими этносами — это зачастую колонизация архаическая, торговая. Государство же должно быть заинтересовано в своем собственном развитии.

Возвращение русских на Родину — это условие и залог планирования приоритетного экономического развития и, что немаловажно, духовного развития сел и малых городов Центральной России и образующих их местных сообществ, возрождения русского Дальнего Востока. Доля русских репатриантов в потоке иммигрантов была все эти годы достаточно высокой, особенно в первой половине 1990-х. В последние годы масштабы возвращения русских значительно уменьшились. Те, кто хотел вернуться или был вынужден это сделать, — уже вернулись.

Говоря о репатриации, мы должны понимать, что речь идет о долге России принять на своей территории всех соотечественников, пожелавших вернуться на Родину, в том числе людей пожилого, нетрудоспособного возраста. Забота о своих стариках — отличительная особенность культурной и цивилизованной нации.

Проект сбережения народа требует осознания того, что нация — это не только граждане России. Нация состоит из тех, кто любит Россию и ощущает духовное родство с ее культурой, историей, народом. Следовательно, в понятие «нация» должны быть включены наши соотечественники, не по своей воле оказавшиеся за рубежами своей Родины — прежде всего после распада СССР. Как неотъемлемая часть нации они имеют полное право на переезд в Россию — вслед за ее отступившими политическими границами.

Потомки эмигрантов, вынужденных бежать из России в годы революции, Гражданской войны, оказавшихся на Западе в военное лихолетье, также являются нашими соотечественниками, если они сохранили чувства к своей Родине. Мы должны признать их права на территории нашего государства более высокими, чем права иностранцев.

Еще раз хочу особо отметить необходимость кардинального пересмотра нашего отношения к вопросам предоставления

российского гражданства. То, что президент России торжественно возвращает русское подданство выдающимся потомкам нашей эмиграции, — замечательно. Но как раз это и свидетельствует об эксклюзивности и ничем не объяснимой вкусовщине в вопросе о том, кому следует вернуть гражданство.

Нет и не может быть в наших исторических и демографических условиях каких-либо оправданий для искусственного сдерживания процесса выдачи гражданства тем, кто имеет на это естественное право. Любой русский человек, любой представитель коренного народа России, всякий, кто рожден русской матерью или от русского отца, должен иметь законное право получить российский паспорт по первому же требованию, т. е. автоматически. Неужели это кому-то непонятно?

Германия, Япония и особенно Франция, потерявшая большую часть колониальных завоеваний, в послевоенные годы за счет политики активной репатриации вернули на родину практически всех своих соотечественников, тогда как Россия — всего 12 процентов. Мы намерены обеспечить русских за рубежом, равно как и представителей других коренных российских народов, национальным правом возвращения на Родину.

География «русского мира» не может быть ограничена границами Российской Федерации. Добровольное воссоединение России, Украины и Белоруссии — то дело, за которое боролись Тарас Бульба и миллионы его последователей, — является коренным вопросом дальнейшего развития нашей цивилизации.

Сегодня нужно помочь тем репатриантам, кто уже давно переехал на Родину. Сотни тысяч русских соотечественников влачат жалкое существование, живут в лачугах, в антисанитарных условиях, мыкаются в очередях за гражданством и ворохом все новых и новых справок. Прежде чем принимать десятки тысяч новых соотечественников, нужно обратить внимание на тех, кто уже несколько лет живет с нами рядом и кого наши бюрократы упорно не желают замечать.

Сбережение нации — это еще и воссоединение народов, имеющих опыт совместной жизни и общей судьбы. Но чтобы собирать российские земли, нужно иметь притягательный центр — образец коренной России, которую нужно поднять из пепла российской смуты.

Ближнее зарубежье (это словосочетание очень не нравится моим коллегам в НАТО) из пояса враждебности должно стать дружественным России окружением, тяготеющим к России, защищающим себя от иноземной зависимости, спасающим свои народы, вымирающие столь же стремительно, как и русские. Мы должны создать условия для добровольного воссоединения

страны в ее естественных границах.

И эта задача намного серьезнее того, чего так панически боятся на Западе, — создания «сфер российского влияния». Нет, господа, мы хотим не «на сферы влиять», а собрать воедино свою Родину. В процессе такого воссоединения родится новая политическая культурная нация. Только она сможет сохранить свое суверенное государство и выжить в безжалостной геополитической конкуренции.

Мой ласковый и нежный зверь

Осенью 1996-го в отставку с поста секретаря Совета безопасности России с причудливой формулировкой «за создание незаконных вооруженных формирований» был отправлен Александр Лебедь. Кремль цинично использовал харизматического генерала для сохранения ельцинской власти и выбросил его как отработанный материал.

На его место Ельцин назначил бывшего спикера Думы, «очень гибкого политика» Ивана Рыбкина. К выборам 1995-го бесхребетный Рыбкин умудрился растерять весь свой авторитет и попасть в полную зависимость от Березовского, которого вынужден был назначить своим замом в Совбезе, и это несмотря на то, что вся пресса трещала о его двойном, в том числе израильском гражданстве!

Иван Рыбкин был избран в Государственную думу по Аннинскому округу Воронежской области, вместившему в себя почти половину сельской территории и четверть населения этого крупнейшего черноземного региона России (сам город Воронеж в этот избирательный округ не входит). После перехода депутата Рыбкина на работу в администрацию президента в округе были назначены дополнительные выборы. На них я и решил испытать свои силы.

С Воронежской областью семью Рогозиных связал мой прадед — Борис Николаевич Миткевич-Жолток. Один из первых русских военных пилотов, участник Первой мировой войны, он, несмотря на свое аристократическое происхождение, после революции решил остаться в России. Новые власти нуждались в военных специалистах. Его пригласили служить в Красной армии. В 1930-е годы, будучи командиром авиационного корпуса, дислоцированного в Тамбове, прадед принимал непосредственное участие в создании первых в СССР летных училищ. Одно из таких училищ было открыто в городе Борисоглебске — старинном провинциальном купеческом городке, который до сих пор свято хранит давно утерянные в мегаполисах культурные традиции русского народа.

Во время Второй мировой войны Воронежская область стала местом тяжелых упорных боев между русской и немецкой армиями. На стороне нацистов также сражались итальянские, венгерские и румынские дивизии. От Воронежа, разделенного рекой между противниками, после войны практически ничего не осталось. Зато второй по значимости город Воронежской области — Борисоглебск — уцелел. Да не просто уцелел: ни одна

немецкая бомба на него не упала.

Я пытался понять, как стало возможным это чудо, и найденное мной объяснение меня еще больше поразило. Оказывается, в 30-е годы в основанном моим прадедом училище учились летчики из Германии. Естественно, будучи молодыми людьми, между занятиями и полетами они знакомились с местными девушками. Эти отношения оказались настолько сильными, что даже во время крайне ожесточенной войны между Советским Союзом и Третьим рейхом летчики люфтваффе берегли город своих невест. Вот что значит любовь! Даже война бессильна.

В 1990-е годы жители Борисоглебска радушно приняли на постоянное место жительства около 15 тысяч русских беженцев из Таджикистана, Узбекистана и Чечни. Здесь же возникла крупнейшая в стране община переселенцев. Ее представители, приезжая в Москву для решения своих вопросов, часто останавливались в исполкоме КРО. Они и сыграли решающую роль в моем намерении баллотироваться на дополнительных выборах.

За месяц, отведенный на агитационную кампанию, я проехал тысячи километров сельских дорог, провел сотни встреч с избирателями, собрал тысячи наказов от простых людей. Поездка по русской глубинке показала мне, насколько плохо живут русские люди. Здесь, в деревне, отсутствуют элементарные блага цивилизации — газ, тепло. Теплый туалет и ванная — большая редкость. Даже общественные бани, без которых сложно представить себе жизнь на селе, с приходом перестройки все, как по команде, позакрывались и развалились. Сельские клубы пришли в негодность, школы обветшали. Сельскохозяйственные общины по большей части обанкротились и перестали платить работникам зарплату. Плюс вечные перебои с пенсиями.

Беженцы, чудом выжившие в «мясорубках» кавказских и азиатских этнических войн и перебравшиеся в русскую провинцию, обитают в невыносимых условиях: их как поселили в гигантские металлические бочки на окраине Борисоглебска, где зимой — Антарктида, а летом — Сахара, так они там и живут по сей день. Нет, правительственные комиссии, конечно, приезжают, но толку от них ноль.

Такое впечатление, что кто-то на примере борисоглебских беженцев решил показать всем русским соотечественникам, наивно рассчитывавшим в России на радушный прием и сострадание, что дома их никто не ждет. Другого логичного объяснения наплевательскому отношению областной администрации к судьбам русских беженцев я найти не могу.

Тем не менее, несмотря на эти далекие от цивилизации условия жизни, люди в Воронежской области не озлобились, не ушли в себя. Если и сохранилась в России национальная культура, так это здесь — в глубинке. Русских крестьян надо уважать. Народ в деревне крепкий здоровьем, смышленый до хитрости и остр на язык. Примут не каждого. Сначала долго будут присматриваться, прежде чем распахнуть объятия.

Был у меня во время этой выборной кампании курьезный случай. Приезжаю на одну достаточно крупную птицефабрику. Встречает директор — рослая красивая русская женщина. Видно, что властная: по дороге, пока шли к ней в кабинет через кормоцех, тихо и жестко раздавала своим сотрудникам поручения. Потом усадила меня за стол, налила стакан чая с медом и говорит: «Ну что за мужик пошел нынче! Снизу положишь — задыхается, сверху положишь — его укачивает, а сбоку — сразу грудь просит! Тьфу! Вот вы — мужик хороший! Даже можете ничего нам не обещать. Голосовать будем!»

От таких слов я, привыкший к совершенно иной, московско-университетской манере изложения мыслей, чуть со стула не упал со смеху. Только потом я понял скрытый смысл слов этой женщины: простым воронежцам нужен был защитник в Москве — упрямый, сильный, не зависящий от местных кланов. И свой выбор они остановили на мне.

В марте 1997 года, убедительно победив в изнурительной борьбе коммунистического кандидата-фаворита, я был избран депутатом Государственной думы и стал работать в парламентском Комитете по делам национальностей.

Первой моей законотворческой инициативой стал законопроект «О национально-культурном развитии русского народа». Этим законодательным актом, в случае его одобрения палатами Федерального собрания, русские впервые обозначались как народ*«государствообразующий, разделенный и коренной на всей территории Российской Федерации»*. Перед правительством ставилась задача преодоления разделенное™ русской нации и ее воссоединения. Кроме того, правительству поручалось ежегодно информировать палаты парламента России о демографической ситуации в стране, социальном самочувствии русского народа и ходе реализации программы его воссоединения.

Казалось бы, чему возражать? Законопроект соответствовал объективной потребности национального развития и законодательно закреплял ответственность исполнительной власти защищать коренные интересы русских, от социального положения которых зависит благополучие всех народов России. Разве не так? Оказалось, не так.

Моя инициатива вызвала бурю эмоций в штабе проправительственной партии «Наш дом — Россия» и администрации Ельцина. Началась типичная «волынка»: то моему законопроекту не хватает заключения правительства, то нужно написать финансово-экономическое обоснование, то требуется рассылка в регионы. Надо признать, что у парламентского большинства в эпоху Ельцина все-таки хватало фантазии и смекалки, как замотать опасный для них законопроект.

Очевидная бесперспективность просиживать в Думе штаны толкнула меня на поиск более достойного способа применить силы в интересах КРО и моих избирателей. Я решил заняться освобождением заложников — русских солдат, мирных жителей, строителей — брошенных нашей властью при выводе армии из Чечни. Начал с того, что запросил у воронежского военного комиссара информацию о количестве призванных с территории области военнослужащих, без вести пропавших в мятежной республике. Таких оказалось 18 человек. Другими сведениями, проливающими свет на их возможное местонахождение или хотя бы состояние здоровья, Министерство обороны РФ не располагало. Зато комиссия по поиску военнопленных помогла мне установить обстоятельства гибели трех призывников.

Странно, что эти две структуры, входившие в одну и ту же исполнительную власть, не обменивались подобной информацией и вели отдельно друг от друга поиск пропавших без вести. Кроме того, правительство упорно не желало выделить деньги на переоборудование Ростовской генетической лаборатории, где проходила идентификация останков погибших воинов. Сотни убитых в Чечне военнослужащих, тела и фрагменты тел которых хранились в мобильных рефрижераторах, лежали годами неопознанные. Сотрудники Министерства обороны и комиссии по военнопленным по-прежнему искали их в Чечне, рискуя своей жизнью, вместо того чтобы вовремя получить необходимые результаты исследований сравнений ДНК погибших и их живых родственников. В общем, все как обычно. Моя поправка к закону о бюджете на 1998 год о выделении необходимых бюджетных средств ростовской лаборатории, к моему изумлению, была принята Думой. Она помогла исправить эту абсурдную и неприличную ситуацию.

Большую помощь в поиске заложников, насильно удерживаемых боевиками в Чечне, оказал мне депутат от Дагестана Надир Хачилаев. Будучи председателем Союза мусульман России и лидером Движения лакского народа, этот молодой, жесткий и харизматический кавказец имел в Чечне влиятельных друзей. После атаки банды Радуева на дагестанский

город Кизляр он стал откровенно ненавидеть чеченских боевиков, кое с кем, насколько я знаю, поквитался, но контакты в среде сепаратистов поддерживал. Конфликтуя с руководством Дагестана, клан Хачилаевых перешел в резкую оппозицию, а после того, как по требованию официальной Махачкалы Государственная дума*«за организацию массовых беспорядков»* проголосовала за снятие с Надира депутатской неприкосновенности, он ушел в бега — покинул дом и с группой сторонников спрятался на приграничной с Дагестаном территории Чечни.

Надир требовал для себя и своей семьи справедливости. Он настаивал на том, что продолжает считать себя депутатом Госдумы России и патриотом страны. Для доказательства своей правоты он продолжал «бомбардировать» Кремль запросами по фактам коррупции в руководстве Дагестана и мэрии Махачкалы. В свободное от составления петиций время он искал и выкупал из чеченского плена русских солдат. Такой вот дагестанский Робин Гуд.

Каждый раз, получив от людейХачилаева сигнал, я вылетал в Махачкалу, на перекладных добирался до Хасавюрта, оттуда через Новолакский район отправлялся в Чечню. Как правило, долго ждать в условленном месте не приходилось — Надир со своим отрядом неожиданно появлялся из «зеленки», приводя с собой очередного полуживого солдатика, только что выменянного у чеченских бандитов. Забрав заложника, я тем же маршрутом возвращался обратно — в огромный каменный дом семьи Хачилаевых в самом центре Махачкалы. Там в бане мы отмывали парня, кормили его легкой жидкой пищей, чтобы он не умер от заворота кишок, и в чистом белье укладывали спать. Правда, заснуть им удавалось редко: освобожденные солдаты, пережившие ужас плена, унижения и побои, все как один просили огня и табака и всю ночь, сидя на корточках у ворот дома, курили, глядя на мерцающие в черном дагестанском небе звезды. Утром нас отвозили в аэропорт, где у Хачилаева работали «свои люди». Они-то и провожали меня с «ценным грузом» на борт — в обход паспортного контроля и таможни. Я как депутат летел по бесплатному билету, а заложника мы всегда везли «зайцем», так как при нем, естественно, не было никаких документов.

Обычно мы давали ему возможность позвонить домой перед самой посадкой в самолет, опасаясь, что операция спасения может быть сорвана. Время было мутное и смутное, в правоохранительных органах и политическом руководстве Дагестана работало много тайных агентов боевиков, и такие меры предосторожности лишними мне не казались. В переполненном

самолете, как правило, безбилетный заложник занимал узкий передний туалет — прямо у входа в кабину пилотов, я же располагался на сумках в холле напротив. Как ни странно, никто в подобных рейсах из Махачкалы в Москву не обращал на наш «табор» особого внимания. Пассажиры, скрывая недовольство причиненными им неудобствами, ходили в туалет в хвост лайнера. Никто не делал нам замечаний. Все догадывались, наверное.

Во Внуково я передавал освобожденного заложника его зареванным родственникам. Шумихи и тем более общения с прессой мы тщательно избегали, так как пришлось бы «светить» маршрут и технологию операции спасения. Это поставило бы крест на всех будущих «нырках» в Чечню за заложниками, а значит, и на жизни самих пленных солдат.

Бывало, вместо меня в Чечню за заложниками ездили и другие люди. Надир рассказывал мне, что несколько раз к нему с аналогичной просьбой обращался тогдашний министр внутренних дел Владимир Рушайло, в интересах которого беглый депутат производил поиски конкретных людей, пропавших в этой «черной дыре». Уверен, что это правда. Суровый кавказец редко шутил и никогда не обманывал.

Особо я запомнил 72-летнего Виталия Козменко — русского строителя, отправленного в Чечню на «восстановительные работы». Его украли и держали в сыром подвале жилого дома ровно 14 месяцев. Выжить ему удалось лишь за счет смекалки и удивительной воли. Чтобы не сгнить заживо в полузатопленном подвале, он сумел убедить хозяев сбросить ему несколько досок. На этих досках он спал, делал гимнастику, в общем, жил больше года. Чтобы питать свой мозг информацией и не сойти с ума, он выпросил у державших его в плену чеченцев спустить ему в яму все имеющиеся в доме книги. В основном это были чьи-то тюремные мемуары (видимо, семейка извергов имела к местам лишения свободы какое-то особо теплое отношение) и стихи «народного поэта» Яндарбиева — моего старого «знакомого» по встрече в президентской резиденции в Старых Атагах.

Забирали мы его в присутствии журналистов. Хачилаев нуждался в общественном оправдании и в этот раз попросил меня взять с собой прессу. Всю дорогу от Хасавюрта до Махачкалы ошеломленный своим чудесным освобождением русский дед читал мне стихи ичкерийского президента, которые он выучил в яме при свете газовой горелки за время своего бесконечного и мучительного заточения. Своих извергов старик не проклинал, вспоминал лишь, как все семейство преспокойно ужинало за столом, установленным над входом в его подвал. Все — от мала

до велика — знали, что в зиндане заживо гниет пожилой заложник, но считали это делом обычным. Старик взахлеб рассказывал мне все новые подробности своих злоключений, как будто куда-то спешил, а я все удивлялся, откуда в нем такая тяга к жизни, такая уникальная способность в нечеловеческой неволе сохранить достоинство и человеческий облик. Сила духа не дала умереть его телу. А сила духа у русского человека не знает пределов.

Последняя попытка забрать большую группу пленников — удерживаемых боевиками боевых летчиков — закончилась у нас полным провалом. В мае 1999-го мне снова позвонили люди Надира и попросили срочно прилететь на Кавказ. На этот раз Надир ждал, что за заложниками приедет большая группа «гостей», но просил меня подстраховать процесс передачи пленных.

Хачилаев был в отчаянии. Никто на его петиции в Москве не реагировал. Находиться так долго в Чечне ему и его людям было небезопасно. Он хотел вернуться из изгнания, надеясь, что заслужил право на возвращение десятками освобожденных солдат и офицеров. Но в Кремле думали иначе. Резкий и непредсказуемый Надир им был нужен в Чечне, но никак не за ее пределами. С его помощью различные чиновники с помпой освобождали заложников, пытаясь публично замазать свои преступления за сдачу Грозного боевикам. При этом имя Надира из информационных сводок тщательно ими вымарывалось. Заслуги всецело приписывались начальству.

Хачилаев не знал, что предпринять, и вопреки здравому смыслу решил, видимо, провести передачу заложников парламентариям во главе с «соловьем советской эстрады», певцом, «авторитетным бизнесменом» и депутатом Госдумы Иосифом Кобзоном, который имел широкий круг «деловых партнеров» как среди чеченцев, так и в «высших московских сферах». Передачу пленных Надир решил провести не тайком, как раньше, а перед объективами телекамер, чтобы, как он мне потом признался, «все наконец узнали, что я не предатель, а депутат, до конца исполняющий свой долг перед избирателями и моей страной».

Конечно, это был верх безумия. Только в полной изоляции от внешнего мира такая глупость могла прийти в голову вспыльчивому, но не лишенному разума Надиру. К сожалению, я не знал о таком «сценарии» поездки в Чечню. Знал бы — постарался бы убедить Хачилаева не устраивать из тайной операции шоу. Но на подмосковном военном аэродроме «Чкаловский» отказываться от поездки было уже поздно.

Для того чтобы забрать освобожденных летчиков, главком ВВС выделил свой личный самолет. Мне сообщили, что помимо Кобзона вместе со мной полетит целая делегация депутатов в составе Валерия Курочкина и Тельмана Гдляна, а в придачу — заместитель главкома Военно-воздушных сил России, фамилию которого я не хочу называть по этическим соображениям. Сопровождала нас куча пишущих и снимающих журналистов.

Все было обставлено так, будто мы летели не в Чечню, а на Канары. В Махачкале нас встречало все руководство Дагестана. Скорее всего, правда, не нас, а Кобзона, который предусмотрительно в последний момент «соскочил» с поездки, сославшись то ли на геморрой, то ли на ангину. Тем не менее «дорогих гостей» повезли на встречу к главе республики Магомедали Магомедовичу Магомедову. Было ясно, что власти просто тянут время, чтобы сорвать выезд группы в чеченское село Зантаг, где нас должны были ожидать Надир и заложники.

Я решил воспользоваться всеобщим замешательством, чтобы оторваться от важного эскорта. Вместе с моим помощником из Воронежа Алексеем Журавлевым мы пересели в давно не мытую легковушку и рванули из Махачкалы. Я приказал водителю-лакцу оторваться от наблюдения и следовать в Чечню по известному мне как свои пять пальцев маршруту. У села Новолак мы миновали блокпост ОМОНа и въехали в Чечню.

Дом, в котором нас ожидал Надир, я узнал сразу. В десяти метрах от него из мешков, набитых песком, была сложена пулеметная точка, и не заметить ее было просто невозможно. У дома была припаркована старая «Лада» с сильно затемненными стеклами. Дверь водителя распахнулась, и навстречу мне вылез мой старый приятель Владимир Козлов — молодой и дерзкий генерал, возглавлявший тогда Главное управление МВД по борьбе с организованной преступностью. Он приехал задолго до меня, возможно, что даже за сутки-двое, и с нетерпением ждал передачи заложников. Я рассказал ему о «свадебной процессии», которая направлялась в Зантаг вслед за мной. По выражению лица Володи я понял, что он почуял неладное. Пышная кавалькада черных «БМВ» и белых «Мерседесов» неотвратимо притягивала к нам смерть. На такую добычу боевики должны были слететься как мухи на мед. В результате они и слетелись.

В ожидании связного Надир беспокойно расхаживал по дому, как вдруг из-за ближайшего холма показалась процессия. Вслед за легковыми машинами, в которых везли соскучившихся по приключениям депутатов, шли микроавтобусы, набитые телекамерами и журналистами. «Цирк приехал», — подумал я. Дверь распахнулась, и в дом ввалился переодетый в штатское

замглавкома. Он был уже слегка навеселе, видимо, застолье в Махачкале удалось на славу. «Ну и где мои летчики?» — потирая руки, осведомился «герой-командир» у Хачилаева. «Сейчас будут. Надо ждать», — ответил тот.

Расположившись у окна, я стал наблюдать за дорогой, разрезавшей село надвое. Неожиданно из глубины Зантага выехали три военных грузовика «Урал». Они резко затормозили, и из них один за другим стали выскакивать вооруженные боевики — «гориллы», как пренебрежительно называл их Надир. Всего я насчитал полторы сотни молодых и хорошо вооруженных бандитов. Все они были в камуфляже и масках, закрывавших лица. Бегом, за считаные секунды они с внешней стороны села полукрутом окружили наш дом и по команде бросились на землю. Через полминуты они все, как по команде, одновременно вскочили, пробежали десяток метров и снова залегли. Так, несколькими короткими перебежками, «гориллы» отрезали нам все пути к возможному отступлению.

Мы разом выбежали из дома. Козлов, прихватив с собой гранату, забрался в свой автомобиль и уже оттуда наблюдал за дальнейшим развитием событий. Замглавкома ВВС заперся в «скворечнике» — стоявшем за огородом дощатом сортире. Мы его потом чуть не забыли — настолько тихо он там себя вел, видимо, войдя в образ.

Немного замешкавшись, я оказался в самом центре полукруга под прицелом 150 ручных пулеметов и автоматов. Служебный пистолет находился под кожаной курткой. Я потянулся за ним и остановился, решив не делать на глазах у боевиков резких движений. Да и что я мог сделать с этой «мухобойкой» против роты профессиональных боевиков?

В 15 метрах от меня, сбившись как овцы в кучу, стояла группа перепуганных и тут же протрезвевших журналистов. Самыми смелыми из них оказались телеоператоры — они снимали все происходящее, то и дело подыскивая новый ракурс. Возможно, профессиональная привычка смотреть на мир через объектив подавляет у операторов страх и чувство реальности фиксируемых ими событий. Боевики снова вскочили со своих мест, пробежали несколько метров, как бы попозировав операторам, и снова рухнули на землю. Круг еще сузился. Теперь нас разделяла дистанция метров в пятьдесят.

Тем временем Надир, хладнокровно в бинокль рассматривавший группу боевиков, узнал среди них главаря — это была крупная, плотная телом особь, хриплым голосом отдававшая молодым «гориллам» команды. «Это не чеченцы», — шепнул мне Хачилаев и, подняв руку в приветствии, пошел

навстречу их полевому командиру. Позже выяснилось, что нападавшие — аварцы, дагестанские ваххабиты, проходившие в Чечне диверсионную подготовку под руководством Басаева и арабских наемников. Люди, которые их послали, знали о нашем приезде все, причем, как мы выяснили, информацию им «слили» из Москвы. Интересно, не потому ли хорошо информированный «соловей советской эстрады» Иосиф Кобзон в последний момент отказался от поездки? Боевики рассчитывали «сорвать банк» — взять дорогих заложников, машины и телеаппаратуру.

Хачилаев был внешне спокоен, хотя по всему было видно, что разговор он ведет нервный. Передача заложников уже была сорвана, теперь нужно было предотвратить захват новых — вывести из опасной зоны тех, кто за ними приехал. Не знаю почему, но через некоторое время я решил вмешаться в разговор Надира с главарем боевиков. Я спокойно подошел, поприветствовал его как своего старого знакомого и сразу предложил рассказать «свежий анекдот из Москвы». Он с интересом согласился. Анекдот был о праведнике, которому Господь Бог разрешил посетить на короткое время ад, дабы удостовериться в мучениях грешников. Однако постояльцы ада устроили в его честь пир с цыганами, и ему у них понравилось. Отпросившись у Бога насовсем переехать из рая в ад, праведник горько пожалел — черти изжарили его на сковороде, приговаривая при этом: «Ты туризм с эмиграцией не пугай!»

Анекдот главарю очень понравился, он громко загоготал, потом, немного успокоившись, хитро прищурился и, погодя, спросил:

— Ты это к чему?

— Так они сюда как туристы приехали, не знают, что здесь ад, а ты — главный черт, — сказал я, посмеиваясь, показывая на группу депутатов и журналистов.

— Ладно, оставляйте деньги и убирайтесь, — слегка улыбнувшись, главарь махнул рукой боевикам. Они тут же встали, отряхнулись и, разбившись на три группы, отошли в сторону «Уралов». Напряжение стало спадать.

— Ну, посмотри на нас. Кто же из нормальных людей в Чечню с пачками денег ездить будет? — сердце мое колотилось так, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди, хотя всем своим видом я старался внушить боевику свое полное равнодушие к происходящему вокруг. В таких ситуациях только демонстративная уверенность в себе может произвести на вооруженных дикарей необходимое впечатление.

Я оставил Надира один на один с его земляком и подошел к депутату Тельману Гдляну, одному из немногих, сохранившему в

этот драматический момент хладнокровие. По моей просьбе Гдлян рассадил людей в машины, и мы медленно тронулись в обратную сторону. «Гориллы» по команде главаря тоже стали грузиться в «Уралы».

Когда мы наконец миновали холм и злополучное село Зантаг совсем исчезло из виду, колонна остановилась. Журналисты повыскакивали из машин и из горла стали хлестать водку, невесть откуда оказавшуюся в гостевых микроавтобусах. Пили молча, передавая бутылки из рук в руки. Потом так же молча расселись по машинам и понеслись в Махачкалу. О заложниках-офицерах никто из «туристов» больше не вспоминал. Слава богу, через месяц их все-таки удалось освободить, но уже без парадных процессий, шума и пыли.

Домой я вернулся с четким убеждением, что скоро начнется вторая чеченская война. Я своими глазами увидел молодых дагестанских боевиков-ваххабитов, натасканных арабскими и чеченскими террористами. Именно они, по моим прогнозам, должны были сыграть роль «пятой колонны» сепаратистов, готовых развернуть плацдарм войны против России по всему Северному Кавказу — от Черного до Каспийского моря. Я оказался абсолютно прав. Война в Дагестане вспыхнула спустя три месяца после того, как нам с Божьей помощью удалось вырваться из верного плена.

Прошло пару лет, и о событиях в Зантаге мне вдруг напомнил один странный визитер. Он был снова в штатском, и я не сразу его узнал. Им оказался тот самый заместитель главнокомандующего ВВС, который сопровождал нас в поездке в Чечню. Я надеялся, что больше никогда не увижу этого типа или, по крайней мере, разговор с ним не займет много времени. Я, конечно, не забыл, как этот трус спрятался от боевиков в сортире.

Генерал, по-хозяйски плюхнувшись на диван, извлек из папки два машинописных листка и протянул их мне. Это был, ни много ни мало, проект моего ходатайства на имя президента Путина о присуждении этому сукину сыну звания Героя России «за проявленное мужество при выполнении особо сложного боевого задания». Визит ко мне и свою просьбу генерал объяснил, глазом не моргнув, тем, что, мол, «подрастают сыновья, и надо, чтобы у них перед глазами был живой пример, на кого равняться». Пришлось выставить наглеца за дверь и спустить с лестницы.

Вспоминая драматические события в Зантаге в мае 1999 года, я до сих пор корю себя за то, что при эвакуации людей из аула я в спешке не смог попрощаться с Надиром Хачилаевым. А ведь благодаря ему нам удалось спасти несколько десятков русских заложников, среди которых оказался и один солдат-срочник из

моего «воронежского списка». Что на самом деле натворил Хачилаев, чем он так взбесил дагестанское руководство, я не знаю. Вскоре он был арестован, потом снова отпущен на свободу, а в 2003 году погиб от пули наемного убийцы. Кто его «заказал», до сих пор не знает ни следствие, ни я. Но мне точно известно, что Надир Хачилаев вернул матерям живыми много русских парней. Про них забыли политики, от них отмахнулось военное командование. Но они выжили и вернулись домой. И за это я буду вспоминать своего «ласкового и нежного зверя» с благодарностью всю свою жизнь.

Игрок

1999 год был полон драматических событий. Отставка премьера Евгения Примакова, недолгое княжение в правительстве Сергея Степашина, бесстыжая демонстрация по государственному телевидению съемки скрытой камерой сексуальной сцены с участием двух проституток и человека, как две капли воды похожего на генерального прокурора Скуратова (с последующей его скандальной отставкой), ожесточенная борьба Ельцина с кланом столичного мэра Лужкова за места в Госдуме, создание Березовским движения «Единство»; взрывы жилых многоквартирных домов в Москве, организованные чеченскими бандитами, вторжение ваххабитских боевиков в Дагестан и, конечно, появление в большой политике Владимира Путина, пообещавшего «замочить их в сортире». Последним аккордом уходящего года стал досрочный уход Бориса Ельцина с поста президента. Натворивший столько бед для России «царь Борис» навсегда уехал из Кремля, передав ключи Путину. Все облегченно вздохнули.

Молодой, энергичный Путин резво взялся за дело. Наблюдая за его решительными действиями по наведению порядка на Северном Кавказе, я сказал своим соратникам: «Этот мужик оставит КРО без работы». Ястреб Путин мне откровенно нравился.

Выиграв в декабре 99-го сложнейшие выборы, где против меня открыто выступил губернатор Воронежской области и вся контролируемая им сеть коммунистических агитаторов, я вновь стал депутатом Государственной думы. За несколько месяцев до этого в Московском «Ломоносовском» государственном университете я защитил докторскую диссертацию по философии войны (кандидатом философских наук я стал в декабре 1996 года, буквально за несколько недель до начала моей первой успешной избирательной кампании). Тема, выбранная для моей научной работы, была чрезвычайно актуальна — «Проблемы национальной безопасности России на рубеже XXI века».

В январе 2000 года новый состав Думы избрал меня председателем Комитета по международным делам. Таким удивительным образом я получил уникальную возможность отработать свои научные идеи на практике реальной парламентской дипломатии. Пропадая целыми неделями на работе или в командировках, я тем не менее успел — в сотрудничестве с выдающимися военными учеными — написать книгу-глоссарий «Война и мир в терминах и определениях». В этой гигантской работе мне сильно помог мой отец. Естественно,

с рекламой издания было туго. В итоге я выкупил за свои деньги пять тысяч экземпляров словаря у издательства и подарил их Министерству обороны и Министерству образования для передачи в библиотеки всех военных училищ и академий страны, а также военным кафедрам гражданских вузов.

Надо сказать, что далеко не всем мое избрание «главным думским дипломатом» пришлось по вкусу. Позже сам патриарх российской политики Евгений Примаков расскажет мне, какая истерика по этому поводу поднялась в наших «либеральных кругах» и в окружении Юрия Лужкова. Его даже специально отрядили ехать к новому президенту, чтобы добиться моей отставки. Позже мудрый «Примус», как любя называли этого заслуженного человека все мои коллеги, в присутствии Путина извинился передо мной за свой поступок, признав, что я достойно руководил парламентским комитетом.

В феврале 2000 года между Россией и европейскими структурами резко обострилось противостояние по вопросу о методах ведения нашей армией вооруженной операции в Чечне. Роль заводилы конфликта взяли на себя Совет Европы и его Парламентская ассамблея (ПАСЕ). В ответ Государственная дума и Совет Федерации сформировали новый состав делегации для работы в Ассамблее и избрали меня ее руководителем на весь период исполнения депутатских полномочий (до моего избрания на этой должности была постоянная «текучка кадров»).

Российская делегация участвует в работе Парламентской ассамблеи Совета Европы с 1996 года, когда наша страна стала 39-м по счету членом этой международной организации. В ее состав входят 24 депутата Госдумы и 12 членов Совета Федерации.

В апреле 2000 года нам предстояла скандальная дискуссия в ПАСЕ по вопросу о «грубом нарушении прав человека в Чеченской Республике». Министр иностранных дел Игорь Иванов предложил мне вообще не ехать в Страсбург. «Старик, давай замотаем эту поездку! Пошлем регистрационную форму новой делегации с опозданием, вас не успеют аккредитовать и «побазарят» в отсутствие российской делегации, на этом и успокоятся», — настаивал хозяин российского внешнеполитического ведомства. Я ответил, что лучше вообще выйти из Совета Европы, чем скулить и поджимать хвост. «Если мы уверены в своей правоте, почему мы должны избегать дискуссии с европейскими парламентариями?» — возражал я. Разочарованный министр-голубь Иванов доложил президенту, что «Рогозин невменяем», и дал команду МИДу занять выжидательную позицию.

Апрельская сессия ПАСЕ действительно не предвещала нам

ничего радостного. Запад гудел от возможности надавать России по носу, расквитаться за пусть робкую, но все же отличную от НАТО позицию по Косово. Объективные издержки военной операции в Чечне действительно давали европейским парламентариям и правозащитникам богатую почву для критики России. Кроме того, в нашем тылу путалась «пятая колонна» — оппозиция думских «либералов», включившая в состав российской делегации «совесть нации» и «голубя-профессионала» Сергея Адамовича Ковалева. Он только и ждал удобного случая, чтобы нагадить стране и лично своему «старому другу» — мне.

Мы знали, что унижение России в Страсбурге должно было идти по следующему сценарию: если наша делегация не приезжает на сессию, ее осмеивают и лишают полномочий, если же она все-таки приезжает, то ее лишают права голоса, оставляя сидеть наказанной в углу. Ни то ни другое меня не устраивало. Я ехал в Страсбург — столицу Эльзаса — с твердым намерением публично защитить наше право бороться с сепаратизмом и терроризмом. Я не собирался расшаркиваться перед мало что знающими о нашей действительности политическими пигмеями ПАСЕ, хотя и не намеревался им хамить. Важнее всего было не то, что они про нас будут думать, а то, что мы сами о себе думаем. Страсбург был для этого идеальным испытанием политического мужества моих коллег-парламентариев.

Делегацию я стал настраивать заранее: «Важно никого не бояться. Главное — не бояться самих себя, своей ответственности. За результаты работы делегации отвечаю я. Помните, мы выиграем, если покажем командную игру!» Никто мне не возражал, кроме трех отщепенцев, пропустивших общий сбор делегации. Это была тройка «общипанных голубей» — два «яблочника», которые считали, что «с Западом надо дружить, даже если Запад не прав», ну и, конечно, наш вездесущая «птичка мира» Сергей Адамыч.

Наконец наступил «черный четверг» — день обсуждения «чеченского досье». Большой зал ПАСЕ был забит до отказа. Гостевые ложи заполнены страсбургскими зеваками и «ичкерийскими» недобитками, вольготно обосновавшимися в Европе под видом несчастных беженцев. Приготовления к публичной порке России были завершены, и спектакль начался.

Микрофон переходил от одного пламенного оратора к другому. Каждый «голубь» рассказывал о происходящем в Чечне, как будто сам только что оттуда прилетел. Каждый следующий оратор пытался перещеголять своего предшественника в мастерстве описания «зверств русской солдатни». Зато никто из выступавших лилипутов не назвал боевиков ни бандитами, ни

террористами, предпочитая словечки типа «партизаны», «борцы за свободу», «сторонники автономии». Самым резким ругательством в адрес головорезов было слово «боевик», но даже его за три с половиной часа ожесточенной дискуссии я слышал всего пару раз. Торжество двойных стандартов и ненависти к России в этой аудитории было очевидным.

При этом подробное описание «преступлений русской армии» было снабжено устными «документальными свидетельствами», по всей видимости, подброшенными Мовлади Удуговым и его «профессором». Члены ПАСЕ смаковали подробности «злодеяний» Москвы, как будто получали от этого физическое удовольствие. Не думаю, что человек, который действительно видел ужасы гражданской войны и кровь мирного населения, мог бы так цинично на публике делиться своими впечатлениями. Несмотря на протесты моих коллег из российской делегации, принявших самое активное участие в дебатах, «участники спектакля» не отходили от заранее спланированного сценария. Наши поправки к итоговому документу дружно отвергались, зато каждое новое обвинение в адрес России также дружно приветствовалось залом.

Составленный докладчиками ПАСЕ перечень «русских зверств» заворожил европейского обывателя. На гостевом балконе послышались женские всхлипывания. От ПАСЕ выступали два оратора: британский лорд Джадд и немецкий социал-демократ Рудольф Биндиг. Папаша Биндига был среди тех «белокурых бестий», кто по приказу Гитлера топтал нашу землю, за что и получил русскую пулю. Сынок этого «интуриста», видимо, решил свести семейные счеты с Россией.

Доведя зал «до кондиции», парочка этих «голубей» потребовала лишить российскую делегацию права голосовать в течение всего периода работы Ассамблеи. Но особо усердным русофобам и этого показалось мало: они потребовали отнять у нас не только право голосовать, но и право излагать свою точку зрения с трибуны ПАСЕ. Если бы это решение было принято, нашей делегации пришлось бы либо сидеть молча на скамейке «штрафников» на пленарных заседаниях Ассамблеи, притворившись «зайчиками», либо не ездить в Страсбург вовсе.

Любопытно, что никто из европарламентариев не решился поставить вопрос об исключении России из Совета Европы — одно дело злобствовать на наш счет, другое — жить за наш счет. Козырев, согласовав с Ельциным в середине 90-х вопрос о нашем вхождении в этот «европейский предбанник», убедил его взять на себя финансовые обязательства «основного плательщика» Совета Европы. С тех пор Россия ежегодно перечисляет в Страсбург более 20 миллионов евро, что составляет почти 13 процентов всего

бюджета Совета Европы. Это даже больше нашего официального взноса в ООН! За такую малообъяснимую щедрость Россия получила право четыре раза в год отправлять в Страсбург за свой же счет делегацию в составе 36 парламентариев, которые регулярно, как заядлые «двоечники», получали от «западной демократии» взбучки за очередное «невыполненное домашнее задание».

После этого знакомства с неисправимо антироссийской по сути деятельностью ПАСЕ я пять раз (!) на встречах с Путиным убеждал его сократить взнос России в ПАСЕ. Он всегда со мной соглашался, писал разные важные резолюции на моих бумагах, но воз и ныне там. Интересно, когда наши бюрократы начнут уважать подпись главы государства и Россия оставит страсбургских клеветников «без крем-брюле»?

Но вернемся на апрельскую 2000 года сессию ПАСЕ. Бурная дискуссия наконец завершилась, и члены Ассамблеи приступили к голосованию. Нельзя сказать, что доводы нашей делегации не подействовали на часть европейцев — итальянская, часть французской и испанской делегаций не поддержали санкции против России. Зато «братушки» из бывшего соцлагеря проявили в полное мере свое гнилое нутро.

В итоге было принято решение о лишении нашей делегации права голосовать на пленарных заседаниях ПАСЕ.

Все остальное — посещать столовую, ходить в отхожие места и даже иногда жалко попискивать с трибуны — нам благосклонно разрешили.

Последнее слово предоставили мне — как «главному обвиняемому» и лидеру русской делегации. На балконах воцарилась тишина. Я постучал по микрофону и внимательно посмотрел в зал.

Несколько сотен самодовольных депутатских рож, только что поглумившихся над правдой и Россией, торжествующе смотрели на меня.

«Вы только что перемалывали косточки моей несчастной стране, которая столкнулась с агрессией шовинизма и сепаратизма, — начал я свою речь. — Мы специально приехали сюда, чтобы рассказать вам о Чечне и Северном Кавказе, представить людей, кто с оружием в руках защищал свой дом от бандитов и насильников. Мы хотели совместно с вами попробовать найти пути решения таких сложных проблем, но вы предпочли предстать учителями, вразумляющими бестолковых русских.

Вы — не учителя. Вы такие же ученики. Если бы вы были учителями, мы бы сидели и записывали ваши рецепты решения

проблем Ольстера, Корсики, терроризма басков в Испании. Мы бы аплодировали тому, как мудро и бескровно вы остановили войну в Косово, Сербской Крайне и Боснии.

Но, к сожалению, нам ничего не известно о ваших успехах на сей счет. Так кто дал вам право нас учить, коли вы сами — нерадивые хозяева собственного европейского дома?

Насчет только что принятой вами резолюции о санкциях против нашей делегации… Господа, я же вас просил разговаривать с нами вежливо! Я же призывал вас вести диалог на равных и даже не думать о том, чтобы унизить нас — ваших коллег. Но вы все сделали наоборот.

Что касается только что принятой вами резолюции о лишении прав нашей делегации, то засуньте ее себе… в портфель!»

На глазах у изумленного зала депутаты российского парламента встали и, следуя за мной, покинули пленарное заседание ПАСЕ. За нашей спиной раздавались отдельные возгласы, но в целом руководство и члены Ассамблеи не ожидали такого поворота событий. Все пребывали в шоке. Слишком часто за последние годы они наблюдали покорность России, ее, как писал Федор Достоевский, «деликатность перед Европой», бесхребетную низость пресмыкающихся перед Западом российских «либералов», их лакейскую готовность чистить сапоги всякому иностранцу, напускающему на себя важный вид. Впервые за 10 лет они вновь увидели страну, которая требовала к себе уважения, и не могли опомниться от переполнявших их чувств.

В холле на нас набросились российские журналисты. Все они понимали, что присутствуют при историческом событии, как я невесело пошутил, — «пробуждении национальной гордости великороссов». Она так долго дремала, эта гордость, под неусыпным взором либеральных надсмотрщиков, что про нее уж стали потихоньку забывать. А тут вдруг вспомнили.

Все члены российской делегации находились в сильном возбуждении. Ребята поверили в себя, почувствовали свою силу и характер. Недосчитались только троих — той самой «хромой тройки». Через час, когда все европарламентарии разошлись по страсбургским ресторанам и гостиницам смаковать une demarche russe, я вновь вернулся в зал пленарного заседания ПАСЕ, чтобы забрать оставленный у микрофона мобильный телефон.

Однако благодаря своей забывчивости я стал невольным свидетелем замечательной мизансцены. На другом краю пустого зала спиной ко мне сидел «совесть нации». Он давал интервью двум местным журналистам.

Видимо, французы уже закончили выдавливание из

«правозащитника Ковалева» очередной порции накопленного им яда и, собравшись уходить, решили записать в блокноте транскрипцию русских ругательств, которыми он награждал меня и Путина: «Пишите, пишите по буквам! — наседал на них правозащитник. — Пишите же: РОГОЗИН— МЕР-ЗА-ВЕЦ. Записали? Хорошо. Теперь дальше пишите: ПУТИН — ПО-ДО-НОК!»

Мне стало даже как-то неловко за Ковалева. Каким жалким и нелепым казался мне в этот момент пустой и злобный старичок. Я забрал телефон и тихо вышел из зала.

На следующее утро я вылетел в Москву, где на заседании Совета безопасности России мне предстояло выступить с сообщением о готовности Думы к ратификации договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Этот кабальный договор был крайне опасен России: он предполагал уничтожение нашей страной всех тяжелых стратегических ядерных ракет наземного базирования с разделяющейся головной частью. Американцы очень боялись этого шедевра советской военной науки, называли наши ракеты «сатаной» за их надежность, неуязвимость для средств американской противоракетной обороны и боевую мощь. Одна такая ракета может стереть с лица земли все восточное побережье США.

Вот почему американцы через своих людей в российском руководстве добились подписания Ельциным этого ущербного для нас договора. Но соглашение не может вступить в силу, пока не будет ратифицировано парламентом. Американцы вместе со всеми странами НАТО требовали от России прекратить «волокитить» законопроект о ратификации и поскорее вынести его на пленарное заседание Думы. Снять это соглашение вообще с обсуждения в парламенте Кремль не решался, так как это было бы воспринято Вашингтоном как явный демарш Путина в первый же месяц его президентства и вызвало бы неминуемую жесткую размолвку между США и Россией. Этого в российском руководстве никто не хотел.

Ход был найден, причем довольно остроумный. Дабы восстановить гарантии военной безопасности России, было решено включить в текст законопроекта о ратификации оговорку, смысл которой сводился к следующему: Россия будет соблюдать договор СНВ-2 в случае, если США сохранят действие Договора о противоракетной обороне (ПРО) 1972 года и не будут расширять НАТО. Мы знали, что американцы не собирались делать ни того ни другого. Договор по ПРО мешал им развернуть второй, а затем и третий позиционный район стратегической противоракетной

обороны. «Нам надо защитить нашу территорию от угрозы ядерного нападения Ирана и Северной Кореи» — так они объясняли нам свои намерения нарушить стратегический баланс с Россией. Дональд Рамсфельд, например, еще в 1998 году уверял, что к 2003 году Тегеран разработает ракетное оружие, способное достигать территории США. Мы, конечно, не верили ни единому их слову, равно как и они уже не считались с нашими озабоченностями. Что касается расширения НАТО, то об этих планах нам было известно давно. Противостоять этому процессу Кремль при Ельцине тогда не решался, да и уже разучился. А потому изложенная в моем докладе идея увязать ратификацию СНВ-2 с сохранением договора по ПРО и отказом от расширения НАТО была одобрена членами Совета безопасности.

Заседание подошло к концу. Все встали из-за стола и начали прощаться с председательствующим на Совбезе Владимиром Путиным. Я тоже подошел к нему, чтобы передать отчет о работе нашей делегации в Страсбурге. Президент взглянул на отчет и спросил: «А может, все-таки не надо было ехать туда?» Я понял, что до меня с ним уже встретился министр иностранных дел. «Нет, не согласен. Мы дали бой, потому что уверены в своей правоте», — ответил я. «Может, вы и правы», — Путин пожал плечами, и мы попрощались.

По моему предложению Государственная дума приняла в отношении ПАСЕ следующее решение. Во-первых, до тех пор, пока права российской делегации не будут восстановлены в полном объеме, нашей ноги там не будет. Только лидер делегации получал полномочия обсуждать с руководством ПАСЕ сроки и условия разблокирования сотрудничества.

Во-вторых, Дума не отказывалась от контактов с Ассамблеей по вопросам, представляющим совместный интерес, в том числе по поиску взаимопонимания по вопросу защиты прав человека. В связи с этим я предложил создать совместную рабочую группу Госдума-ПАСЕ, которая могла бы регулярно посещать Чечню и «снимать озабоченности» у наших европейских коллег. Страсбург на это клюнул.

В итоге, возглавляя международный комитет, большую часть своего времени я стал проводить на территории Чеченской Республики, сопровождая всевозможные иностранные делегации и докладчиков по этому больному в наших отношениях с внешним миром вопросу.

Надо сказать, что наша парламентская делегация в ПАСЕ была очень представительной. В нее входили все лидеры думских фракций, а также видные представители Совета Федерации. Но, конечно, самым любопытным представителем нашей делегации

был думский шоумен Владимир Жириновский. Его в Страсбурге воспринимали абсолютно всерьез, жутко боялись и даже не разрешили вступить ни в одну из пяти политических групп Ассамблеи. Вот я и решил однажды воспользоваться «демоническим имиджем» Жириновского для решения принципиально важного для нас вопроса.

Дело в том, что в ажиотаже борьбы против России ряд депутатов ПАСЕ потребовал от Комитета министров Совета Европы учредить особый международный трибунал. Перед ним должны были предстать российские гражданские и военные должностные лица, причастные (с точки зрения этих всезнающих депутатов) к совершению преступлений в ходе антитеррористической операции в Чечне. Естественно, я решил сделать все возможное, чтобы эту экстремистскую и антироссийскую затею убить на корню. Однако голосов мне среди депутатов ПАСЕ явно не хватало, и я решился на тонкую игру.

Обычно в случае внесения поправки в текст принимаемого документа председательствующий на заседании Ассамблеи сначала предоставляет ее автору право в течение одной минуты изложить суть предложения, а затем обращается к залу с вопросом, кто готов выступить против этой поправки. Только после этого Парламентская ассамблея определяет свою позицию — оставить документ в первоначальном виде или внести в него соответствующие изменения.

Я понимал, что против моей поправки с удовольствием выступит целый ряд антироссийски настроенных депутатов. Они заставят Ассамблею сохранить оригинальный текст резолюции со зловещим Планом учреждения Международного трибунала по Чечне. Но что, если попросить выступить против моей поправки Жириновского? Ведь он как «красная тряпка» для депутатов ПАСЕ! Надо создать ситуацию, при которой желающим «наказать» Россию придется солидаризироваться с «великим и ужасным» Жириновским.

Я подошел к скучающему в зале лидеру ЛДПР и прямым текстом раскрыл ему замысел своей отчаянной «провокации». Жириновский, обозвав меня «азартным игроком», с удовольствием согласился. Тут председательствующий на заседании австрийский социалист Питер Шидер объявил начало обсуждения поправок к тексту резолюции ПАСЕ о ситуации в Чечне. Наконец очередь дошла и до моей поправки. В отведенное мне регламентом время я аргументированно изложил собравшимся свое предложение исключить из документа ультимативное и неприемлемое требование создать наднациональный судебный орган для рассмотрения уголовных

дел в отношении участников конфликта в Чечне. Зал слушал меня плохо. По всему было видно, что собравшиеся для себя все уже решили и выслушивали мои доводы исключительно из соображений приличия. Шидер сухо поблагодарил меня за изложение поправки и, окинув взглядом зал, спросил, кто желал бы выступить против. «Я, я, дайте мне сказать! Требую слова! Я против!» — закричал Жириновский со своего места, заглушив всех остальных выскочек. Даже опытный и видавший виды Шидер аж рот раскрыл от удивления. Естественно, всем такая интрига показалась забавной. Никто не решился отказать Жириновскому в возможности выступить против России и руководителя российской парламентской делегации в ПАСЕ. Никто даже не заподозрил подвоха.

«Слово для отклонения поправки предоставляется господину Жириновскому!» — отчеканил председательствующий. И тут началось! Жириновский схватил микрофон и буквально заорал в него: «Я категорически против поправки Рогозина, я считаю, что идея создать специальный трибунал по Чечне правильная! Я готов пояснить, почему этот трибунал нужен! Он нужен для того, чтобы посадить в тюрьму всю вашу Ассамблею! Всех вас, негодяи и мерзавцы! Все там будете сидеть, все! Биндиги-шпиндиги, лорды-милорды, все, пока не подохнете! Так что я против поправки Рогозина!» Шидер, выслушав такую страстную и, в общем, оскорбительную для авторов резолюции речь Жириновского, призвал зал к порядку, лишил Жириновского права выступать в течение всего дня от микрофона и, наконец, поставил вопрос на голосование. Перепуганная лидером ЛДПР Парламентская ассамблея дружно поддержала мою поправку и свела на нет усилия моих оппонентов.

Герой нашего времени

Поездки в Чечню в сопровождении важных иностранных делегаций со временем превратились для меня в рутину. Часто приходилось общаться с бывшими боевиками, перешедшими на сторону Москвы. Среди них особенно выделялся Ахмат Кадыров, на которого Кремль сделал главную ставку в чеченском урегулировании. На первый взгляд только что назначенный главой Чечни бывший муфтий казался человеком необузданного нрава, но это было ложное впечатление. Кадыров-старший оказался настоящим «героем нашего времени». Будучи хорошим психологом, он понимал, чего от него хотят в Москве, и добротно делал свою работу, убеждая боевиков сложить оружие.

Именно он начал переманивать с гор чеченских «партизан», выбивал под них амнистию, «под свою ответственность» брал их на работу в так называемые «правоохранительные органы» — короче говоря, легализовал под своим началом большую часть бандформирований. В Думе такому попустительству к бандитам сопротивлялись вместе со мной всего несколько человек. Остальные не только голосовали за крайне сомнительное постановление об амнистии участников бандформирований, но еще и закрывали глаза на то, что вчерашние головорезы и душегубы получали право носить свое же оружие и служить в милиции и кадыровской гвардии. Но Владимир Путин доверял ему, дорожил своими «политическими инвестициями» в новое руководство Чечни, отмахивался от предупреждений и нападок на бывшего муфтия со стороны силовиков и полномочного представителя в Южном федеральном округе генерала Виктора Казанцева, которому вражда с Кадыровым стоила должности.

Ко мне Кадыров-старший относился по-свойски, часто звал к себе на обед, давал свою машину и личную охрану для передвижения по республике, выполнял мои просьбы по работе с международными наблюдателями.

В марте 2001 года, во время очередной вылазки лорда Джадда в Чечню, вертолет, на котором я летел, сопровождая важного гостя, чуть не потерпел крушение. Мы заходили на посадку в станице Знаменская и, видимо, попали в «воздушную воронку», образованную винтом только что севшего вертолета сопровождения. Машина зависла на высоте примерно 70 метров и стала кружиться над землей. Спецназовцы, сопровождавшие нас, не выпуская из рук автоматы, попадали на стальной пол вертолета. Лица сидевших передо мной депутатов оцепенели от ужаса. Все вопросительно смотрели на меня, как будто я знал, что

будет дальше.

В тот миг я подумал, что нас подбили, достал служебное оружие, передернул затвор и стал внимательно ждать дальнейшего развития событий. Левой свободной рукой я забросил свою спортивную сумку за спину. Почему-то мне казалось, что мягкие вещи — свитер и джинсы — помогут смягчить удар при падении вертолета. Странные мысли приходят в голову в секунду смертельной опасности!

Я еще раз посмотрел вниз. Люди казались насекомыми. Они разбегались в разные стороны от предполагаемого места падения нашей машины. Вдруг вращение вертолета остановилось, и он с глубоким креном стал уходить в сторону пустыря на окраине станицы.

Сели. Я все еще подозревал, что мы подверглись обстрелу с земли, и торопился покинуть машину. Дернув ручку аварийного сброса двери, я выдавил ее наружу и спрыгнул на сухую траву.

Метрах в 40–50 от вертолета, сразу в нескольких местах, тлела земля. В небо поднимались черные шлейфы дыма от подземного горения чеченской нефти. Я присел на колено и, как Рэмбо, сжав обеими руками рукоятку пистолета, оглянулся вокруг. Никого.

Примерно через минуту дверь кабины пилотов открылась и два офицера вслед за мной спрыгнули на землю. Они молча прошли мимо, не обращая на меня никакого внимания, в сторону заднего винта, так же молча раскурили табак и уставились в пустоту. Я понял, что, наверное, со стороны, со стиснутым в ладонях пистолетом, я выгляжу по-голливудски глупо. Посмеявшись над собой, я заглянул в пассажирскую кабину. Люди понемногу стали приходить в себя, некоторые уже успели оправиться от шока.

Одному депутату стало плохо — возможно, шалило сердце. Я буквально влил в него из фляги несколько глотков коньяка. Через минуту на его щеках выступил румянец. Неожиданно выросший как из-под земли микроавтобус ФСБ отвез нас в станицу, где наше спасение радостно приветствовали сотрудники районной администрации. О ЧП немедленно доложили Кадырову, и он тут же нашел меня по телефону.

Общаясь с чеченцами, я старался записывать некоторые собственные наблюдения, которые могли помочь в составлении психологического портрета этого народа. Без понимания особенностей психотипа вайнахов нашим политикам и военным вообще не стоило соваться в Чечню.

Армия любого государства должна быть готова не только умело стрелять и брать штурмом населенные пункты, но и

удерживать их под своим контролем, выстраивая неконфликтные отношения с местным населением. Кроме того, знание некоторых тайн души иного народа вообще может позволить взять город без боя — правильный подход к национальному вопросу заменит встречный огонь цветами и симпатичными барышнями с подношением традиционных хлеба и соли.

Думая над этим, я никак не мог взять в толк, почему Кремль бросал в чеченское пекло вчерашних русских школьников, не умевших выживать в бою, да и вообще не представлявших, где они находятся и с кем имеют дело. Тогда я решил попробовать описать психологический портрет чеченского народа. Вот что у меня из этого получилось.

Мы не установим мира в Чечне, пока не научимся понимать чеченцев. Чеченцы значительно отличаются от русских по своей психологии и образу мыслей. Как и все горцы, они быстро зажигаются какой-нибудь идеей и так же быстро остывают. В то же время образованные чеченцы очень хорошо осознают свою выгоду и действуют только исходя из нее. Показная горячность позволяет им расположить к себе русского, который видит перед собой правдолюбие, дружелюбие, готовность к самопожертвованию. За всем этим надо видеть практическую цель, которую ставит перед собой чеченец.

То, что кажется русскому противоречием, для чеченца таковым не является. Он может быть дружелюбен к тому, кого пять минут назад готов был убить. Он может ненавидеть того, с кем был совсем недавно в самых теплых отношениях. Разные системы ценностей приводят к тому, что вы считаете предательством то, что чеченцы определяют как ловкость и удачу или умение вести дела с чужаками.

В русских людях простые чеченцы видят прежде всего завоевателей, которые пришли на «землю их отцов». Таковы последствия внедрения ложной исторической концепции о России — «тюрьме народов», мифа о «200-летней войне с Россией», а также бурного роста численности чеченцев в послевоенные годы, заселивших равнинную часть Чечни. Вы должны считаться с заблуждениями чеченцев и спокойно их опровергать.

Вы должны помнить, что именно русские связывают Чечню с мировой цивилизацией. Это требует от русских людей, находящихся на территории Чечни, осознания своей миссии. Вы должны понимать, что безграмотная речь, нецензурная брань, неуважение к пожилым людям и женщинам, показная грубость вызывают у чеченцев представления о том, что величие русской культуры — это обман. А от презрения до вражды — один шаг.

Отрицательное отношение у верующих чеченцев вызывают

распитие спиртного, пьяные дебоши в публичных местах. В воинских частях, расположенных на территории ЧР, должен действовать сухой закон. Пьяные военнослужащие, бесчинствующие в мусульманской среде, — это уже сам по себе раздражитель для религиозного населения, формирующий неуважительное отношение к армии. Выпивших солдат и офицеров не следует допускать к исполнению служебных обязанностей, особенно к участию в спецоперациях.

Как и к любому малознакомому человеку, вам следует проявлять к чеченцу уважение. Вы не знаете, друг он вам или враг. Поэтому считайте, что он может быть вам полезен, если вы расположите его к себе. Самый простой способ для этого — оказание знаков внимания. Даже преувеличенное восхищение домом, имуществом или профессиональными навыками чеченца не будет лишним.

Не следует забывать, что чеченцы, в силу пережитой ими депортации в русскоязычный Казахстан, говорят по-русски чище, чем другие кавказские народы, а потому хорошее русское произношение у чеченца может быть предметом комплимента с вашей стороны. Любое подчеркивание своего превосходства со стороны русского будет оценено чеченцем как повод либо для критики поведения русских, либо для ответной демонстрации превосходства. На месте чеченцев вы реагировали бы на унижение точно так же.

Уважения чеченца можно добиться, если показать ему, что вы владеете некоторыми местными обычаями и познаниями в области ислама лучше его самого. Простой чеченец, не будучи сам глубоко религиозен, с уважением относится к верующим и сам не прочь подчеркнуть, что живет по законам Аллаха. Чеченец с уважением отнесется не к разговорам о веротерпимости или истинности той или иной веры, а к проявлению живой веры у русских. Русский православный ритуал показывает чеченцам, что перед ними не завоеватели, а культурная нация, носитель одной из мировых религий.

Чеченцу следует напоминать о времени «до войны», когда они жили рядом с русскими без ненависти. Для старшего поколения эти воспоминания дают повод требовать возвращения к миру, для младшего — дают надежду на преодоление сегодняшних страхов и неустроенности.

Больным для чеченцев является вопрос о сталинской депортации. Любой чеченец сочтет за оскорбление, если усомниться в том, что это был акт геноцида. В то же время чеченцам надо напоминать, что не только они осваивали эти земли и что русские сами страшно пострадали от сталинских

репрессий.

Гостеприимство чеченцев носит совсем не тот характер, который принят у русских. Гостеприимство должно проявляться к совершенно незнакомому человеку, который может быть поражен радушием хозяев. Но это не означает установления каких-либо особых отношений и дружеских обязательств.

Чеченцам очень важно чувствовать свою значимость. Поэтому они охотно получают символические вознаграждения и занимают административные посты, пристраивая рядом своих многочисленных приятелей и родственников. Для укрепления отношений с чеченцами вам необходимо оказывать им знаки внимания. Лучше приглашать чеченца к себе в гости, чем ходить к нему.

Нужно также понимать, что, занимая административный пост, чеченец становится объектом для нападения боевиков, и этот поступок требует от него определенного мужества (если, конечно, он не находится с боевиками в предварительном сговоре).

В повседневном поведении чеченцев сохранилось уважительное отношение к старшим, особенно старейшинам рода, светским и духовным авторитетам. Особым почтением в чеченской семье пользуются родители.

Необходимо учитывать особенное отношение чеченцев к женщинам. Будучи сами внешне достаточно суровы в отношении к женщинам своей семьи, чеченцы относятся к ним бережно и не терпят, когда кто-то посторонний к ним относится грубо. Попытки навязать «свободную любовь», домогательства, непристойности, сказанные в присутствии чеченских женщин, — все это создает для чеченцев образ врага, который покушается на самое святое для чеченца — на их семью, род.

Чеченские женщины часто используются боевиками для создания всякого рода публичных скандалов и вооруженных провокаций. Представители федеральной власти и военнослужащие оказываются в тупике: либо порядок установлен не будет, либо в присутствии чеченцев их женщины будут оскорблены или против них будет использована сила. В таких ситуациях надо искать мужчину, с которым и вести все переговоры. Опыт последних лет показал, что любое замешательство со стороны военнослужащих во время «психической атаки» чеченок приводил к неминуемым жертвам со стороны представителей федеральной власти. Поэтому по возможности вообще не следует ввязываться даже в разговоры с чеченскими женщинами. Нужно постоянно стремиться к тому, чтобы все переговоры проводились с мужчинами, а женщины

отстранялись от «мужского дела».

Захват заложников в Чечне — древнейший обычай, искоренить который не удалось даже за годы советской власти. С заложником обычно обращаются крайне жестоко. Потому не стоит вести себя в Чечне легкомысленно, уподобляясь колониальным завоевателям. Главное — соблюдать меры предосторожности, чтобы не стать заложником и не пережить на себе всю ту вражду, которая накопилась у чеченцев к русским.

Вашим сослуживцам всегда должно быть известно, куда вы отправились и когда планировали вернуться. При этом передвигаться следует группами не менее пяти человек с хорошим вооружением или под надежной охраной. Следует также быть настороже в случае приближения к вам группы местных жителей, даже если при этом присутствуют свидетели, среди которых есть и ваши знакомые.

Если все же случилось несчастье и вы попали в руки к боевикам, необходимо всеми способами готовиться к освобождению. Когда боевики контролировали всю территорию Чечни, побег был крайне опасен, однако сегодня он может быть единственным выходом и спасением от смерти. Готовиться к побегу надо, всячески усыпляя бдительность боевиков. Действовать нужно только наверняка.

Всякий протест должен быть скрыт. Лучше всего — за стеной молчания. Что говорят — делайте, не усердствуя, и только в меру вашего состояния. В глаза своим мучителям никогда не смотрите. Спрашивают — отвечайте. Но односложно. Не следует вдаваться в дискуссии или откровенность. Любые мольбы о пощаде, попытки задобрить насильников лестью и услужливостью в равной мере могут возбудить в них жестокость. Такая же реакция может последовать при попытках взять высокомерный тон или высказать угрозу отмщения.

Важно уклониться от того, чтобы дать адрес своей семьи, родственников или друзей. Они могут стать объектом вымогательства и угроз. Если вынуждают, лучше дать старый или неверный адрес. Главное — выиграть время и готовиться к побегу.

Чеченец, стремясь выглядеть перед собеседником убедительно, часто преувеличивает свои достоинства и успехи. Причем он сам всегда верит в правдивость своих рассказов и реальность преувеличенных оценок. К этой черте необходимо относиться благосклонно, не оскорбляя ее иронией. Ведь и среди русских много фантазеров.

Решенный «на словах» спор или конфликт для чеченца на самом деле до конца не разрешен. Даже если участники поединка определили, что чеченец слабее, и соперники пожали друг другу

руки, это не значит, что чеченец через секунду не бросится снова в драку. Поэтому не следует давать отдельному чеченцу шанс демонстрировать свое превосходство в. силе. В то же время применение военной силы или силы правоохранительных мероприятий должно быть последовательным, предсказуемым, корректным, но и без всякой снисходительности. Любое послабление будет расценено чеченцами как ваша слабость, которая создает у них соблазн испытать еще раз вас на прочность.

Споры между чеченцами очень опасны, потому что не имеют сдерживающих ограничителей. Любой спор может довести до кровавого конфликта и до кровной вражды родовых объединений. Поэтому чеченцы, в отличие от русских, готовы к тому, чтобы кто-то со стороны решал споры между ними. Для этого вам достаточно будет обладать каким-либо официальным статусом и готовностью решать в качестве независимого арбитра спорные вопросы исходя не из своих интересов (которые тут же будут разоблачены, и доверие исчезнет), а из соображений справедливости. Участие в разрешении межчеченских споров — один из самых эффективных способов доказать необходимость русских для чеченцев.

Трагические события последних 10 лет восстановили в Чечне такие горские традиции, как «кровная месть». Именно неотвратимость возмездия обидчику или членам его семьи является проявлением инстинкта самосохранения чеченского общества в условиях разгула бандитизма. Отсутствие у нечеченских жителей республики такого рода родоплеменных традиций во многом порождало безнаказанность преступлений, совершенных боевиками и просто бандитами против безоружного русского населения Чечни. Поэтому вам следует помнить, что неотвратимость наказания за совершенное преступление должно стать основным морально-политическим принципом вашего поведения в Чечне.

Формируя ненависть к русским и России, лидеры бандформирований готовы идти на грязные провокации ценой-жизни собственного народа. Известны случаи, когда по приказу «полевых командиров» переодетые в форму российских военнослужащих боевики (в том числе и славянского происхождения) под видом «зачисток» организовывали демонстративную бойню чеченцев на глазах у их земляков. Факты совершения такого рода преступлений активнейшим образом используются внешними врагами России для критики конституционных действий руководства нашей страны на Северном Кавказе и создания преступного и варварского образа русского солдата и офицера.

Больше внимания следует уделять разъяснительной работе среди населения и вести ее следуете помощью местных активистов, чеченской интеллигенции. В этом смысле особенно важны контакты с духовенством. Люди должны видеть, что закон действует неотвратимо как в отношении местных криминальных элементов, так и в отношении представителей федеральных сил, совершивших уголовные преступления.

Сегодня Чечня живет слухами, сплетнями и мифами, поэтому обществу нужна достоверная, объективная информация. У чеченцев в почете проявление справедливости, равенства, и если они увидят, что федералы действуют не только жестко, но и справедливо, это произведет огромное положительное воздействие.

Чеченцы по своему характеру — народ легковерный: они в одинаковой мере могут последовать как положительному, так и отрицательному примеру. Нужны положительные примеры отношения к населению. Надо помнить, что чеченцы уважают силу и ценят справедливость. Однако факты немотивированного ареста, неоправданного насилия могут перечеркнуть то хрупкое доверие, которое с трудом установилось между военными и местным населением.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в чеченской среде еще очень сильны семейные, родоплеменные, общинные и клановые связи. Здесь еще сохранились элементы круговой поруки. Поэтому информация, поступающая от местных жителей, зачастую может оказаться недостоверной и нуждается в тщательной проверке. К сожалению, в чеченском обществе распространено и такое явление, когда штатные информаторы дают заведомо ложную информацию, чтобы свести счеты с представителями враждующих кланов, тейпов, поэтому к такой информации также нужно относиться крайне осторожно.

Чрезвычайно важно в тех селах, где проводятся спецоперации, выявить круг авторитетных лиц, на которых можно опереться, для установления доверительных отношений с населением. На этих же людей можно возложить ответственность в деле организации самоуправления, поддержания правопорядка на территории конкретных аулов и сел.

В агитационной и пропагандистской работе особенно важно сделать упор на необходимость борьбы с ваххабитами, арабскими наемниками и террористами, окопавшимися на территории ЧР. Они являются главными врагами народа, и это понимание становится доминирующим в чеченской среде.

В местах дислокации гарнизонов и в ходе спецопераций военнослужащие должны бережно относиться к памятникам

духовной и материальной культуры, не допускать как осквернения мечетей, святых мест, где похоронены шейхи — устазы, так и уничтожения башенных комплексов, мавзолеев и могил предков. Очень важно с точки зрения завоевания доверия населения проявлять бережное отношение к окружающей среде, заповедным природным местам, культурным памятникам.

Вам следует всегда помнить, что сила русского присутствия в Чечне — это закон. Вы — прямое воплощение этого закона. Любое беззаконие, любая произвольная акция (даже еслиона никому не принесла ощутимого ущерба) будет обсуждаться среди чеченцев с преувеличениями и дополнительными выдумками. Каждая акция, связанная с ущемлением прав чеченцев, должна быть подкреплена определенным решением власти и документально оформлена. Чеченец должен видеть, что против него действует не частная воля, а закон.

Помните, что каждый чеченец, которого вы своим неправильным поведением сделаете врагом, может стать боевиком и за ним потянется цепь убийств и зверств. Пострадают невинные люди, да и вы сами можете погибнуть. Задача представителей федеральной власти, в том числе солдат и офицеров, обеспечивающих в Чечне выполнение антитеррористической операции, — научиться завоевывать себе друзей, пусть даже и не самых верных. Без ее достижения мы не сможем добиться своей главной цели — установления мира и укрепления государственного единства России.

Эту справку, написанную в феврале 2002 года на основе прежде всего личных впечатлений, я передал руководителям всех российских силовых структур. К сожалению, лишь немногие из них поинтересовались, что это за материал и как он может быть использован в практической работе.

Президент, пообещав мне внимательно ознакомиться с текстом, спросил, какие дополнительные источники я использовал при составлении этого документа. «Поэты Пушкин и Лермонтов, а также писатель Лев Толстой. Все они рассказывали о нравах горцев, о традициях абреков. История чеченцев и других кавказских народов, их обычаи подробно описаны в русской литературе. Достаточно просто перечитать русскую классику, и мы перестанем наступать на одни и те же грабли», — ответил я.

У меня нет оснований полагать, что предложенный мной психологический портрет чеченского народа использовался при подготовке личного состава воинских частей, задействованных в проведении антитеррористической операции, и помог спасти хоть одну русскую или чеченскую жизнь. Вряд ли наши перегруженные личными заботами военные начальники нашли время

ознакомиться с моей работой, и еще менее вероятной представляется мне версия о практическом применении наших рекомендаций.

Вручив эту справку президенту, я обратился к нему с просьбой направить меня в качестве его полпреда в Чечню для наведения конституционного порядка. Я был уверен, что справлюсь с поставленными задачами, сумею скоординировать действия силового блока и установить надлежащий контроль над законностью расходования бюджетных средств, выделяемых Чечне на восстановительные работы. «Вы мне нужны в Думе», — многозначительно отрезал президент, и больше этот вопрос на наших встречах не поднимался. А жаль. Гибель Ахмата Кадырова, бандитское нападение на Назрань, Нальчик и Беслан, ежедневные взрывы в Дагестане — все это показывает недостаточную эффективность политики России на Кавказе. Никто не даст нам гарантии, что чудовищные теракты не повторятся завтра, а значит, Россия по-прежнему живет на кавказском вулкане.

Война и мир

Работа в думском Комитете по международным делам дала мне уникальную возможность на практике использовать опыт Конгресса русских общин и применить мои научные познания. Мне посчастливилось по просьбе владыки Кирилла лично участвовать в сложных переговорах о возвращении Эстонской православной церкви Московского патриархата своего церковного имущества на территории этой балтийской республики. До вмешательства нашего думского комитета собственником православных церквей был какой-то самозваный «шведский синод», на которого эстонские власти, «в знак благодарности» России за полученную от нее независимость, переписали права собственности. Пришлось дважды летать в Стамбул к несговорчивому и неуступчивому Вселенскому патриарху Варфоломею, которому я чуть было с досады не устроил одноименную ночь за его болезненную ревность к Московской патриархии и деструктивную позицию в решении «эстонского вопроса». Огромную роль в разрешении этого совсем не церковного конфликта сыграл местный союз крупных промышленников, заставивший политическое руководство Эстонии смягчить позицию. Бизнесмены были заинтересованы в разблокировании двусторонних контактов с огромным восточным рынком и сломили сопротивление «горячих эстонских парней», засевших во властных бастионах.

Как только в Москве получили долгожданную весть об успешном завершении церковной тяжбы, Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II вылетел в Эстонию, чтобы поддержать православную паству и наконец посетить могилу своих родителей, захороненных в этой прибалтийской земле. Святейший накануне перенес серьезную болезнь, но добрая весть, принесенная нами, помогла тогда ему преодолеть недуг.

Одним из наиболее запомнившихся эпизодов моей работы в Комитете по международным делам стали события 11 сентября 2001 года в США. Американскую трагедию мне пришлось комментировать в прямом эфире — из вещательной студии, оборудованной на верхних этажах гостиницы «Россия». Перемещаясь из одной студийной комнаты в другую, чтобы успеть прицепить наушник с микрофоном и выйти в экстренных новостях то «Первого канала», то НТВ, я наблюдал за всеобщей паникой. Более всего я опасался истерической реакции растерянного Вашингтона, который мог в суете или в результате сбоя компьютера принять атаку смертников за что-то иное и

нанести ракетный удар по России.

Об угрозе исламского фундаментализма я говорил американским конгрессменам постоянно — и с трибуны межпарламентских посиделок, и в частных беседах. Бесполезно. Самодовольство и самоуверенность наших коллег из США не вмещались в рамки приличия. Зато после 11 сентября конгрессмены как-то сразу погрустнели и стали прислушиваться к нашим предупреждениям и советам. Правда, по отдельным их ответным репликам я понимал, что некоторые из них оставались абсолютно безнадежными.

Помню одного рослого красавца-конгрессмена из штата Арканзас, который, по-американски небрежно протягивая мне руку, поинтересовался, откуда я прибыл. Я сказал, что прилетел в Вашингтон из самой крупной страны в мире. «Из Польши?» — осторожно осведомился собеседник, и мне сразу стало скучно.

Тем не менее я никогда не относился к той части наших сограждан, которые привыкли потешаться над американцами. Это несправедливо. Да, Америка крайне эгоистична, и ее жители действительно считают свою страну пупом земли. Но у них есть веские основания так думать.

Пока наши казнокрады разворовывали достояние Великой Державы, а наши армии в спешном порядке эвакуировались из Восточной Европы и СНГ, американские политики наращивали свою военную мощь, которая становилась важным аргументом и козырной картой на столе торговых переговоров. Что же здесь смешного? Зачем над ними хихикать?

Да, средний американец может произвести на среднего русского неизгладимое впечатление своими «познаниями» в области культуры и географии, точнее, отсутствием таковых. Однако американское общество возглавляет немногочисленная, но патриотически настроенная, образованная и культурная элита, ограниченная в своих действиях сбалансированной политической системой и независимым судом. Американцы не боятся труда, подвижны в поиске хорошо оплачиваемой работы, обладают здоровым чувством авантюризма, без которого невозможно появление в стране передового, наступательного и даже в хорошем смысле агрессивного бизнеса. Ну и конечно, среди американцев стыдно не быть патриотом.

А ведь в нашей стране благодаря либеральной пропаганде это слово еще совсем недавно было ругательным.

Сколько раз на различных телевизионных и радиодебатах мои оппоненты, желая прослыть либеральными и «лишенными национальных предрассудков» интеллигентами, бросали известную фразу: «Патриотизм — это последнее прибежище

негодяя», не зная, по-видимому, что ее автор — писатель Самуэль Джонсон — сам был большим патриотом Англии, а истинный смысл фразы состоял в противопоставлении подлинного патриотизма показному.

Американские политики предпочитают не знать или не вспоминать, как Россия мужественно и последовательно защищала независимость США от притязаний Англии, как русский император Александр II помог Соединенным Штатам установить контроль и суверенитет над Гавайями, как русский престол за символическую плату практически подарил Вашингтону Русскую Америку, как лучшие умы России боролись за расовое равноправие в США, еще 100 лет тому назад расчищая Бараку Обаме дорогу к триумфу. К сожалению, сами Соединенные Штаты далеко не всегда платили моей стране той же монетой, частенько забывая о необходимости иногда демонстрировать благодарность и благородство.

Американцев можно не любить, но учиться у них есть чему. Например, тому, как надо защищать своих соотечественников, если те попали в беду. Известно, что правительство США может и авианосец послать на выручку американских граждан, если их жизнь подверглась опасности.

А имеет ли Россия, как и США, легальные возможности прибегать к силе для защиты своих граждан? Зверское убийство наших дипломатов-заложников в Ираке в 2006 году побудило обе палаты нашего парламента предоставить президенту право применять силу за рубежами национальной территории для защиты своих граждан. На самом деле такая возможность дана России международным правом. Все уважающие себя государства вынуждены прибегать к жестким действиям для защиты соотечественников, когда исчерпаны остальные возможности спасения их жизней.

Однажды, кажется, летом 2002 года мне позвонили из Генеральной прокуратуры РФ и сообщили, что поступило заявление некоего г-на Храмова, представляющего каких-то «трансрадикалов» (наверное, это радикалы, которые от своего радикализма впали в транс), с требованием возбудить в отношении меня уголовное дело в связи с «пропагандой войны».

После высадки в конце февраля 2002 года американских «коммандос» в Грузии отношения между нашими двумя странами резко ухудшились. Стороны обменивались жесткими заявлениями. Получалось, что американцы как бы блокируют право России применить силу для уничтожения на территории Панкисского ущелья лагерей чеченских диверсантов.

Я выступил с призывом «перестать мямлить» и наконец

воспользоваться правом превентивного удара, чтобы снять угрозу террористической атаки против России. «Трансрадикалы» сочли, что я призываю к развязыванию войны, и написали на меня донос в прокуратуру.

Следователь предложил воспользоваться правом депутатской неприкосновенности и не вступать в спор с г-ном Храмовым в силу ничтожности данного субъекта. Однако я счел нужным написать в Генеральную прокуратуру развернутое объяснение, которое могло бы послужить для нее правовой основой принятия санкций по применению вооруженной силы для защиты жизни и безопасности российских граждан. Вот текст моего ответа:

В распространенном мной после варварского теракта в Каспийске интервью российским информационным агентствам (13.05.2002 — «Интерфакс», ИТАР-ТАСС и др.) я действительно высказал свою точку зрения о необходимости проведения российскими спецслужбами антитеррористической операции в Панкисском ущелье Грузии. <…> Что касается правовой стороны данного вопроса, то важно проанализировать, какие ограничения предусматривают Конституция РФ и международное право при применении вооруженной силы для борьбы с террористами и защиты соотечественников за пределами национальной территории. Может ли грубое нарушение прав граждан России (в данном случае заложников из числа российских военнослужащих и чеченских беженцев, терроризируемых в Панкисском ущелье) рассматриваться как враждебные действия против российского государства, и является ли это основанием для защиты россиян с применением вооруженной силы?

Есть все правовые основания утвердительно ответить на поставленные вопросы.

Во-первых, недавняя история дает примеры политики государств, рассматривавших применение силы для защиты своих сограждан как вид самообороны. Они также активно использовали свои Вооруженные силы или специальные подразделения для защиты граждан других стран в тех случаях, когда они подвергались откровенному геноциду. Достаточно вспомнить, например, трехстороннюю военную интервенцию России, Великобритании и Франции в Турцию в 1827–1830 годах для защиты греков-христиан, подвергавшихся массовому уничтожению. Или военные действия России против Турции в 1877–1878 годах для защиты от резни православных славян Болгарии, Боснии и Герцеговины.

Во-вторых, Конституция Российской Федерации не только не запрещает использовать мощь государства для защиты сограждан,

находящихся в опасности, но и утверждает (статья 2): «Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина — обязанность государства». Таким образом, вред, нанесенный отдельному гражданину, является вредом для государства, основная функция которого состоит в защите своих граждан. Что же касается территории применения такой государственной защиты, то Конституция России не содержит никаких ограничений на сей счет. Более того, согласно статье 5 «Закона о гражданстве Российской Федерации» граждане России пользуются защитой и покровительством России за ее пределами, а российские власти обязаны защищать их права и интересы, а при необходимости принимать меры для восстановления их нарушенных прав.

Данные положения российского законодательства в полной мере соответствуют международному праву. Об этом, в частности, свидетельствует высказывание члена Комиссии международного права, бывшего профессора международного права Кембриджского университета Д. Боэтта (Великобритания): «Есть все основания утверждать, что защита граждан, находящихся как на территории государства, так и вовне, является по существу защитой самого государства».

В-третьих, в современной политике США, Великобритании, Франции, Израиля легко можно найти примеры активного применения вооруженной силы для защиты соотечественников за пределами национальных границ. Наиболее известны следующие:

1965 год — бельгийские десантники при транспортной и технической поддержке США и Великобритании предприняли вооруженную операцию для защиты двух тысяч иностранцев в Заире;

1976 год — израильские «коммандос» спасли в Уганде заложников, захваченных палестинскими террористами;

1983 год — США совершили вооруженное вторжение на Гренаду под предлогом защиты тысячи американских граждан, оказавшихся в опасности в результате государственного переворота в этом островном государстве;

1989 год — США ввели войска в Панаму. Одна из основных заявленных причин — необходимость защиты американских граждан в этой стране;

1991 год — четыре тысячи французских и бельгийских десантников вторглись в Заир для эвакуации своих сограждан и других иностранцев.

Также в качестве примера можно привести антитеррористическую операцию США «Несокрушимая свобода» и операцию Международных сил содействия безопасности (МССБ),

проводимую НАТО в Афганистане с конца 2001 года по мандату Совета Безопасности ООН.

Не все перечисленные случаи бесспорны с моральной точки зрения, но ведь речь идет о юридическом праве, а не о деталях и конкретных поводах. Вот что пишет по этому вопросу известный российский специалист в области международного права, доктор юридических наук Н.Б. Крылов: «Противники применения силы для защиты своих граждан, находящихся в опасности за рубежом, чаще всего говорят о возможных злоупотреблениях и на этой основе утверждают, что любое применение силы чревато опасными последствиями, а потому, мол, слишком опасно предоставлять отдельным государствам право прибегать к использованию военной силы. История международных отношений, в самом деле, полна примеров различных злоупотреблений, предпринятых под флагом защиты сограждан, но в действительности являвшихся международным произволом. Достаточно вспомнить, что Гитлер вторгался в Чехословакию, в том числе и под предлогом защиты судетских немцев. Самооборона в международном праве может быть использована как предлог для военных действий против других государств. Но точно так же самооборона по уголовному праву подчас бывает неправомерной, а свобода слова, краеугольный камень демократии, подчас является предлогом для беспорядков или безответственных заявлений. Разумно ли на этом основании запретить свободу слова и печати, а также запретить людям защищать себя и свои семьи от бандитов? Надо просто-напросто задать вопрос: остановило бы что-нибудь Гитлера, если бы у него не было упомянутого предлога защищать немецкое меньшинство? Конечно, нет, просто он нашел бы другой предлог. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы провести четкую грань между правомерным и неправомерным применением силы».

Анализируя все случаи применения силы для борьбы с международным терроризмом и защиты сограждан, можно выделить ряд критериев оценки — с точки зрения международного права — правомерности такого рода действий государств:

— наличие реальной угрозы террористической агрессии, а также угрозы жизни или систематических и грубых нарушений прав человека;

— отсутствие иных, мирных средств разрешения конфликта, создающее необходимость прибегнуть к крайним мерам самообороны;

— гуманитарная цель вооруженной операции, когда военные действия по ликвидации очага международного терроризма или

спасению соотечественников за рубежом должны быть единственным или, по крайней мере, основным мотивом акции;

— пропорциональность, т. е. ограниченность по времени и средствам спасения. Действия государства, применяющего силу, должны предприниматься с целью нейтрализации терроризма и защиты сограждан и не выходить за пределы их непосредственной защиты.

В нашем конкретном случае, связанном с необходимостью «зачистки» Панкисского ущелья, очевидно также и то, что эти действия могли бы быть еще более эффективными, если бы они носили характер совместной силовой акции России и Грузии, на что я и пытаюсь обратить внимание официального Тбилиси.

Очевидно, что любое правительство должно проводить такую политику национальной безопасности, которая бы носила превентивный, профилактический характер. Это бы способствовало недопущению возникновения угрозы безопасности как для самого государства, так и для его граждан. Государство не должно заводить себя в политический тупик, когда единственным выходом из создавшегося положения становится непосредственное применение вооруженной силы.

Эти рекомендации я написал еще в 2002 году. Но повторю: только спустя четыре года — после убийства наших дипломатов в Ираке обе палаты российского парламента наконец затвердили в российском законодательстве принципы вооруженной самообороны и силового спасения соотечественников.

Внешняя политика сильного государства заключается не только в наличии блестяще подготовленных и вышколенных дипломатов, умеющих ловко изъясняться на иностранных языках, не только в их умении изящно и непринужденно носить фрак и лайковые перчатки. Под лайковой перчаткой должен чувствоваться стальной кулак державы, которая своих в обиду не дает.

Медный всадник

Вскрывая вены Советскому Союзу, Михаил Горбачев и Борис Ельцин забыли не только о Крыме и Севастополе, не только о судьбе 25 миллионов русских соотечественников, но еще и о Калининградской области с ее почти миллионным населением. Эта часть бывшей Восточной Пруссии вошла в состав СССР в 1945 году.

Калининград, в прошлом носивший имя Кенигсберг, представлял собой хорошо укрепленный район обороны немцев. Адольф Гитлер говорил своим генералам: «Берлин падет, но Кенигсберг устоит», — настолько мощными казались фюреру оборонительные возможности этого города-крепости.

Гитлер ошибся. Кенигсберг пал раньше Берлина — 10 апреля 1945-го. За три недели до полной и безоговорочной капитуляции Германии здесь сложили головы 150 тысяч солдат и офицеров Красной армии. Эта земля до сих пор не просохла от русской крови, а потому совершенно непонятно, как можно было в 1991 году при объявлении независимости трех республик Прибалтики забыть оговорить с их властями условия свободного передвижения граждан России из Калининграда на «материк» и обратно. Неужели такой принесенной на алтарь победы жертвой наш народ не заслужил права на беспрепятственное передвижение граждан по национальной территории?

Даже в годы холодной войны Советский Союз, руководствуясь гуманными соображениями, согласился с предложением западных держав создать для жителей Западного Берлина безвизовый коридор для их перемещения в ФРГ через территорию ГДР. После начала процедуры вступления в Евросоюз стран Прибалтики «благодарная» Европа отплатила России требованием ввести визы для транзитных поездок наших граждан через территорию Литвы, и это притом, что транзитный поезд будет пересекать литовскую территорию без остановок.

Эксперты нашего думского комитета по международным делам установили следующую картину. На 2002 год регистрировался примерно один миллион пересечений границы Калининградской области с Литвой и Польшей (в среднем в 14 раз больше, чем на других границах РФ). Среди них мы выделили несколько групп российских граждан, права которых могли быть задеты введением Европейским союзом визового режима.

Самая большая группа — это калининградские «челноки», которые пересекают границу практически ежедневно. Как правило, это жители области, выезжающие в Литву или Польшу

за определенной группой товаров или, наоборот, перепродающие товары из Калининградской области. Эти люди вполне могли бы получить либо шенгенскую, либо национальную литовскую визу. Никаких нарушений прав человека здесь нами не усматривалось. Любое государство, будь то Россия, Литва или Монголия, может по своему усмотрению вводить или отменять визовой режим на своих границах. Другое дело, что это заставляло наших граждан нести дополнительные расходы на приобретение визы, стоимость которой, как правило, включалась в цену товара и перекладывалась на конечного покупателя. Но оппонировать этому было сложно.

Вторую группу представляли граждане (как жители Калининграда, так и жители «метрополии»), выезжавшие в другие страны Евросоюза через территорию Литвы. Эти граждане уже несколько лет получали для осуществления таких поездок шенгенские визы, и их положение после ввода Литвой визового режима существенно не изменилось.

А вот третья группа — граждане России, которые транзитом переезжали из Калининграда на «материк» и обратно и не собирались останавливаться по делам в Литве, в наибольшей степени ущемлялись в результате введения визового режима. Кроме того, возникла политическая проблема суверенитета России над Калининградской областью — нашим гражданам для переезда в другой регион страны требовалось разрешение иностранного государства!

Мы посчитали, сколько человек будет поражено в своих гражданских правах, и установили, что ежегодно осуществляется 600–650 тысяч железнодорожных поездок по маршруту Москва — Калининград — Москва, из которых примерно половину — 300 тысяч — составляют билеты в оба конца. Количество транзитных пассажиров автомобильного транспорта было оценено нами примерно в 200 тысяч в год. Таким образом, можно было говорить примерно о 400–500 тысячах человек в год, пересекающих литовскую границу в качестве транзитных пассажиров в оба конца (исключая лиц, для которых Литва — конечная точка маршрута, и лиц, направляющихся в другие государства Евросоюза).

В случае введения транзитных виз для этой категории пассажиров в литовские консульства должно было поступать не менее 1200 ежедневных обращений на выдачу, по крайней мере, двукратных транзитных виз. Очевидно, что литовские загранучреждения были не в состоянии справиться с таким потоком.

Понимая силу общественного мнения, литовские власти

через свою агентуру в среде калининградских сепаратистов (и такие там есть) распространяли дезинформацию, что их страна якобы готова предоставить жителям области бесплатные многократные литовские и даже шенгенские визы, но Москва, мол, упирается. Это была обыкновенная ложь: никто нам такое не предлагал, никто не собирался выпускать российских граждан, в том числе и калининградцев, из визового капкана. Разговор шел только о визах, которые Вильнюс и Брюссель собирались вводить уже с 1 января 2003 года.

Страны — участницы Шенгенского соглашения постоянно подвергают наших граждан дискриминации. В так называемые «стоп-листы» — «черные списки» на въезд в Европу — легко попадают все симпатичные молодые женщины (а в России, между прочим, все женщины красивые), средней руки бизнесмены и даже граждане, ставшие участниками какой-нибудь пустячной передряги типа мелкого ДТП. Распространение подобной людоедской визовой практики на калининградский транзит означало бы серьезное унижение России и ее изоляцию от этой эксклавной территории.

Мороча нам голову, западные дипломаты обещали в виде компенсации «покрывать» часть стоимости паромных и авиационных билетов, превышающую цену проездного билета на автобусе. При этом они полностью игнорировали доводы российской стороны о том, что есть немало граждан, которые в силу различных обстоятельств или заболеваний пользуются исключительно наземным транспортом. Кроме того, авиационными маршрутами Калининград был связан лишь с несколькими городами России, а это неминуемо привело бы к дискриминации значительного числа граждан, проживающих в провинции.

Например, из города Сафоново Смоленской области в Калининград, минуя Москву, ходил прямой поезд. В случае введения визового режима жители Сафоново должны были сначала отправиться за визой в литовское консульство в Москве (это семь часов поездом), отстоять там несколько дней в очередях (при этом еще где-то организовать себе ночлег в столице), вернуться тем же поездом в Сафоново, и только после этого они могли сесть на прямой поезд в Калининград. Стоимость поездки в Калининград с учетом «крюка в Москву» и обратно, а также консульских сборов и стоимости проживания в Москве, возрастала в два-три раза. Для пенсионера это означало запредельные расходы и попрание человеческих прав. Причем количество таких «провинциалов», направляющихся транзитом в Калининград к своим родственникам, оказалось не менее 50–60

тысяч человек в год. Эта цифра означала массовое нарушение прав человека.

К концу весны 2002 года переговоры дипломатов России и Евросоюза по калининградскому вопросу окончательно зашли в тупик. В поведении Путина я заметил крайнее раздражение ходом дела. Он предчувствовал надвигающееся на страну публичное унижение и не знал, как его избежать. «От того, как будет обеспечен транзит людей и грузов между Калининградской областью и Россией, без преувеличения будет зависеть будущее отношений России и Евросоюза», — заявлял тогда президент России, отмечая, что предложения Москвы «пока не находят понимания»: «После того как состоялись похороны холодной войны, возвращение к таким подходам непонятно». До введения литовских виз для транзитных пассажиров в Калининград оставалось всего полгода, рычагов давления на Брюссель в Кремле и МИДе не видели, и все думали над тем, как объяснить гражданам России очередное внешнеполитическое поражение страны, на сей раз задевающее права миллионов граждан на передвижение по собственной стране. Мало того что вся Восточная Европа, еще вчера открытая для посещений, отправила наших граждан выстаивать изнурительные очереди за визами, так теперь еще и к себе домой без платной визы не проедешь.

России нужно было найти иную стратегию переговоров и, подобно «Медному всаднику» — Великому Петру, вновь «прорубить окно в Европу». Обложившись пачками документов, сотрудники аппарата Комитета Госдумы по международным делам принялись изучать шенгенское законодательство с целью найти в нем внутренние противоречия и зацепки, которые мы могли бы использовать в продвижении нашей позиции.

Вместо бесхитростного официального лобового подхода мы решили использовать приобретенный нами в ПАСЕ опыт парламентского «крючкотворства», так, чтобы бюрократам Еврокомиссии крыть было нечем. Кто-то из нас предложил применить против евробюрократов их же излюбленное оружие — тему защиты прав человека — и перевести камерные дипломатические переговоры в широкую публичную правозащитную дискуссию.

Сама стратегия на переговорах с ЕС по Калининграду предполагала решение двух задач.

Во-первых, мы предложили рассматривать возможность решения вопроса о калининградском транзите с точки зрения перспективы полного упразднения между Россией и странами ЕС визового режима. В связи с этим мы подготовили президенту проект его послания главам государств Евросоюза, который и дал

старт нашему «штурму» Брюсселя и Вильнюса.

Предлагая найти «временное решение», мы указывали на наличие в самом шенгенском законодательстве брешей для правового решения конфликтного вопроса. Например, статья 5.2 дает право стране-участнице делать исключение из режима Шенгена или приостанавливать этот режим в отношении отдельных категорий иностранных граждан «по гуманитарным соображениям», по соображениям «национальных интересов» или в связи с другими международными обязательствами. А внимательно прочитанная нами статья 141, оказывается, прямо давала возможность странам-участницам добиваться внесения изменений в правила Шенгена в связи с «фундаментальным изменением обстоятельств». Очевидно, что появление части российской территории внутри Шенгенской зоны подпадало под это определение. Ведь «творцы Шенгена» ни в 1985-м, ни даже в 1990 году не могли предвидеть распада СССР и бурного расширения ЕС, что, собственно, и послужило «фундаментальному изменению обстоятельств».

Во-вторых, помимо чисто переговорной тактики мы приступили к разработке плана оживления приграничного сотрудничества и развития в Калининграде специальной экономической зоны. Жуткое, особенно на фоне соседей — Литвы и Польши, социально-экономическое отставание региона порождало опасную тенденцию к сепаратизму, особенно в молодежной среде. Стали появляться идеи учреждения некой «балтийской республики» с последующим ее включением в Евросоюз. Такие настроения в разгар тяжелейших дискуссий с ЕС были сродни удару ножом в спину переговорщикам. Кроме того, массовая преступность, проституция, эпидемия СПИДа, наркоторговля, дальнейшее ухудшение социально-экономической и экологической ситуации в Калининградской области давали европейцам дополнительные аргументы к ужесточению позиции по пограничному режиму и транзиту в Калининград.

Поняв слабые места переговорной позиции Евросоюза, я решил помочь моему президенту выйти из тупика дипломатических переговоров, переведя их на уровень широкой общественной и правозащитной дискуссии. Сняв трубку правительственной связи, я набрал номер «Первой приемной» — аппарата президента. Путин тут же соединился и, выслушав меня, предложил приехать к нему в Кремль прямо тотчас. Через 15 минут я уже докладывал ему свой подробный план по Калининграду.

«Я хочу возложить на вас миссию моего специального представителя на этих переговорах, иначе они посыплются. У

МИДа нет идей, как избежать кризиса с Брюсселем и при этом еще сохранить безвизовый транзит. Ваш план может сработать. Все, что вы мне изложили, принимается. Сейчас мы согласуем ваше назначение с Игорем Сергеевичем Ивановым», — президент нажал какую-то кнопку на пульте связи. Министр иностранных дел оказался на рабочем месте.

Путин изложил идею назначить меня спецпредставителем президента. Иванов артачился. Наверное, не хотел признавать, что МИД эти переговоры завалил. А может быть, думал, что я хочу занять его министерское кресло. (Интересно, почему наши чиновники сначала думают о кресле, а потом о деле?) «Игорь Сергеевич категорически возражает», — сообщил мне президент, повесив трубку. «Вам решать», — ответил я, попрощался и вышел из кабинета.

На следующий день, 12 июля 2002 года, в актовом зале здания Министерства иностранных дел на Смоленской площади проходило совещание российских послов. Все ожидали приезда президента. Путин, как обычно, задерживался, послы об этом знали, поэтому никто в намеченный час в душный зал не заходил. Все толпились в фойе и курилке.

Я подошел поздороваться к министру и его заместителям. Посматривая на часы, они напряженно ждали сигнала из министерской приемной, когда же президент сядет в лимузин и помчится с дачи в Москву. Увидев меня, Иванов выпрямился и в расчете на то, что его услышат все замы, громко произнес: «Я не знаю, что ты там вчера нашептал президенту, но ты станешь его представителем по Калининграду только через мой труп. Я готов съехать из своего кабинета. Пожалуйста, садись в мое кресло и командуй, но пока я — министр, решать проблему калининградского транзита будет наше министерство!» Я парировал: «Что же вы раньше эту проблему не решили? И вообще, не разбрасывайтесь вашим трупом».

Сцена была неловкая и, прямо скажу, некрасивая. Я меньше всего хотел конкурировать с МИДом в решении столь важного вопроса. Любая трещинка в переговорной позиции России была бы немедленно использована нашими оппонентами, и в итоге проиграла бы вся страна. Поэтому моим желанием было как можно быстрее замять этот конфликт и начать сообща реализовывать нашу новую стратегию.

На следующий день я выехал в город по хозяйственным делам. Машинально включил радио в автомобиле.

Диктор зачитывал указ о назначении меня «специальным представителем президента Российской Федерации по вопросам жизнеобеспечения Калининградской области в связи с

расширением Европейского союза». «Сложное название, — подумал я, — но точное».

На следующий день я собрал наших экспертов, чтобы обсудить план действий. Ситуация была непростая. Как вести переговоры, мы знали. Указ президента обо мне подписан. Это в плюсе. А что в минусе? Полномочий и прав по координации работы правительственных органов, задействованных в калининградском вопросе, у меня нет. Возможности хотя бы ознакомиться с практическими наработками МИДа на переговорах с Еврокомиссией нет. Указания нашим посольствам в Литве, Бельгии и дипломатической миссии при Европейских сообществах взаимодействовать со мной тоже нет. Нет даже финансирования на командировки, нет офиса и хотя бы минимального штата дополнительных сотрудников, необходимых для полноценной работы по столь важному для государства вопросу. Ничего этого в наличии не было, и путинским указом не подразумевалось. В общем, нас высадили на «лунной поверхности» с указанием в духе: «иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Зато в случае провала переговоров теперь было с кого спросить. И самое интересное в этой ситуации было то, что я сам «напросился».

Я сразу вспомнил и рассказал слегка приунывшим коллегам анекдот, чем отличается атака итальянской пехоты от русского штыкового удара. Когда русский офицер вылетает из окопа на бруствер, он кричит своим солдатам: «Братцы! Постоим за матушку-Русь! Ур-р-ра!» — и увлекает бойцов своим примером в яростную атаку. В итальянской армии все происходит иначе. Когда храбрый офицер вылезает из окопа на бруствер, он кричит своим солдатам: «Avanti, avanti!» («Вперед, вперед!»). При этом восхищенные итальянские солдаты, оставаясь в окопе, начинают бурно аплодировать, восклицая: «Bravo, bravo!» («Молодец, молодец!»). «Так и мы, — говорю я коллегам, — уже на бруствере, зовем всех в атаку, а нам лишь аплодируют из окопа!»

Посовещавшись, мы решили отвоевывать себе пространство для работы и маневра интеллектуальным напором и локтями. Отменив запланированные на август отпуска с семьями, мы приступили к работе.

Погрузившись глубоко в теорию вопроса, я понимал, что на практике все может выглядеть иначе. Первым делом я решил позвонить корреспонденту Первого российского телеканала в Калининграде Олегу Грознецкому. Этот талантливый и смелый журналист, перебывавший во всех горячих точках, всегда был очень наблюдательным человеком. Проблему калининградского транзита мы несколько раз обсуждали с ним во время моих

прошлых командировок в Янтарный край России. Существо вопроса он знал намного лучше любого дипломата, поскольку сам мотался по служебным делам из Калининграда в Москву и обратно всеми видами транспорта по несколько раз в месяц.

Описав в красках страдания наших соотечественников, которым приходится ежедневно сталкиваться с проблемами изоляции региона, Олег вызвался мне помочь. Он-то и предложил мне проехать на его «Ладе-десятке» обе границы — белорусско-литовскую и литовско-российскую, чтобы неформальным образом изучить тему и показать болевые точки транзита. Я с благодарностью согласился.

Через пару дней Олег с оператором уже встречали меня в минском аэропорту. Не мешкая, мы сразу отправились в дорогу в направлении Литвы. Быстро пройдя на белорусской полупустой границе все пограничные и таможенные формальности, мы въехали в Литву и на большой скорости понеслись в сторону Вильнюса.

В столице Литовской Республики нас приняли крайне настороженно. Здесь хорошо знали и меня, и боевой характер Конгресса русских общин, представленного в Сейме активистами Союза русских Литвы. Тем не менее встречи прошли в «конструктивном ключе» и с «субстантивным наполнением», как бы выразились наши дипломаты. За несколько часов пребывания в Вильнюсе я успел повстречаться с президентом Валдасом Адамкусом, его спецпредставителем и заодно с председателем комитета Сейма по иностранным делам Гедиминасом Киркиласом, бывшим тогда премьер-министром Альгирдасом Бразаускасом, руководством Сейма, МИДа и МВД республики.

Вручив Адамкусу послание Путина, я выслушал в ответ заверения литовской стороны «решить калининградский вопрос с максимальной пользой для обеих соседних стран». Действительно, литовцы очень активно работают в Русской Прибалтике, имеют там массу совместных предприятий, и ссориться с нами из-за твердолобости евробюрократов Вильнюсу ни к чему.

Завершив дела в Литве, мы выдвинулись в сторону российской границы. До нее нам было ехать всего несколько часов. В зеркале заднего вида я заметил сопровождавшую нас машину с людьми в штатском. Думаю, что такая забота была напрасной — в Литве ездить удобно и безопасно, и мы быстро долетели до Советска без всяких проблем и осложнений.

Километров за двадцать до границы нас на трассе встретил черный «Мерседес» российского генконсула. Я отказался покидать руль российской «легковушки», принадлежащей нашей съемочной

группе, поблагодарил дипломата и попросил его следовать за нами.

Моя уловка сработала — на российском берегу нас ждала целая процессия во главе с губернатором, федеральным инспектором и командующим Балтийским флотом. Слава богу, что они не прихватили с собой оркестр. Все они решили, что я важно приеду в «Мерседесе», а поскольку наша «Лада» закрывала на мосту «немцу» дорогу, ко мне подбежал офицер-пограничник, торопливо проштамповал наши паспорта и велел быстро отсюда сваливать, так как «следом за нами едет крутая шишка». Мы, еле сдерживая хохот, понятливо кивнули ему.

Я прибавил газа и объехал толпу встречающих, нетерпеливо переминавшихся с ног на ноги в ожидании «шишки». Оператор включил камеру, Грознецкий подсоединил к ней микрофон, и, оставив машину, мы подошли сзади к губернатору. Я тронул его за плечо и спросил: «Вы не подскажете, как пройти в библиотеку?» Так мы весело познакомились с руководителем Янтарного края России Владимиром Егоровым.

За три месяца, остававшихся до саммита России и Европейского союза, я десятки раз посещал Калининград, провел многочисленные встречи с областным руководством, командованием Балтийского флота, бизнес-элитой и местными СМИ, наведывался к очереди у литовского консульства, где обеспокоенные изоляцией региона калининградцы днями и ночами ожидали обещанных им транзитных виз.

В бывшей столице Восточной Пруссии было открыто Бюро спецпредставителя, которое возглавил переехавший на полгода в Калининград Андрей Савельев. Он подготовил руководству страны уникальные материалы и предложения по развитию инфраструктуры региона, созданию специальной экономической зоны по типу «налоговой воронки» для граждан ЕС, снятию напряжения на пограничном и таможенном контроле, борьбе с криминалом и сепаратизмом.

Группой спецпредставителя был обеспечен вывод переговоров с Литвой и Европейской комиссией на совершенно иной качественный уровень. В западной прессе появились серьезные публикации на тему «обоснованности российских претензий по калининградскому транзиту», соответствующая дискуссия развернулась в ПАСЕ и Европарламенте, в Берлине подобные слушания прошли в Германском обществе внешней политики.

Сложнее всего было вести дела с главным переговорщиком КЕС британским еврокомиссаром Крисом Паттеном. Он всячески демонстрировал непонимание российской позиции и ссылался на то, что, мол, поезд из Москвы в Калининград по территории

Литвы идет так медленно, что любой желающий может «легко выйти из него и тут же раствориться на бескрайних просторах Евросоюза». Меня эта не вполне компетентная позиция сильно раздражала. В конце концов я предложил Паттену публично заключить пари: мы вместе с ним садимся на поезд в Калининград и в указанном британцем месте прыгаем из эшелона. Если мы при этом останемся живы, то я готов официально признать правоту еэсовских переговорщиков и принять их условия для транзита. После такой моей инициативы Паттен перестал прибегать к использованию на переговорах несерьезной аргументации.

Особо мощное давление на твердолобую позицию еврокомиссаров оказали главы крупнейших государств и авторитетные общественные деятели Европы, с которыми я успел провести предметные переговоры. Президенты Литвы и Польши Адамкус и Квасьневский, итальянский, испанский и литовский премьеры Берлускони, Аснар и Бразаускас, главы МИДов Франции (Де Вильпен), Италии (Фини), Греции (Папандреу), статс-секретари внешнеполитических ведомств Австрии, Германии, Финляндии, Дании, комиссары ЕС Проди, Паттен, Ферхойген, Де Паласио, Солана, ветераны европейской политики Ахтисаари и Геншер — таков неполный список участников моих ежедневных переговоров по разрешению этого важнейшего для России и Европы вопроса.

Самой запоминающейся из всех этих встреч была поездка в Италию к итальянскому премьеру и «ястребу» Сильвио Берлускони. Принимали меня в Риме как высокого гостя. Даже ковровые дорожки постелили в римском дворце Киджи. Вдоль дорожек стояли бравые кирасиры (или драгуны — честно говоря, я так и не понял). Отдавая честь, они стучали прикладами по гулкой мостовой и махали саблями. В общем, чувствовал я себя представителем планеты Земля во время официального посещения созвездия Рыбы.

Все шло хорошо, пока мы не зашли в лифт. Подняться нужно было всего на второй этаж, можно было воспользоваться лестницей, но пафос торжественного приема толкнул нас прямо в лифт. И тут мы совершили самую забавную в моей жизни ошибку. На табличке, прикрепленной к стене лифта, была указана его вместимость —10 человек, а в скобках грузоподъемность — 500 килограмм. То есть лифт был рассчитан на стройных итальянцев, каждый из которых, как теперь я понимаю, не должен весить более 50 кг. Но, прочтя надпись «10 человек», мы решили руководствоваться именно ею, а не допустимым для этих 10 человек весом. Люди мы русские, а потому весим в два раза

больше среднего итальянца. Лифт этого не знал, а потому, закрыв за нами двери, тут же и умер. Минут семь мы стояли неподвижно, удивленно и молча, внимательно вслушиваясь в затухшую жизнь подъемной машины и обеспокоенные возгласы оставшихся снаружи итальянцев. Вдруг я услышал отборную итальянскую ругань: «Идиоты, немедленно извлеките из лифта застрявших там людей! Там посланник моего друга Владимира, а вы замуровали его в этом уродском лифте!» Я понял, что это был сам Сильвио Берлускони, распекавший своих людей за нерасторопность в деле освобождения невольных пленников древнего римского лифта. Наконец несколькими рывками вверх лифтовая кабинка была поднята до уровня второго этажа и долгожданная свобода нас встретила радостно у входа.

Берлускони сжал меня в объятиях, спросил, не задохнулся ли я в компании моих грузных товарищей по несчастью, и повел к себе в кабинет. По дороге я осведомился о результатах последнего матча с участием «Милана». Упоминание любимого футбольного клуба привело господина Берлускони в окончательный восторг, и он тут же пообещал мне всяческое содействие в разрешении калининградского транзита. Слово свое он сдержал, за что я буду всегда благодарен этому необыкновенно яркому итальянскому другу России.

За две недели до саммита Россия-ЕС, 23 октября 2002 года, я вылетел в Копенгаген для окончательного разговора с датчанами. Эти оказались самыми упертыми. Согласно неформальному распределению ответственности внутри Евросоюза Дания «курировала» Литовскую Республику. Вильнюс докладывал в Копенгаген обо всех договоренностях с Москвой по транзиту, жалуясь на меня, мол, «русский спецпредставитель выкручивает нам руки».

Занимая по калининградскому транзиту самую непримиримую позицию, Дания пользовалась своим положением председательствующего на тот момент в ЕС. Ее полугодовое председательство выпало на вторую половину 2002 года — период самых острых переговоров по транзиту. Копенгаген вмешивался во все детали нашей дискуссии с Литвой и Европейской комиссией, пытаясь вставлять палки в колеса везде, где это только было возможно.

Более того, датчане сами давали повод усомниться в их желании вести с Россией честные переговоры. Они разрешили проведение в Копенгагене в конце октября очередной сходки эмиссаров чеченского бандитского подполья, официально называемого «Конгрессом чеченского народа». О недопустимости таких враждебных по отношению к России действий я сам

неоднократно предупреждал своих скандинавских собеседников. В ответ они только «растерянно» удивлялись, «как в условиях демократии они могут запретить форум чеченских диссидентов».

Однако вечер 23 октября расставил все точки над i. В момент, когда мы завершали тяжелые переговоры с датскими дипломатами, банда Бараева взяла в заложники сотни мирных людей — москвичей и гостей столицы, пришедших в театр на мюзикл «Норд-Ост». Первым же самолетом утром 24 октября я вылетел из Копенгагена в Москву и сразу же из аэропорта поехал на Дубровку — в оперативный штаб по освобождению заложников.

На месте я сразу организовал работу с несколькими десятками западных дипломатов, которые до моего приезда в поисках хоть какой-то информации бесцельно слонялись по коридорам оперативного штаба. Именно с их помощью нам удалось установить телефонную связь с заложниками из числа иностранцев и добыть, как я надеялся, полезную для силовиков информацию. Вместе с помощником президента Сергеем Ястржембским я забирал у доктора Леонида Рошаля группу детей-заложников, которых ему удалось вымолить у террористов за несколько часов до начала штурма. Сам штурм и операцию по спасению заложников с четырех утра 26 октября я по просьбе Кремля комментировал в прямом эфире телеканала «Россия».

Ни 24-го, ни 25-го, ни 26 октября, несмотря на мои телефонные обращения из оперативного штаба к датчанам, из Копенгагена информация об отмене сборища ичкерийцев так и не поступила. Все было ясно. Ехать после трагедии на Дубровке в Данию и проводить там, как ни в чем не бывало, российско-европейскую встречу «в верхах» было недопустимо. Я настоятельно рекомендовал президенту выбрать иное место для саммита. В итоге остановились на Брюсселе.

Путин вел переговоры жестко и, несмотря на уговоры виновника смены места проведения саммита, датского премьера Андерса Фога Расмуссена и председателя КЕС Романа Проди, отказывался подписывать итоговый документ саммита до тех пор, пока в него не будут внесены устраивающие нас дополнения. В итоге партнеры уступили. В работе саммита был объявлен перерыв. Основные переговорщики переместились в соседнее помещение для окончательной шлифовки соглашения. Путин четко следовал заранее согласованному со мной плану, и я был ему за это чертовски благодарен. Оставшись один на один с еврокомиссаром Крисом Паттеном, мы с заместителем министра иностранных дел России Сергеем Разовым (ныне — посол России в Китае) «додавили» британца.

В условиях цейтнота нам удалось заставить его убедить Еврокомиссию внести окончательную правку итогового документа саммита в полном соответствии с нашими требованиями о беспрепятственном транзите граждан России в Калининград и обратно.

Напоследок Паттен, бывший в свое время британским губернатором Гонконга, сказал мне, выходя из комнаты переговоров: «Мистер Рогозин, вы хуже китайцев. Я думал, что только они умеют засовывать пробку в уже раскупоренное шампанское». Опытнейший переговорщик мне явно льстил, но в одном он был абсолютно прав: я действительно боролся за каждую запятую в этом документе.

Если для Паттена договоренность по калининградскому транзиту была формальностью, то для меня это была борьба за честь России. Сдавать позицию я права не имел. Потому и выиграл.

Чего же в итоге нам удалось добиться? Специально для целей транзита граждан России в Калининград и обратно Европейский союз внес серьезные изменения в свое законодательство, о чем раньше евробюрократы не желали даже разговаривать. В соответствии с новыми правилами транзита, вступившими в силу 1 июля 2003 года, нашим гражданам теперь не нужно обращаться за визой в литовское или какое-либо еще посольство. Они просто приобретают билет в любой российской железнодорожной кассе и на следующий день могут отправляться в дорогу.

За это время российская и литовская стороны проверяют данные на пассажира, не совершал ли он преступлений на территории России и стран Евросоюза. Для России это не менее важно: ведь преступник, находящийся в федеральном или международном розыске, сев в транзитный поезд, может воспользоваться этой лазейкой, чтобы ускользнуть из страны. Так, на литовском участке дороги были отмечены многочисленные случаи аварийной остановки поезда представителями чеченских бандформирований для незаконной высадки. Новые правила транзита эти риски исключили.

Уже в поезде при пересечении границы пассажир предъявляет представителям литовских властей свой паспорт. Литовские пограничники, проверив его, бесплатно выдают специальный проездной документ на две безвизовые поездки — туда и обратно. Причем до 1 января 2005 года граждане России могли использовать для целей транзита даже свой внутренний паспорт. По моей настойчивой просьбе возглавлявший в то время правительство России Михаил Касьянов оперативно выпустил постановление, разрешающее вклеивать во внутренние паспорта

фотографии детей, следующих вместе с родителями. Это сняло массу проблем в период школьных каникул и позволило минимизировать моральные и финансовые издержки наших граждан в связи с вводом новых правил транзита.

Вот, собственно говоря, и вся процедура. Кроме того, в итоговый документ саммита мне удалось включить положение о возможности строительства магистрали для скоростного безостановочного и, естественно, безвизового поезда, который мог бы окончательно убрать остающиеся неудобства для поездок в Янтарный край России.

Решение вопроса калининградского транзита продемонстрировало нашу способность занимать твердую позицию в деле защиты прав наших граждан и сняло остроту в наших отношениях с Европой.

Итоговый документ брюссельского саммита, прописавший всю технологию калининградского транзита, стал примером того, что Россия и Европа могут в сжатые сроки решать самые сложные вопросы, а не только трещать «птичьим языком» дипломатов о важности «стратегического партнерства», плохо понимая, в чем же оно на самом деле состоит.

Указом Владимира Путина мне была вынесена официальная благодарность. Дальнейшее решение вопросов, связанных с калининградским транзитом, было возложено на МИД и администрацию президента. К сожалению, исторические решения брюссельского саммита Россия-ЕС были выполнены лишь частично. Про строительство скоростных железнодорожных магистралей и планы совместного развития инфраструктуры в северо-восточной Европе с участием Калининградской области все как-то сразу забыли. Политики и дипломаты погрузились в очередной летаргический сон. Пока жареный петух вновь не клюнет…

Это подрывало управляемость государства. Я полагал, что в стране нужна реальная альтернатива, источник новых востребованных в обществе идей. Эта новая сила должна ориентироваться на поддержку демократических свобод и социальной справедливости, на экономический рост и защиту национальных интересов (не путать с интересами крупных корпораций).

Я был уверен, что такая политическая сила необходима и президенту, чтобы иметь систему сдержек и противовесов в условиях консолидации элит под знаменами «Единой России». В обозримой перспективе эта сила должна быть готова взять на себя ответственность за реализацию власти в стране. Эти мысли я изложил Путину.

Из своего опыта общения с президентом я вынес, что он думал так же и что как лицо надпартийное он заинтересован в появлении такого проекта, созданного людьми молодыми и в то же время опытными, ищущими новых форм самореализации в политике.

Я рассказал ему, что тесно работал в КРО на выборах 1995 года с молодым ученым-экономистом Сергеем Глазьевым и мог бы вместе с ним сформировать политический блок, способный не просто получить массовую поддержку избирателей, но и достойно представлять их интересы и взгляды в Государственной думе.

«Я симпатизирую Глазьеву и уже обсуждал с ним возможность запуска социал-демократического проекта. На смену коммунистам рано или поздно должна прийти серьезная и современно мыслящая левая партия. Да и для страны это будет хорошо», — заключил президент наш разговор.

Честно говоря, от перспективы создавать левоцентристскую партию я не был в восторге. Я всегда считал себя сторонником традиционализма, старых добрых ценностей — семьи, религии, национального духа, а потому ко всяким идеям левее центра относился с предубеждением. «Но почему бы не совместить идеи здорового консерватизма с борьбой за социальную справедливость в стране, разграбленной ворами-коррупционерами и олигархами?» — подумал я и решил до поры до времени не разубеждать Путина в возможном идеологическом и практическом предназначении нового, задуманного нами проекта.

По возвращении домой я позвонил Глазьеву и передал ему содержание этой беседы. Особого энтузиазма я в нем не почувствовал. Наверное, Сергей рассчитывал исключительно на свои многочисленные таланты и грезил созданием некой «широкой народно-патриотической коалиции» под своим водительством. Многие организации из числа «кандидатов в широкую коалицию» существовали только на бумаге или в глазьевском воображении. Коллекционировать нули было неинтересно и бесполезно. Идти по пути втирания очков избирателю и уверений в том, что у нас «широкая коалиция», мне представлялось делом нечестным, да и провальным.

Я предложил Сергею подобрать две-три малоизвестные партии для формального учреждения блока, ввести в него авторитетных в стране людей и наших единомышленников, написать предвыборную программу из разумных предложений, с которыми эти люди в разное время выступали, и — вперед!

Взяв лист бумаги, мы набросали примерный список известных и уважаемых в обществе людей, кого было бы

желательно пригласить в избирательный список нового блока. Мы заполняли одну клеточку за другой и понимали, что участвуем в формировании «команды всех звезд» русского патриотического движения.

Сложным делом оказался выбор названия для нашего объединения. Глазьев считал, что надо провести «контентанализ» с участием «видных политологов и экспертов». Честно говоря, эти «политологи» меня просто достали. Ничего толком они предложить не могли, зато принимали важные позы на совещаниях и применяли всякие околонаучные словечки для прикрытия «отсутствия своего присутствия». (Кстати, интересно, сколько у нас в стране этих «центров стратегических наработок и тактических перспектив» и «институтов тактических оценок и стратегических исследований»?) Если бы не Глазьев, я бы пинком вышиб этих бесполезных и алчных существ из предвыборного штаба. В итоге я решил ограничиться интеллектуальными издевками. Собрав «политологов» в зале заседаний думского комитета по международным делам, я объявил, что определился с названием избирательного блока: «Порядок и законность. Демократический единый центр!» — «Неплохо», — отозвался из дальнего угла один из глазьевских «экспертов». «Нет. Длинновато и невыразительно», — возразил другой. «Зато аббревиатура выразительная!» — ответил я. Видели бы вы, как просветлели эти околонаучные лица, когда они наконец сообразили, что к чему!

В итоге вечером того же дня я объявил Глазьеву, что настаиваю на названии «Родина». По привычке пошутил, добавив, что эпиграфом к наименованию блока будут лермонтовские слова: «Люблю отчизну я, но странною любовью!» Сергей, как всегда, шутки не понял, потребовав добавить к слову «Родина» словосочетание «народно-патриотический союз». Мы договорились, что я возглавлю избирательную кампанию, а Сергей Глазьев — избирательный список.

13 сентября список кандидатов в депутаты от блока «Родина (народно-патриотический союз)» был утвержден на съездах блокообразующих партий. А на следующий день в Москве в гостинице «Золотое кольцо» в присутствии журналистов собралась учредительная конференция самого блока.

Глазьев выступил первым. Как полагается лидеру списка, он представил развернутую программу нашего избирательного объединения, разработанную при участии лучших ученых-экономистов Академии наук России. Это, безусловно, был очень содержательный документ, однако участники блока были с ним знакомы, а журналистов он не очень занимал, и скоро они потянулись к выходу. Я же решил выступить на контрасте с его

суховатым докладом. Я понимал, что времени крайне мало, мы вынуждены стартовать с нулевого рейтинга, и даже с очень низкой узнаваемостью. А это требовало от нас здорового эпатажа. В своем выступлении я особо напирал на то, что наша задача — не допустить реставрации власти образца 90-х годов с ее либерально-воровской приватизацией, развалом экономики и распродажей национальных интересов России. А закончил я свое выступление детским стишком героя нашумевшего русского кинобоевика «Брат-2»:

Говорят, что у меня
Есть огромная семья:
И тропинка, и лесок.
В поле каждый колосок.
Речка, небо голубое —
Это все мое, родное.
Это Родина моя.
Всех люблю на свете я!

Естественно, все участники конференции этот популярный фильм смотрели по несколько раз и помнили эпизод, в котором герой боевика, дочитав стих и перезарядив обойму пистолета, расправился с группой американских гангстеров. Поняв намек, зал взорвался дружными аплодисментами, а журналисты сделали вывод, что предстоящие выборы благодаря «Родине» скучными не будут.

Так оно и получилось. «Родина» буквально ворвалась в выборы.

Стартом нашей кампании стало появление на экранах ролика, в котором мы с Глазьевым за кружкой пива беседуем о вреде олигархов. «Ох, Дим, не люблю я этих олигархов!» — восклицает в кадре Глазьев. «Серега, не нравится — не ешь!» — отвечаю я ему. Честно говоря, Глазьев оказался никудышным актером, а потому нам пришлось сделать на съемках 24 дубля. При этом каждый раз я должен был в кадре отпивать из кружки несколько глотков свежего пива. В общем, к концу съемки я был уже слегка пьян и весел.

На следующий день на заседании нашего штаба странноватая университетская подружка Глазьева, которую он зачем-то втащил в избирательный список, гневно обрушилась на меня: «Как вы смели предложить такой ролик к показу! Общество трезвенников возмущено вашим поведением!» — «Передайте трезвенникам, что пиво было безалкогольное. Правда, Сергей Юрьевич?» — подмигнул я Глазьеву. Все посмотрели на Глазьева, под глазами

которого еще оставались набухшие следы изнурительной съемки.

«Пивной ролик» интриговал и привлекал внимание к нашей агитационной кампании, которую дальше мы вели уже в жестком и агрессивном ключе. Времени на раскачку и мобилизацию массовой поддержки у нас не было. Распространять в регионах тиражи газет и других печатных агитационных материалов было некому. Поэтому основные усилия и средства я сконцентрировал на телевизионных дебатах. Тем более что в списках «Родины» были блестящие полемисты, яркие и незаурядные личности, и грех было бы не использовать такую команду в прямом диалоге с избирателем.

Цеплять парламентское большинство было бессмысленно. Его представители проигнорировали дебаты как на государственных каналах, так и в передаче Савика Шустера «Свобода слова» на канале НТВ.

Коммунисты, апеллируя исключительно к ядру своих сторонников и не пытаясь расширить их число, тоже решили отказаться от участия в «Свободе слова». На дебаты регулярно ходили только мы, «Яблоко», «Народная партия» — ныне безвременно и бессмысленно почившая, ЛДПР и СПС.

В ходе дебатов, которые шли в прямом эфире, я фактически вел дуэль с представителями «Союза правых сил», которые выбрали «Родину» и меня лично в качестве своего главного врага. Я в долгу тоже не оставался. Вот эпизод одного из таких эфиров, приковавших к себе внимание, пожалуй, всей зрительской аудитории:

Ведущий: Пожалуйста. Борис Немцов. Борис Ефимович, и к вам тот же вопрос. Выступление президента. Да. И журналисты, и политики зарубежные, которые оплачиваются большими капиталами и используются, но, с другой стороны, он сказал, что никаких пересмотров не будет, изменений политических курсов. Вот это объединяет или раскалывает?

Борис Немцов: Вы знаете, мне очень не понравилось выступление президента. Дело вот в чем, он раскалывает общество такими заявлениями. Посудите сами. Посадили Ходорковского до суда, обращаю ваше внимание. Еще не доказана его вина. Кому-нибудь пенсию увеличили, зарплату увеличили? Сидят студенты, стипендии, может быть, им увеличили? Из страны вывезли деньги, прекратились крупные контракты, сократились инвестиции, сократились рабочие места, сокращаются поступления в бюджет. Результат? Нищая страна, больше бедных, и никакого экономического роста. Когда президент говорил, что надо удваивать валовой внутренний продукт, мы с ним были полностью согласны. То, что он сейчас

делает, прямо противоположно его заявлению в послании. Второй момент. Я посмотрел, и наши юристы посмотрели, по каким статьям обвиняется Ходорковский, 10 миллионов человек можно посадить в тюрьму по этим преступлениям. Это преступления, связанные, например, с деятельностью предпринимателей без образования юридического лица. Вместо того чтобы сажать Ходорковского, налоги надо с них брать. И наше предложение состоит в следующем. Да, действительно, у них есть сверхдоходы. Да, действительно, мы можем и должны увеличить природную ренту. Но не так, как блок «Родина» предлагает, безумные цифры совершенно, а на 120–150 миллиардов рублей. Одновременно с этим надо снизить налоги на все несырьевые сектора, чтобы развивалась промышленность, сельское хозяйство, малый и средний бизнес, наукоемкие технологии. И в этом суть нашего предложения. Мы в августе предлагали Кремлю это сделать. Мы посылал и им эти п редложен ия. Резул ьтат — посадил и, ден ьги из страны убежали, экономический рост остановится, а престиж России упадет. Вот и вся история.

Ведущий: Дмитрий Рогозин, вам слово.

Дмитрий Рогозин: Борис Ефимович, а как вы думаете, Чубайса посадят? (Хохот в зале, бурные аплодисменты аудитории.)

Борис Немцов: Вы знаете, этот вот вопрос мне напоминает Николая Ивановича Ежова. Вот если бы Дмитрий жил в то время, он бы в его стиле работал. Я вам должен сказать, мы одна команда, мы вместе 13 лет. Никому не удавалось нашу команду разбить, ни одному человеку, и даже Рогозину не удастся, никому. Мы были вместе, мы будем вместе, мы победим на этих выборах…

Все эти слова «вылинявший ковбой» Немцов говорил уже в пустоту. После моего краткого вопроса его более никто не слушал. Аудитория безоговорочно поддержала «Родину» в ее бескомпромиссной борьбе с олигархами и «адвокатами дьявола», В этом-то и была главная проблема наших «либералов»: занудно критикуя Путина и пафосно защищая Ходорковского, они не понимали, почему народ им не верит. А не верил народ им потому, что именно такие «реформаторы», как Чубайс и Немцов, несли главную ответственность за перегибы (какое мягкое слово!) ельцинских времен. А потому в устах Немцова и К° антипутинская риторика звучала как циничная ложь, и это лишь укрепляло авторитет президента страны.

Порой полемика на ток-шоу Савика Шустера была настолько острой, что публика забывала даже о кричащем и дерущемся в студии Жириновском, безуспешно пытавшемся переключить

внимание аудитории на себя. Лидер ЛДПР никак не мог простить Савельеву оплеуху, которой Андрей во время подобных дебатов «наградил» Жириновского за публичное глумление над памятью погибшего в Чечне сына генерала Шпака.

Предполагалось, что во время дебатов будут проводиться замеры мнения телезрителей. И уже после первого тура мы набрали больше 40 %. Это был первый результат. Впечатлительный Савик Шустер произнес: «Господа, мы присутствуем при рождении новой политической силы».

После того как еще в двух турах дебатов вначале я, а потом и Глазьев набрали большинство голосов зрительских симпатий, практику интерактивного голосования прекратили. Я догадывался, в чем дело, но все же решил справиться у Савика. Тот потупил взор и тихо произнес: «Машина для голосования сломалась…» Это означало, что конкуренты были встревожены ростом нашей популярности.

В разгар выборов парой гнусных реплик отметился Березовский. Поскольку пачкать нас ему было нечем, то он, подобно скунсу, решил задействовать внутренние ресурсы, заявив, что будто бы я просил у него денег. В ответ я передал лондонскому отшельнику, что считаю задачу «посадить Березу» главной обязанностью настоящего мужчины, не преуменьшая значение, конечно, и таких задач, как рождение сына и строительство дома.

Не прошло и недели, как в мой адрес по Интернету пришла угроза от другого отшельника — главаря чеченского бандитского подполья и «героя» буденновского роддома Шамиля Басаева. За его поимку или любую информацию о его местонахождении мы объявили гонорар за счет средств нашего избирательного фонда. Сделали это публично, подписав все необходимые юридические гарантии. Басаев воспринял наши действия серьезно и распространил через информационные агентства сепаратистов следующий любопытный текст (цитируется с сохранением особенностей орфографии и стиля Басаева):

> Избирательному сброду «Родина».
>
> В последнее время в СМИ Русни избирательный сброд «Родина» проводит дешевую компанию, предлагая за меня 500 тыс. долларов США. В связи с этим я обращаюсь к одному из лидеров сброда «Родина» Рогозину — «Что же ты, мразь, так мало предлагаешь? Или у вас денежки кончились? А где 150 млн. долларов, которые ты вместе с Лебедевым и тогдашним замминистра финансов Вавиловым украли у Московской

области, обесценив их ценные бумаги через Национальный Резервный Банк и «Инкомбанк»? Где 480 млн. долларов из так называемого «индийского контракта», которые вы опять же втроем — плюс Потанин, — прогнали через оффшоры на Сейшельских и Коморских островах, и через швейцарские банки частично вложили в «Связьинвест»?

Если эти деньги у вас закончились, то могли бы одолжить хотя бы у Жириновского, которому за одно сидение на унитазе Саддам заплатил наличными 5 млн. долларов. Советую тебе, жмурик, не мелочись и не трясись над деньгами, как Гобсек.

Без всякого уважения,

Абдаллах Шамиль Абу-Идрис.

О каких деньгах писал главный чеченский бандит, непонятно. Теперь, после того как он в 2006 году умудрился подорваться на собственной же мине и сам стал «жмуриком», я вряд ли узнаю ответ. Возможно, он перепутал меня с моим однофамильцем — бывшим первым заместителем Службы безопасности президента Ельцина, «кремлевским ясновидцем» генералом Георгием Рогозиным, а может, еще с кем-то. Но сам факт обеспокоенности Басаева за свою шкуру говорил о многом — даже террористы международного значения, согревавшиеся у костра в холодных горах Кавказа, думали и помнили о «Родине»!

Но вернемся к СПС. Повторю, что в 2003 году команда «отцов приватизации» снова рвалась к власти. В стране реально существовала угроза реставрации либерально-воровской идеологии. На самом деле это, наверное, и идеологией назвать трудно. Просто ее апологеты, в конце 80-х — молодые и наглые посредственности из околонаучной среды, заведующие лабораториями и свеженькие кандидаты наук, которые оттачивали краснобайство на тогда уже абсолютно безопасной критике научного коммунизма и политэкономии социализма, в начале 90-х оказались востребованы ельцинским режимом. Естественно, они унаследовали все комплексы советских разночинцев, замешанные на ненависти к СССР и мании начинать дело с разрушения (как поется в известном пролетарском гимне «Интернационал»). Это были случайные люди во власти, презиравшие все отечественное, и особенно русское, готовые ставить эксперименты над собственным народом.

И как только они оказались у кормила власти, они тут же забыли об эффективности экономики, демократии и общественном мнении и пустились во все тяжкие. Возможность в

считаные месяцы сколотить состояния, сравнимые с активами наследных принцев и воротил транснациональных корпораций, опьяняла, подавляла инстинкт самосохранения и способность соображать. Не удивительно, что многие представители этого поколения не дожили до нашего «светлого» времени.

Вскоре мне представилась возможность убедиться в правильности своих оценок духовного гуру СПС Анатолия Чубайса. На завершающем этапе избирательной кампании 2003 года уже были очевидны динамичный рост наших сторонников и фатальное ослабление позиций СПС. И Чубайс решил предпринять отчаянную попытку поправить свои дела, вызвав меня на дебаты один на один в популярном ток-шоу НТВ «К барьеру!». До даты выборов оставалось три дня.

Останкинская студия была забита сотрудниками службы безопасности Российского акционерного общества «Единая энергосистема России» (РАО «ЕЭС России»), которое Чубайс тогда возглавлял. Немало, видимо, натворил их глава за свою жизнь, если теперь его нужно так охранять. На гостевой трибуне сидела солидная «группа поддержки» Чубайса, представители которой все время строили мне какие-то рожи, а одна неуравновешенная дама со злыми глазками и говорящей фамилией Толстая пару раз показала мне язык. Наверное, это такие тонкие психические приемы наших либеральных «интеллигентов» для вывода оппонентов из состояния равновесия.

Чубайс придумал «страшилку», которой хотел осрамить «Родину» на всю страну, назвав нас с Глазьевым «национал-социалистами». Следуя его логике, я — вроде бы националист, судя по моей позиции по вопросам безопасности, борьбы с преступностью и внешней политике, а Глазьев — социалист, потому что выступает за социальную справедливость как основу экономического роста. В результате нехитрого сложения двух слов он вывел, что мы — «национал-социалисты» и «все прогрессивные силы человечества должны сплотиться против коричневой угрозы».

У меня сложилось впечатление, что Чубайс привык солировать, вдувая в уши аудитории свои тезисы, не допуская ни возражений, ни даже намека на полемику. Он представлял себе оппонентов только из стана ветхозаветных коммунистов, которым не упускал случая бросить: «Я вбил последний гвоздь в крышку гроба коммунизма».

В одной телепередаче две гламурные ведущие попросили Чубайса назвать какое-нибудь произведение русской классики, которое ему нравится больше всего. Я опешил, когда Анатолий Борисович тужился, но так и не смог вспомнить ни одного (!)

произведения, мотивируя это тем, что любовь к литературе у него отшибла советская школа. Применительно к образу Чубайса и его опыту управления государственным имуществом это, собственно, и не удивительно. Удивительно другое: как такие люди оказались во власти?

Впрочем, в смутные времена кто только не всплывает на поверхность! О грядущем наступлении бесов на Россию полтора столетия тому назад писал Федор Достоевский:

Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе. Между тем эти дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть. Хохотуны, заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, майоры и полковники, смеющиеся над бессмыс-ленностию своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, — все это вдруг у нас взяло полный верх.

Бесы, кстати, платили великому русскому писателю такой же ненавистью. Вот ответная речь Чубайса, опубликованная в*Financial Times:*

Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски.

Но вернемся «К барьеру!». Ведущий подал сигнал к атаке, и мы с Чубайсом сошлись в поединке. «Известный жулик и мошенник Остап Бендер знал тридцать три способа добровольного отъема денег у населения. А сколько знаете вы, Чубайс?» — нанес я первый удар. Дебаты (если это так можно назвать) длились почти три часа. Страсти кипели настолько, что чуть не началось побоище на трибуне гостей. К концу записи я устал смертельно. Сказывалось недомогание и эмоциональные перегрузки последних недель.

Накануне я вернулся из поездки по регионам с высокой температурой.

Смонтированная передача вышла на следующий вечер и собрала многомиллионную аудиторию. Я вел в счете до последней рекламной паузы, после которой мой счетчик остановился, а цифра звонков в поддержку Чубайса стала увеличиваться с космической скоростью.

В итоге я проиграл с небольшим отрывом. На экране зажглась реклама фирмы, обеспечивающей подсчет звонков, поступивших в студию: «Компания "МТУ-Интел"». Нетрудно было догадаться, что ее акционером является РАО ЕЭС.

Однако все эти «штучки» сыграли с Чубайсом и СПС злую шутку. Состоявшиеся через три дня выборы выявили, что блок «Родина» опередил СПС в три раза и триумфально прошел в Государственную думу, получив поддержку 9 процентов избирателей. В моем одномандатном округе я и вовсе получил рекордное для страны число голосов в свою поддержку— 79,3 процента. Не подвела нас и ставшая мне родной Воронежская область, 20 процентов избирателей которой поддержали блок «Родина» (в отдельных городах цифра превышала 50 процентов).

Отцы и дети

В конце августа 2004 года, когда осела пыль думских сражений по «монетизации», в сопровождении депутатов нашей фракции Юрия Савельева, Николая Павлова и Михаила Маркелова я выехал в Южную Осетию. Ситуация в отношениях России и Грузии становилась все более конфликтной. В Панкисском ущелье Грузии по-прежнему укрывалось и собиралось чеченское бандитское подполье. Действовали боевики открыто, готовя в своих диверсионных лагерях молодое террористическое пополнение.

В том же году к власти в Тбилиси пришел Михаил Саакашвили. Бывший «борец с коррупцией» и классный демагог, он буквально смял рыхлую администрацию Шеварднадзе. Однако степень его зависимости от грузинских воров была не меньше, чем у Седого Лиса, поэтому новая власть об оздоровлении республиканской экономики и налаживании добрососедских связей с Россией даже и не помышляла. Но народ по ее логике надо было держать в повиновении, а что, как не шовинистические призывы к «победоносной войне» с Абхазией и Южной Осетией, лучше всего могло мобилизовать голодную массу людей? Циничный Саакашвили это прекрасно понимал. Заручившись мощной поддержкой в Вашингтоне, он начал свое правление с раздачи угроз в адрес Цхинвала и Сухума.

В результате агрессивных действий нового руководства Грузии вокруг югоосетинской столицы сложилась крайне напряженная обстановка. Этот город, да и вся Южная Осетия отрезаны от Северной Осетии Кавказским хребтом и грузинскими селами. Добраться до Цхинвала непросто. Сначала надо проехать по лавиноопасной горной дороге до входа в Рокский тоннель на высоте 3000 метров, миновать пограничную заставу и преодолеть 3660 метров «просверленной» в горе Сохе неосвещенной «дороги жизни». Затем под колючими взглядами местных жителей, бросающих под колеса проезжающих мимо машин российские флаги и скомканные портреты Путина, надо пересечь четыре грузинских села и, наконец, притормозив у юго-осетинского блокпоста, въехать в Цхинвал. Дорога занимает почти полдня, но при плохой погоде или обострении вооруженного противостояния можно застрять в горах на несколько суток.

Нам повезло — до Цхинвала мы доехали без особых осложнений. В столице этой храброй республики нас тепло встретили президент Южной Осетии Эдуард Кокойты, спикер парламента и местные активисты нашей партии. Практически все

жители республики являются гражданами России, поэтому с организацией в Цхинвале партийной ячейки проблем у нас не было.

После коротких протокольных встреч и интервью республиканскому телевидению гости, журналисты и сопровождавшие нас лица вышли из президентского кабинета и оставили нас с Кокойты наедине. Президент сухо, по-военному, описал мне обстановку вокруг республики. Вооруженные провокации становились обыденностью. Город подвергался обстрелам. Жителей республики то и дело захватывали в заложники и только после жестких ответных действий Цхинвала отпускали. Несколько десятков жителей Южной Осетии содержались в грузинских тюрьмах без права на свидание с родственниками.

Руководство Грузии делало вид, что оно тут ни при чем. Мол, захват людей и обстрелы — дело рук некой «третьей силы». При этом люди Саакашвили кивали на чеченцев. В эти байки никто, конечно, не верил. Все понимали, что в зоне конфликта действуют натасканные американскими инструкторами части регулярной армии Грузии, в задачу которых входит сеять страх и выдавливать осетин в Россию.

Тем временем в театре Цхинвала нас ожидала огромная масса людей. Наверное, весь город собрался, чтобы увидеть и послушать депутатов популярной русской патриотической партии.

Люди не только забили весь достаточно вместительный зал, коридоры, ложи и балконы, но и заполнили всю площадь напротив театра и примыкающие к ней улицы. «Видишь, как тебя здесь встречают!» — довольно подмигнул мне севший рядом со мной в президиуме президент республики. «Это не меня встречают, а Россию!» — ответил я.

Действительно, жители Южной Осетии принимали нас с таким энтузиазмом, что в полной мере заразили всех своим восторженным настроением. Зал подхватывал каждое сказанное в микрофон слово и тут же разносил его по всему городу. Народ Южной Осетии мечтал вырваться из Грузии, но со своей родовой землей, в которой лежит прах его предков. Люди ждали от Москвы защиты, льнули к России, верили ей. Представление моих товарищей — Юрия Савельева, Михаила Маркелова и Николая Павлова — осетины встретили настоящей овацией, стоя. Некоторые даже плакали от счастья.

Я завершил свою речь обещанием сделать все от нас зависящее для скорейшего воссоединения осетинского народа. Зал буквально взорвался от восторга. В этот момент я

почувствовал себя совершенно счастливым человеком. Тысячи людей думали, как я, мечтали о России, верили в величие своей Родины, готовы были с оружием в руках бороться за нее. Наверное, только вдали от России можно любить ее так, как любили эти дорогие мне люди, с таким теплом принявшие меня в своем доме. В такие минуты политический лидер ощущает свою нужность, востребованность, проверяет, насколько его идеи отвечают чаяниям масс. Это и есть момент истины, рождающей в политике чувство единства с народом.

Встреча проходила дольше запланированного, да и прощание на улице у нас затянулось. Наконец, рассевшись по машинам, мы тронулись в обратный путь.

Во Владикавказе в гостинице нас уже несколько часов ожидал председатель Верховного Совета Северной Осетии Теймураз Мамсуров. Он просил нас вернуться засветло, чтобы рано утром 1 сентября перед вылетом в Москву из аэропорта Беслана заехать в одну из местных школ поздравить детей и родителей с Днем знаний. Речь шла о школе № 1 — дети Мамсурова учились именно там. По дороге в аэропорт с заездом в школу можно было обсудить итоги поездки в Цхинвал. Так мы и договорились.

Однако наше возвращение во Владикавказ явно затягивалось. Лидер Южной Осетии Эдуард Кокойты сообщил, что его охране поступила информация о подготовке грузинскими боевиками провокации на подступах к Рокскому тоннелю, и настоял на изменении маршрута. Мы двинулись в объезд — живописной и разбитой дорогой. Преимущество этого пути состояло только в одном — он полностью контролировался вооруженными подразделениями Южной Осетии.

Наконец колонна наших машин остановилась у самого въезда в тоннель, где мы были уже в полной безопасности. На вершине холмов, несмотря на опустившиеся сумерки, просматривались осетинские дозоры. В считаные секунды на капотах машин были накрыты импровизированные столы. Традиционные осетинские «три пирога», зелень, свежие овощи — все пришлось кстати. Выпив на прощание, мы обнялись с нашими новыми друзьями, сели в машины и нырнули в черную дыру тоннеля.

Во Владикавказ мы прибыли глубокой ночью — уже в третьем часу. Каково же было мое удивление, когда в холле гостиницы я увидел ожидавшего нас Теймураза Мамсурова. «Законы моей республики не позволяют мне оставить вас одних!» — сообщил он тоном, не терпящим возражения. Проговорив еще час, мы решили отказаться от идеи посещения школы — после тяжелой дороги хотелось сберечь хоть немного времени для сна. Теймураз сжалился над нами, сказав, что раз так, провожать нас в аэропорт

Беслана он не поедет и останется во Владикавказе поздравить с Днем знаний студентов республиканского университета.

Утром в сопровождении сотрудника пресс-службы главы республики и милицейской машины мы выехали в аэропорт. Дорога заняла не более получаса. В депутатском зале нас ожидали местные журналисты, уже расставившие на столе свои микрофоны. Я сел напротив и начал брифинг. Вдруг ко мне подошел мой помощник и, наклонившись, тревожным голосом сообщил, что в семи минутах от нас в городе Беслане только что неизвестные лица захватили школу.

Представить себе истинный масштаб трагедии никто из нас, конечно, не мог. Тем не менее мы сразу приняли решение отложить возвращение в Москву. В ту минуту мы еще не знали, что уже через полчаса аэропорт Беслана будет закрыт, все рейсы отменены, а пассажиры с уже заправленного самолета на Москву — сняты.

На полной скорости мы влетели в город и чуть не попали в сектор обстрела. В 50 метрах от нас трещали автоматные очереди. Водитель резко затормозил, мы быстро покинули машину. Тут же напротив меня с ревом остановился БТР. На нем в касках и бронежилетах к месту трагедии прибыли осетинские омоновцы. Они спрыгивали с брони, передергивали затворы автоматов и разбегались в разные стороны, выставляя первую линию оцепления.

У входа в здание примыкающего к школе районного отдела милиции стоял человек. Он был крайне взволнован. По его мокрой от пота рубашке я догадался, что передо мной один из тех немногих счастливчиков, кому чудом удалось сбежать под носом боевиков из захваченной школы.

Мужчина назвал мне примерное количество заложников — около 800 человек — и описал мне первые секунды захвата. По его словам, террористов было никакие меньше 30 человек.

Я передал свидетеля для дальнейшего допроса подоспевшему майору милиции, включил мобильный телефон и набрал номер спецкоммутатора. Кратко объяснил ответившей мне барышне, кто я, где нахожусь, что произошло, и потребовал срочно соединить меня с руководством страны. Кроме того, я попросил немедленно доставить в Беслан машину специальной мобильной правительственной связи для оборудования штаба по спасению заложников и организации прямого контакта с Кремлем, ФСБ и Генштабом.

С первой минуты пребывания в Беслане мы понимали, что оказались в центре масштабной катастрофы. Очевидно, что в такой ситуации основные решения по ходу операции должны

были приниматься не во Владикавказе и даже не на уровне президентского полпреда, а только в Москве — лично главой государства.

Через минуту в окружении военных я заметил президента Северной Осетии Александра Дзасохова. Рядом с ним стоял Теймураз Мамсуров. На нем лица не было — в школе, куда он на торжественное открытие нового учебного года хотел пригласить и нас, среди заложников-учеников оказались его дети — сын и дочка.

Мы зашли во внутренний двор какого-то служебного помещения. Наконец запыхавшиеся помощники Дзасохова принесли карту города и схему школы. Еще минут через десять доставили выброшенную из школы первую записку, в которой террористы излагали свои требования. Вот ее текст:

8–928–738–33-374 Мы требуем на переговоры президента республики Дзасохова, Зязикова, президента Ингушетии, Рашайло, дет. врача. Если убьют любого из нас, расстреляем 50 человек. Если ранят любого из нас, убьем 20 человек. Если убьют из нас 5 человек, мы все взорвем. Если отключат свет, связь на минуту, мы расстреляем 10 человек.

Как выяснится позже, номер телефона был ошибочным. Что касается «дет. врача Рашайло», то в штабе сочли, что имелся в виду глава «Фонда помощи детям при катастрофах и войнах» известный и уважаемый доктор Леонид Рошаль.

Вообще, террористы действовали грамотно. В отличие от некоторых наших излишне разговорчивых силовиков, самодовольно выбалтывающих по телевизору свои служебные тайны и секреты антитеррористической деятельности, бандиты полностью учли опыт «Норд-Оста», предусмотрев возможность использования спецслужбами усыпляющего газа и других спецсредств. А у нас даже не нашлось толковых переговорщиков и авторитетных посредников, способных добиться освобождения хотя бы части заложников. Те, что были задействованы, в том числе доктор Рошаль, при всем моем глубоком уважении к их профессионализму и мужеству, оказались излишне словоохотливыми.

Можно себе представить, что боевики сделали бы со знаменитым «Айболитом» доктором Рошалем, попадись он им в руки! Ведь после теракта в Москве на Дубровке по телевидению было в деталях рассказано, какую ценную информацию предоставил ФСБ допущенный боевиками в зал с заложниками детский врач, подробно описав специалистам характер взрывных устройств и размещение в зрительском зале театра «женщин-бомб». Неужели после такой «рекламы», да еще и награждения

доктора заслуженной правительственной наградой он мог бы оказать какую бы то ни было пользу в деле освобождения бесланских детей? Нет, конечно. В глазах террористов Рошаль был «информатором ФСБ».

Кому-то может показаться, что боевики специально вызвали его в школу, чтобы казнить, отомстив за гибель своих подельников. Немного зная нравы боевиков, я в это никогда не поверю, как не верил и тогда — в первые минуты после захвата школы.

У меня на сей счет есть своя версия. Я уверен, что записку под диктовку руководителя бандгруппы писала одна из погибших впоследствии женщин-заложниц. Находясь в состоянии аффекта, несчастная жертва не только ошиблась при указании телефонного номера для связи, но и от себя приписала после фамилии «Рашайло» слова «дет. врача». На самом деле террористы требовали к себе бывшего министра внутренних дел, секретаря Совета безопасности России Владимира Рушайло.

Своими сомнениями в интерпретации записки я сразу поделился с руководством оперативного штаба. Но на мои доводы никто не обратил внимания, и в Москву полетела просьба срочно доставить в Беслан знаменитого доктора. Саму же записку начальники бросили на столе служебного помещения, и только по моей подсказке кто-то из старших офицеров забрал ее с собой. Примеров такого рода небрежности и растерянности я наблюдал в действиях руководства оперативного штаба по освобождению заложников немало.

Наконец участники совещания определились с местом базирования штаба, остановив свой выбор на расположенном поблизости здании районной управы. Толпа начальников выдвинулась туда пешим ходом и чуть было не попала в зону обстрела. Чтобы защитить руководство республики от пуль снайперов-террористов, кто-то из военных придумал закрыть брешь между домами омоновским БТР, но это тоже был не самый умный вариант. На глазах всего разбуженного как улей города главе республики, спикеру североосетинского парламента, депутатам Госдумы и группе милицейских и армейских генералов было предложено, как зайцам, скакать от дома к дому, преодолевая сектора обстрела. При этом спецназовцы должны были прикрывать это чудовищное шоу огнем, броней и собственными телами. После обмена отборным матом между политическим и силовым руководством Северной Осетии решено было добираться до будущего штаба на автотранспорте — в объезд.

Через пять минут мы уже были на месте. Дзасохов, Мамсуров

и мои товарищи заняли два небольших кабинета на третьем этаже, где вскоре уже был оборудован пункт правительственной связи. Остальные помещения заняли военные и сотрудники боевых подразделений ФСБ. Их штаб, куда не пускали даже Дзасохова, разместился на первом этаже. Старшие офицеры спецназа расположились на втором этаже и в соседнем крыле третьего этажа.

Вскоре в здание оперативного штаба вошли примчавшиеся в Беслан полпред президента в Южном федеральном округе (ЮФО) Владимир Яковлев, заместитель генерального прокурора в ЮФО Сергей Фридинский и заместитель директора ФСБ Владимир Проничев. Не было только президента Ингушетии Мурата Зязикова. Я знал его номер мобильного, набрал на всякий случай и неожиданно соединился. «Кто это?» — настороженно отозвался Мурат. «Это я, Мурат! Рогозин! Хорошо, что дозвонился до тебя! Ты в курсе, что здесь произошло? В Беслане, я имею в виду. Ты где? Тебя все ищут. Дзасохов и москвичи…» — прокричал я в трубку. «Я далеко», — ответил Зязиков и отключился.

Я передал содержание моего разговора Дзасохову и Фридинскому. Оба перемигнулись, но ничего не сказали. Про Зязикова тут же забыли. Все охотились за новой информацией. Казалось, спокойствие сохранял только приехавший из Цхинвала Эдуард Кокойты, с которым я еще совсем недавно прощался у въезда в Рокский тоннель. Похоже, у Кокойты с Дзасоховым были натянутые отношения — мужчины сухо поздоровались и больше почти не разговаривали.

Особенное оживление вызвал прилет в Беслан доктора Леонида Рошаля. Генералы вились за ним хвостом, как будто он и есть наш главный «золотой ключик» от захваченного бандитами ларца. Ему сразу предоставили отдельную комнату и телефон для связи с боевиками в школе.

Доктор прикрыл за собой дверь и начал дозваниваться в школу. Телефон не отвечал. Как я уже говорил, в записке, выброшенной террористами, был указан неправильный номер.

Через пару часов оперативным сотрудникам ФСБ все же удалось выйти на связь с боевиками в школе. Они соединили «Рашайло, дет. врача» с кем-то из главарей, но разговор не получился — по всей видимости, никто доктора в школе не ждал и, несмотря на его настоятельные предложения, к захваченным детям его не подпустили.

Рошаль был подавлен. Его настроение тут же передалось всем генералам. Только один из них, то и дело останавливавший Дзасохова от очередного порыва пойти в школу, театрально приговаривал: «Ничего! Бывало и хуже!»

Никакого особого плана, как спасать заложников, в оперативном штабе не было. Но и трусов среди тех, кто оказался в тот момент в Беслане, тоже не было — все были готовы идти добровольцами в школу в обмен на освобождение детей.

Посовещавшись с моими товарищами, я предложил использовать нас — депутатов Государственной думы — для обмена на детей-заложников. Дзасохов поблагодарил меня и сказал, что наша помощь действительно может понадобиться, хотя силовики и Москва выступили категорически против такого варианта. Тем не менее я еще раз предупредил президента Северной Осетии о своей готовности к обмену на детей-заложников. С учетом моего статуса руководителя думской фракции я рассчитывал, что террористы дадут за меня не менее ста детишек.

Вообще, легко сейчас говорить об этом. Но как передать ту отчаянную ответственность и одновременно вполне объяснимый страх перед лицом неотвратимой смерти? У меня не было ни малейших сомнений, что в случае обмена мне живым из школы не выбраться. Этот мерзкий, навязчивый страх, какого я до сих пор не испытывал, даже находясь на передовой в Приднестровье или в Боснии, заставлял прислушиваться к каждому шагу за дверью. Я все время ждал, что за мной наконец придут. Я ждал этого и даже хотел, чтоб так оно и вышло.

Я представлял, как мучаются эти маленькие ни в чем не повинные создания, без еды, воды и надежды на спасение. Я ненавидел тех, кто в своем фанатизме был готов отправить на тот свет самых беззащитных, не способных им ответить ребятишек. Я стремился им на помощь — всем сердцем и душой, но не хотел, чтобы их мучители зарезали меня как барана. Одно дело — погибнуть с оружием в руках в бою, забрать с собой — «туда» — парочку бородатых уродов, другое — сдаться бандитам и покорно принять смерть.

У меня было время, чтобы все это хорошенько обдумать. Решение идти в школу было принято мной сразу и окончательно… но это постоянное ожидание шагов за дверью — в течение всего первого дня и бессонной ночи, потом второго дня и второй бессонной ночи и так до самой трагической развязки 3 сентября — изводило меня.

Если вам кто-то скажет, что человек в такие минуты не должен бояться за свою жизнь, плюньте ему в рожу. Все люди, если они нормальные, хотят жить. Но ситуация иногда не оставляет выбора. Если вы политик, общественный человек, если у вас есть репутация и вы ею дорожите, если у вас, в конце концов, есть совесть и сострадание, вы пойдете в эту чертову

школу, каким бы сильным и изворотливым ни был владеющий вами страх.

Шло время. К вечеру 1 сентября я решил отправить двоих наших депутатов — Николая Павлова и Юрия Савельева — в Москву для того, чтобы они убедили руководство Думы созвать внеочередное заседание палаты. Нечего им было без дела болтаться в штабе, а так хоть какой-то возможный толк. В Беслане рядом с собой я оставил только Михаила Маркелова — журналиста, проработавшего практически во всех горячих точках бывшего СССР. Он мне мог пригодиться.

Будучи опытным дипломатом и просто умным человеком, глава Северной Осетии Александр Дзасохов горячо поддержал нашу идею собрать экстренное заседание палат российского парламента, задействовать механизмы внешнего, международного давления на террористов, среди которых, по оперативным сведениям ФСБ, были и иностранные наемники.

Вместе с тем из Москвы то и дело поступали странные, неадекватные предложения, которые вносили в работу штаба дополнительную сумятицу. Например, меня попросили организовать прием в Беслане группы чеченских женщин, которые по инициативе вице-премьера чеченского правительства Рамзана Кадырова планировали организовать в городе митинг в поддержку заложников. Я резко возражал. Этого нельзя было делать. Разъяренные бесланские осетины набросились бы на непрошеных гостей.

Потом сообщили о возможном «депутатском десанте в помощь штабу». Я не выдержал, перезвонил Дмитрию Медведеву, тогда занимавшему пост главы администрации президента, и попросил его запретить весь этот «туризм». Город ждал от штаба и Москвы реальной помощи, а не официальных визитов. Медведев обещал это и сдержал слово. Нелепые инициативы тут же прекратились.

Несмотря на наступление ночи, город гудел. Казалось, никто не спал. Суровые бесланские мужчины, вооружейные охотничьими ружьями и даже автоматами, тяжелым взглядом встречали и провожали каждого незнакомца.

Примерно в два часа ночи мы с Эдуардом Кокойты вышли из штаба, чтобы подышать свежим воздухом. Нас сразу узнали и пригласили переговорить с родственниками заложников. Поглядывая, не отстаем ли мы, люди быстрым шагом сопроводили нас во внутренний дворик местного Дворца культуры. Живой поток сотен горожан буквально внес нас в зал. Все молча расселись. Те, кому не хватило кресел, остались стоять в коридорах.

Еще вчера такой же осетинский зал в Цхинвале овациями встречал каждое мое слово. Теперь я стоял внизу сцены, в проходе первого ряда, с микрофоном в руке и тяжелыми мыслями в голове.

Бесланские осетины, чьи дети, жены, мужья, сестры и братья лежали на полу залитого кровью школьного спортзала, без еды, воды, но с надеждой на спасение, внимательно смотрели на меня и ждали хоть какой-нибудь информации. Я оглянулся на президента Южной Осетии и еле слышно попросил его начать встречу.

Кокойты заговорил на родном языке. Из зала послышались возгласы и женские всхлипывания. Но в основном люди слушали своего земляка внимательно. Эдуард перешел на русский и представил меня. «Знаем его. Пусть говорит!» — прокричал кто-то с задних рядов.

Я поднялся на сцену и произнес следующие слова:

— Дорогие мои бесланцы! Так получилось, что беда, свалившаяся на ваш город, застала меня в поездке по республике. Я остался, чтобы попытаться хоть чем-то помочь спасти ваших детей.

Обещаю вам одно: я и мои друзья, которые сейчас находятся в Беслане, готовы к обмену на ваших родных и близких. Если бандиты согласятся на такой обмен, он немедленно состоится.

Второе. В ваш город уже прибыли лучшие в стране специалисты по антитеррору. Они — высокие профессионалы. Все мы будем молиться, чтобы они достойно выполнили свою задачу.

Больше мне пока нечего вам сказать. Дай Бог нам всем здоровья и удачи!

Я сошел со сцены и направился к выходу. Никто мне не препятствовал, никто не задал ни одного вопроса. Все ждали чуда, верили в счастливое разрешение судьбы заложников и боялись выдать предчувствие катастрофы.

После того как мы уже отошли от Дворца культуры, сзади послышались крики: «Передайте Дзасохову, пусть выйдет к народу!», «Пусть он посмотрит нам в глаза!», «Если будет штурм, вы все умрете!».

Выстрелы из школы и разрыв гранаты из подствольного гранатомета метрах в двухстах от нас заглушили эти голоса. С тяжелым настроением мы с Эдуардом вернулись в здание оперативного штаба. Мрачное ожидание развязки продолжалось всю ночь.

Надо сказать, что отсутствие какой бы то ни было информации и нежелание представителей руководства республики общаться с людьми бесили горожан. Все подозревали,

что силовики готовят штурм школы. Никто не верил обещаниям «по-голливудски» бескровной операции.

Назначенный руководителем оперативного штаба начальник управления ФСБ по Республике Северная Осетия генерал Валерий Андреев в основном общался со СМИ, выступая в роли своеобразного громоотвода. Очевидно, что подготовкой операции руководил не он, а его непосредственные руководители, находившиеся где-то неподалеку.

Надо сказать, что крайнее возмущение среди горожан вызвало обнародование информации о количестве узников в школе. Откуда появилась цифра в 365 пленников? Это не был умышленный обман. Эта цифра отражала неполные данные, сведенные на основе информации родственников заложников. Кто-то из них из теленовостей узнал о существовании телефона оперативного штаба и сумел по нему дозвониться до дежурного. Однако такая цифра не могла соответствовать истинному числу заложников в принципе.

Во-первых, в лапы террористов заложники могли попасть целыми семьями, и позвонить в штаб было просто некому. Во-вторых, многие бесланцы, дежуря на улицах целыми сутками, за теленовостями не следили и не могли знать о существовании такого дежурного телефона. В-третьих, многие горожане не сочли возможным делиться с москвичами лишней информацией, опасаясь, что она может только навредить попавшему в беду родному человеку.

Так или иначе, обнародование неполных данных о числе заложников вызвало возмущение в городе. Бесланцы были убеждены, что речь идет о преднамеренной лжи, распространяемой штабом для сокрытия факта подготовки вооруженного штурма, и попытке занизить число будущих жертв.

Очень насторожили бесланцев новостные программы федеральных каналов, в которых сообщалось, что на заседании правительства 2 сентября 2004 года министры обсуждали вопросы сельского хозяйства. «Они нам скоро "Лебединое озеро" по ящику крутить будут. Ваш Путин скрывает правду о Беслане!» — раздавались возмущенные голоса горожан в трубке оперативного дежурного. Сложно было объяснить людям, что Москва только и думала, как помочь детям-заложникам. Президент Путин искал решение. Он искренне переживал. Я это точно знаю.

Агенты бандитов в городе, а я уверен, что их было немало, умело подхватили волну смятения и стали настойчиво формировать в толпе мнение, что спасти детей может только «живое кольцо», которым родственники заложников должны

окружить школу для воспрепятствования силовым действиям федералов. К обеду второго дня угроза открытия «второго фронта» из числа вооруженных бесланцев, раздраженных отсутствием прогресса в деле освобождения заложников, стала реальной.

Оказалось, что в штабе вообще не нашлось руководителей, умевших говорить с людьми, успокаивать их и настраивать на взаимодействие с силами антитеррора. Представители республиканских властных структур продемонстрировали неумение брать сложные ситуации под контроль, принимать на себя ответственность, в конце концов. Не потом на похоронах посыпать голову пеплом и становиться на колени перед могилами невинных жертв. А действовать тогда, когда еще можно было спасти сотни маленьких граждан России, попавших в руки к насильникам и бандитам.

Осетинское руководство ждало команды из Москвы, а Москва ждала развития ситуации. Мои попытки наладить хоть какое-то взаимодействие между различными группами влияния в оперативном штабе всякий раз натыкались на вежливый отказ.

Днем 2 сентября в Беслане произошло важное событие, укрепившее в нас надежду на чудесное спасение детей. Боевики согласились впустить в школу бывшего президента Ингушетии Руслана Аушева. Получив последние рекомендации от руководства штаба, он уверенным шагом направился к школе. Вскоре Аушев появился с малышом на руках. С ним вышло еще несколько заложников с грудными детьми.

Штаб ликовал. Удача вдохновляла. Начальство смущало только одно обстоятельство — Аушев вернулся с новой запиской с требованиями Шамиля Басаева к Кремлю. Эти требования в штабе сразу сочли невыполнимыми. Вот ее текст:

> От раба Аллаха
> Шамиля Басаева
> Президенту РФ
> В.В. Путину
>
> Владимир Путин, эту войну начал не ты. Но ты можешь ее закончить, если тебе хватит мужества и решимости Де Голля.
>
> Мы предлагаем тебе разумный мир на взаимно выгодной основе по принципу: «Независимость в обмен на безопасность».
>
> В случае вывода войск и признания независимости Чеченской Республики Ичкерия, мы обязуемся: не заключать ни с кем против России никаких

политических, военных и экономических союзов, не размещать на своей территории иностранные военные базы, даже на временной основе, не поддерживать и не финансировать группы или организации, ведущие вооруженные методы борьбы против РФ, находиться в единой рублевой зоне, войти в состав СНГ.

Кроме того, мы можем подписать ДКБ, хотя нам более приемлем статус нейтрального государства.

Также мы можем гарантировать отказ всех мусульман России от вооруженных методов борьбы против РФ как минимум на 10–15 лет, при условии соблюдения свободы вероисповедания (что, кстати, закреплено в Конституции РФ).

Мы не имеем отношения к взрывам домов в Москве и Волгодонске, но можем в приемлемой форме и это взять на себя.

Чеченский народ ведет национально-освободительную борьбу за свою Свободу и Независимость, за свое самосохранение, а не для того, чтобы разрушить Россию или ее унизить. Будучи свободными, мы будем заинтересованы в сильном соседе. Мы предлагаем тебе мир, а выбор за тобой.

Аллаху Акбар

Подпись

30.08.04

Записка была немедленно отправлена в Москву для экспертизы и принятия по ней решения. Вдруг кто-то в штабе решил скрыть сам факт существования записки и требований, изложенных в ней. Это была еще одна глупость. Записку из здания школы выносил опальный ингушский лидер. Он читал записку и в случае необходимости мог подтвердить ее содержание. Зачем тогда нужно было ее скрывать?

Во вторую бессонную ночь я пошел проведать своего друга, депутата Михаила Маркелова. Опытный журналист, облазивший все горячие точки, он передружился с осетинскими милиционерами и устроился в штабе республиканского МВД. Все предыдущее время с помощью СМС мы постоянно поддерживали друг с другом связь, обмениваясь последней информацией, подбадривали друг друга, готовясь к возможному обмену на детей-заложников.

Мы оба чувствовали приближение развязки. Общительный, легко вступающий в контакт с людьми, Михаил установил

доверительные отношения с представителями осетинского ополчения и местными казаками, которые снабжали его бесценными сведениями об обстановке в городе и вокруг школы. Вскоре мы распрощались, и я вернулся в оперативный штаб.

Не прошло и пары часов, как Михаил прислал новое сообщение: «Нужно срочно встретиться». Время было семь утра. Наступил третий день ожидания развязки.

Через пять минут Маркелов уже буквально взлетал по лестнице оперативного штаба. На одном выдохе он сообщил, что в сопровождении казаков ему удалось ночью подползти к зданию школы на расстояние всего нескольких метров и остаться совершенно незамеченным. Он слышал, как в школе приглушенно разговаривали боевики, видел, как несколько террористов вышли из здания, чтобы проверить зажигание стоявших рядом «легковушек». Также незамеченными нашим лазутчикам удалось ретироваться.

Полученные сведения нужно было срочно довести до сведения силовиков. Если к входу в школу удалось подобраться депутату, то уж бойцы спецназа легко смогут повторить тот же трюк.

На третьем этаже штаба мы нашли прокурора Сергея Фридинского и старшего офицера «Альфы». Михаил повторил свой рассказ, разложил на столе карту местности и указал на ней скрытые подходы к школе. Офицер ФСБ поблагодарил нас и побежал искать свое руководство.

Напряжение в штабе росло от часа к часу. Дзасохов метался по кабинету, переживал, чувствуя свою беспомощность.

Неожиданно на мобильном Теймураза Мамсурова раздался сигнал вызова. Из школы звонили его дети. Теймураз даже не успел узнать, как они себя чувствуют, как трубку вырвал кто-то из боевиков. Он предостерег осетинского спикера от организации штурма школы, сказал, что дети Мамсурова умрут первыми, требовал, чтобы родственники остановили действия силовиков. Судя по всему, мое предположение о стремлении боевиков прикрыться от спецназа «живым кольцом» родственников заложников оказалось верным.

Кто-то сообщил наверх, что милицейский снайпер наблюдает в школе какое-то движение, будто бы боевики начали устанавливать телевизионную аппаратуру и спутниковую «тарелку» для организации вещания из помещения захваченного ими здания. «Этого нам еще не хватало!» — прокричал кто-то в коридоре.

Президент Северной Осетии Дзасохов решил наконец собрать небольшое совещание в помещении на третьем этаже. Он только

что вернулся со встречи с бесланцами, где поклялся им, что никакого штурма не допустит. Все были взвинчены до предела. Срок ультиматума, выдвинутого боевиками, истекал утром 4 сентября. Время стремительно улетучивалось, положение детей-заложников, лишенных не только хлеба, но и воды, становилось все более тревожным. Москва переваривала записку Басаева, что-то замышляла и пока молчала. Молчали и силовики.

Я включил телевизор. Было 13.00. Шел специальный выпуск «Вестей», репортаж из Ингушетии. Камера снимала интервью жены одного из боевиков, установленного ФСБ в качестве участника захвата школы. Женщина говорила на вайнахском, снизу бегущей строкой шел русский перевод. Я обомлел. Женщина фактически давала понять, что она и ее четверо детей взяты в заложники:

Я не по своей воле сюда попала, ты меня понимаешь… То, что ты в силах сделать, — сделай. Посмотри, чтобы детям ничего не было. Я не знаю, что мне делать. Просто ты меня, наверное, поймешь. <…> Аллах вам в помощь. В этом, дай Аллах, чтобы все завершилось в лучшую сторону, как вы хотите. Мне никто ничего не сделал и ничего не сделает. Ничего не будет, все в воле Аллаха.

Потом она перешла на русский и что-то пробормотала о необходимости освободить детей.

Я удивленно посмотрел на стоящих рядом Яковлева и Дзасохова. Такой разворот событий смахивал на провокацию. Интересно, кто-нибудь из профессиональных пропагандистов смотрел эту подстрекательскую глупость до выхода материала в эфир? «За такую работу надо яйца отрывать!» — сказал я остолбеневшим у телевизора членам штаба. Через мгновение со стороны школы послышалась стрельба и взрывы. «Вот! Вот их ответ!» — закричал Дзасохов. Все остальные мрачно молчали.

В 13.03 раздался страшный взрыв.

Мы слетели на первый этаж и ворвались в помещение штаба ФСБ. Помимо генерала Проничева и еще нескольких лиц в штатском в комнате находились Руслан Аушев и ингушский предприниматель Михаил Гуциев. Последний пытался по мобильному соединиться с главарем боевиков. Пока он набирал номер, раздался еще один мощный взрыв.

Наконец произошло соединение: «Алло, алло! Что у вас там взорвалось? Нет! Никакого штурма нет! Прекратить огонь? Да! Прекращаем!»

Гуциев пытался перекричать в трубку грохот боя и беспорядочную стрельбу, но связь оборвалась. «Он сказал, что мы штурмуем и что все сейчас погибнут!» — с нескрываемой досадой

передал он стоящим рядом генералам последние слова главаря боевиков и, застонав, плюхнулся на диван.

Аушев закрыл лицо руками. Дзасохов завыл. Все бросились во внутренний двор здания. Отсюда было видно, как над школой поднимается гриб светло-серого дыма. Я достал мобильник и набрал жене СМС: «Взрыв в школе. Бой».

Мимо меня пронеслись несколько офицеров спецназа. Бронежилеты и каски-сферы они застегивали на ходу.

«К школе, к школе!» — кричали офицеры друг другу. В этот момент я крепко пожалел, что оставил в Москве свой наградной пистолет.

Охрана покинула здание штаба, оставив его совсем без прикрытия. Кто-то из офицеров ФСБ подскочил ко мне и потребовал, чтобы я «срочно уходил, так как две шахидки и группа боевиков вырвались из школы и могут попытаться захватить сам штаб или городскую больницу». Такое сложно было себе представить, несмотря на весь бардак в организации осады захваченной школы. «Но Мишка-то сумел пробраться к школе, будучи незамеченным не только боевиками, но и федералами! — подумал я. — Значит, все возможно».

На лестничной площадке между первым и вторым этажами я наткнулся на сбившихся в стадо представителей штаба. Никто не знал, куда бежать и где укрыться от возможной контратаки боевиков. Полпред Владимир Яковлев даже предложил отстрелить замок на решетчатой двери, ведущей в подвал, и спрятаться там. Это уже было похоже на панику.

Я решил оставить перепуганных граждан и пробраться на третий этаж, где находился правительственный коммутатор. Быстро миновав простреливаемое окно, я влетел в штабную комнату. Сквозь грохот кружащих в небе боевых вертолетов, взрывов и пулеметной стрельбы услышал, как буквально разрывается аппарат спецсвязи.

Звонил начальник Генерального штаба Юрий Балуевский. Он просил найти кого-нибудь из начальства ФСБ, чтобы согласовать действия спецназа ГРУ. Я попросил генерала «повисеть» на трубке и выглянул в коридор. Схватив за руку пробегавшего мимо нужного мне офицера, командира оперативной группы ФСБ по Северному Кавказу, я затолкал его в комнату спецкоммутатора. Полковник доложил Балуевскому о первых потерях спецназа, об «обработке» вертолетами ближайшего леса, где якобы находилась «вторая группа боевиков», и некоторые другие важные подробности боя.

«Полковник!» — обратился я к офицеру. Он прикрыл трубку ладонью и посмотрел на меня. «Есть мнение, — я показал

пальцем в небо, — кого-то из боевиков надо взять живым». Я внимательно смотрел в глаза офицеру. Он кивнул и продолжил разговор.

Я спустился вниз и побежал к школе. По улице неслись кареты «Скорой помощи». Гражданские люди прятались от шальных пуль за углом нашего здания. Вокруг взорванной школы рвались гранаты. Бой не стихал.

Мы оказались совсем рядом со школой, когда из нее стали выбегать чудом выжившие после взрыва и начавшегося пожара дети. Ребята выносили их из-под обстрела на руках и передавали санитарам и ополченцам. Надо отдать им должное, все мои товарищи вели себя во время боя исключительно мужественно.

Около половины пятого меня срочно вызвали в штаб. Глава республики Александр Дзасохов, черный от горя, взял меня за руку и сказал: «Прошу вас срочно вылететь в Москву. В аэропорту вас ждет самолет. Здесь все кончено. Спасибо вам за все. Но сейчас надо остановить новую войну осетин с ингушами. Мой народ хочет отомстить горцам-вайнахам. Летите в Москву и попытайтесь убедить руководство немедленно заблокировать нашу административную границу с Ингушетией. У вас это получится».

Дзасохов обнял меня на прощание, и я немедленно покинул штаб. На выходе из здания я на секунду остановился. Спецназовцы тащили захваченного боевика, прикладами забивая его в дверь подвала. Ту самую, которую кое-кто из штаба еще пару часов назад пытался отстрелить из пистолета.

Боевик — потом станет известно, что его зовут Нурпаши Кулаев, — страшно кричал, просил его помиловать, целовал ботинки офицеров. Мерзкая сцена…

Что на самом деле привело к взрывам в бесланской школе № 1, я не знаю. Политики и специалисты еще долго будут спорить об истинных виновниках трагедии. Тем временем Беслан будет жить памятью о 335 невинно убиенных детях и взрослых — жертвах террора, — как живет черной славой уж который год ставропольский город Буденновск— Святой Крест.

Идиот

В начале 2006 года после снятия нашей партии с выборов в Московскую городскую думу (эту безобразную историю, за которой стоял Юрий Лужков, я подробно описал в своей книге «Враг народа») я пришел к необходимости покинуть все значимые посты в партии и парламентской фракции. Я не считал, что вправе рисковать моим политическим детищем — партией, в которую вложил всю свою страсть и энергию, с которой связал надежды на положительные изменения в стране. Но решение о своем уходе я не мог принять в одиночку. Я никогда бы не покинул капитанский мостик, если бы команда потребовала от меня остаться на посту лидера партии. Но я должен был знать, готовы ли мои соратники подвергать свое личное благополучие испытаниям, сохраняя верность партии.

Я решил собрать чрезвычайный съезд и поставить вопрос ребром, готов ли актив партии сохранить своего лидера, или же съезд согласится принять мою отставку в обмен на обещания внешних врагов партии прекратить шантаж, преследования и угрозы снять с выборов.

Этот внеочередной съезд состоялся 25 марта 2006 года. Я попросил у делегатов отставки и назвал имя преемника — первого заместителя руководителя фракции «Родина» Александра Бабакова. Пряча в пол глаза, мои товарищи проголосовали «за» отставку. Потом вдруг все, как по команде, встали и устроили мне овацию. Я поклонился съезду и быстро вышел из зала, минуя холл с ожидавшими сенсации журналистами, сел в машину и поехал домой. Уже вечером Бабаков мне рассказал, что Скоков, который в качестве секретаря съезда вел дальнейшее заседание, обратился к сидевшим в зале «гостям съезда» со словами: «Ну вот, мы сделали то, что вы просили. Теперь и вы выполняйте обещанное!» Говорят, что даже самые идейные и последовательные мои противники от такого откровенного предательства поморщились. Скоков и его окружение просто сдали меня в обмен на обещание более не чинить препятствий «Родине» на выборах, как будто в участии в выборах только и заключается главная цель политической организации.

К сожалению, отказавшись от своего лидера, партия «Родина» просуществовала лишь до осени 2006 года. Вскоре она была слита с политическим проектом «Партия жизни», который безуспешно пытался раскрутить председатель Совета Федерации Сергей Миронов. Объединенную партию назвали «Справедливая Россия», и она поплыла в мутном потоке партийной жизни России.

«Родина», прожившая короткую и яркую жизнь, как партия заснула.

Не буду пересказывать вам, уважаемый читатель, что чувствует человек, которого, как птицу, подстрелили в полете. Вокруг будто выключили звук и свет. Телефон как-то сразу замолчал. Знакомые, завидев меня, переходили на другую сторону улицы — будто я прокаженный. Приятным исключением был звонок министра иностранных дел Сергея Лаврова, который, поздравив меня с днем рождения, сказал столь нужные мне тогда слова поддержки…

…Один мой старый приятель назвал меня «непрактичным идиотом», но я чувствовал себя идиотом полным. Главное, что я никак не мог понять, где же ошибся. Ведь именно мне удалось провести яркую избирательную кампанию, итогом которой стал неожиданный успех доселе не существовавшей политической силы. Ведь именно под моим руководством выросшая из парламентской фракции (а не наоборот!) политическая партия «Родина» всего за год существования собрала в своих рядах сотни тысяч активистов и уверенно заняла на выборах вторую позицию, то и дело наступая на пятки российской бюрократии. И вдруг — полный разгром. Первое же политическое испытание на твердость наших рядов, первая проверка на прочность актива — и все треснуло. Большинство региональных руководителей и люди, окружавшие меня в центральном руководстве партии, легко надломились под давлением политических оппонентов и отвернулись от лидера. Винить в этом нужно было только себя.

Идея написать книгу «Враг народа» пришла мне не сразу. Я просто решил систематизировать мысли и чувства и как бы отсчитать время назад, чтобы понять, где и в чем я ошибся. В августе 2006-го я сдал рукопись в издательство. Первый тираж уже был готов к открытию Международной московской книжной ярмарки, которая распахнула свои павильоны на просторах знаменитой Выставки достижений народного хозяйства — шедевра советского архитектурного творчества. К моей радости, пришла масса желающих получить еще «горячий», пахнущий свежей типографской краской экземпляр «Врага народа». Естественно, пожаловали и непрошеные гости — погромщики из одного скандально известного молодежного движения. Они всегда специализировались на разгонах мероприятий с участием политиков, высказывавших отличную от них точку зрения. В этот раз они снова попытались устроить какую-то провокацию, но мои ребята их ждали, немедленно скрутили и под одобрительные возгласы посетителей книжной ярмарки спустили с лестницы.

Кстати говоря, эти погромщики, рекрутированные в основном

из футбольных фанатов, преследовали нас повсеместно. Они безуспешно пытались срывать презентации моей книги, устраивали массовые драки и даже попытки поджога в крупнейших книжных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга, размещали в центральных СМИ гнусные по отношению ко мне статейки, карикатуры и прочую ересь. Однажды во время очередного уличного столкновения погромщиков с моими сторонниками нам достался забавный «трофей». Это был цифровой аппарат, по всей видимости, принадлежащий одному из нападавших. Когда мы вывели снятые кадры на монитор компьютера, то чуть дар речи не потеряли. Оказалось, страдая от безделья, молодые активисты у себя в офисе соревновались в натягивании на собственные головы… презервативов.

Жаль, что этих ребят взрослые руководители втянули в сомнительные акции и провокации. Уверен, абсолютное их большинство шло против меня без всякого энтузиазма — кого-то финансовая нужда заставила, а кто-то просто заблуждался по молодости. Неопытных людей легко сбить с толку. Я на них зла не держу.

Надо сказать, что все эти безобразные выходки моих политических оппонентов лишь добавили интереса к книге «Враг народа». В итоге она стала жить своей самостоятельной жизнью, вьщержав несколько массовых переизданий и став настоящим политическим бестселлером.

Несмотря на успех книги, я решил не становиться писателем. Рано еще. Вместе с группой единомышленников мы приступили к реанимации Конгресса русских общин, доведенного его прежним руководителем Сергеем Глазьевым, как говорится, до ручки. Провели съезд, утвердили новый устав и программу. По всей стране стали учреждаться общественные приемные КРО. Первую скрипку в этом деле стал играть Андрей Савельев. Он-то и взял на себя оперативное руководство КРО. Я же с головой ушел в работу по общественной защите военнослужащих внутренних войск Сергея Аракчеева и Евгения Худякова, которых, несмотря на дважды вынесенный вердикт, коллегии присяжных пытались засудить за не совершенное ими преступление против гражданских лиц на территории Чечни. Фактически я не только проводил большую часть времени в Ростове-на-Дону, где проходило судебное заседание, но и взял на себя львиную долю расходов по оплате услуг адвоката и командировок в Ростов-на-Дону моего подзащитного и его свидетелей.

Там-то, в Ростове-на-Дону, меня и застал звонок из Москвы. Звонили от Путина. Президент предлагал работу. В Брюсселе. В штаб-квартире НАТО. В военном блоке, которым, как мы шутим, в

России детей пугают.

Несмотря на мою работу в течение нескольких лет во внутренней политике, я всегда сохранял огромный интерес к политике мировой. В конце концов, меня учили этому, да и мои научные интересы были связаны с проблематикой европейской безопасности и НАТО. Так вот он — шанс. Ведь работа постоянного представителя России при Организации Североатлантического договора (НАТО) давала уникальную возможность на практике применить мои идеи укрепления мира в Евразии. Кроме того, никто от меня не требовал пересматривать собственные взгляды и принципы. Оппозиция — это неестественное состояние профессиональной невостребованности для истинного патриота страны. Хотя возможно и другое: если патриоты уходят в оппозицию, значит, в самом государстве что-то не так.

В итоге я принял предложение президента. Чтобы мое решение было понятно моим соратникам и сторонникам, 10 января 2008 года я обратился к ним со следующими словами:

> Дорогие друзья!
>
> Сегодня Президент Российской Федерации В.В. Путин своим Указом назначил меня постоянным представителем Российской Федерации при Организации Североатлантического договора (НАТО). Я рассматриваю это решение главы государства как предложение интересной и ответственной работы — важной для моей страны.
>
> Допускаю, что для многих этот указ стал неожиданным. Ведь в последнее время наши отношения с партией власти не были безоблачными. Но то обстоятельство, что наши политические взгляды и профессиональные навыки востребованы, отвечает моему желанию работать на Родину и служить России.
>
> Я призываю своих товарищей, соратников и сторонников смело интегрироваться во властные структуры, в том числе и прежде всего — исполнительной ветви власти, и влиять на ее эволюцию изнутри. В этот переломный для нашего Отечества момент, когда решается, каким путем пойдет Россия и сможет ли наша страна вернуть себе статус великой державы, патриоты не могут оставаться в стороне.

Надо сказать, что, когда еще только первые слухи о предстоящем назначении просочились в прессу, все подумали, что это розыгрыш. Когда же был опубликован Указ Президента,

мои политические недруги всполошились, как змеи перед сдачей яда. Бедняги, они же со мной давно распрощались! Им и в голову не могла прийти мысль, что у Владимира Путина на сей счет могут быть свои соображения. Правда, в тот момент я меньше всего думал об этом. Впереди меня ждала интереснейшая работа, и дальнейшие события в Брюсселе и на Кавказе лишь подтвердили мои ощущения.

Дуэль

Когда я прибыл в Брюссель, то привыкать более всего пришлось не к бельгийской капризной и переменчивой погоде (здесь говорят: «Если не нравится наша погода, подождите 15 минут!»), а к совершенно иной культурной среде. Надо сказать, что граждане стран Евросоюза нас, русских, европейцами в общем-то не считают. Мы для них — этакие «космонавты», вроде похожи на людей, а все равно — в скафандре. Это впечатление усилится, если вы начнете регулярно читать западную прессу. На ее страницах вы будете постоянно наталкиваться на искусственное противопоставление Европы и России: мол, их историческое и культурное противостояние столь велико, что речь идет о совершенно разных цивилизациях с явно несовпадающей системой ценностей. Понятно, что это вызывает взаимное подозрение и спекуляции на тему «особого пути» этих двух полюсов европейского континента. Думаю, что это в лучшем случае глубокое и дремучее заблуждение, помноженное на исторический склероз и слепоту.

Россия всегда была, есть и будет европейским государством в прямом смысле этого слова, представляя при этом восточную, развернутую к солнцу, магистраль политического и культурного развития. Со времен распада европейской цивилизации на Римскую и Византийскую империи существует своего рода конкуренция между европейским Востоком и Западом. Сейчас это проявляется в отношениях России с Европейским союзом и НАТО, но это противоборство противоположностей лишь подчеркивает их диалектическое единство. Это два конца одной веревки, связывающей весь европейский континент.

Сегодня идентичность Запада, сталкиваясь с процессом глобализации, находится под колоссальным культурным и духовным прессингом со стороны Юга. Запад со своим комплексом колониальной политики прошлых веков со временем растерял все свои конкурентные преимущества. Завоеванные в прошлом народы теперь за воевывают Европу, драматическим образом изменяя не только ее внешний облик, но и внутренний мир. Конкиста спровоцировала реконкисту. Оставаясь самонадеянной, Европа уже не успевает ассимилировать и переваривать мощные потоки иных культур. Ложно поняв мудрый принцип толерантности, Запад фактически отказался от борьбы за сохранение европейских цивилизационных ценностей. Вместо того чтобы приобщать новых соотечественников к богатейшей кладовой европейской культуры, заставляя тех, кто решил

«бросить якорь», принять ценности и культуру европейских народов как свою, западные элиты спрятали проблемы в гетто, но в один прекрасный день стали понимать, что в гетто оказались они сами. Трусливое бегство от суровой правды процесса глобализации неминуемо приведет к размыванию и, как это ни печально, постепенному исчезновению европейской культуры — к гибели Европы. Древние европейские камни уже подточены бурным южным течением.

В конвульсиях современная Европа пытается подменить собой процесс глобализации. Западные элиты наперебой предлагают планы спасения европейской цивилизации. «Расширение НАТО на Восток», «Восточное партнерство ЕС» — эти новые, по сути, троцкистские проекты угрожают Европе еще больше, чем если бы она вообще ничего не делала. «Размазывая ложку каши» по тарелке, Запад пытается убедить сам себя в том, что «тарелка полна кашей». Но это опасный самообман. Чем шире становится пространство ответственности НАТО и ЕС, тем оно слабее, ибо расширение происходит при практически нулевом прибавлении к прежнему потенциалу, зато теперь Европа берет на себя решение чужих проблем, влезает в ссоры соседей, в их разборки друг с другом. Так истощается дух ее цивилизационной идентичности.

Нравится это Брюсселю, Парижу и Берлину или нет, но факт остается фактом: центром европейской традиции становится Россия. Она упорно продвигается на Восток, расширяясь и охватывая там европейской культурой все новые территории. Господа Жозе Мануэль Баррозу и Хавьер Солана, посетившие на российском Дальнем Востоке величественный европейский город Хабаровск, могли воочию убедиться в том, как драматично устарел лозунг Де Голля о «Европе от Атлантики до Урала». Русские раздвинули для Европы горы Урала и расширили европейское пространство до берегов Аляски и Курильских островов.

Как бы ни скулили на Западе по поводу проблем развития современной России, они не идут ни в какое сравнение с угрозой существования европейской цивилизации в ее западном понимании. Даже приобретение Западом стран Восточной Европы не повлияло положительно на эту тенденцию — Европа в ее истинном культурном и духовном смысле от этого больше не стала, наоборот, она сокращается как шагреневая кожа. Многие мои брюссельские собеседники с разочарованием и плохо скрываемым раздражением отмечают тот любопытный факт, что Центральная Европа, сбежавшая из «социалистического лагеря» на Запад, привнесла в него непереносимый дух провинциализма.

Оказалось, что мы — Запад и Россия — так долго и упорно

перетягивали эти несчастные страны на свою сторону, что в них надорвалась европейская культурная струна.

Таким образом, парадокс современности заключается в том, что Европа на Западе съеживается, а на Востоке — растет. То, что Россия, как некогда Византия, продлившая «дело Рима» на целую тысячу лет после того, как он пал под натиском варваров, сегодня является духовным хранителем Европы, нет ничего удивительного. Пропагандируемый некоторыми европейскими русофобами страх перед новой Россией ничем не оправдан. Для культурной элиты Запада Россия — естественный и самый надежный союзник. И чем быстрее это осознают на Западе, тем больше у нас шансов говорить об общей европейской судьбе не только в прошлом времени.

Это же в полной мере относится к отношениям Россия-НАТО. Ведь они не живут сами по себе и не находятся в вакууме, наоборот, через них наиболее ярко проявляются все особенности отношений России и Запада.

Экспорт НАТО на Восток принес Западу не большую, а меньшую безопасность. После такого геополитического обжорства у НАТО наступил период несварения. Растянутый, словно резиновый, организм альянса не может справиться с необходимостью усиления своего военного присутствия в регионах особого приоритета, например в Афганистане. Оказывается, это целая проблема — послать лишний танк или роту солдат для борьбы с талибами! Все серьезные замыслы и начинания утопают в бесконечных дискуссиях. И это немудрено: количество работающих в институтах Евросоюза и штаб-квартире НАТО в Брюсселе уже превышает количество служащих в рядах бельгийской армии! Штат институтов ЕС «разбух» до 41 000 человек, штаб-квартиры НАТО — до 4000. Для сравнения — в бельгийской армии служат всего около 39 000 человек.

Всякое действие должно иметь смысл и цель. В чем смысл и цель расширения НАТО? «Укрепление демократии», «прав человека» — это демагогия. Для решения этих задач есть Совет Европы и прочие гуманитарные организации. НАТО — это все-таки военный союз, а не общество филателистов. Значит, целью НАТО должно быть укрепление безопасности. Привело ли расширение НАТО на восток к большей безопасности? Судя по перманентному кризису на Украине и развалу Грузии, нет, не привело. Тогда зачем НАТО расширяется? Чтобы ослабить собственный военный потенциал, растянуть зону ответственности за счет скандальных государств и стать заложником и предметом манипуляции со стороны новых членов, решающих за счет США и

Западной Европы мелкие проблемы, территориальные споры с соседями, привнося в альянс свои старые фобии, дрязги и склоки?

По сути дела, энергия НАТО ушла в свисток. Альянс, превратившись в бумажного льва, живет былыми победами — мнимыми и настоящими. Натовские «ястребы» любят приписывать себе победу в холодной войне. Лично мне смешны самодовольные байки моих брюссельских собеседников. Неужели им непонятно, что развал СССР и коммунистической империи произошел по какой угодно причине, но только не благодаря НАТО, которая своим существованием и бряцанием оружием только продлевала агонию «динозавров большевизма»? Впрочем, об этом я довольно подробно написал в самом начале своей книги. Но вернемся к НАТО.

После исчезновения Восточного блока и СССР НАТО несколько «подрастерялась». «Против кого будем дружить?» — задумались ее руководители. Затеянные Западом этнические войны на Балканах и резкая активизация радикального ислама дали альянсу подсказку, и вот уже новыми врагами НАТО объявлены «международный терроризм», «организованная преступность», «религиозный экстремизм», «наркоугроза» и «пиратство». Но вот в чем вопрос: почему в таком случае НАТО не хочет трансформироваться в международную систему безопасности, некую «суперспецслужбу», способную надежно противостоять этим новым угрозам с помощью сбора и обмена разведывательной информацией, проведения совместных специальных, контртеррористических и иных операций? Ведь очевидно, что баллистические ракеты и ПРО в борьбе с террористами не помогут.

Про НАТО иногда говорят: «У носорога плохое зрение, но это не его проблема». Так может ли военный союз, заточенный на противостояние подобному же крупному военному противнику, стать подходящим инструментом в борьбе с новыми вызовами и угрозами? Лично я в этом сильно сомневаюсь.

Нередко натовцы объясняют причины сохранения альянса в его старом, военном, виде существованием «стран-изгоев», способных терроризировать Запад оружием массового уничтожения. О'кей. Но пусть мне покажут это оружие. Может, что-нибудь все-таки было найдено у Саддама Хусейна? Ведь все мы помним, как представители администрации Джорджа Буша-младшего рассказывали Совету Безопасности ООН о наличии в Ираке такого оружия.

В итоге США и их союзники, так и не получив санкции Организации Объединенных Наций на применение силы, напали на эту страну, оккупировали ее, разрушили, убили массу людей, в

том числе и собственных солдат. И все это ради чего? Даже если согласиться с тем, что в мире существуют страны, которые не любят Запад, США, христиан, евреев, белых и т. п., то неужели это повод для войны? Мало ли кто кого не любит? Что, немцы очень любят поляков? Может быть, французы вдруг возлюбили англичан, а те — ирландцев? Да нет же! В этом мире никто никого особенно не жалует, но это вовсе не означает, что из-за этого должна начаться мировая война.

В любом случае эти «страны-обидчицы» (Иран, Северная Корея и т. п.) в несколько сотен раз слабее военной машины НАТО. Тогда зачем такая мощь? Да и не является ли военная мощь НАТО, политика «бряцания оружием» и язык ультиматумов от имени «мирового сообщества» как раз главной причиной, подталкивающей некоторые страны к активной самозащите и попыткам обзавестись собственной увесистой «военной дубиной»? Ведь пример Ирака со всей очевидностью показал: если бы у Саддама действительно было оружие массового поражения, Вашингтон туда своих солдат никогда бы не послал. Поэтому после разгрома Ирака его соседи сделали для себя важный вывод: если у тебя есть оружие массового уничтожения — то нет войны, если у тебя его нет — жди войны. Разве не так?

Сегодня альянс пытается убаюкать Кремль: мол, его предстоящая трансформация не направлена против России. Но Москва слезам не верит, тем более слезам крокодиловым. Вот что пишет о цене обещаний НАТО бывший министр иностранных дел Франции Ролан Дюма: «Вообще курс альянса на приближение к границам России — дело очень опасное. Я помню, когда холодная война испускала дух в конце 80-х — начале 90-х годов, в момент объединения Германии, западные страны приняли на себя обязательство, что НАТО не будет продвигаться в сторону тогда еще СССР. Что стало с этими обещаниями? О них забыли, будто бы их вообще не существовало. А совсем еще недавно США настойчиво навязывали Польше и Чехии элементы противоракетной обороны, приписывая им роль «щита» от государств-изгоев, зная, что Россией это воспринимается, и не без основания, как угроза ее безопасности». От себя замечу, что подобного рода свидетельства и оценки мы слышим от западных политиков только тогда, когда они уходят на пенсию.

Именно в сотрудничестве между Россией и НАТО, в достижении доверия, в совместном анализе угроз и «общего дела» заключается обоюдный успех проекта защиты единой Европы. Нет, речь, конечно, не идет о вступлении России в НАТО. Кремль считает несолидной и неуклюжей маниловщину, порожденную высказываниями высокопоставленных деятелей администрации

США, «не исключающих» возможность интеграции России в НАТО в случае, «если она будет соответствовать ее критериям и если на сей счет в альянсе сложится необходимый консенсус». Вы, господа, действительно думаете, что мы мечтаем записаться в ваш клуб пикейных жилетов, ожидая при этом, что нас сперва хорошенько помаринуют в его предбаннике?

Россия в силах самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Мы не собираемся отказываться ни на грамм от своего суверенитета, отдавая «заморскому дяде» право и гарантии защиты нашей независимости. Но даже при сохранении различных подходов к решению политических и экономических проблем мы — Россия и Запад — должны научиться защищать оба европейских дома. И лучше всего это делать совместно — по периметру обеих Европ.

Многие состоятельные люди предпочитают покупать квартиры или дома в охраняемых коттеджных поселках. Проживание в таких коммунах вовсе не обязывает их знать своих соседей, иметь с ними общий бизнес, знакомить и женить своих детей. Но то, с чего соседи начинают жизнь в таком поселке, — обеспечение общей безопасности в условиях повышенной криминогенности в современном мегаполисе. На это соседи вьщеляют свои ресурсы — чтобы возвести общий забор, установить автоматический шлагбаум и вооружить охрану.

Европейская цивилизация точно так же не защищена от современных «вызовов и угроз» — как любят выражаться дипломаты. Так, может, и нам — России и НАТО — построить свой безопасный и совместно охраняемый «европейский коттеджный поселок»? Еще раз подчеркну: никто не собирается загонять Россию и Запад в одну коммунальную квартиру и даже в один «общеевропейский дом». России не нужно вступать в НАТО, а НАТО не нужно вступать в Россию. Не нужна нам такая скученность и жизнь друг у друга на голове. Но почему бы не взять под охрану общий периметр безопасности Европы, создав единую систему общеевропейской безопасности? Ради такой вполне понятной людям и благородной идеи Россия готова последовательно и терпеливо укреплять отношения с Североатлантическим альянсом, преобразуя их в стратегическую кооперацию ради выживания Европы. И они должны быть основаны на принципах равноправия, неделимости, безопасности и взаимного доверия.

Только понимание происходящих сегодня на европейском континенте политических процессов в их историческом контексте позволит создать действительно безопасное будущее для всех стран на пространстве от Атлантики до европейского города

Хабаровска, построенного русскими на границе с Китаем.

Но какова в глазах европейцев «настоящая Европа»? Что она собой представляет? Чего Запад ждет от России и вправе ожидать? Чего Россия ждет от Запада, чего она вправе ожидать? Можно ли перевести романтику «Европы от Ванкувера до Владивостока» в прагматические принципы международных соглашений?

Логика прежней эпохи требовала от Запада создания бастионов вокруг СССР. Противостояние с «восточным блоком» сопровождалось заброской идеологических вирусов на территорию Советского Союза и его «братушек».

Советская пропаганда ответно прорывалась за эти оборонительные линии своими «социалистическими проектами» для других континентов. Стоило очередному людоедскому режиму в какой-нибудь африканской стране объявить себя «страной социалистического выбора», как тут же туда направлялись советские пароходы со специалистами и экономической помощью. И это притом, что в самой России тогда не хватало самого необходимого. Советский интернационализм превратился в каторжную работу русского народа во имя никому не нужной экспансии марксизма.

Опасаясь прямого вооруженного противостояния, Запад и Восточный блок портили друг другу кровь, то и дело организуя в третьих странах нешуточные локальные конфликты. Более того, увлекшись конфронтацией, идеологические инженеры двух конфликтующих миров создали в «лабораториях холодной войны» настоящих киборгов. В то время как американцы и натовцы натаскивали в тренировочных лагерях будущих афганских талибов, готовя их к войне с Советским Союзом, советские инструкторы обучали палестинских, латиноамериканских и африканских «левых радикалов» методам партизанской борьбы. Но прошло несколько лет, и обученные в СССР палестинские террористы оказались в бандах чеченских боевиков, а «воспитанники Запада» развязали террористическую войну против своих учителей. 11 сентября 2001 года стало ясно: киборги восстали против своих инженеров.

Инерция конфронтационного мышления подвигает Запад окружать Россию, экспортировать «цветные революции», расчищающие путь для нового «крестового похода» атлантистов на «варварский восток». Вместо воссоединения Европы возводятся новые бастионы и обходные трубопроводы — типа откровенно антироссийского и провокационного проекта «Набукко». Это вызывает отвращение и презрение России к Западу и побуждает ее искать союзников за пределами Европы.

Может быть, наши европейские и североамериканские партнеры до конца не понимают внутренний мир России, не знают русскую душу? Готов пояснить: Россия никогда не потерпит, чтобы с ней разговаривали снисходительно. Причина тому одна — пять веков полного отсутствия вассальной зависимости России. Это уникальный исторический феномен, которым не может похвастаться ни одно государство мира.

При конфронтационном подходе к России, продолжении «крестового похода» Запада на Восток не решается ни один из собственно европейских вопросов. Поток иммиграции, наркомафия, экологические угрозы, распад морали — все это не имеет никакого отношения к тем программам, которые направлены на ослабление России. Чему же они служат? Тому, чтобы Россия ослабла вплоть до распада? Это и есть вожделенное будущее Европы? Неужели не понятно, что подобное будущее — кошмар для Европы? Разве жизнь по соседству с целым континентом, погруженным в гуманитарную катастрофу, добавит кому-то уюта и безопасности? Если западным политикам будущее видится без России, то со стороны России можно ожидать только самых энергичных усилий, чтобы опровергнуть эти планы. Это означает, что от переговорных процессов мои натовские партнеры получат только фальшивые улыбки и бесконечные имитации сотрудничества.

Будущее России без Европы незавидно. Будущее Европы без России ужасно. В такой Европе не будет ни стабильности, ни надежного достатка, ни возможности реализовать ценности цивилизации. Следовательно, в образе будущего Запад должен увидеть Россию как неотъемлемую часть Европы, а Россия — признать преимущества союза с европейскими нациями. На чем может быть основана общность Европы с полноценным участием России?

Как ни странно, «реальная политика» все время выводит за скобки чрезвычайно важный аспект проблемы — наши ценностные ориентации. Общность Европы — не в политических доктринах, а в догматах христианской веры, пронизывающих всю европейскую историю. Обращая внимание на утерю западноевропейцами духа своей собственной истории (подумать только, еврочиновники из опасения быть обвиненными в «нетолерантности» исключили из текста проекта Европейской конституции упоминание о христианских корнях Европы!), Федор Достоевский писал: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия… О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки

святых чудес: и даже это нам дороже, чем им самим. У них теперь другие мысли и другие чувства, и они перестали дорожить старыми камнями».

Из христианских догматов вызрели современные гуманитарные ценности и хозяйственные практики («дух капитализма» по Максу Веберу). Они не изменились и в наше время. Даже в обществе, где ослабла христианская вера, действует сформированная ею культурная среда. Общественный идеал Европы невозможно осмыслить без обращения к вере наших отцов. Из этого мы можем сделать вывод, что единство Европы возможно, а обособление от нее России в высшей степени опрометчиво.

Обеспечение безопасности предполагает защиту духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов. Объектом защиты должен быть традиционный национальный и общеевропейский уклад, который в определенной мере может угадываться в прошлом. «Прекрасная Франция», «старая добрая Англия», «Священный германский союз», «Святая Русь»… Разве эти понятия противоречат друг другу? Нет, конечно. Все они основаны на великом пласте культурного и исторического наследия европейского христианства. И это наше прошлое дает нам надежду на будущее.

Пир во время чумы

НАТО никогда не будет воевать с Россией. Работая в Брюсселе послом при «военно-политическом монстре», я в этом убедился окончательно. Конечно, при одном «но» — если Россия будет сильной и независимой. Запад дорожит построенной им сытой и безоблачной жизнью. Рисковать он ею не станет. Россия для Запада — большая проблема и источник постоянного страха и раздражения. Но иметь новые проблемы от этой старой — никто в Европе не хочет.

Недавно по швейцарскому телевидению я посмотрел замечательный сюжет о тяжелой жизни в этой альпийской республике во время Второй мировой войны. Одна пожилая женщина трогательно рассказывала о своей горькой доле: во время войны в магазине количество сортов сыра сократилось с 36 до 13. Бедняжка! Досталось же ей! Здесь, в центре Старой Европы, вы найдете старинные, почти игрушечные, средневековые города, не тронутые ни временем, ни разрушительными войнами XX века. А все почему? Да потому, что некоторые европейские народы предпочитали сдаваться неприятелю еще до объявления им войны. Вот и живут тихо и беззаботно в своих старинных владениях, с опаской поглядывая на русских туристов.

Что тут скажешь? Но таковы нравы в современной буржуазной Европе. Да и в США, которые никогда не воевали на своей территории, не знали, что такое голодная блокада Сан-Франциско или танковые колонны врага на Потомаке, о войне имеют смутные представления. То ли дело мы, дравшиеся за каждый клочок земли, за каждую деревню. Кто бы мне что ни говорил, но нет народа в мире, кроме нашего, кто бы так ценил свою свободу и национальное достоинство. Да вот беда: выиграв сражения на поле брани, мы бездарно упускаем результаты победы на поле политическом.

И все же повторюсь: сегодня война между европейскими государствами (а Россия, как я уже доказал, является именно европейской державой) невозможна. Ее возникновению препятствует целый ряд причин, и я их с удовольствием перечислю.

Во-первых, между европейскими государствами нет существенных идеологических и политических противоречий.

Во-вторых, европейский обыватель воевать не хочет, да и разучился он это делать в последнее время.

В-третьих, войну в современных европейских условиях представить вообще невозможно. Весь континент напичкан

сверхтехнологичными сооружениями — всевозможными плотинами, атомными электростанциями, химическими предприятиями. Удар по ним вызовет катастрофический ущерб, равный тому, что может возникнуть при применении ядерного оружия. Поэтому обычная война в Европе неминуемо перерастет в обмен ударами стратегических ядерных сил, а это — конец жизни на Земле. Именно поэтому никто воевать в Европе не только не хочет, но и не может.

Война как явление с уходом XX века переродилась. Ее теперь даже не объявляют. Если она и возникает, то не между государствами, а внутри самих государств. Иное дело, что потом другие государства влезают в эту войну на стороне одной из враждующих сторон. Причем тоже без объявления.

Посмотрите: последние войны в Европе были связаны с распадом СССР и Югославии. В первом случае во внутренние конфликты тайно вмешивались другие государства и негосударственные террористические формирования (об этом я подробно писал в главах, посвященных двум чеченским войнам). Во втором — был осуществлен акт варварской агрессии НАТО против распадавшейся югославской федерации.

Если Россия нашла в себе силы затушить очаг войны и подавить мятеж бандформирований, то на Балканах конфликт тлеет до сих пор — и связан он с внутригосударственными, а не межгосударственными распрями (Косово, Македония). Эти распри НАТО успокоить так и не сумела. Зато разбомбила все, что попалось на глаза.

Так кто же он, современный зачинщик войны? Это прежде всего вызревшие в подполье экстремистские организации, возникшие на почве этнического, религиозного или политического радикализма и ненависти. Эти организации могут иметь местечковый или транснациональный размах. Да, иногда они пытаются присвоить себе некоторые функции государства, заставляя своего противника разговаривать с ними на равных. Вспомним хотя бы Хасавюртовский мир, подписанный Лебедем с Масхадовым, изображавшим «представителя руководства государства Ичкерия». Как правило, такой «интересной ситуацией» пытаются воспользоваться иностранные злопыхатели, подталкивающие власти государства к безнадежным переговорам с мятежниками. Это, между прочим, один из легальных методов непрямых действий против суверенного государства.

Целью такой «неклассической войны» становится подрыв государственности как таковой. Захват территории, удержание проживающего на ней населения под своим контролем — это все в прошлом. Никакие террористы или мятежники не собираются

кормить оккупированное ими гражданское население. Для них это — заложники, не более того.

Порядок действий захватчиков нового типа также иной: сначала удовлетворяются частные интересы этнических или криминальных группировок, затем перекраивается политическая карта целого региона и только в последнюю очередь создается основа государственности (самый продвинутый проект такого рода — попытка создать на территории Чечни «независимую Ичкерию»). При этом объектом военного насилия становится не государство, а те или иные этнические группы, олицетворяющие собой это государство (например, русские на Кавказе или сербы в Косово). Ресурсы для ведения «неклассической войны» приобретаются за счет торговли рабами, оружием и наркотиками. Естественно, международное гуманитарное право в такого рода случаях не действует. «Неклассическая война» всегда предельно жестока и неразборчива в средствах. На такой войне происходит насильственное втягивание в боевые операции мирного населения и, как следствие, размывание различий между боевиками и мирными жителями.

Признаками поражения в «неклассической войне» являются не отступления по фронту, человеческие, материальные и территориальные потери, а разложение национального единства. В такой войне самым чудовищным образом проявляются хищнические интересы, способствующие дальнейшему наращиванию конфликта (расхищение бюджетных средств, организация новых каналов незаконной торговли оружием, образование неподконтрольных правоохранительным органам анклавов и т. п.).

Все это происходит на фоне провокационного спора политиков и дипломатов о «неразрешимом противоречии» между двумя концепциями государственного строительства — концепцией защиты суверенитета и территориальной целостности, с одной стороны, и концепцией права народов на самоопределение — с другой. Жонглирование обеими концепциями служит самым наглядным примером «двойных стандартов» и любимой игрушкой циничных манипуляторов, заинтересованных в повсеместном разжигании войны на территории страны, которую они хотят ослабить или даже погубить. Влиятельные западные круги, заинтересованные в разрушении сначала Сербии (на ней ставился первый эксперимент), а затем и России, превращали концепцию самоопределения в лозунг признания особых прав меньшинств в ущерб правам и интересам нации в целом, оправдывая тем самым вооруженный сепаратизм. Ох и недальновидны же эти граждане!

Неужели непонятно, что джинн поощряемого извне сепаратизма не остановится на странах Южной Европы и России и неминуемо перекинется на Западную и Центральную Европу, не оставляя камня на камне?

Я уверен, что в вопросе соотношения права нации на самоопределение и права государства на сохранение территориальной целостности приоритет должен отдаваться принципу территориальной целостности. Исключение из общего правила, напомню, может быть только одно: национальное или религиозное меньшинство имеет право на реализацию принципа на самоопределение в полном объеме (т. е. вплоть до отделения и приобретения независимости) только в случае, если оно подвергается угрозе своего физического существования. Однако и это вполне гармоничное сочетание двух принципов международного права в последние два десятилетия стало объектом интриг.

В конце XX века США ни с того ни с сего возомнили себя гипердержавой, имеющей монополию на глобальное регулирование процессов самоопределения и пересмотра прав на суверенитет. Фактически Вашингтон пытается перекроить всю политическую карту мира, измельчая (атомизируя) крупные государства или растворяя их суверенитет в выстроенных в имперском духе международных организациях (классический пример — НАТО).

Таким образом, одна империя и, следовательно, один культурно-исторический тип пытаются навязать всему миру свой образ жизни, причем, мягко скажем, далекий от идеала. Это не может не вызвать сравнимый по силе дух сопротивления. США, конечно, наслаждаются силой и пируют, упиваясь своей глобальной финансовой и политической мощью. Но уже скоро это пройдет. Чума новых угроз подтолкнет Вашингтон к необходимости кооперироваться с растущими державами и в полной мере учитывать их интересы.

Ревизор

Известно, что дураки воюют, а умные договариваются. Панъевропейская безопасность заключена в способности европейских государств и народов совместно сдерживать, блокировать и устранять внутренние и внешние угрозы суверенитету, территориальной целостности, культурному, социальному и экономическому укладу европейских наций, основам их государственности и совместному существованию как единой цивилизации. Для тех, кто считает, что Россия не сможет вписаться в оркестр европейских держав, отвечу: глупости все это.

Россия по своему населению — это всего лишь Франция и Германия, вместе взятые. У Дании с учетом Гренландии территория тоже большая, но это никак не беспокоит их коллег в НАТО или Евросоюзе. Даже нового генерального секретаря избрали из числа датчан! Россия в Европе — крупнейшая страна, но не слон, способный затоптать ростки европейской жизни, о чем так часто пекутся в разговоре со мной брюссельские чиновники.

У современной России объективно не может быть никаких экспансионистских планов. У нас нынче другая головная боль: как удержать такую огромную и богатую землю при столь малой численности населения? С учетом демографической воронки, засасывающей в себя новые поколения россиян, эта проблема со временем станет еще более актуальной. А если принять во внимание бурный рост населения в соседних с Россией странах Азии, то придется задуматься о степени эффективности нынешних наших концепций безопасности.

Попробуйте отгадать, кому принадлежат эти слова:

> Если тому или другому народу удалось завоевать себе очень большие территории, то это вовсе не обязывает другие народы к тому, чтобы навеки признать этот факт незыблемым. Это доказывает только то, что завоеватель в данную минуту был достаточно силен, а остальные народы были достаточно слабы, чтобы это допустить. Право данного завоевателя основано только на его силе. Если наш народ ныне столь невозможным образом сжат на крошечной территории и вынужден поэтому идти навстречу столь тяжелому будущему, то из этого вовсе не вытекает, что мы должны примириться с судьбой. Восстать против этого — наше законнейшее право. Глупо было бы думать, что какая-то высшая сила

> судила так, чтобы другим государствам достались огромные территории, а мы должны были подчиниться нынешнему несправедливому разделу земли. Ведь и те земли, на которых мы живем сейчас, не свалились нам в виде подарка с неба, а достались нашим предкам в тяжелой борьбе. Так и в будущем новые территории достанутся нам только в результате тяжелой борьбы с оружием в руках.

Не догадались? Подскажу: автор этих слов — Адольф Гитлер, но разве нет сегодня среди западных политиков и некоторых наших южных соседей тех, кто думает примерно так же?

История взаимодействия русской цивилизации с европейскими политическими культурами не ограничивается XX веком с его железным занавесом и Берлинской стеной. Опыт участия России в коалициях европейских и евро-атлантических держав имеется, да еще какой! Вспомним, хотя бы Венский конгресс 1814–1815 годов, Антанту времен Первой мировой войны и, естественно, Антигитлеровскую коалицию 1942–1945 годов, успех которой был обеспечен беспримерным мужеством советских людей, потерявших в этой войне 27 миллионов жизней своих соотечественников. Так что народы Европы до сих пор в долгу перед моей страной и просить они должны нас соединиться с ними в едином оркестре европейских держав не с надменным видом, делая нам якобы одолжение. Просить надо Россию с поклоном — в знак великой к ней благодарности.

Взамен новой конфронтации я бы предложил новую философию европейской безопасности, новый свод правил приличного поведения государств в пространстве «от Ванкувера до Владивостока», закованных в юридически обязывающий договор, о необходимости которого отчетливо высказался президент Дмитрий Медведев.

Судьба военных альянсов прежней эпохи может быть решена потом — нашими детьми, которые будут мудрее нас. Сегодня же эти военные блоки необходимо переформатировать так, чтобы все пушки на европейском континенте смотрели только наружу. Действующие статьи соглашений о коллективной безопасности должны быть ориентированы на отражение внешних угроз. У угрозы войны в Европе надо вырвать все ядовитые зубы и в конце концов сделать ее в принципе невозможной. НАТО должна отказаться от своего сверхэгоизма и признать, что безопасность всех государств евроатлантического региона (а не только стран-союзниц) должна быть неделима.

Законодательно во всех европейских и североамериканских

странах следовало бы запретить военное планирование друг против друга, использование военной силы (или угрозы ее использования) для разрешения каких бы то ни было межгосударственных споров внутри нашего цивилизационного дома. Нельзя достигать собственной или коллективной безопасности за счет безопасности соседа и партнера. Всем должно быть понятно, что свобода и безопасность одной нации заканчивается у носа другой нации, потому что у этой нации также есть право на свободу и безопасность.

НАТО должна официально заявить, что статья 5 Вашингтонского договора (о коллективной обороне) в отношении России не применяется. Понятие «коллективная оборона» должно расшифровываться НАТО как ее готовность сдерживать и отражать угрозы извне евроатлантического региона. Любой партнер НАТО (в том числе и Россия) должен знать, что в чрезвычайных обстоятельствах он может рассчитывать на военную помощь альянса, равно как и альянс вправе рассчитывать на взаимность. Лучшей мерой скрепления такого доверия могли бы стать — на первом этапе — перекрестные гарантии безопасности между НАТО и Россией, а затем — практическое сотрудничество в вопросах обеспечения европейской и международной безопасности и создание союза трансъевропейской безопасности. В эту тройку следует запрячь США, Евросоюз и Россию.

Союз трансъевропейской безопасности будет смахивать на русскую матрешку. Каждая европейская нация будет спрятана за несколькими защитными слоями: первый слой — национальные системы обороны и безопасности, второй — существующие альянсы (включая НАТО и ОДКБ), третий — новый панъевропейский договорный альянс с участием США, ЕС и России.

В своей нашумевшей статье в*New York Times*от 19 августа 2009 года известный американский политолог и «ястреб» Збигнев Бжезинский предложил заключить соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности между НАТО и «созданной Кремлем Организацией договора о коллективной безопасности, в которую входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан». «Эта уступка, — пишет далее этот неисправимый "ястреб американской демократии", — которой Россия давно добивается, должна быть предоставлена на условии, по которому страны, не являющиеся членами того или иного блока, могли бы свободно выбирать, к кому им присоединиться — к НАТО или ОДКБ».

Странные люди — эти американские ястребы. Если Збигнев и

вправду считает, что за формальное признание ОДКБ со стороны НАТО мы готовы отказаться от своей принципиальной позиции против расширения альянса за счет Украины, Грузии и других постсоветских государств, то он за все годы изучения СССР и России, видимо, так ничего и не понял.

Некоторые западные политики и эксперты идут намного дальше Бжезинского. Они предлагают внешне безобидную формулу «двойного политического гражданства» для государств, желающих сохранить или оформить свое членство одновременно в евроатлантических или евразийских региональных военно-политических союзах, например в НАТО и ОДКБ. Это, мол, продемонстрирует ненаправленность военных союзов друг против друга и подчеркнет разницу в их специализации и региональном охвате. Кроме того, с их точки зрения, эта формула позволит снять напряженность в сложных случаях, когда присоединение к тому или иному альянсу приобретает политическую окраску в цветах ушедшей эпохи и ее конфликтов.

Честно говоря, я усматриваю в этом внешне безобидном и «прорывном» предложении сразу два «но». Во-первых, для этого потребуется внести существенные коррективы в Устав НАТО, так как до сих пор ее членами могли стать только европейские государства (хотя Турцию-то приняли!). Во-вторых, а не получится ли так, что под видом реализации этой формулы НАТО втянет в свой состав большую часть пока еще политически слабых и зависимых от Запада среднеазиатских государств? Что касается натовских стран, то они вряд ли побегут, толкаясь, занимать места в ОДКБ. Поверьте мне, демократия демократией, но дисциплина в НАТО пока железная, и без кивка из Вашингтона ни одно европейское государство не позволит себе такую степень свободы и самостоятельности.

Тем не менее в вопросе реинтеграции Востока и Запада Европы в единую систему безопасности «от Ванкувера до Владивостока» я оптимист. И путь к созданию такой системы лежит через равноправное и планомерное сближение НАТО и ОДКБ. Союз двух военно-политических организаций, возглавляемых соответственно США и Россией, станет основой мира и процветания всего европейского континента, а может быть, и мира.

Безусловно, все изложенное мной выше — мое личное мнение, если хотите — мой интеллектуальный вклад в общее дело. Эти идеи имеют право на жизнь в том случае, если НАТО найдет в себе мужество отказаться от бесплодных потуг превратиться в «мирового жандарма» и глобального конкурента ООН. Если Организация Объединенных Наций страдает

излишним бюрократизмом, то это вовсе не означает, что ее надо разгонять или высмеивать.

Вообще, по-хорошему, всей евроатлантической системе безопасности нужен хороший ревизор. Старые правила и изжившие себя аморальные нормы поведения военных блоков должны быть безжалостно пересмотрены. Но ревизия должна проходить эволюционно. Нынешняя система международного права далась нам большой кровью, и эту кровь в артерии наших отцов и матерей обратно не загонишь.

На холмах Грузии…

Утром 8 августа 2008 года я проснулся намного раньше обычного. Разбудили меня ласковое тосканское солнце и пение птиц. Мы отдыхали с женой и детьми в Италии и решили снять на несколько семей небольшой дом у частного хозяина. Я вышел в крошечный дворик приготовить стол для семейного завтрака. Мы приехали к морю дня за два до этого и еще толком не успели разложить по комнатам вещи.

Где-то рядом зазвонил мобильник. Переступив через еще не разобранный чемодан, я схватил телефон и быстро нажал на кнопку ответа, чтобы громкий сигнал не разбудил спящих в доме детей. С той стороны провода кто-то громко кричал: «Почему вы молчите? Нас здесь всех убивают! Вы нас предали? Скажите!» Я узнал звонившего. Это был мой старый приятель-осетин, с которым я познакомился в бесланском штабе. Я попробовал успокоить его и понять наконец, что за переполох. Мой собеседник немного успокоился, но продолжал сбивчиво рассказывать мне о произошедшей ночью трагедии. Из его слов стало ясно, что Саакашвили начал войну против Южной Осетии и обрушил ракетно-артиллерийский удар на спящий город Цхинвал.

По памяти я назвал приятелю телефон спецкоммутатора в Москве [в Беслане я выучил его как Отче наш) и посоветовал несколько адресатов, куда ему нужно срочно позвонить, чтобы сообщить детали. При этом я, конечно, понимал, что руководство страны и наши военные не могут не знать о масштабном вторжении грузинской армии в Южную Осетию. Грузинские силы не могли вторгнуться в пределы этой республики в обход постов наших миротворцев, значит, они должны были смять позиции наших военных. Если это так, то без жертв среди военнослужащих России не обошлось — ведь наши ребята, в отличие от западных миротворцев в Сребренице, боевые позиции не оставляют. Я включил телевизор, убрал звук и стал щелкать переключателем программ. По нескольким итальянским каналам показывали все что угодно, но только не новости о начавшейся войне. Тогда я через мобильную связь вошел в Интернет. Первые сообщения в Сети подтвердили информацию звонившего осетина — война!

Я разбудил жену и попросил ее срочно собраться. Позвонил в Брюссель помощнику и поручил ему выяснить, какие ближайшие рейсы и из каких ближайших городов Италии вылетают в столицу Бельгии. Мне, на счастье, выпал подходящий рейс с вылетом через пару часов. По идее, я должен был успеть. Жена вызвалась

меня проводить. Мы прыгнули в машину и помчались в аэропорт по пустой, залитой солнцем магистрали.

Пока ехали, я успел обзвонить всех, от кого зависел успех моей миссии в штаб-квартире НАТО. Я понимал, что задача грузинских властей состоит в интернационализации конфликта и втягивании на своей стороне в военные действия вооруженных сил стран Североатлантического альянса. Соответственно, моя задача сводилась к прямо противоположной задаче — остановить НАТО от необдуманных поступков и не позволить грузинским авантюристам спровоцировать третью мировую войну. Понятно, что далеко не все здесь зависело от меня, но я ставил перед собой именно эту задачу.

Мне нужны были все мои люди на местах. Всех, кто находился в августе вне Брюсселя, я немедленно отозвал из отпусков. В Москву были направлены срочные запросы на получение оперативной информации с места боев. Кроме того, у меня со старых времен оставались надежные источники информации во Владикавказе и самом Цхинвале. По итогам моих телефонных переговоров с Москвой и Владикавказом передо мной предстала драматическая картина развития событий. Как я и предполагал, грузинские Вооруженные силы напали вероломно. Были расстреляны российские миротворцы на ближайших блокпостах и в пунктах наблюдения. Сколько пострадало гражданских лиц во время ночной бомбардировки и утренних танковых боев на улицах города, можно было только догадываться.

Перед самой посадкой в самолет снова зазвонил мобильник. Парламентский корреспондент информационного агентства «Интерфакс» Людмила Щербина, хорошо знакомая мне по работе в Государственной думе, просила дать хоть какое-то пояснение по поводу того, что происходит на Южном Кавказе. Понимая, что сложившаяся ситуация требует инициативных, самостоятельных и ответственных действий, я решил, не дожидаясь санкций из Центра, дать развернутый комментарий. «То, что совершил Саакашвили, — сказал я, — это его последняя ошибка. Нападение на российских миротворцев при исполнении ими своих служебных обязанностей есть нападение на Россию в целом. Это агрессия, на которую будет дан жесткий военный ответ. Ночная бомбардировка спящего города — варварский акт, направленный на то, чтобы убить как можно больше ни в чем не повинных людей — женщин, стариков и детей. Это и есть этническая чистка, которая квалифицируется как военное преступление. Россия обязана остановить бойню и наказать агрессора, применив против него свои Вооруженные силы».

Когда я через полтора часа приземлился в аэропорту Брюсселя, мой первый комментарий уже цитировали все российские и мировые агентства. Тогда я еще не знал, что сам лично вступил в свою войну — войну информационную, пропагандистскую, которая скоро станет не менее жестокой, подлой и варварской, чем та, что разгоралась в Южной Осетии.

Не успела моя машина отъехать и ста метров от брюссельского аэропорта, как мне позвонил верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами (ОВС) НАТО в Европе генерал армии США Джон Крэддок.

— Посол, привет, вы где сейчас находитесь?

— Уже в Брюсселе, генерал. А вы?

— Греюсь на пляже…

— Грейтесь дальше, генерал.

Я решил взять инициативу в свои руки и тут же предложил Крэддоку немедленно устроить брифинг для его людей в Штабе ОВС НАТО в бельгийском городе Монс по обстановке в зоне конфликта. Американец согласился. На следующее утро, заранее согласовав объем информации с начальником Генерального Штаба Вооруженных Сил России генералом армии Николаем Макаровым, я принял в своем рабочем офисе в штаб-квартире НАТО начальника Штаба ОВС альянса немецкого генерала Латтера, который прибыл в сопровождении нескольких старших офицеров из Монса.

Разговор был сложный и профессиональный. Главное, что я дал понять натовцам: убиты наши миротворцы, погибло значительное число гражданских лиц, пока не поддающееся точному подсчету. Мы вынуждены срочно перебрасывать подкрепления в Южную Осетию. Операция будет носить локальный и ограниченный по времени характер. Наша задача — принудить Грузию, развязавшую международный вооруженный конфликт, к миру. Мы не ставим целью оккупацию Грузии или смену ее политического режима. Но мы уничтожим любой объект военной инфраструктуры, если он будет задействован против нас или гражданских лиц Южной Осетии. Я также подтверждаю, что в войска поступил приказ верховного главнокомандующего, президента Дмитрия Медведева — максимально избегать поражения грузинских гражданских объектов и лиц и не выходить за пределы зоны ответственности наших миротворцев. По окончании операции по принуждению Грузии к миру мы вернем все наши воинские подразделения в места постоянной дислокации. От НАТО мы хотим лишь одного: не влезать в эту историю.

Немец выслушал меня, практически не перебивая, лишь

уточняя некоторые детали. На лице его я читал то ли страдание, то ли сострадание. Потом он поблагодарил меня за открытость и готовность к диалогу.

Эти пять дней войны на Южном Кавказе я буквально проболел. Я и раньше бывал на войне — под артобстрелом и снайперским огнем. Но никогда раньше я не чувствовал такого патриотического подъема у всех моих товарищей в Москве и в нашей миссии в Брюсселе, такой всеобщей ненависти и презрения к зачинщикам войны и такой личной ответственности за дело мира.

12 августа со мной срочно связался руководитель нашей группы военной связи в Штабе ОВС НАТО генерал-майор Виктор Зиновьев. Он сообщил, что только что в наш офис в Монсе зашел некий американский полковник, который частенько ошивался вокруг наших военных представителей в НАТО, и злорадно сообщил, что альянс принял решение высадить в Грузии десант. Я, конечно, не мог доверять развязной болтовне американского офицера, тем более что так в НАТО дела не делаются. Прежде чем применить силу, военное командование альянса должно получить официальную санкцию Совета НАТО, состоящего из моих коллег — постоянных представителей стран — участниц альянса. В случае чего я бы узнал об этом решении одним из первых. Тем не менее я решил немедленно передать информацию генерала Зиновьева в Центр, а затем сразу связаться с командованием НАТО.

Генерал Латтер соединился со мной без промедления. Я изложил ему суть события и потребовал объяснений. По тону разговора стало ясно, что немец сильно уязвлен случившимся. Латтер еще раз переспросил фамилию американского шутника, заверил меня, что НАТО сохраняет в конфликте на Южном Кавказе нейтралитет, и пообещал тщательно разобраться в инциденте. Я поблагодарил своего собеседника и повесил трубку. Тем не менее эта история меня неприятно поразила. Оказывается, среди офицеров Штаба ОВС НАТО есть любители пощекотать нервы. Надеюсь, что они будут примерно наказаны.

В течение считаных часов после начала войны в Южной Осетии Постпредство России при НАТО превратилось в настоящий штаб и живой пресс-центр, работающий практически круглосуточно. Полдня я тратил на всевозможные телемосты, дебаты и интервью ведущим западным СМИ и подготовку собственных статей и комментариев для ведущих американских и европейских газет — с разъяснением правды о происходящих событиях. Вторые полдня я тратил на консультации в штаб-квартире НАТО с моими коллегами — послами западных держав

и руководством Международного секретариата альянса. Все они нехотя прерывали свои августовские отпуска и слетались в Брюссель.

В связи с блокировкой американской делегацией созыва по моему требованию чрезвычайного заседания Совета Россия-НАТО альянс практически сам лишил себя собственной политической роли в этом конфликте, добровольно отдав ее Евросоюзу и лично Николя Саркози — французскому президенту, который в тот момент председательствовал в ЕС. Оказавшись в информационном вакууме, потеряв возможность ориентации в бурном развитии событий на Южной Кавказе, мои коллеги-послы просили меня ежедневно информировать их об обстановке в зоне боев и действиях вооруженных сил России.

Через пять дней все было кончено. Струсившая грузинская армия, обученная, вооруженная и натасканная натовцами, к позору своих иностранных инструкторов бежала с поля боя. «Дмитрий, объясни, как вы сумели так быстро перебросить войска в Грузию и разгромить Саакашвили?» — недоуменно спрашивали меня послы западных держав. Мне оставалось в ответ лишь пожимать плечами. Вот странные люди! Веками живут рядом с нами, веками нас задирают, а когда получают сдачи, удивляются, почему это у нас так резко и здорово получилось.

«Пятидневная война», как ее назвали на Западе, перечеркнула планы Саакашвили по втягиванию Грузии в НАТО и превращению ее в раздражитель России на Южном Кавказе. Однако сам Саакашвили и его вашингтонские хозяева сдаваться не собирались. Кампания, развязанная против России и двух молодых кавказских республик — Абхазии и Южной Осетии, была настоящей агрессией. На головы западных обывателей были сброшены тонны военной лжи. На Западе этой пропагандистской машине противостояли в основном два российских дипломатических представительства — русская миссия при НАТО и миссия России при ООН, руководимая послом Виталием Чуркиным, который доказал, что под его дипломатическим мундиром бьется сердце патриота и гражданина.

19 августа в Брюссель на внеочередную встречу Совета НАТО слетелись министры иностранных дел 26 стран альянса. Вышедший по ее итогам к журналистам генеральный секретарь НАТО голландец Яап де Хооп Схеффер обвинил Россию в «непропорциональном применении силы против суверенной Грузии». В этот момент НАТО мне напоминала девицу не первой свежести и легкого поведения, менторским тоном читающую нравоучения. Я не верил своим ушам: это была та самая НАТО, которая весной 1999-го «пропорционально» бомбила города

Сербии и убила в итоге более двух тысяч ее мирных жителей! Воистину цинизм НАТО в эти дни мог поразить самых отпетых циников!

Кроме того, министры стран НАТО заявили, что «отношения с Россией не могут оставаться прежними» («no business as usual»). Это уже была серьезная политическая ошибка НАТО. В результате альянс вывалился из всей южно-кавказской драмы и уничтожил сам свою же репутацию. Вся работа натовских пропагандистов по убеждению российской общественности в том, что «альянс — белый и пушистый», пошла насмарку. НАТО в критический момент для России стала на сторону убийцы женщин и детей, отдавшего приказ вероломно напасть и расстрелять наших миротворцев. Такого лицемерия от Североатлантического альянса не ожидали даже самые махровые НАТО-скептики.

В этот день, ожидая вердикта натовских министров, я запланировал в НАТО свою пресс-конференцию. Руководство альянса всегда спокойно относилось к общению послов партнерских стран со СМИ под крышей НАТО.

За несколько часов до начала брифинга в наш офис поступил ответ генсека Яапа де Хоопа Схеффера, в котором сообщалось, что «все пресс-залы в штаб-квартире альянса заняты». Со стороны натовских пиарщиков, подсунувших Схефферу проект этого письма, это было верхом глупости. Запрещать русскому послу общаться с прессой, аккредитованной при НАТО, означало выставить себя в самом неприглядном свете. Естественно, я был готов проводить пресс-конференцию и с мегафоном в руке — пусть даже на броневике, да где угодно! В нашей Думе я ведь многому научился.

Я дал указание завхозу нашего постпредства выломать все внутренние перегородки в офисе российской миссии в здании штаб-квартиры НАТО и завезти туда всеми правдами-неправдами как можно больше стульев.

Узнав, что Рогозина лишили слова, распаленные азартом и жаждой сенсации иностранные журналисты ломанулись в наш офис, забив его до отказа. Пресс-конференция состоялась. Хочу сказать натовским бюрократам спасибо. Очевидно, что они просто помогли мне своим непрофессионализмом создать необходимую атмосферу для того, чтобы каждое мое слово о войне в Южной Осетии и поведении НАТО было пропечатано многомиллионными тиражами ведущих западных газет — причем далеко не комплиментарно по отношению к альянсу.

После хамского заявления НАТО по итогам министерской встречи 19 августа, в котором нас обвинили во всех смертных грехах и провозгласили политику «no business as usual», Кремлю

не оставалось ничего иного, как признать независимость двух молодых кавказских республик. Иных гарантий невозобновления грузинами военных действий на нашей южной границе ожидать было неоткуда. Кроме того, признание независимости стало ответом на инсинуации на тему, что, мол,*«Россия хочет аннексировать Южную Осетию и Абхазию».*

О принятом решении я узнал лично от президента Медведева, который вызвал меня 25 августа в Сочи для консультаций. В это время американцы, «опоздавшие на последнюю электричку», вдруг решили устроить запоздалую демонстрацию своей военной мощи, послав свои боевые корабли в Черное море. Одновременно немногочисленные грузинские криминальные элементы, вольготно расквартировавшиеся в европейских столицах, начали провокации у стен российских посольств. Митингами и демонстрациями «возмущенной грузинской общественности» напрямую руководили штатные сотрудники грузинских спецслужб и дипломатических миссий, о чем мне пришлось сделать официальное представление на одном из посольских заседаний Совета евроатлантического партнерства. Во избежание новых нападений грузинской армии на села и города Абхазии и Южной Осетии Кремль по приглашению официальных властей Сухума и Цхинвала принял ответственное решение разместить на их территории небольшое количество российских военных.

Угроза новой войны захлебнулась. В Южную Осетию начали возвращаться беженцы. Родственники искали случайные захоронения своих родных и близких, погибших от рук грузинских захватчиков. Полным ходом шла расчистка завалов разрушенного войной Цхинвала, началось его восстановление. Что же касается Брюсселя, то он вновь вернулся к своему любимому занятию — «перемыванию косточек» русскому медведю, который, к всеобщей неожиданности, вдруг проснулся и надрал уши обидчику. Ох, не будите вы, господа, русского медведя!

Горе от ума

Тот, кто исправляет чужие ошибки, подвергает себя риску быть ошельмованным теми, кто эти ошибки совершил. Так уж устроены люди. Пример тому — критика Барака Обамы за коррекцию планов развития стратегической противоракетной обороны.

Напомню: несколько лет тому назад республиканцы в Белом доме под предлогом сдерживания ракетной программы Ирана изобрели план размещения мощного радара в Чехии и ракет-перехватчиков в Польше. У специалистов эта идея вызвала крайне нервную реакцию сразу по нескольким причинам.

Во-первых, конфиденциальная информация, которой обменивались военные эксперты, показывала, что на самом деле у президента Ирана Махмуда Ахмадинежада нет перспективы в ближайшие 20 лет создать разгонную ракету, способную вывести мощный боезаряд в космос и поразить им территорию США или даже кого-то из европейских союзников НАТО. Более того, оказалось, что у Тегерана и планов подобных нет, так как иранских инженеров более всего интересует создание ракетного оружия малой и средней дальности, имеющего возможность поражать цели в зоне Ближнего Востока, прежде всего на территории Израиля. А это значит, что размещенные в восточноевропейских странах средства перехвата этих ракет никому не нужны и будут ржаветь от скуки.

Во-вторых, у России, резонно полагавшей, что американская ПРО в Польше и Чехии не годится для борьбы с Ираном, возникал вопрос: так против кого на самом деле американцы устанавливают это оружие в непосредственной близи от русской границы? Неловкие объяснения Вашингтона и отказ пускать наших военных наблюдателей на эти объекты ПРО заставляли Кремль мрачнеть. В конце концов они подтолкнули его к необходимости срочно искать военно-технический ответ. И он был найден.

Осенью 2008 года Дмитрий Медведев заявил о готовности Москвы развернуть свои ракетные комплексы малой дальности «Искандер» в Калининградской области. Это заявление взбудоражило чехов и поляков, которые наконец поняли, что шутки закончились и они, оказывается, влезли в большую политическую игру, превратив свои территории в мишени. Планы Вашингтона разбудили общественное мнение в обеих восточноевропейских республиках. Начались массовые протесты.

Польский президент и по совместительству неукротимый

русофоб Лех Качиньский решил ловко использовать волнения поляков, чтобы взвинтить цену за размещение американских ракет. В качестве дополнительной платы за «компенсацию морального вреда» Варшава потребовала от Пентагона полной модернизации своей системы ПВО. Сумма, которая фигурировала в польских требованиях, достигала астрономической цифры в 20 миллиардов долларов.

Затеянный Качиньским постыдный торг еще более разозлил Москву. В России прекрасно знали, что Иран не обладает ни одним военным самолетом, который хотя бы в одну сторону мог бы долететь до Польши. Зато у России, соседки Польши, такая боевая авиация имеется. Кремль, таким образом, получил еще одно неопровержимое свидетельство того, что маниакальная страсть Буша-младшего развернуть-таки третий позиционный район ПРО США в Польше и Чехии имеет не антииранскую, а очевидную антироссийскую направленность. Иранская ракетная программа казалась Москве «дымовой завесой». Цель американской ПРО, с точки зрения Кремля, была одна — нейтрализация расположенных в европейской части России дивизий наших тяжелых баллистических межконтинентальных ракет.

В-третьих, администрация Джорджа Буша-младшего при реализации своих договоренностей с Варшавой и Прагой то ли поленилась, то ли просто не удосужилась поставить в курс дела своих союзников по НАТО. Возможно, в Белом доме пренебрежительно посчитали, что они все равно никуда не денутся и рано или поздно будут вынуждены присоединиться к пресловутой «атлантической солидарности». Буш был и здесь не прав: западноевропейцы расценили такой сепаратный сговор как пощечину и решили продемонстрировать, что и у них тоже есть своя гордость и личное мнение.

Тут как раз пришелся удобный случай. На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года должен был решиться вопрос о предоставлении Украине и Грузии Плана действия для членства в альянсе. Берлин и Париж это решение заблокировали. В итоге в Киеве и Тбилиси так и не дождались заветного пригласительного билетика в этот «атлантический джентльменский клуб».

В итоге план строительства ПРО в Чехии и Польше чуть было не подтолкнул новую гонку вооружений, резко напряг отношения с Москвой, ослабил атлантическую сцепку с европейскими союзниками, подорвал авторитет проамериканских политиков в Варшаве и Праге и убил перспективу увидеть Украину и Грузию в НАТО в ближайшие 50 лет. Единственными, кто выиграл политический бонус и время в этой ситуации, оказались

Ахмадинежад и окружающие его исламские радикалы. Именно они должны быть бесконечно благодарны Джорджу Бушу-младшему и его любимице Кондолизе Райе за то, что программа стратегической ПРО США пошла по ложному пути.

Что касается нобелевского лауреата президента Барака Обамы, то он лишь исправил ошибку своего предшественника. Действовал он исключительно в американских интересах, не особо церемонясь с союзниками.

Допустим, что Обама действительно хочет улучшить отношения с Россией. Возможно, он хороший человек и дальновидный политик. Хочется в это верить. Но через один-два срока он оставит свой пост. Кто даст нам гарантии, что его преемник не попытается развернуть созданную им эшелонированную стратегическую ПРО США с элементами морского базирования против России?

Вот почему обольщаться нам не следует. Решение скорректировать программу ПРО вроде как устраняет один из раздражителей в российско-американских стратегических отношениях и открывает путь к заключению нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Это так. Но с другой стороны, нет у нас гарантии, что размещение средств ПРО на мобильной основе, например на кораблях в Средиземном море, не обернется для нас новыми проблемами в будущем. Да и от наземной компоненты ПРО в Восточной Европе Пентагон на перспективу отказываться не собирается.

Боевой корабль, оснащенный ракетами-перехватчиками и средствами дальнего наблюдения, может, подобно цирюльнику-холерику Фигаро, «сегодня быть здесь, а завтра — там». В случае необходимости крейсеры «Иджис», на которых будут установлены элементы ПРО, снимутся со средиземноморского якоря и приплывут к северным российским берегам. В итоге вместо ракет, загруженных в польские шахты, мы получим те же ракеты, но теперь они будут плавать на палубе американского боевого корабля в польских или норвежских территориальных водах. Интересно, чем хрен редьки слаще и почему мы должны вдруг поверить американцам после стольких лет их откровенного вранья?

Если новая американская администрация действительно готова пойти с Россией на стратегическое сближение, она должна быть последовательна. Это требует составления «дорожной карты» по ПРО. На первом этапе необходима совместная работа русских, американских и европейских специалистов по оценке ракетных угроз. На втором этапе следует также совместно разработать комплекс мер политико-дипломатического и

экономического воздействия на того, кто посмел нарушить существующий режим нераспространения. И только на третьем этапе, если мы убедимся, что все ранее нами предпринятое не работает, есть смысл воздвигать коллективную систему военнотехнических усилий по созданию ПРО — с участием США, России и НАТО.

Нам нужно вовлечь Запад в «общее дело», «переженить» наши интересы, и только тогда мы сможем немного расслабиться. Альтернатива этому — наращивание военной мощи России и ее дальнейшая самоизоляция. Уйти от этого сложного выбора нам уже не удастся.

Эпилог

Принято считать, что отношения между государствами строятся на национальных интересах и, мол, здесь не место морали, нравственности, благотворительности, состраданию и прочим категориям, присутствующим в человеческих отношениях. Мировая политика — это холодный расчет, и только расчет. Да, это правда. Но такой же правдой является и то, что отношения между государствами строятся не только на национальных интересах, а на национальных страстях, а иногда — на страстях и страхах национальных элит.

Разве монарх, президент, глава правительства и люди из их ближайшего окружения — роботы, беззвучно и безропотно исполняющие кем-то и когда-то сформулированную «волю народа»? Глупости все это. Помните, как много изменилось в российско-германских отношениях благодаря личным дружеским связям президента Путина и канцлера Шредера? Как много сделала Италия при Берлускони и Франция при Шираке для разблокирования российско-европейских дел? Личный контакт лидеров наций многого стоит. Он дисциплинирует характер связей между национальными элитами, а это самым прямым образом влияет и на общественное мнение. Например, в России встречается крайне подозрительное, я бы сказал — даже негативное отношение к НАТО, но при этом Европейский союз выглядит чуть ли не душкой. Хотя, с моей точки зрения, хрен все-таки слаще редьки.

Политика выстраивается людьми и зависит от людей — от их таланта или тупости. Если бы державы вели себя в мировой политике согласно своим высшим национальным интересам, то никогда бы Российская империя не ввязалась в Первую мировую войну, раскачавшую всю ее государственную систему. Никогда бы Советский Союз не вскармливал в ущерб себе «социалистический лагерь», поощряя подхалимов, иждивенцев и мелкотравчатых предателей.

Недавно с супругой на выходные я слетал в Прагу — город, ради которого в МГУ в качестве «обязательного иностранного языка соцстраны» стал учить чешский язык. Пражские улочки-закоулочки всегда давали мне ощущение уюта и внутренней гармонии. Но в этот раз я был потрясен и оскорблен увиденным. На одной из центральных площадей Праги мне показали башню от легендарного танка Т-34. Того самого, что первым вошел в город, придя на помощь погибающему пражскому восстанию.

Тогда, в мае 45-го, после объявления полной и

безоговорочной капитуляции Германии, после водружения над Рейхстагом красного флага русским мальчишкам — членам экипажа тридцатьчетверки не хотелось умирать. Умирать никому неохота, а тем более после победы. Война в Европе закончилась, но немецкий гарнизон в Праге не сдался и продолжал душить восстание чехов, вдруг вспомнивших о своей свободе.

Экипаж этого русского танка, первым ворвавшегося в Прагу, погиб. После войны «благодарные» жители города поставили танк-освободитель на видный постамент. Но шло время, наступила «демократия», и аккуратные чехи тщательно вытерли ноги о память по погибшим русским мальчишкам, отдавшим свои молодые жизни за нынешнюю беззаботную жизнь Европы. Танк под свист, гогот и улюлюканье сначала перекрасили в розовый цвет, а затем и вовсе стащили с постамента, оторвали от него башню, бросили ее в клумбу, а все остальное за ненадобностью отправили в металлолом. Теперь о заусенцы от былых снарядных ран этой розовой башни чехи открывают бутылки своего знаменитого пива. Не верите? Поезжайте в Прагу и посмотрите сами.

Что после этого я должен думать о руководстве этой страны? О ее «элите»? О моральном и нравственном состоянии чешского общества? Очевидно, что я сделал для себя из этой истории с розовым танком понятные выводы. Очевидно также, что эти мои выводы повлияют на мое будущее отношение к этой стране и ее народу. Возможно, повлияют и на политику России к Чехии, если мне доведется влиять на выработку этой политики. Это я так. Для иллюстрации.

Сейчас, когда я дописываю последние страницы своей книги «Ястребы мира», я чувствую себя молодым, полным сил и идей человеком. Мне 45. За последние 25 лет я, как и миллионы моих соотечественников, пережил грандиозные, тектонические события новейшей истории России и мира. Но в отличие от многих, мне выпал шанс не просто созерцать эту историю, а принимать в ней непосредственное участие. Я видел войну, я видел на ней подлецов и героев, я видел «голубей-миротворцев», зарабатывавших на этой войне ордена и почести, но я видел и «ястребов», добывавших народам мир.

Я очень хочу, чтобы наш народ наконец научился пользоваться плодами своих побед. Мы, безусловно, великий народ, в том смысле, повторю, что ни одну свою деревеньку без боя врагу не сдавали. Но почему потом — в мирной жизни — мы возвращаемся к своим национальным порокам и бесстыдному прожиганию жизни?

Проще всего объяснить свои неудачи «происками врагов».

Враги у России, конечно, есть, но это вовсе не означает, что мы вечно будем торчать в политической изоляции, ощущая себя обложенными, как волк, флажками.

В конце концов, мы не пряник, чтобы всем нравиться. Да и другие народы сплошь и рядом друг друга не жалуют. Бытовая ксенофобия, национальная вражда, инстинкт неприятия чужаков, подозрительное к ним отношение встречаются повсюду — и в НАТО, и в Евросоюзе в том числе. Никто никого любить не обязан, но все мы обязаны научиться жить вместе в мире и уважать выбор каждого. А главный принцип, которым я руководствуюсь в дипломатии: сделай из врага нейтрала, из нейтрала — партнера, из партнера — союзника, из союзника — друга.

Я уверен, что Россия вернет себе былую мощь и авторитет. У нас талантливые люди и сверхбогатая земля. Мы — энергичные драчуны и сумеем за себя постоять. Но в России очень многое зависит от правящего в стране класса. До тех пор пока некоторые его влиятельные представители будут одержимы идеей самообогащения, рассматривая доступ к власти как средство пополнения своих карманов, ничего у нас не получится. Пора, господа, и о России-матушке подумать.

А потому следите зорко, дорогие мои ястребы мира, чтоб русская тройка не сбилась с пути!

Об авторе

Рогозин Дмитрий Олегович

Доктор философских наук, Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации.

Родился в 1963 году в Москве. С отличием окончил журфак МГУ. Работал в Комитете молодежных организаций СССР. В КПСС не состоял. В 1993 году учредил и возглавил Конгресс русских общин (КРО). В 1997 году победил на довыборах в Госдуму от Воронежской области, входил в Комиссию по импичменту Б. Ельцину.

Переизбран депутатом в 1999 году, избран председателем думского Комитета по международным делам и руководителем парламентской делегации РФ в ПАСЕ (Страсбург). В 2002–2003 годах — представитель Президента и главный переговорщик с Евросоюзом по проблеме калининградского транзита.

В 2003 году — сопредседатель избирательного блока «Родина», набравшего на выборах 9,1 % голосов. В своем округе получил рекордное количество голосов — более 79 процентов. В 2004–2006 годах — председатель партии «Родина».

В январе 2008 года указом Президента В.В. Путина назначен главой Постоянного представительства России при НАТО. В дни югоосетино-грузинского конфликта успешно противодействовал информационной войне против России.

Автор статей и книг, в том числе словаря «Война и мир в терминах и определениях» (2004) и политического бестселлера «Враг народа» (2006). Первым из российских политиков завел микроблог в сети Twitter (@Rogozin). Постоянный ньюсмейкер в отечественных и зарубежных СМИ. «Выдающийся проводник мнения России»